СТИВЕН ФРАЙ

МИФ

СТИВЕН ФРАЙ

МИФ

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ
В ПЕРЕСКАЗЕ

STEPHEN FRY

THE GREEK MYTHS RETOLD

СТИВЕН ФРАЙ

МИФ

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ В ПЕРЕСКАЗЕ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ШАШИ МАРТЫНОВОЙ

phantom press

Москва

УДК 84-9/-9
ББК 82.3 (3)
Ф82

16+

Mythos. The Greek Myths Retold by Stephen Fry
Copyright: © 2017 by Stephen Fry

Все права защищены.
Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Перевод с английского Шаши Мартыновой

Переводчик посвящает эту работу памяти Сергея Борисовича Ильина (1948–2017), многие годы блистательно переводившего книги Стивена Фрая на русский язык.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Стивен Фрай
Ф82 Миф. Греческие мифы в пересказе.— Пер. с англ. Ш. Мартыновой. — М.: Фантом Пресс, 2018. — 544 с.

Кто-то спросит, дескать, зачем нам очередное переложение греческих мифов и сказаний? Во-первых, старые истории живут в пересказах, то есть не каменеют и не превращаются в догму. Во-вторых, греческая мифология богата на материал, который вплоть до второй половины XX века даже у воспевателей античности — художников, скульпторов, поэтов — порой вызывал девичью стыдливость. Сейчас наконец пришло время по-взрослому, с интересом и здоро́во воспринимать мифы древних греков — без купюр и отведенных в сторону глаз. И кому, как не Стивену Фраю, сделать это? В-третьих, Фрай вовсе не пытается толковать пересказываемые им истории. И не потому, что у него нет мнения о них, — он просто честно пересказывает, а копаться в смыслах предоставляет антропологам и философам. В-четвертых, да, все эти сюжеты можно найти в сотнях книг, посвященных Древней Греции. Но Фрай заново составляет из них букет, его книга — это своего рода икебана. На цветы, ветки, палки и вазы можно глядеть в цветочном магазине по отдельности, но человечество по-прежнему составляет и покупает букеты. Читать эту книгу, помимо очевидной развлекательной и отдыхательной ценности, стоит и ради того, чтобы стряхнуть пыль с детских воспоминаний о Куне и его «Легендах и мифах Древней Греции», привести в порядок фамильные древа богов и героев, наверняка давно перепутавшиеся у вас в голове, а также вспомнить мифогенную географию Греции: где что находилось, кто куда бегал и где прятался. Книга Фрая — это прекрасный способ попасть в Древнюю Грецию, а заодно и как следует повеселиться: стиль Фрая — неизменная гарантия настоящего читательского приключения.

ISBN 978-5-86471-787-5

© Ш. Мартынова, перевод на русский язык, 2018
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
© “Фантом Пресс”, издание, 2018

ΓΙΑ ΤΟΝ ‘ΕΛΛΙΟΤΤ ΜΕ ΑΓ’ΑΠΗ[1]

1 Эллиотту с возвышенной любовью *(гр.)*. — *Примеч. перев.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

9

Мир греческого мифа

14

Родословное древо олимпийцев

16

НАЧАЛО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

21

НАЧАЛО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

69

ИГРУШКИ ЗЕВСА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

159

ИГРУШКИ ЗЕВСА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

251

✣ ПРИЛОЖЕНИЯ ✣
509

✣ ПОСЛЕСЛОВИЕ ✣
519

Благодарности
531

Иллюстрации
533

Оглавление
537

✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне очень повезло: книга под названием «Истории Древней Греции» попала мне в руки, когда я был еще совсем маленьким. Любовь с первой встречи. Как бы дороги ни были мне мифы и легенды других культур и народов, в греческих историях нашлось что-то, озарившее меня изнутри. Энергия, юмор, страсть, обстоятельность и достоверные подробности их мира заворожили меня сразу. Надеюсь, заворожат и вас. Возможно, то-сё из того, что найдется здесь, вам уже знакомо, но я особенно рад читателям, которые никогда прежде не встречались с героями и историями греческого мифа. Чтобы читать эту книгу, предварительно знать ничего не нужно: она начинается с пустой Вселенной. Никакого «классического образования» уж точно не потребуется — и никакого знания о разнице между нектаром

и нимфами, сатирами и кентаврами или фатами и фуриями. Ничего высокоученого или интеллектуального в греческой мифологии нет, она затягивает и развлекает, а еще она доступна и поразительно человечна.

Но откуда взялись мифы Древней Греции? Нам, вероятно, удалось бы вытянуть отдельную греческую нить из путаной истории человечества и добраться по ней до истока, однако, если выберем лишь одну цивилизацию и ее легенды, может показаться, что мы позволяем себе вольность — назначаем некий истинный корень единого мифа. Во всем мире древние искали источники силы, какие питают вулканы, бури, приливы и землетрясения. Люди праздновали смену времен года, поклонялись этому ритму, шествию небесных тел во тьме ночи и ежедневному чуду восхода солнца. Они размышляли, с чего это все началось. Коллективное бессознательное многих цивилизаций слагало рассказы о гневных богах, богах умирающих и обновляющихся, о богинях плодородия, о божествах, демонах и духах огня, земли и воды.

Разумеется, греки — не единственные, кто прял полотно легенд и преданий из путаных нитей бытия. Боги Греции, если вдаваться в археологию и палеонтологию, происходят от небесных отцов, лунных богинь и демонов «плодородного полумесяца» Месопотамии — земель современных Ирака, Сирии и Турции. У вавилонян, шумеров, аккадцев и других народов тех мест, цивилизаций, расцветших задолго до греческой, были свои рассказы о Творении и народные мифы, корни которых, в свою очередь — как и наречий, запечатлевших их, — можно

обнаружить в Индии и далее к западу, и глубже в доисторические времена, к Африке, — и к зарождению нашего биологического вида.

Но какую бы историю ни взялись мы рассказывать, для начала нить повествования придется где-то пресечь. С греческой мифологией это просто, поскольку она дошла до нас подробной, богатой, живой и красочной, и это отличает ее от других мифологий. Ее запечатлели и сберегли самые первые поэты, она дожила до наших дней благодаря непрерывной передаче из поколения в поколение чуть ли не с рождения письменности. У греческих мифов много общего с китайскими, иранскими, индийскими, майяскими, африканскими, русскими, индейскими, иудейскими и скандинавскими, однако греческие неповторимы в том, что они суть «творение великих поэтов», по словам писателя и исследователя Идит Хэмилтон. Греки — первый народ, создавший связные повествования, настоящую литературу о своих богах, чудовищах и героях.

Эволюция греческих мифов — от рассвета человечества до нашей борьбы за свободу от вмешательства богов в человеческую жизнь и цивилизацию, от их хулиганств, вторжений, самодурства. Греки перед своими богами не лебезили. Они знали о тщеславной потребности богов в преклонении и превозношении, но считали, что люди им ровня. Мифы древних греков содержат понимание: кто бы ни сотворил этот непостижимый мир со всеми его жестокостями, чудесами, капризами, красотами, безумием и несправедливостью, творцы эти сами наверняка жестоки, чудесны, капризны, прекрасны, безумны

и несправедливы. Греки создали богов по образу и подобию своему: воинственными, но изобретательными, мудрыми, но свирепыми, любящими, но ревнивыми, нежными, но лютыми, сострадательными, но мстительными.

«Миф» начинается с истока, но завершение книги — не конец мифа. Включи я в свои пересказы Эдипа, Персея, Тесея, Ясона и Геракла, например, а также подробности Троянской войны, книга оказалась бы слишком тяжелой даже для титана. Кроме того, мне интересно лишь *рассказывать* истории, а не объяснять их или же исследовать человеческие истины и психологические глубины, какие могут под этими историями залегать. Греческие

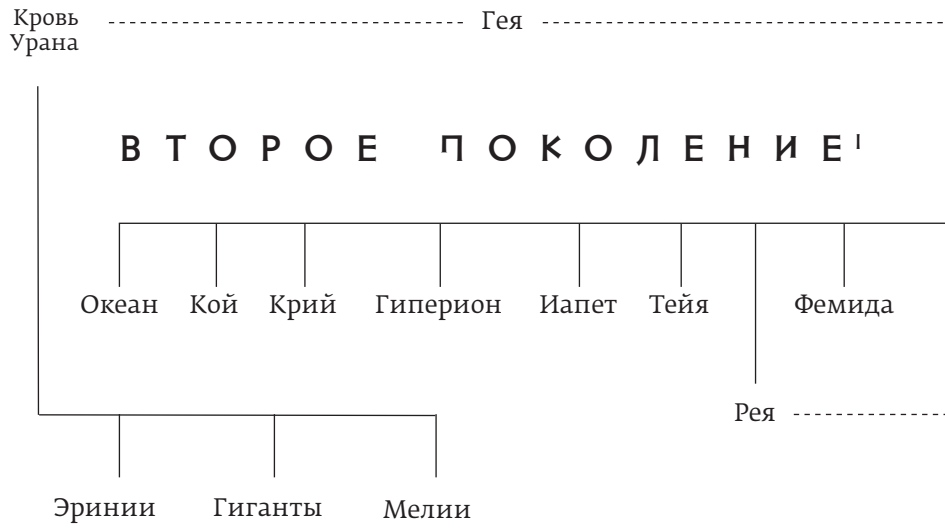
✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣

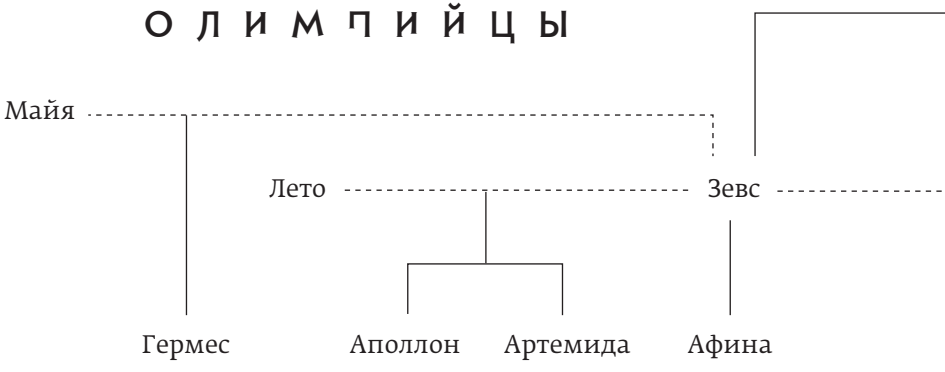
мифы и без того поражают воображение своими болезненными, ошеломительными, романтическими, комическими, трагическими, жестокими и чарующими подробностями и потому самодостаточны просто как истории. Если по мере чтения вы то и дело станете задумываться, что вдохновило греков на изобретение мира, столь богатого и насыщенного персонажами и обстоятельствами, и вас потянет размышлять о глубинных истинах, запечатленных в этих мифах, — что ж, это, несомненно, часть общего удовольствия.

А погружение в миры греческого мифа и есть сплошное удовольствие.

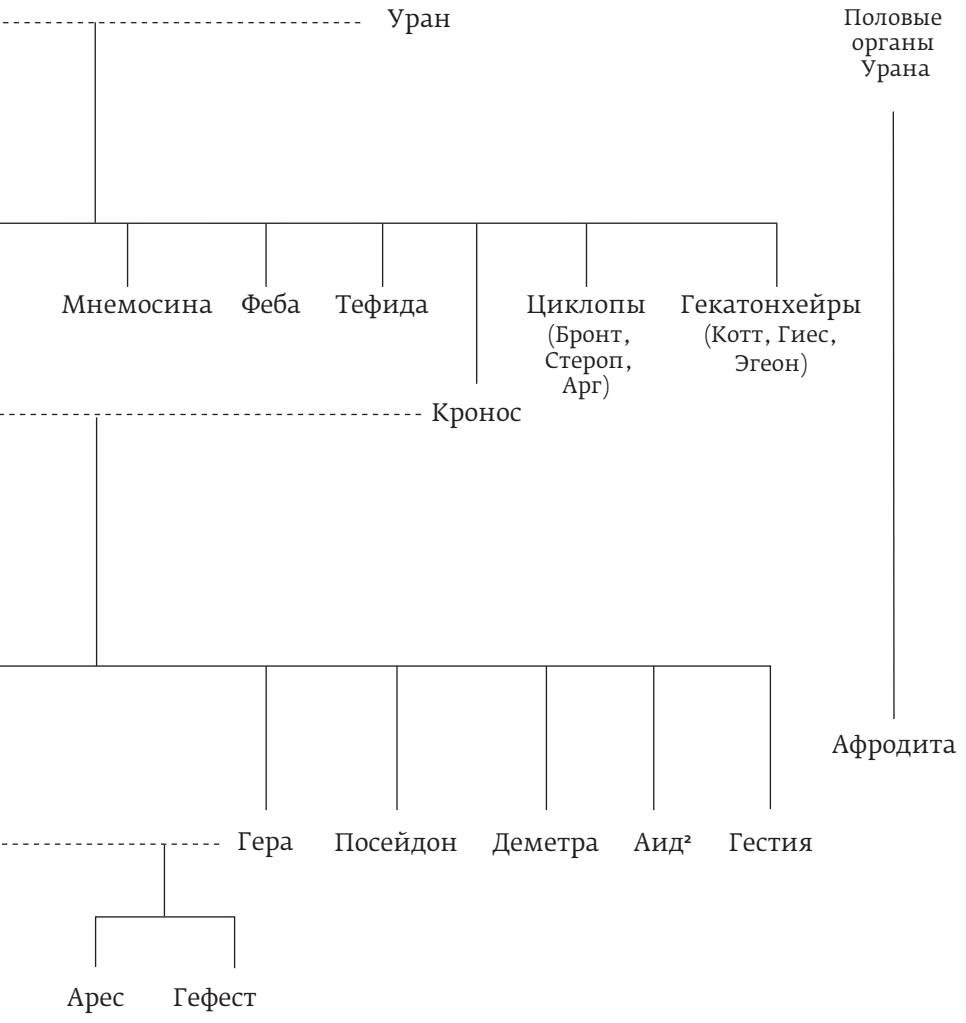
✣ ✣ ✣ ✣ СТИВЕН ФРАЙ ✣ ✣ ✣ ✣

МИР ГРЕЧЕСКОГО МИФА





1 Здесь и далее все имена персонажей, кроме случаев, оговоренных особо, приводятся по: Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1988. В некоторых случаях по: Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М.: Художественная литература, 1983. Пер. с лат. С. Шервинского. — *Примеч. перев.*



2 Говоря строго, Аид — не олимпиец: он безвылазно жил в подземном мире. — *Здесь и далее примечания автора, кроме случаев, оговоренных особо.*

НАЧАЛО

❋ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ❋

ИЗ ХАОСА

В НАШИ ДНИ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ объясняется теорией Большого взрыва — одномоментного события, породившего материю, из которой состоит всё и вся.

Древним грекам виделось иначе. По их мнению, все началось не со взрыва, а с ХАОСА.

Был ли Хаос богом — чудесным существом — или же попросту состоянием ничто? А может, Хаос, в полном соответствии с тем смыслом, какой мы ныне вкладываем в это слово, был неким жутким беспорядком — как в комнате у подростка, только хуже?

Возможно, стоит представлять себе Хаос как своего рода вселенское зияние. Как зияющую пропасть или зияющую пустоту.

Породил ли Хаос жизнь и материю из ничего, или же изрыгнул их из своего зияния, или нагрезил, или еще

как-то сотворил, мне неведомо. Меня там не было. Как и вас. И все же в некотором смысле мы там были, потому что все наши составляющие — оттуда. Довольно сказать вот что: греки считали, что именно Хаос однажды исполински поднатужился — или содрогнулся, или икнул, или стошнил, или кашлянул — и тем самым начал длинную цепочку творения, завершившуюся пеликанами и пенициллином, поганками и пипами, морскими львами, морскими же котиками, сухопутными львами, людьми, нарциссами, убийствами, искусствами, любовью, растерянностью, смертью, безумием и булочками.

Как бы ни обстояло дело в действительности, современная наука считает, что всему судьба *вернуться* к Хаосу. Эту неизбежную участь именуют *энтропией*, она — часть великого круга от Хаоса к порядку и обратно к Хаосу. Ваши брюки происходят от хаотически метавшихся атомов, которые неким манером слиплись в нечто, за многие эпохи упорядочившее себя до живой материи, та постепенно эволюционировала до растения хлопчатника, плод которого теперь входит в состав шикарной вещи, облекающей ваши прелестные ноги. Когда-нибудь вы отринете эти брюки — не тотчас, надеюсь, — и они сгниют где-нибудь на свалке или же будут сожжены. Так или иначе их материя в конце концов высвободится и станет частью земной атмосферы. А когда Солнце взорвется и прихватит с собой все до единой частицы этого мира, в том числе и составляющие ваших брюк, все атомы вернутся в холодный Хаос. И то, что применимо к вашим брюкам, применимо, разумеется, и к вам.

Словом, Хаос, с которого все началось, есть Хаос, каким все и завершится.

Не исключено, что вы из тех людей, кто задается вопросом: «Все-таки кто или что было *до* Хаоса?» или «Кто или что было *до* Большого взрыва? Что-то же должно было быть».

Так вот — нет. Мы вынуждены смириться с тем, что никакого «до» не было, потому что еще не существовало Времени. Никто не жал на кнопку запуска Времени. Никто не кричал «Поехали!». А поскольку Время нужно было создать, слова, с ним связанные — «перед», «в течение», «когда», «потом», «после обеда» и «в прошлую среду», — не имели никакого мыслимого значения. В голове это укладывается плохо, но что поделать.

Греческое слово для «вообще всего», что мы именуем Вселенной, — КОСМОС. И в данный миг — хотя «миг» есть слово, связанное со временем, и смысла в нем пока никакого (как и в слове «пока»), — в данный миг Космос есть Хаос и ничто, кроме Хаоса, поскольку Хаос есть вообще всё. Идет разминка, оркестр настраивается...

Но все того и гляди стремительно изменится.

* * * * * * * * * * * * * * * *

ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Из бесформенного Хаоса возникли два творения: ЭРЕБ и НИКТА. Эреб был тьмой, а Никта — ночью. Они тут же совокупились, и их союз принес блистательные плоды — ГЕМЕРУ, день, и ЭФИРА, свет.

В то же самое время — потому что, пока не возникло Время, отделяющее одно событие от другого, все происходит одновременно, — Хаос исторг еще две сущности: ГЕЮ, землю, и ТАРТАРА, подземные глубины и пещеры.

Догадываюсь, о чем вы думаете. Вроде славные это творения — День, Ночь, Свет, Глубины и Пещеры. Но они же не боги и не богини — даже не личности. А еще, возможно, вы заметили, что, раз времени не существовало, не могло быть и повествования о событиях, историй: истории прочно привязаны к «однажды» и «дальше было так».

Вы правы. Все, что возникло из Хаоса первым, — это простые стихии, в них не было никакого настоящего характера, нрава или примечательности. То были ПЕРВИЧНЫЕ БОЖЕСТВА, первое поколение божественных существ, от которых произошли все боги, герои и чудовища древнегреческого мифа. Эти первичные божества созерцали всё и располагались под всем... выжидали.

Безмолвная пустота этого мира наполнилась, когда Гея сама родила двоих сыновей[1]. Первый — ПОНТ, море, второй — ОУРАН, небо; мы привыкли называть его Ураном, и это имя дарит премного веселья детям от девяти до девяноста[2]. Гемера и Эфир тоже совокупились, и из их союза возникла ТАЛАССА, женская ипостась моря-Понта.

Уран, предпочитавший называть себя Ураноóсом, *сам был* небесами в том смысле, в каком поначалу все первичные божества всегда *были* тем, что воплощали и чем управляли[3]. Можно сказать, что Гея была землей холмов, долин, гротов и гор, но при этом могла принимать некие конечные очертания, способна была ходить и разговаривать. Облака Урана-неба клубились и летели над ней, но тоже могли сгущаться в некую опознаваемую фигуру. То было самое начало всего. Мало что устоялось пока.

1 Фокус-покус непорочного зачатия, или *партеногенеза*, все еще попадается в живой природе. У тлей, некоторых ящериц и даже у акул это довольно распространенный способ обзаводиться потомством. Изменчивости, какую придают организмам два набора хромосом, не будет, что верно и для генезиса греческих богов: все интересные боги — порождение двух родителей, а не одного.

2 По-английски это слово созвучно словосочетанию «твой (ваш) анус» (*your anus*). — *Примеч. перев.*

3 Само собой, греческое слово *ouranos* до сих пор означает «небо».

✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Уран-небо повсюду покрывал мать свою Гею-землю. Покрывал он ее в обоих смыслах: так, как небеса по сей день покрывают Землю, — и как жеребец, покрывающий кобылу. Благодаря этому случилось нечто замечательное. *Родилось Время*.

Кроме того, родилось и еще кое-что... как бы это назвать? Нрав? Действие? Личность? Характер — со всеми его слабостями и пороками, метаниями и страданиями, позами и грезами. Родился смысл, можно сказать. Осеменение Геи подарило нам смысл, претворение мысли в осязаемые черты. Сущностная семантическая семиология из семени небесного. Эти рассуждения я оставлю тем, кто для них лучше подготовлен, однако миг был тем не менее великий. В сотворении и совокуплении с Ураном, собственным сыном, а теперь и мужем, Гея запустила эстафету

жизни, что позднее привело к истории человечества и к нам самим — к вам и ко мне.

С самого начала союз Урана и Геи был замечательно плодовит. Сперва появились двенадцать крепких, здоровых ребятишек — шесть мальчиков и шесть девочек. Мальчики — ОКЕАН, КОЙ, КРИЙ, ГИПЕРИОН, ИАПЕТ и КРОНОС. Девочки — ТЕЙЯ, ФЕМИДА, МНЕМОСИНА, ФЕБА, ТЕФИДА и РЕЯ. Этой дюжине суждено было стать Вторым Поколением божественных существ, впоследствии овеянных легендарной славой.

С возникновением Времени где-то пошли часы — часы космической истории, что тикают и по сей день. Возможно, все подстроил кто-то из тех первых младенцев, — разберемся с этим чуть погодя.

Не удовлетворившись рождением этих двенадцати сильных красивых братишек и сестренок, Уран с Геей подарили миру еще потомство: две примечательные, но примечательно *не*красивые тройни. Первыми увидели свет три ЦИКЛОПА — одноглазых великана, благодаря которым у их отца-неба возник целый новый набор выразительных средств. Старшего циклопа назвали БРОНТОМ — громом[1], вторым появился СТЕРОП — молния, а следом АРГ — яркость. Уран теперь мог насыщать небеса вспышками и сокрушительным грохотом. Он упивался и звуками, и зрелищем. Но из-за второй тройни, рожден-

1 В честь Бронта был назван бронтозавр, или «громовой ящер». Сестры-романистки из Йоркшира, *возможно*, тоже. Фамилия их отца была Бранти, но он сменил ее на Бронте — вероятно, ради того, чтобы добавить своей ирландской фамилии грохота античного грома, а может, в честь адмирала Нелсона, которого сделали герцогом Бронте: герцогство располагалось на склонах Этны и, считается, обязано своим именем циклопу, дремлющему под горой.

ной Геей, Уран содрогнулся еще сильнее — содрогнулись и все, кто их видел.

Вероятно, деликатнее всего было бы сказать, что состоялась экспериментальная мутация, которую лучше не повторять, генетический тупик. У этих новорожденных — ГЕКАТОНХЕЙРОВ[1] — было по пятьдесят голов и по сто рук, а сами они — могучие, безобразнейшие, свирепейшие, жесточайшие из всех рожденных существ. Звали их КОТТ — яростный, ГИЕС — долгорукий, и ЭГЕОН — морской козел, его еще именуют БРИАРЕЕМ — могучим. Гея их обожала. Урана от них воротило. Может, больше всего его устрашала мысль, что он, Владыка Неба, породил таких странных и уродливых существ, но, думаю я, отвращение его — как и любая ненависть — коренилось в страхе.

Преисполнившись гадливостью, он проклял эту тройню: «За то, что оскорбили вы взор мой, не видать вам больше света!» Проревев эти яростные слова, он запихнул их — и циклопов заодно — обратно в утробу Геи.

❋ МЕСТЬ ГЕИ ❋

НАШ ИНТЕРЕС, ЧТО ЭТО НА САМОМ ДЕЛЕ означает — «запихнул в утробу Геи», — объясним. Некоторые считают, что это значит «погреб гекатонхейров в земле». Натура божеств в ту раннюю пору была текуча: в какой мере бог был личностью, а в какой — свойством,

1 «Гекатон» означает «сто», а «хейры» происходит от слова «руки» (как в слове «хиропрактик»).

сказать трудно. В те времена прописных букв не придумали. Мать-земля Гея была той же *геей*, то есть самой землей; также и *уран*-небо, и Уран Небесный Отец — одно и то же.

Ясно одно: подобное обращение с собственными чадами-гекатонхейрами и отвратительная жестокость к супруге стали первым преступлением Урана. Первичный проступок, который не остался безнаказанным.

Муки Геи оказались невыносимыми, а внутри нее, рядом с троицей метавшихся, буянивших и в триста рук скребшихся — а также в сто пятьдесят голов бодавшихся — гекатонхейров, возникла ненависть, жутчайшая и неутолимая ненависть к Урану — сыну, которого Гея родила, и мужу, с которым зачала целое новое поколение. И словно плющ, обвивающий древесный ствол, вырос замысел мести.

Страдая сокрушительной болью от гекатонхейров, не унимавшихся внутри нее, Гея отправилась к Офрису, великой горе, расположенной в центральной Греции; эти места мы теперь называем Фтиотидой. С вершины этой горы открывается вид на равнину Магнисии, омываемой синими водами западного Эгейского моря, где они плещутся в Малиакском заливе и окружают спорадическую россыпь островов, именуемую Спорадами. Но Гею полностью поглотили мука и ярость, и потому один из красивейших видов на свете был ей не мил. На вершине Офриса она принялась тесать из скалы необычайный и ужаснейший предмет. Девять дней и девять ночей трудилась она и наконец спрятала свое творение в расселине.

Затем навестила дюжину своих прекрасных, сильных детей.

— Убьешь ли ты отца своего Урана и станешь ли править Космосом вместе со мной? — спросила она каждого. — Унаследуешь небо, и все сотворенное будет в наших владениях.

Вероятно, мы представляем себе Гею — Мать-землю — нежной, благой, изобильной и доброй. Что ж, иногда она такая и есть, но не будем забывать: внутри у нее огонь. Временами она бывает жестокой, суровой и устрашающей — похлеще самого бурного моря.

Кстати, о морском царстве: первыми детьми, которых Гея попыталась склонить на свою сторону, оказались Океан и его сестра Тефида[1]. Но у того с Талассой, первичной богиней моря, в самом разгаре был спор за долю в океанах. Все их поколение в то время разогревало мышцы, определяло ведомства и сферы влияния, они цапались между собой, рычали друг на друга и пробовали свои силы и власть, словно щенки в корзине. Океан замыслил сотворить приливы и течения, чтобы неслись великой соленой рекой вокруг всего мира. Тефида собиралась родить Океану ребенка — в ту далекую пору грехом это не считалось, конечно: без кровосмесительных союзов никакого размножения не получилось бы. Тефида забеременела НИЛОМ — рекой и далее родит все прочие реки и по крайней мере три тысячи океанид, или морских нимф, — миловидных божеств, способных перемещаться с одинаковой легкостью и посуху, и по водам морским. У Океана с Тефидой

1 Тетис — название, которое палеогеографы дали великому древнему морю — предшественнику Средиземного. [Тетис — исходный греческий вариант имени этой богини. — *Примеч. перев.*]

уже имелось две взрослых дочки: КЛИМЕНА, возлюбленная Иапета, и сообразительная и мудрая МЕТИДА, которой в дальнейшем предстоит сыграть очень важную роль[1]. Пара была счастлива и предвкушала жизнь на океанской волне, и потому ни Океан, ни Тефида не сочли нужным помогать в убийстве собственного отца Урана.

Следом Гея посетила Мнемосину — та изо всех сил старалась остаться невыговариваемой. Казалась она очень поверхностным, глупым и дремучим существом, ничего не знавшим, а понимавшим еще меньше. Но как бы не так: каждый день она становилась все смышленее и смышленее, все осведомленнее и способнее. Ее имя означает «память» (откуда происходит и знакомая нам «мнемоника»). Когда же к ней заявилась Гея, мир и Космос были еще совсем юными и Мнемосине не выдалось случая набраться знаний или сноровки. С годами ее беспредельная способность накапливать данные и чувственный опыт сделает ее мудрее едва ли не всех на свете. Придет время, и она родит девять дочек — МУЗ, с которыми мы еще познакомимся.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе убить Урана? Так наверняка же Отец-небо бессмертен?

1 Поскольку океанид было тысячи три, без толку их перечислять — даже если бы все их имена были известны. Однако следует представить вам КАЛИПСО, АМФИТРИТУ и сумрачную, устрашающую СТИКС, которая, как и брат ее Нил, станет божеством очень важной реки. Еще одна океанида заслуживает упоминания — исключительно из-за ее имени: ДОРИДА. Океанида Дорида. Она составила пару морскому богу НЕРЕЮ, и вместе они родили толпу НЕРЕИД — дружелюбных морских нимф. [В европейских языках Дориду именуют Дорис; это довольно распространенное женское имя и предмет для шуток, поскольку, в частности, в известной детской словесной игре «Тук-тук! Кто там?» есть вариант ответа «Дорис» и дальнейшее развитие этой шутки, основанное на созвучии со словосочетанием *door is* (дверь есть). — *Примеч. перев.*]

— Хотя бы сбросить с престола или вывести из строя... он большего не заслуживает.

— Не помогу.

— Почему?

— Тому есть причина, и когда я ее узнаю — вспомню и не забуду тебе сообщить.

Раздосадованная Гея двинулась дальше — к Тейе. Тейя тоже состояла в паре с близким родственником — своим братом Гиперионом. Позднее она родит ГЕЛИОСА — Солнце, СЕЛЕНУ — Луну, а также ЭОС — рассветную зарю; у нее полон рот родительских забот, а потому и эта пара особого интереса к затее Геи по устранению Урана не проявила.

Отчаявшись из-за отказа отпрысков, вялых и скучных, стремиться к божественному уделу, какой она для них мыслила, — не говоря уже об отвращении к тому, какими залюбленными и одомашненными они ей показались, — Гея попытала судьбу с Фебой, вероятно, самой умной и прозорливой из всей дюжины. С младых ногтей сиятельная Феба проявляла дар предвидения.

— Ой нет, Мать-земля, — сказала она, выслушав Гею. — В этом замысле я никакого участия не приму. Предвижу одно лишь недоброе от него. Кроме того, я беременна...

— Да чтоб тебя! — рявкнула Гея. — От кого? От Коя небось.

И не ошиблась: брат Фебы Кой и был ее супругом. Еще более разъяренная Гея ринулась прочь, к оставшимся отпрыскам. Ну хоть у кого-то же кишка не тонка ввязаться в борьбу?

Заглянула к Фемиде, которую позднее станут повсеместно считать воплощением справедливости и мудрого совета[1], и та мудро посоветовала матери выбросить из головы неправедную мысль о свержении Урана. Гея внимательно выслушала мудрый совет и — как все мы, хоть смертные, хоть нет, — отмахнулась от него, решив испытать отвагу своего сына Крия, состоявшего в союзе с дочерью Геи от Понта — ЭВРИБИЕЙ.

— Убить отца? — Крий уставился на мать в недоумении. — Н-но как... В смысле... за что? В смысле... ой.

— А нам-то что с этого, мама? — спросила Эврибия, известная как «сердце — камень».

— Ой, да весь мир и все, что в нем есть, — сказала Гея.

— И делить это все с тобой?

— Делить это все со мной.

— Нет! — сказал Крий. — Уходи, мама.

— Тут есть о чем подумать, — сказала Эврибия.

— Слишком опасно, — сказал Крий. — Запрещаю.

Гея ощерилась — и ушла к своему сыну Иапету.

— Иапет, милый ребенок. Сокруши чудовище Урана и правь со мной!

Голос подала океанида Климена, родившая Иапету двоих сыновей и беременная третьим.

— Что это за мать такая, если предлагает подобное? Сыну убить собственного отца — страшнейшее преступление. Весь Космос на уши встанет.

— Не могу не согласиться, мам, — сказал Иапет.

1 Фемида позднее стала символом закона, справедливости, обычая — морали и правил, регулирующих поведение и поступки людей.

— Будь проклят и ты, и дети твои! — рявкнула Гея.

Материнское проклятие — жуткая штука. Мы еще убедимся, как досталось на орехи детям Иапета и Климены — АТЛАНТУ, ЭПИМЕТЕЮ и ПРОМЕТЕЮ.

Рея, одиннадцатый ребенок, с кем Гея переговорила, ответила, что сама не станет лезть, однако — вскинув руки навстречу зверскому шквалу материнских оскорблений — предположила, что брату Кроносу, последнему из сильных красивых детишек, затея избавиться от папаши может и понравиться. Она, Рея, много раз слышала, как Кронос клянет Урана и его власть.

— Неужели? — вскричала Гея. — Правда? И где же он?

— Наверное, мыкается по пещерам Тартара. Они с Тартаром очень ладят. Оба сумрачные. Унылые. Угрюмые. Устрашающие. Жестокие.

— О боже, только не говори, что влюблена в Кроноса...

— Замолви за меня словечко, мамуль, а? Он такой мечтательный. Ах эти черные пылкие очи. Грозовые брови. Долгие молчания.

Гея всегда считала, что долгие молчания ее младшенького — признак неразвитого интеллекта, не более, однако благоразумно воздержалась от комментариев. Уверив Рею, что, конечно же, она от души порекомендует ее Кроносу, Гея устремилась вниз, вниз, вниз, в пещеры Тартара.

Если уронить бронзовую наковальню с небес, до земли она будет лететь девять дней. Если бросить ту же наковальню с земли, Тартара она достигнет за те же девять дней. Иными словами, земля находится на полпути между небом и Тартаром. Или, скажем так, от Тартара до земли

столько же, сколько от земли до неба. Короче, очень глубоко это место, пропасть, однако оно не просто какое-то место. Не забывайте, что Тартар — тоже первичная сущность, возникшая из Хаоса одновременно с Геей. И потому, когда та явилась к нему, они встретились как родственники.

— Гея, ты растолстела.

— Ты выглядишь ужасно, Тартар.

— Какого ада тебе тут надо?

— Заткнись ненадолго — и я тебе расскажу...

Подобные колкости не помешают им позднее совокупиться и родить ТИФОНА — жутчайшее и убийственнейшее из всех чудищ[1]. Но сейчас Гея не в настроении ни для любовных утех, ни для обмена оскорблениями.

— Слушай-ка. Сынок мой Кронос не тут ли?

Брат обреченно вздохнул.

— Почти наверняка. Велела б ты ему оставить меня в покое. Весь день только и делает, что таращится на меня этими своими воловьими глазами, раззявивши рот. Кажется, у него ко мне некая мужская влюбленность. Прически носит как у меня да подпирает собой деревья и валуны, весь несчастный, неприкаянный и непонятый. Словно ждет, чтобы с него картину писали или вроде того. Когда не пялится на меня — вперяется вон в тот лавовый колодец. Там он сейчас и есть, смотри. Вложи ему ума, будь любезна.

Гея направилась к сыну.

1 От имени Тифон происходят наши «тиф», «тифозный», а также название убийственного тропического шторма — тайфуна. Позднее мы познакомимся с двумя отвратительными отпрысками Тифона, порождениями полуженщины-полузмеи по имени ЕХИДНА.

✵ СЕРП ✵

Вообще-то Кронос (или Крон, как он иногда представлялся) не был таким уж страдающим и уязвимым эмо-юношей, каким мы могли бы его себе вообразить со слов Реи и Тартара: Кронос — сильнейший в своем и без того невообразимо сильном племени. Сумрачно красив он был, это уж точно, и угрюм, да. Окажись у него примеры для подражания, в самом погруженном в себя состоянии он, вероятно, отождествлялся бы с Гамлетом, а в самом необузданно мрачном — с Жаком[1]. Константин из «Чайки» с намеком на Моррисси[2]. Было в нем, впрочем, и кое-что от Макбета — и ой как немало от Ганнибала Лектера, в чем нам еще предстоит убедиться.

Кронос первым на свете установил, что сумрачное молчание зачастую считается признаком силы, мудрости и уверенности в себе. Младший из дюжины братьев и сестер, отца он ненавидел всегда. Глубокий, всепроникающий яд зависти и обиды уже начал разъедать ему рассудок, но Кроносу удавалось скрывать силу своей ненависти от всех — кроме обожавшей его сестры Реи: та была единственным членом семьи, кому Кронос осмеливался показывать свое истинное лицо.

1 Персонаж одной из ранних комедий Уильяма Шекспира «Как вам это понравится», там его именуют «печальным Жаком» (цит. по пер. В. Левика). В уста Жака Шекспир вложил монолог «Весь мир — театр». — *Примеч. перев.*

2 Стивен Патрик Моррисси (р. 1959) — британский музыкант и поэт, сооснователь и вокалист британской рок-группы The Smiths (1982–1987); далее выступал сольно. — *Примеч. перев.*

Пока они выбирались из Тартара наверх, Гея влила в его восприимчивые уши еще больше яду.

— Уран жесток. Он безумен. Опасаюсь и за себя, и за всех вас, мои возлюбленные чада. Идем же, мой мальчик, идем.

Она привела его на гору Офрис. Помните причудливый и ужасный предмет, о котором я вам рассказал? Который Гея создала и спрятала в горной расселине перед тем, как отправиться навещать детей? Сейчас Гея привела Кроноса к тому месту и показала ему свое творение.

— Бери. Смелее.

Кронос осмыслил очертания и суть этого странного предмета, и черные глаза младшего отпрыска Геи заблестели.

Это был серп. Исполинское орудие, с искривленным лезвием из адамантина[1], что означает «неукротимый». Здоровенный инструмент из серого камня, гранита, алмаза и офиолита[2], полумесяц лезвия заточен до предела. Такая кромка рассечет что угодно.

Кронос поднял орудие из укрытия с той же легкостью, с какой мы с вами подняли бы карандаш. Оценив уравновешенность клинка и его тяжесть на руке, Кронос взмахнул серпом раз-другой. От мощного посвиста, разорвавшего тишину, Гея улыбнулась.

— Кронос, сынок, — сказала она, — нужно подождать, пока Гемера с Эфиром нырнут в воды на западе, а Эреб и Никта изготовятся выпустить сумрак...

1 Алмазный шпат. — *Примеч. перев.*

2 *От греч.* όφις — змея и λίθος — камень, другое название группы пород серпентинитов (змеевиков). — *Примеч. перев.*

— Короче, нужно подождать до вечера. — Кронос не отличался ни терпением, ни поэтической жилкой, ни тонкостью чувств.

— Да. Вечерней поры. Тогда по своему обыкновению явится ко мне твой отец. Любо ему...

Кронос отрывисто кивнул. Подробности родительских любовных утех ему знать не хотелось.

— Спрячься здесь, в той же расселине, где я хранила серп. Когда услышишь, что покрыл меня твой отец, когда зашумит он рыками страсти и стонами вожделения — нападай.

✵ НОЧЬ И ДЕНЬ, ✵ СВЕТ И ТЬМА

Как и предсказала Гея, Гемера с Эфиром устали за двенадцать часов игры и постепенно День и Свет соскользнули на запад, в море. В то же время Никта выпростала темное покрывало, и вместе с Эребом они набросили его, как переливчатую черную скатерть, на весь мир.

Кронос ждал в расселине с серпом в руке, и все мироздание затаило дух. «Все мироздание» я употребил неслучайно: Уран, Гея и их отпрыски не были единственными способными к размножению. Прочие тоже плодились и размножались, и самыми плодовитыми пока оставались Эреб и Никта. У них завелась уйма детей, некоторые жуткие, некоторые милые, а некоторые чарующие. Мы уже знаем, что эта пара зачала Гемеру и Эфира. Но следом

Никта уже без участия Эреба сотворила МОРА[1], или же Погибель, которому суждено было стать самой устрашающей сущностью в мироздании. Погибель приходит ко всему живому, и к смертному, и к бессмертному, но всегда тайком. Даже бессмертные страшились всесильной, всезнающей власти Погибели над Космосом.

За Мором последовала целая лавина потомков, один за другим — словно чудовищный воздушный десант. Первой явилась на свет АПАТА — Ложь, которую римляне именовали ФРАУС (от ее имени происходят слова fraud, fraudulent и fraudster[2]). Она улепетнула на Крит, где и стала ждать своего часа. Следом родился ГЕРАС, Старость, — не такой уж и кошмарный демон, каким может казаться нам теперешним. Да, Герас отнимает гибкость, молодость и подвижность, но греки более чем довольны тем, что он дает взамен: достоинство, мудрость и авторитет. Его римское имя — СЕНЕКТ, у этого слова тот же корень, что и в словах «сеньор», «сенат» и «сенильный».

Далее появились совершенно жуткие близнецы: ОЙЗИС (на латыни МИЗЕРИЯ) — дух Несчастья, Печали и Тревоги и ее жестокий братец МОМ — злобное воплощение Насмешки, Злословия и Хулы[3].

Никта и Эреб только-только вошли во вкус. Их следующее чадо, ЭРИС (ДИСКОРДИЯ) — Раздор, стоит за любыми разногласиями, разводами, скандалами, стычка-

1 Это имя приведено по: *Гесиод*. Теогония (О происхождении богов)/Пер. В. Вересаева. М., 1963. — *Примеч. перев.*

2 Мошенничество, мошеннический, мошенник *(англ.)*. — *Примеч. перев.*

3 Мому (МОМУСУ у римлян) будут поклоняться литературно-трагикомически — как духу-покровителю сатиры. Эзоп включил его в некоторые свои басни; Мом — герой одной утраченной пьесы Софокла.

ми, потасовками, сражениями и войнами. Именно ее злокозненный свадебный дар — легендарное «яблоко раздора» — привел к Троянской войне, хотя ждать этого эпохального скрещения оружия предстояло еще очень-очень долго. Сестра Раздора НЕМЕЗИДА — воплощенное Воздаяние, тот безжалостный извод космической справедливости, что карает спесивую, непомерную гордыню — грех, который греки назвали «гибрис»[1]. У Немезиды есть кое-что общее с восточными представлениями о карме: Немезиду мы вспоминаем, когда речь заходит о том, что высокомерная злая воля рано или поздно встретит роковое заслуженное воздаяние и будет им повержена. Думаю, можно было бы сказать, что Холмс — немезида для Мориарти, Бонд — для Блофилда, а Джерри — для Тома[2].

Эреб и Никта породили и ХАРОНА, чья дурная слава окрепла, когда он взялся выполнять обязанности паромного перевозчика мертвых. ГИПНОС, воплощение Сна, родился у этой же пары. Как и ОНИРЫ — тысячи существ, занятых творением грез и доставкой их спящим. Среди ониров по именам известны ФОБЕТОР — бог кошмаров, и ФАНТАЗ, отвечающий в снах за причудливость превращений предметов друг в друга. Они трудились под присмотром сына Гипноса по имени МОРФЕЙ, что намекает на метаморфозы, перемену очертаний в мире грез[3]. «Морфий», «фантазия», «гипнотический», «онейромантия»

1 Также «хюбрис». — *Примеч. перев.*

2 Римляне — вероятно, по ошибке, — именовали Немезиду ИНВИДИЕЙ, что на латыни также означает «зависть».

3 В комиксе Нила Геймана «Песочный человек» есть персонаж Морфей; он же вдохновил на создание персонажа Морфеуса в фильме Вачовски «Матрица», сыгранного Лоренсом Фишбёрном.

(толкование сновидений) — в наших языках выжили эти и многие другие словесные потомки греческих снов. Брат Сна ТАНАТОС — сама Смерть — одарил нас словом «эвтаназия», то есть «благая смерть». Римляне назвали его МОРСОМ, от него происходят слова mortals, mortuaries и mortification[1].

Эти новые существа оказались устрашающими и омерзительными донельзя. Они оставили на всем сотворенном кошмарный, но неизбежный отпечаток, поскольку мир, судя по всему, не способен породить ничего приличного, не выдав при этом какую-нибудь гнусную противоположность.

Есть, впрочем, и три обаятельных исключения[2]: три красавицы-сестры ГЕСПЕРИДЫ — нимфы запада, дочери вечера. Они возглашают ежедневное прибытие их матери и отца мягким золотым сиянием, а не жуткой чернотой ночи. Их время кинооператоры именуют «волшебным часом», когда свет самый завораживающий и прекрасный.

Такие вот были отпрыски Никты и Эреба; эта пара в данный миг укрывает землю тьмой ночи, покуда Гея лежит в ожидании своего супруга — в последний, надеется она, раз, а Кронос таится в тенях той самой расселины в горе Офрис, крепко сжимая в руке исполинский серп.

1 Смертные, морги, умерщвление (*англ.*); в славянских и др. европейских языках корень появился, судя по всему, из др.-инд. (*mṛtiṣ*). — *Примеч. перев.*

2 Возможно, даже четыре. Гипнос тоже, если вдуматься, не такой уж гадкий. Чем дольше живешь, тем больше им проникаешься. К слову о долгой жизни: наверное, и Герас тоже не ужасен. Итого пять.

✵ УРАН ОСКОПЛЕННЫЙ ✵

НАКОНЕЦ ГЕЯ И КРОНОС УСЛЫШАЛИ с запада великий топот и рокот. Листва на деревьях затрепетала. Кронос, безмолвно замерев в своем укрытии, остался бестрепетен. Приготовился.

— Гея! — проревел Уран, приблизившись. — Крепись. Нынче мы породим что-нибудь получше сторуких мутантов и одноглазых уродов...

— Приди же ко мне, достославный сын, божественный супруг! — вскричала Гея, а Кронос счел это пошлым, но убедительным проявлением пыла.

Послышались слюнявые чмоки, хлопки и кряхтение сладострастного божества, из которых Кронос сделал вывод, что его отец принялся за некую любовную прелюдию.

Сидя в своей нише, Кронос сделал пять вдохов и выдохов. Ни единого мига не оценивал он нравственной стороны того, что собирался предпринять, — в мыслях он полностью сосредоточился на тактике и расчетах времени. Глубоко вдохнув, он вскинул великий серп и стремительно вышел из укрытия.

От неожиданности сердито рыкнув, Уран, изготовившийся возлечь на Гею, вскочил на ноги. Спокойно двинувшись на отца, Кронос занес серп и рубанул им наотмашь. Лезвие, свистнув, начисто отсекло Урану половые органы.

Весь Космос услышал безумный вопль Урана — боли, страдания и ярости. Никогда за краткую историю творения

не звучало в нем ничего громче и ужаснее. Все живое вняло — и устрашилось.

Кронос скакнул вперед и с непристойным победным кличем поймал в ладони истекавший кровью трофей прежде, чем тот долетел до земли.

Уран рухнул, корчась в бессмертной агонии, и провыл такие слова:

— Кронос, коварнейший среди потомков моих и коварнейший среди всего созданного. Худшая тварь, омерзительнее уродливых циклопов и отвратительных гекатонхейров, сим проклинаю тебя. *Пусть дети твои сокрушат тебя, как сокрушил меня ты*.

Кронос глянул на Урана. В черных глазах не высветилось ничего, однако рот искривила недобрая ухмылка.

— Нет в тебе силы проклятия, папуля. Твоя сила — в моих руках.

И он потряс у отца перед глазами жуткой добычей, истерзанной и замаранной кровью, сочившейся семенем, осклизлой. Хохоча, он размахнулся и зашвырнул отсеченную плоть далеко-далеко, прочь с глаз. Пролетела она над равнинами Греции и упала в темневшее море. Все трое смотрели, как Урановы органы порождения исчезли в пучине вод.

Повернувшись к матери, Кронос удивился: Гея прикрыла рот рукой — словно бы в ужасе. Из глаз ее текли слезы.

Кронос пожал плечами. Ей-то что.

✵ ЭРИНИИ, ✵ ГИГАНТЫ И МЕЛИИ

В ТУ ПОРУ МИРОЗДАНИЕ, НАСЕЛЕННОЕ ПЕРВИЧНЫМИ божествами, посвящавшими, похоже, все силы и намерения воспроизводству, было наделено потрясающей плодовитостью. В почвы, щедро благословленные плодородием, можно было, кажется, воткнуть карандаш, и тот мгновенно покрылся бы цветами. Там, куда пала божественная кровь, жизнь вынуждена была переть из земли.

А потому, каким бы кровожадным, жестоким, алчным и разрушительным ни был по натуре Уран, он, как ни крути, владыка мироздания. Сын изуродовал, оскопил его — и тем самым совершил самое страшное преступление против Космоса.

Наверное, дальнейшие события не слишком уж неожиданны.

На месте оскопления Урана собрались обширные лужи крови. Из той крови, что натекла из паха Урана, возникли живые существа.

Первыми из пропитанной кровью земли выбрались ЭРИНИИ — их еще называют фуриями: АЛЕКТО (безжалостная), МЕГЕРА (ревнивая ярость) и ТИСИФОНА (возмездие). Быть может, этих мстительных существ призвал к жизни бессознательный инстинкт Урана. Их вечный долг, с мига их хтонического, то есть «из земли», рождения, — наказывать худшие и лютейшие преступления: неустанно отыскивать преступников и успокаиваться

лишь после того, как виновный уплатит полную — и страшную — цену. Вооруженные зверскими металлическими бичами, фурии сдирали саму плоть с костей провинившегося. Греки со свойственной им иронией дали этим мстительницам прозвище ЭВМЕНИДЫ, или «благодетельницы».

Следом из земли возникли ГИГАНТЫ. Современные языки унаследовали от них «гигант», «гига-» и «гигантский», но, хотя были они и впрямь поразительно сильными, стать у них была та же, что и у их сводных братьев и сестер[1].

И наконец, в тот миг боли и разрушения родились МЕЛИИ, изящные нимфы, которым предстоит сделаться хранительницами ясеня, чья кора источала сладкую целительную манну[2].

Когда вся эта живность вылезла из пропитанной кровью земли, Кронос зыркнул на них с отвращением и разогнал одним махом серпа. Затем повернулся к Гее.

— Я обещал тебе, Мать-земля, — сказал он, — что освобожу тебя от изнурительной муки. Стой смирно.

И еще одним взмахом серпа он распорол Гее бок. Вывалились циклопы и гекатонхейры. Кронос оглядел роди-

1 Их имена означают не размер, а хтоническое происхождение — «порожденные землей», «Гея-ген», если точнее. Имя Геи, между прочим, в позднейшем греческом укоротилось до «Ге». Она по-прежнему с нами — в науках о земле, например в «геологии» и «географии», не говоря уже о современных экологических исследованиях, вернувших ей полное имя: Джеймз Лавлок и его популярная «гипотеза Геи» — показательный пример. [Джеймз Эфрэйм Лавлок (р. 1919) — британский ученый, независимый исследователь в областях химии, биологии, медицины, экологии, автор гипотезы Геи (1970-е), согласно которой Земля есть живой саморегулирующийся сверхорганизм. — *Примеч. перев.*]

2 В честь богатого сахарами маннового ясеня, который до сих пор произрастает в Южной Европе, получил свое название подсластитель маннитол.

телей — оба они, окровавленные, пыхтели и рычали, как сердитые раненые звери.

— Не крыть тебе больше Гею, — сказал он отцу. — Изгоняю тебя вечно жить под землей, глубже Тартара. Дуйся там и злись, оскопленный, бессильный.

— Ты зарвался, — процедил Уран. — Впереди воздаяние. Проклинаю жизнь твою, пусть тянется она целую безжалостную беспредельность, невыносимым бременем вечности без всякого конца. Твои дети сокрушат тебя, как...

— Как сокрушил тебя я. Знаю-знаю. Ты уже говорил. Это мы еще посмотрим.

— Ты, и братья твои, и сестры, проклинаю вас всех — ваши надрывные усилия вас же и уничтожат.

«Рвущийся к цели, надрывающийся», или же ТИТАН, — прозвание Кроноса, его одиннадцати братьев и сестер и (большинства) их потомства. Уран мыслил это определение оскорбительным, однако почему-то оно сохранилось в веках с призвуком величия. Никто пока на титул «титан» не обиделся.

Кронос воспринял эти проклятия с ухмылкой и, подгоняя кончиком серпа, отвел изувеченного отца и только что высвобожденных братцев-мутантов в Тартар. Гекатонхейров и циклопов он упек в пещеры, а отца погреб еще глубже — как можно дальше от небес, его родных владений[1].

1 Одно утешение сверженному Отцу-небу: планета Уран названа в его честь; остальные планеты принято называть древне*римскими* именами богов, которых они воплощают.

Сумрачный, мятущийся и яростный, Уран, сидя в глубинах земли, что когда-то любила его, сгустил все свое бешенство и божественную силу в горную породу — в надежде, что в один прекрасный день какое-нибудь копающее существо выроет его и попытается укротить бессмертную мощь, лучащуюся из этой породы. Такого, само собой, никогда не произойдет. Слишком опасно. Настолько глупому племени, какое решится высвободить силу атомов урана, пока лишь предстоит родиться, правда?

✵ ИЗ ПЕНЫ ✵

Теперь вернемся к великой дуге в небесах, какую описали отсеченные тестикулы Урана. Кронос метнул ошметок Отца-неба, как вы помните, далеко в море.

Нам его видно. Близ ионийского острова Ки́тира падает он, разметывая брызги, подскакивает над водой, вновь всплывает и наконец уходит вглубь. Могучие плети семени тянутся за ним, как ленты за воздушным змеем. Там, где хлещут они по поверхности моря, вскипает яростная пена. И вот уж вся вода бурлит и кипит. Что-то всплывает. Из ужасов оскопления отца и противоестественных замыслов уж точно должно родиться нечто невообразимо гадкое, нечто кошмарное, жестокое, нечто омерзительное, от чего можно ждать лишь войн, убийства и страданий.

Водоворот крови и семенной жидкости плещет, пшикает и пенится. Из прибоя, морской пыли и молок поро-

ждения появляется макушка, затем лоб и все лицо. Но что же это за лицо?

Лица прекраснее не возникало в мироздании — и не возникнет. Не просто красавица, а сама Красота поднимается — полностью вылепленная в пене. По-гречески «из пены» звучит примерно как АФРОДИТА, и таково имя той, что являет себя в плеске и брызгах. Она стоит в громадной раковине моллюска, робкая, нежная улыбка играет у нее на устах. Неспешно сходит Афродита на песок Кипра. Там, где она ступает, распускаются цветы и взмывают вихри бабочек. Вокруг головы ее вьют круги птички, поют в радостном упоении. Безупречная Любовь и Красота привели ее на землю, и мир изменился навсегда.

Римляне прозвали ее ВЕНЕРОЙ, и ее рождение и прибытие на пески Кипра в раковине моллюска лучше всего запечатлены на великолепном полотне Боттичелли, которое, однажды увидев, уже не забыть.

Предоставим Афродите обживаться на Кипре и вернемся к Кроносу, который отправляется в обратный путь из недр Тартара.

✻ РЕЯ ✻

ПРИБЫВ НА ГОРУ ОФРИС, КРОНОС УВИДЕЛ, что его ждет сестра Рея. Лишь завидев сумрачного красавца-брата с громадным серпом в руках, с которого капает кровь, Рея взбудоражилась так, что ее едва не разорвало изнутри.

Он установил свою власть — никто из братьев или сестер-титанов[1] не осмеливался ему перечить. Отец их теперь ни на что не годен, а Гея, обнаружив, что от насильственного свержения, которое она же и подстроила, радости ей никакой, удалилась в свои владения и зажила менее приметно. Ни мощи своей, ни власти, ни положения она, как Мать-земля и родительница всего, не утратила, но более не вступала ни в общение, ни в союзы. Кронос стал повелителем. После великого пира, на котором его успехи в холощении и свержении Урана громогласно и совершенно немузыкально воспели, Кронос поворотился к разрумянившейся, трепетной Рее и отвел ее в сторонку — заняться любовью.

Беспредельна была радость Реи. Она сыграла свою роль — помогла обожаемому брату достичь владычества над мирозданием. И вот они теперь вместе. Более того, когда подошло время, она почувствовала, что внутри у нее зашевелился ребенок. Девочка, вне всяких сомнений. Счастье Реи оставалось безоблачным.

Кронос же, напротив... Его и без того угрюмый нрав омрачало кое-что еще. Слова Урана уже отзывались у него в мыслях:

Твои дети сокрушат тебя, как сокрушил меня ты.

В последующие недели и месяцы Кронос наблюдал с недобрым предчувствием, как живот у Реи полнеет и раздувается.

Твои дети... твои дети...

1 Женщин этого племени еще именуют титанидами.

Когда пришел день разрешиться от бремени, Рея легла в горной пещере — в той же расселине, на самом деле, где Гея скрывала серп и где прятался Кронос. Там Рея родила красивую девочку и назвала ее ГЕСТИЕЙ.

Не успела Рея произнести имя младенца, как возник Кронос, выхватил малышку у нее из рук и проглотил, не жуя. Развернулся и ушел, даже не икнув, а Рея осталась лежать, побелев от потрясения.

✵ ДЕТИ РЕИ ✵

КРОНОС СТАЛ ВЛАДЫКОЙ ЗЕМЛИ, МОРЯ И НЕБА, серп — символ его власти. Его скипетр. Землю он забрал у Геи, небо — у Урана. Угрожая насилием, отобрал море у Понта и Талассы — и у их брата Океана и сестры Тефиды. Никому не доверял, правил один.

Но продолжал услаждаться с Реей, а та соглашалась, безнадежно любя Кроноса и надеясь, что чудовищное пожирание их первенца было неким отклонением.

Увы. Их следующее дитя, мальчика по имени АИД, слопали тем же манером. И следующее — девочку ДЕМЕТРУ. Четвертым родился ПОСЕЙДОН, второй мальчик, и наконец, третья девочка — ГЕРА. Всех их сожрали целиком — с той же легкостью, с какой мы с вами заглатываем устрицу или ложку джема.

Когда Кронос съел Геру, пятого младенца Реи, ее любовь к супругу превратилась в ненависть. В ту же ночь он вновь овладел ею. Она поклялась себе, что, если вновь

забеременеет, шестого их ребенка Кронос у нее не отнимет. Но как спасти этого младенца? Кронос же всесилен.

Однажды утром Рея проснулась и почувствовала знакомую тошноту. Беременна. Ее божественные инстинкты подсказали ей, что шестым родится мальчик.

Она оставила Офрис и отправилась искать мать с отцом. Пусть и участвовала Рея в свержении родителей, она по-прежнему доверяла их мудрости и доброй воле. Понимала и то, что ярость Урана и Геи, обращенная на нее, — ничто по сравнению с немеркнущей ненавистью к Кроносу.

Три дня звенели ее призывы к Гее и Урану по холмам и пещерам мира:

— Мать-земля, Отец-небо, услышьте дочь вашу, придите на помощь! Сын, что иссек вас и изгнал вас, сделался мерзейшим чудовищем, гнуснейшей и самой противоестественной тварью во всем мироздании. Пятеро ваших внуков пожрал он. Во мне еще одно чадо, готовое появиться на свет. Научите меня, как его спасти. Научите, молю, и я воспитаю его в вечном почтении к вам.

Глубокий ужасающий рокот донесся снизу. Земля под ногами у Реи содрогнулась. Голос Урана ревом вонзился ей в уши, но смогла она разобрать и голос матери, поспокойнее.

Втроем они замыслили превосходное.

ПОДМЕНА

Чтобы привести этот превосходный замысел в исполнение, Рея отправилась на Крит — договариваться с козой по имени АМАЛЬТЕЯ. Амальтея жила там же, где и мелии, нимфы дающего манну ясеня. Если помните, они появились из земли, пропитанной кровью Урана, вместе с фуриями и гигантами. После обнадеживающей беседы с Амальтеей Рея потолковала и с этими добрыми и милыми нимфами. Удовлетворившись достигнутым на Крите, Рея вернулась на гору Офрис — готовиться к родам.

Кронос уже заметил, что жена его на сносях, и ждал счастливого дня, когда поглотит он шестого их ребенка. Он не желал рисковать ничем. Предречение Урана все еще звенело у него в ушах, и припадки суеверной паранойи, какие мучат всех деспотов-узурпаторов, у этого ур-Сталина с каждым днем делались все свирепее.

Гея сказала Рее о некоем камне — из чистого магнетита, как раз нужного размера для их целей, гладком, по форме — как фасолина, и найти его можно среди холмов неподалеку от самой горы Офрис[1].

По утрам Кронос любил прогуливаться по Греции из конца в конец и навещать своих братьев-титанов и сестер-титанид — с виду чтобы посоветоваться, а на самом деле чтобы проверить, не замышляют ли они против него.

1 Область в центральной Греции, где расположена гора Офрис, называется Магнисией по сей день; в честь нее названы магний, магниты и, конечно, магнетит. Марганец, кстати, тоже — из-за ошибки в написании.

Рея знала, в какое время Кронос будет на побережье, в гостях у Океана и Тефиды, и отправилась в то место, которое описала Гея, нашла камень и забрала его с собой домой, на гору Офрис, где завернула находку в полотно. Замысел начал воплощаться.

Вскоре после этого, как-то раз вечером, когда Кронос был неподалеку и мог слышать ее, но достаточно далеко, чтобы какое-то время добираться, Рея принялась кричать как при родах. Все громче и громче делался ее страдальческий вой, рассекавший воздух, пока, после внезапной тишины, не зазвучали первые всхлипы младенца — она постаралась изобразить их как можно достовернее.

Знамо дело, явился Кронос. Его тень пала на Рею.

— Отдай мне ребенка, — сказал он.

— Государь[1] и супруг... — Рея бросила на него умоляющий взгляд. — Позволь же мне сохранить хоть этого? Посмотри на него — такой милый, невинный. Безвредный.

С грубым хохотом Кронос выхватил туго спеленатое дитя из объятий Реи и закинул его себе в утробу одним махом, вместе с одеялком. Полетел сверток внутрь, не касаясь стенок, как и все предыдущие. Стукнув себя в грудину кулаком раз-другой, Кронос громко срыгнул и оставил свою измученную супругу с ее горестным плачем.

Не успел он удалиться, плач превратился в истерические, едва подавляемые рыдания и вопли. Рыдания и вопли хохота.

1 Здесь и далее Стивен Фрай иногда употребляет обращение *dread lord*, которое встречается в «Гамлете» — так Лаэрт обращается к Гамлету. См. переводы М. Лозинского, Б. Пастернака, Т. Гнедич. — *Примеч. перев.*

Переведя дух и поднявшись с ложа, Рея скользнула вниз по склону горы и отправилась на Крит, спеша изо всех сил, какие есть у людей, настолько глубоко беременных.

✵ КРИТСКОЕ ДИТЯ ✵

ПОДГОТОВКА К РОДАМ ПРОШЛА НА КРИТЕ довольно гладко. При бережной помощи козы и мелий Рея приготовилась родить в безопасности и уюте в пещере горы Ида. Вскоре явился на свет невероятно красивый мальчик. Рея назвала его ЗЕВСОМ.

Как Гея, втянувшая младшенького, Кроноса, в месть своему сыну и супругу Урану, Рея поклялась, что вырастит этого младшего ребенка, чтобы тот уничтожил ее супруга и брата Кроноса. Жуткий круг кровожадности, алчности и убийства, что отметил возникновение первобытного мира, не прервется и в грядущем поколении.

Рея знала, что ей придется вернуться на гору Офрис прежде, чем Кронос заметит ее отсутствие и заподозрит неладное. Как и замышлялось, коза Амальтея вскормит малыша своим густым и сытным молоком, а мелии будут питать его сладкой полезной манной, что сочилась из их ясеней. Так юный Зевс вырастет на Крите сильным и сытым. Рея станет навещать его как можно чаще — чтобы натаскивать в искусстве мести.

Хотя эта версия известна лучше прочих, бытует много разных изложений того, как Зевс избежал внимания

великого Кроноса, бога земли, неба и моря. Согласно одному варианту, нимфа по имени АДАМАНТЕЯ подвесила младенца Зевса на веревке на дереве. Находясь между землей, морем и небом, он оставался незримым для своего отца. Приятный образ, в стиле Дали: дитятко, что станет самым могучим из всех живых, пускает слюни, лопочет и хихикает, свисая с дерева среди стихий, какими ему суждено править.

✵ КЛЯТВА ВЕРНОСТИ ✵

ПОКА ЗЕВС НА КРИТЕ, НЕ ЗАМЕЧЕННЫЙ ОТЦОМ, рос и креп на козьем молоке и манне, учился ходить, говорить и понимать мир вокруг, Кронос призвал своих братьев-титанов и сестер-титанид на гору Офрис, чтобы заново взять с них обеты преданности и послушания.

— Теперь это наш мир, — сказал он им. — Судьба постановила, чтоб остался я бездетным — так лучше править. Но вы должны исполнять свой долг. Плодитесь! Наполняйте мир племенем титанов. Воспитывайте их в полном подчинении мне, и я дарую вам ваши наделы. Поклоняйтесь же мне.

Титаны склонились, и Кронос одобрительно хмыкнул — выражать счастье ярче он не умел. Мстительное пророчество его отца преодолено; впереди вечная Эпоха титанов.

КРИТСКИЙ МО́ЛОДЕЦ

Кронос, может, и хмыкал от удовлетворения, а вот Мор, воплощение Рока и Погибели, улыбался — как всякий раз, когда властители проявляют уверенность. Мор улыбался, потому что видел, как процветает на Крите Зевс. Он вырос в сильнейшего и красивейшего мужчину во всем Мироздании — свечение его было таково, что едва не резало глаза[1]. Благодаря целительному козьему молоку и питательной мощи манны у Зевса были крепкие кости, чистая кожа, сияющие глаза и блестящие волосы. Он проделал путь, если говорить в греческих понятиях, от *паиса* (мальчика) и *эфебоса* (подростка) до *куроса* (юнца), то есть до того, что мы ныне именуем молодежью. Уже сейчас первые пуховые намеки на то, что станет легендарным и великим примером искусства ношения бороды, пробивались у него на подбородке и щеках[2]. Зевс был наделен уверенностью, естественной властностью, какими отмечены те, кому суждено повелевать. На смех он был более горазд, чем на гнев, однако если поднималась в нем ярость, он мог напугать все живое вокруг.

1 Как это часто бывает с чрезвычайно красивыми людьми. Когда наша красота создает неудобства, нам надлежит извиняться или отворачиваться.

2 Непрост вопрос о том, сколько требуется времени, чтобы выкормить бессмертного, научить ходить и говорить, вырастить до полной зрелости. Некоторые источники утверждают, что Зевс превратился из младенца в молодого человека всего за один год. Божественное время и время смертных, похоже, текут по-разному, как это устроено у собак и людей или слонов и мух, допустим. Вероятно, лучше всего не относиться к устройству времени в мифе слишком буквально.

С самого начала он проявлял и жизненный пыл, и силу воли, какие наполняли трепетом даже его мать, а кое-кто утверждал, что молоко Амальтеи придавало этому юнцу, пока он рос, невероятные способности. По сей день критские экскурсоводы развлекают туристов байками о замечательных силах юного Зевса. Рассказывают (так, будто это случилось при их жизни), что, играя со своей любимой няней-козой и не отдавая себе отчета в собственной мощи, Зевс случайно отломил ей рог[1]. Из-за его уже тогда сверхъестественных божественных сил отломленный рог мгновенно наполнился превосходнейшей пищей — свежим хлебом, овощами, фруктами, вяленым мясом и копченой рыбой, и щедрость рога не истощалась, сколько бы ни потребили из него. Так возник Рог изобилия — КОРНУКОПИЯ.

Целеустремленная мать Зевса посещала Крит при всяком удобном случае, когда могла ускользнуть от недреманного ока Кроноса.

— Ни на миг не забывай, что натворил твой отец. Он съел твоих братьев и сестер. Пытался съесть и тебя. Он твой враг.

Зевс слушал, как Рея живописует несчастья мира под владычеством Кроноса.

— Он правит устрашая. У него никакого чувства родства или доверия. Так нельзя, мой Зевс.

— Это разве не делает его сильным?

1 Зевс частенько бывал игрив. Римляне назвали его ЮПИТЕРОМ, и наделен он был, дословно, жовиальным нравом. В своей симфонической сюите «Планеты» Густав Холст именует его «Дарителем веселья». [В англ. Юпитер — *Jupiter* или *Jove*, как раз на второй вариант Фрай и ссылается; Густав Холст (1874–1934) — английский композитор, аранжировщик и педагог; симфоническая сюита The Planets (1914–1916) — одно из самых известных произведений Холста. — *Примеч. перев.*]

— Нет! Это делает его *слабым*. Титаны — семья, его братья и сестры, племянники и племянницы. Некоторые уже недовольны его чудовищной тиранией. Когда придет твое время, ты воспользуешься этим недовольством.

— Да, мама.

— Подлинный вождь создает союзы. Подлинного вождя обожают, ему доверяют.

— Да, мама.

— Подлинного вождя любят.

— Да, мама.

— Ах, вот ты смеешься, а это правда.

— Да, м...

Рея отвесила сыну оплеуху.

— Давай-ка посерьезнее. Ты не дурак, я это своими глазами вижу. Адамантея говорит, ты умный, но взбалмошный. Что ты слишком много времени тратишь, охотясь на волков, дразня овец, лазая по деревьям и соблазняя нимф ясеня. Пора тебя как следует вышколить. Тебе уже шестнадцать, скоро предстоит нам делать свой ход.

— Да, мама.

✵ ОКЕАНИДА И ЗЕЛЬЕ ✵

Рея попросила свою подругу Метиду, мудрую и красивую дочь Тефиды и Океана, подготовить сына к предстоящему.

— Он умен, однако рассеян и тороплив. Научи его терпению, ловкости и лукавству.

Метида очаровала Зевса с ходу. Никогда не видел он такой красы. Титанида была чуть мельче остальных в ее племени, однако наделена изяществом и мощью личности, благодаря которым вся лучилась. Походка лани и хитрость лисы, мощь льва и нежность горлицы — все это вместе создало натуру и силу ума, от каких у юноши голова пошла кругом.

— Возляг со мной.

— Нет. Пошли прогуляемся. Мне нужно многое тебе рассказать.

— Вот тут. На травке.

Метида улыбнулась и взяла его за руку.

— У нас полно дел, Зевс.

— Но я тебя люблю.

— Тогда делай, как я говорю. Когда любим кого-то, мы всегда стремимся угодить ему, так?

— Ты меня не любишь?

Метида рассмеялась, хотя на самом деле ее поразил ореол величия и мощи характера, осенявший этого дерзкого юного красавца. Однако подруга Рея попросила ее обучить мальчика, а Метида была совсем не из тех, кто предает чужое доверие.

Целый год она учила его вглядываться в сердца живых и судить об их намерениях. Учила воображать и размышлять здраво. Искать в себе силы для того, чтобы остужать страсть и лишь потом действовать. Выстраивать замысел и улавливать, когда замысел следует изменить или оставить. Позволять голове править сердцем, а сердцу — завоевывать любовь окружающих.

Из-за ее отказа дать их отношениям сместиться в физическую плоскость Зевс полюбил ее еще сильнее. И хотя она никогда ему об этом не говорила, любовь эта была взаимной. Поэтому в пространстве между ними, когда б ни были они рядом, возникала некая искра.

Однажды Зевс увидел, что Метида стоит над здоровенным валуном и долбит по его плоской поверхности маленьким округлым камнем.

— Ты что такое делаешь?

— Толку горчичные зерна и кристаллики соли.

— Да ладно.

— Сегодня, — сказала Метида, — твой семнадцатый день рождения. Ты готов отправиться на Офрис и подчиниться судьбе. Вскоре появится Рея, но я тут кое-что задумала и надо успеть доделать.

— Что это в крынке?

— Смесь макового молочка и сульфата меди, подслащенная сиропом манны, — его дали мелии, наши подруги ясеня. Соединю все ингредиенты и встряхну. Вот так.

— Не понимаю.

— Смотри, вон твоя мама. Она объяснит.

В присутствии Метиды Рея изложила Зевсу замысел. Мать с сыном всмотрелись друг другу в глаза, глубоко вздохнули и принесли обет — сын матери, мать сыну. Они были готовы.

✵ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ПЯТИ ✵

Полночь. толстая пелена, какую Эреб с Никтой набросили на землю, море и небо и тем обозначили конец дневных игрищ Гемеры и Эфира, укрыла мир. В долине высоко на горе Офрис Владыка Всего вышагивал туда-сюда, бия себя в грудь, беспокойный, несчастный. Кронос превратился в самого вздорного и недовольного титана из всех. Власть над мирозданием не дарила никакого удовлетворения. С тех пор как Рея — без всяких объяснений — изгнала его с брачного ложа, бежал Кроноса и сон. Без этого целительного бальзама настроение и пищеварение у титана, и так-то паршивые даже в лучшие времена, испортились напрочь. Последний из проглоченных младенцев, похоже, вызвал у него острую изжогу, каких не бывало от предыдущих пяти. Какая там радость всевластия, если живот крутит, а мысли слепо толкаются в густом тумане бессонницы?

Впрочем, сердце его вознеслось к некоему подобию счастья, когда заслышал он неожиданно тихий, милый голос Реи — она нежно напевала себе под нос, поднимаясь по склону к вершине горы. Милейшая сестра и дражайшая супруга! Вполне естественно, что она слегка расстроена из-за того, что он поглотил шестерых ее детей, но она, разумеется, понимает, что ничего другого ему не оставалось. Титанида, она сама знает о долге и судьбе. Он окликнул ее:

— Рея?

— Кронос! Не спишь в такой час?

— Я не сплю уже столько дней и ночей, что сбился со счета. Гипнос и Морфей сторонятся меня. Мой разум полон скорпионов[1], любезная жена. — Макбету, еще одному убийце, лишенному сна и терзаемому темными пророчествами, предстояло произнести эти слова, но через много-много лет.

— Да тьфу, возлюбленный. Неужто смекалка и умение титаниды не в силах превзойти этих несуразных демонов сна? Что такого умеют Гипнос с Морфеем, чтобы ублажить твое страдающее тело, утишить мятущийся разум и облегчить раненый дух, чего не смогла бы добиться я — сладостью и теплом собственного изготовления.

— Твои сладкие теплые губы! Твои сладкие теплые бедра! Твоя сладкая теплая...

— Всему свое время, нетерпеливый владыка! Начнем с другого — я принесла тебе подарок. Милый юноша поднесет тебе кубок.

Из тени выступил Зевс, сияющая улыбка озаряла его пригожее лицо. Он поклонился и протянул Кроносу изукрашенный каменьями кубок, и титан жадно выхватил его.

— Смазливый, ой смазливый. Может, погодя и его отведаю, — сказал он, бросив восхищенный взгляд на Зевса и опрокидывая в себя содержимое кубка одним алчным глотком. — Но, Рея, люблю я тебя.

Слишком стемнело, и Кронос не разглядел, что Рея в презрительном недоумении вскинула бровь дугой.

1 *У. Шекспир*. Макбет. Акт III, сцена 2 / Пер. М. Лозинского. — *Примеч. перев.*

— Ты любишь меня? — процедила она. — *Ты? Любишь? Меня?* Ты, сожравший всех моих драгоценных детей, кроме одного? Ты смеешь говорить мне о *любви*?

Кронос удрученно икнул. Его обуревали диковинные ощущения. Он нахмурился и попытался сосредоточиться. Что там Рея говорит? Не может быть, что она его больше не любит. Ум у него сделался еще мутнее, а в желудке забурлило пуще прежнего. Что с ним *творится*? Ой, она еще что-то такое произнесла. Что-то совсем уж несусветное.

— В каком смысле, — переспросил он голосом, набрякшим от растерянности и тошноты, — ты сказала, что я съел «всех, кроме одного», из твоих детей? Я съел их *всех*. Отчетливо помню.

Сильный юный голос пронзил ночной воздух, словно хлыст:

— Не всех, отец!

Тошнота накатила пугающей волной, и Кронос потрясенно развернулся глянуть на молодого виночерпия, а тот шагнул из полумрака.

— Кто... кто... кто-о-о-о-о-о-о-о-о?! — Вопрос Кроноса преобразился во внезапный нахлыв неуправляемой рвоты. Из нутра его в единой тяжкой судороге выпал здоровенный камень. Холст, в который камень был когда-то завернут, давно растворился в желудочном соке. Кронос тупо уставился на камень, в глазах плыло, лицо побелело. Но прежде чем он успел понять, на что же он смотрит, его накрыло кошмарным, ни с чем не сравнимым предчувствием, что сообщает всякому, кого тошнит: грядет еще волна. И далеко не последняя.

Зевс проворно скакнул вперед, подобрал отрыгнутый валун и швырнул его далеко-далеко — в точности так же, как Кронос когда-то метнул далеко-далеко детородные органы Урана, и в точности с того же места. Позднее мы узнаем, где тот камень приземлился и что произошло.

Внутри Кроноса смесь из соли, горчицы и рвотного корня продолжили свое выворачивающее наизнанку дело[1]. Один за другим Кронос срыгнул всех пятерых проглоченных детей. Первой выбралась Гера[2]. Следом Посейдон, Деметра, Аид и, наконец, Гестия, и лишь после этого истерзанный титан рухнул в припадке изнуряющей одышки.

Если помните, зелье Метиды включало в себя и немного макового молочка. Оно тут же начало действовать. Испустив последний мощный рокочущий стон, Кронос перекатился на бок и крепко-крепко заснул.

С криком ликования Зевс склонился над храпевшим отцом — подобрать великий серп и нанести *coup de grâce*[3]. Сейчас он отсечет Кроносу голову одним махом и, торжествуя, вскинет ее высоко, покажет всему миру и тем явит победное зрелище, какое никогда не забудется, а художники станут изображать его до скончания времен. Однако серп, созданный Геей для Кроноса, против него самого не применишь. Каким бы могучим Зевс ни был, он даже

1 Зелье готовила Метида, и было б мило считать, что слово «эметик» происходит от ее имени, но, по-моему, вряд ли.

2 Хотя по порядку Гера была последней перед Зевсом, ее отныне считали вторым ребенком. Сложилось своего рода обратное старшинство — по мере возникновения из Кроносова нутра. Зевс стал официально старшим из детей, а Гестия, первенец, теперь считалась самой юной. Если вы бог, все вполне сходится.

3 Решающий удар (букв. «удар милосердия», *фр.*). — *Примеч. перев.*

поднять его не смог. Попытался вроде, но, казалось, серп словно прирос к земле.

— Гея дала серп ему и лишь Гея способна отнять его, — сказала Рея. — Оставь.

— Но я обязан его убить, — возразил Зевс. — Мы должны быть отомщены.

— Его мать Земля защищает. Не зли ее. Она тебе еще пригодится, когда придет время. Возмездие впереди.

Зевс бросил попытки сдвинуть серп. Досадно, что обезглавить ненавистного отца, храпевшего как свинья, не получилось, но мама права. Подождет. Слишком многое предстояло отпраздновать.

В звездном свете на горе Офрис Зевс и его пятеро освобожденных братьев и сестер хохотали, топали, вопили и ревели от восторга. Их мать тоже смеялась и хлопала от радости в ладоши — как хорошо, что ее блистательные сыновья и дочери, такие все живые-здоровые и счастливые, наконец-то явились на свет и готовы требовать наследство. Каждый из пятерых спасенных по очереди обнял Зевса, своего младшего, а теперь старшего брата, освободителя и вождя. Они поклялись ему в вечной верности. Вместе они свергнут Кроноса и все его уродливое племя и установят новый порядок...

Вопреки своему происхождению, называть себя титанами они не будут. Они — *боги*. И не просто какие-то боги, а *единственные*.

✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻ ✻

НАЧАЛО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БИТВА ТИТАНОВ

КРОНОС ЛЕЖАЛ НАВЗНИЧЬ НА ГОРЕ ОФРИС. Прочие титаны еще не прослышали о том, что Зевс спас своих братьев и сестер, но казалось вероятным, что когда они об этом узнают — отзовутся яростно и свирепо. Под покровом ночи Рея и шестеро ее детей ускользнули прочь и постарались убраться из страны титанов как можно дальше.

Зевс понимал, что война неизбежна. Кронос не успокоится, пока живы его дети, но Зевс не менее решительно вознамерился свергнуть отца. Он слышал у себя в голове, громко, как никогда прежде, звук, знакомый ему с младенчества: тихий настойчивый шепот Мора; тот сообщал Зевсу, что его судьба — повелевать.

Последовавшая кровавая, лютая, разрушительная междоусобица известна среди историков под названием

ТИТАНОМАХИЯ[1]. Пусть основная часть подробностей этой десятилетней войны и не дошла до нас, мы все же знаем, что от жара и ярости, сокрушительной мощи и колоссальной энергии, высвобожденных в битве титанов, богов и чудовищ, горы исторгали огонь, а сама земля содрогалась и трескалась. В тех битвах возникли многие острова и материковые массивы. Смещались и преображались целые континенты, и мир, каким мы его теперь знаем, во многом обязан своей географией сейсмическим потрясениям — этому буквально потрясающему основы побоищу.

Почти неизбежно, что в прямой схватке объединенные силы титанов оказались бы для их юных противников чересчур могучими. Титаны были мощнее, безжалостнее, неукротимее. Все, кроме сыновей Климены Прометея и Эпиметея, встали на сторону Кроноса, намного превзойдя маленькую группу самозваных богов, восставших против них под предводительством Зевса. Но так же, как Уран дорого заплатил за свой проступок — заточение циклопов

1 Гесиод (VIII в. до н. э.) предлагает нам самый полный дошивший до наших дней отчет о событиях, но воспевали их и другие поэты: эпос «Титаномахия», сочиненный в VIII в. Евмелом Коринфским (или, возможно, легендарным слепым поэтом Фамиридом Фракийским), дразнит нас упоминаниями в различных текстах, но сам утрачен. Гесиод описывает эту битву, что потрясла всю землю, так:

Заревело ужасно безбрежное море,
Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
И содрогнулось <...>
От ужасающей схватки.
Тяжелое почвы дрожанье,
Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
Недр глубочайших достигли окутанной тьмой преисподней.
Так они друг против друга метали стенящие стрелы.
Тех и других голоса доносились до звездного неба.
Криком себя ободряя, сходились боги на битву.

[*Гесиод*. Теогония. Стр. 678–686 / Пер. В. Вересаева. — Цит. по.: Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. — *Примеч. перев.*]

и гекатонхейров в утробе Геи, Кроносу пришлось заплатить за свою ошибку — за то, что он упек их в пещеры Тартара.

Мудрая и смекалистая Метида надоумила Зевса спуститься в Тартар и освободить его троих одноглазых и троих сторуких братьев. Зевс предложил им свободу до конца времен, если они помогут победить Кроноса и титанов. Уговаривать не пришлось. Гиганты тоже встали на сторону Зевса и показали себя отважными и неутомимыми воинами[1].

В последней решающей битве безжалостная ярость гекатонхейров — не говоря уже об их запасах голов и рук — чудесно сочеталась с бешеной электрической мощью циклопов, чьи имена, как мы помним, Яркость, Молния и Гром: Арг, Стероп и Бронт. Эти одаренные умельцы вложили свое мастерство в молнии, которые Зевс применил как оружие и научился с ювелирной точностью метать их во врагов, тем расщепляя на атомы. Под его водительством гекатонхейры поднимали и швыряли с чудовищной скоростью валуны, а циклопы жгли и ослепляли врага световым спектаклем и оглушали кошмарным ревом грома. Сотни рук гекатонхейров сгребали и метали, сгребали и метали в противника бесчисленные камни, словно ополоумевшие мельницы-катапульты, пока, побитые и потрепанные, титаны не попросили о прекращении огня.

Оставим их на время, великие окровавленные головы титанов свешены в полном и окончательном поражении, и на миг отвлечемся на то, что происходило в мире в те жуткие десять лет битвы.

1 См. Приложение на с. 517.

ПРИУМНОЖЕНИЕ

Пламя и пыл войны выжгли, напитали и удобрили землю. Пробилась новая поросль и сотворила в наследство богам свежий зеленый мир.

Как вы помните, Космос когда-то был лишь Хаосом и ничем более. Затем Хаос изрыгнул первые формы жизни, первичных существ — и начала: свет и тьму. С развитием каждого следующего поколения и с возникновением и дальнейшим воспроизводством новых сущностей прирастала и *сложность*. Те древние первобытные стихии-основы преобразились в формы жизни еще большего многообразия, пестроты и изобилия. Рожденные существа обрели изощренные неповторимые личные черты и индивидуальность. Выражаясь компьютерным языком, жизнь словно сделалась двухбитной, затем четырехбитной, далее восьми-, шестнадцати-, тридцатидвух-, шестидесятичетырехбитной и так далее. Каждая следующая итерация производила миллионы, а затем и миллиарды новых разновидностей размеров, форм и, скажем так, *разрешения*. Сложился характер высокого разрешения — как тот, каким мы гордимся в себе, современных людях, — и произошел всплеск того, что биологи именуют *видообразованием*: возникали все новые и новые формы жизни.

Мне нравится представлять первые этапы творения как старомодный телеэкран, на котором происходит од-

ноцветная игра «Понг»[1]. Помните «Понг»? Два белых прямоугольника вместо ракеток и квадратная точка вместо шарика. Бытие было примитивной, пикселированной разновидностью пинг-понга. За тридцать пять — сорок лет игры эволюционировали до трехмерной графики сверхвысокого разрешения с виртуальной и дополненной реальностью. То же и с греческим Космосом: творение, начавшееся с неуклюжих примитивных очертаний в низком разрешении, преобразилось до насыщенной разнообразием жизни.

Возникли двусмысленные, непоследовательные, непредсказуемые, интригующие и непостижимые твари и боги. Здесь применимо замечание Э. М. Форстера[2] о людях в романах: мир двинулся от плоских персонажей к округлым — к развитию личностей, чьи действия способны удивлять. Тут-то и началась потеха.

МУЗЫ

Мнемосина (память), одна из первых титанид, родила от Зевса девять очень смышленых и творческих дочек — муз, живших в разное время на горе Геликон (где позднее забил фонтан Иппокрена), на горе Парнас рядом с Дельфами и в фесса-

1 Pong (1972) — одна из первых аркадных игр, разработана американским инженером и программистом Алленом Элкорном (р. 1948) для компании «Атари». — *Примеч. перев.*

2 Эдвард Морган Форстер (1879–1970) — английский романист, публицист, биограф, критик; Фрай далее ссылается на работу Форстера Aspects of the Novel (1927). — *Примеч. перев.*

лийской Пиерии, где журчал Пиерийский родник — метафорический источник всех искусств и наук[1].

Ныне музы считаются святыми покровительницами искусств в целом и личными источниками вдохновения для отдельных людей. «О если б муза вознеслась, пылая...»[2] — восклицает хор в первой сцене Шекспирова «Генриха V». Мы называем «своей музой» того, кто подогревает в нас творчество и подталкивает к величию. Музы есть в «музыке», «amusements», «музеях» и всяческих «musings»[3]. У. Х. Оден считал, что образ капризной богини, которая шепчет поэту на ухо, точнее всего описывает сводящую с ума ненадежность творческого вдохновения. Бывает, она подсовывает золото, а иногда, перечитав написанное, понимаешь, что она надиктовала тебе совершеннейший шлак. Мать муз, может, и Память, а вот отец у них — Зевс, и его вероломное непостоянство — тема многих дальнейших историй.

Но давайте познакомимся с этими девятью сестрами, каждая — воплощение и покровительница своего самостоятельного жанра в искусстве.

1 Имя ПИЕРИДЫ также происходит от Пиерии. То были девять сестер, оплошно бросивших вызов музам, за что они и поплатились: их превратили в птиц. Александр Поуп в известных строках из «Опыта о критике» говорит о Пиерии как об источнике всякой мудрости и знания:

> *И* полузнайство *ложь в себе таит;*
> *Струею упивайся* пиерид...
>
> [Александр Поуп (1688–1744) — английский поэт-классицист, критик, философ, переводчик; «Опыт о критике» (1711) — поэма Поупа, ныне источник узнаваемых цитат и афоризмов. Цит. по: *Александр Поуп*. Поэмы / Пер. А. Субботина. М.: Художественная литература, 1988. — *Примеч. перев.*]

2 Пер. Е. Бируковой. — *Примеч. перев.*

3 Увеселения, потехи... размышления, мечтания (*англ.*). — *Примеч. перев.*

КАЛЛИОПА

У КАЛЛИОПЫ довольно бесславная языковая судьба: она — муза эпической поэзии. Каллиопа отчего-то превратилась в паровой орга́н, какие играют на ярмарках, и, похоже, только там и услышишь ее имя в наши дни. Зато для римского поэта Овидия она была старшей из всех муз. Ее имя означает «прекрасный голос», и она же родила ОРФЕЯ, едва ли не главного музыканта во всей греческой истории. Величайшие поэты, в том числе Гомер, Вергилий и Данте, берясь за масштабные творения, взывали именно к ней.

КЛИО

Низведенная ныне до модели автомобиля «Рено» и названия конкурса рекламной индустрии, КЛИО, или *Клео* («знаменитая»), была музой истории. Она отвечала за объявление, повсеместное оглашение деяний великих и придание им известности. Старейший дискуссионный клуб в Америке, основанный в Принстоне Джеймзом Мэдисоном, Аароном Бёрром и другими, называется «Клиософское общество» в ее честь.

ЭРАТО

ЭРАТО — муза лирической и любовной поэзии. Ее имя связано с Эротом и эротическим, и в искусстве ее иногда изображают с золотой стрелой — чтобы подчеркнуть

эту связь. Ее традиционные символы — горлица и мирт, а также лютня.

ЭВТЕРПА

Муза самой музыки, «восхитительная» и «сладостная» ЭВТЕРПА родила от речного бога СТРИМОНА фракийского царя РЕСА, которому довелось сыграть некоторую роль в Троянской войне. От него ли происходит название макак, от которых, в свою очередь, происходят названия типов человеческой крови[1], или нет — пока окончательно не установлено.

МЕЛЬПОМЕНА

Трагическая муза МЕЛЬПОМЕНА (чье имя в переводе с греческого означает «праздновать танцем и песней») изначально воплощала драматический хор, а позднее — весь жанр трагедии, важнейшее сочетание музыки, поэзии, драмы, масок, танца, песни и религиозного торжества. Трагические актеры выступали в обуви на толстой подошве[2], именуемой buskin в английском и «которнос» в греческом[3]; Мельпомену обычно изображают либо облаченной в котурны, либо держащей их в руке, а также, разумеется, в трагической маске с горестно опущенными

1 В европейских языках имя этого царя — *Rhesus*. — *Примеч. перев.*
2 Чтобы добавить актерам роста, а с ним — и метафорической стати.
3 В русский язык это слово попало напрямую из греческого — котурны. — *Примеч. перев.*

уголками губ. Вместе с сестрой ее Терпсихорой она породила сирен, чье время еще далеко впереди.

ПОЛИГИМНИЯ

По-гречески «гимнос» означает «восхваление», а ПОЛИГИМНИЯ была музой гимнов, или священных музыки, танцев, поэзии и риторики, а также — несколько неожиданно — сельского хозяйства, пантомимы, геометрии и созерцания. Видимо, сегодня мы бы назвали ее «музой осознанности». Обычно ее изображают довольно серьезной, сосредоточенно размышляющей, с задумчиво приложенным к губам пальцем. Она — еще одна претендентка, вместе с Каллиопой, на звание матери героя Орфея.

ТЕРПСИХОРА

Хозяин сырной лавки: Ой, а я подумал, что вы жалуетесь на бузукиста.
Покупатель: О боже упаси. Я из тех, кто упивается любыми проявлениями терпсихорической музы.

Этот диалог из бессмертной сценки «Сырная лавка» труппы «Воздушный цирк Монти Питона» познакомил многих — в том числе и меня — с ТЕРПСИХОРОЙ, музой танца.

ТАЛИЯ

Милейшая, веселейшая и самая дружелюбная муза ТАЛИЯ покровительствует комическим искусствам и идиллической поэзии. Ее имя происходит от греческого глагола, означающего «процветать»[1]. Как и ее трагическая противоположность Мельпомена, Талия носит актерскую обувь и маску (эта маска радостно улыбается, само собой), но венок у нее из плюща, а при себе — рожок и труба.

УРАНИЯ

Имя УРАНИИ происходит от Урана, первобытного бога небес (и прадедушки девяти сестер); она — муза, покровительствующая астрономии и звездам. А еще ее считают образом Вселенской Любви, греческой разновидностью Параклита — Духа Святого.

ТРОЙНЯШКИ

Трижды три музы напомнили мне познакомить вас еще с несколькими триадами. Гея и Уран породили, как мы знаем, троих гекатонхейров, троих циклопов и четырежды троих титанов. Мы уже познако-

1 Этот же корень, через слово, означающее ярко-зеленый побег [таллом. — *Примеч. перев.*], запечатлен и в названии вещества таллия, любимца детективщиков и преступников-отравителей.

мились с тремя эриниями, также именуемыми эвменидами, — теми самыми мстительными фуриями, что возникли из пропитанной кровью земли в миг оскопления Урана. Тройка для греков, судя по всему, очень магическое число.

ХАРИТЫ

В те десять лет, пока происходила титаномахия, какой бы апокалиптичной она ни была, Зевс всегда находил время удовлетворить свои желания. Возможно, он усматривал в этом естественное отправление своего долга по заселению земли. Что-что, а естественно отправлять долг Зевс любил.

Однажды взгляд Зевса пал на красивейшую из океанид — ЭВРИНОМУ, дочь Океана и Тефиды. Укрывшись от битв в пещере, Эвринома родила Зевсу трех роскошных дочерей — АГЛАЮ (что означает «великолепие»), ЭВФРОСИНЬЮ, также известную под именем ЭВТИМИИ (радость, веселье, потеха) и ТАЛИЮ[1] (жизнерадостную). Вместе их назвали ХАРИТАМИ, или, на римский манер, ГРАЦИЯМИ. Мы ныне именуем их «тремя грациями», а скульпторы и художники на протяжении всей истории человечества искали повод изобразить их — как воплощенный пример безупречной женской наготы. Их приятный нрав — хоть какой-то противовес жуткой зловредности и жестокости эриний.

1 Зовут ее так же, как и музу комедии.

ОРЫ

ОРЫ, или Времена, состояли из двух сестринских троен. Эти дочери ФЕМИДЫ (воплощения закона, справедливости и обычая) поначалу олицетворяли времена года. Сперва их, судя по всему, было две — лето и зима: АВКСО и КАРПО. Классическая первая тройка ор сложилась после того, как к ним прибавилась ТАЛЛО (у древних римлян — ФЛОРА), дарительница цветов и цветения, воплощение весны. Ценнейшее свое качество оры унаследовали от матери: дар чутья на верный миг, добрые отношения с природным законом и течением времени, — можно назвать это «божественной своевременностью».

Вторая троица ор отвечала за более приземленные закон и порядок. Их звали ЭВНОМИЯ, богиня законодательства и правопорядка, ДИКЕ, богиня справедливости и нравственных устоев (римский эквивалент — ЮСТИЦИЯ), и ЭЙРЕНА, богиня мира (древнеримская ПАКС).

МОЙРЫ

Три МОЙРЫ, или Участи, носили имена КЛОТО, ЛАХЕСИС и АТРОПОС. Эти дочери Никты сидят у прялки: Клото прядет нить — жизнь, Лахесис отмеряет ее длину, а Атропос (необоримая, безжалостная, буквально «бесповоротная») решает, когда пресечь нить и оборвать жизнь[1]. Мне они видятся каргами со впалыми щеками, обла-

1 Атропин, яд, выделяемый мандрагорой и *Atropa belladonna* (смертоносной красавкой), назван в честь этой последней и самой жуткой из трех сестер.

ченными в черные лохмотья, сидят они в пещере, прядут, посмеиваются да трясут головами, но многие поэты и скульпторы изображали их розовощекими девами, одетыми в белые хламиды, на лицах — застенчивые улыбки. Их имя происходит от слова, означающего «доля» или «удел» в значении «что тебе уготовано; судьба, участь». «Не выпала ей доля быть любимой» или «удел его быть несчастным» — примерно так греки описывают участи или предназначения, какими наделяют мойры. Даже богам приходится подчиняться жестоким решениям судьбы[1].

КЕРЫ

Эти мерзопакостные дочери Никты были коварными и алчными духами насильственной смерти. Как и валькирии в скандинавском и германском мифах, они собирали души воинов, убитых в бою. В отличие от тех благих богинь-воительниц, керы не провожали героические души за наградой в Вальхаллу. Они перелетали от одного окровавленного тела к другому и жадно высасывали текшую из них кровь, а затем, когда труп оказывался выпитым досуха, закидывали его себе за спину и перебирались к следующему.

ГОРГОНЫ

От первобытного бога моря Понта Гея родила сына ФОРКИЯ и дочь КЕТО. Отпрыски этих брата и сестры — три

1 Позднее греки стали считать мойр дочерьми не Ночи, а Необходимости — АНАНКИ. Мойры очень похожи на норн из скандинавской мифологии.

сестры, обитавшие на островах, — горгоны СТЕНО, ЭВРИАЛА и МЕДУЗА. Шевелюра из шевелящихся ядовитых змей, пылающий впертый взгляд, отвратительные застывшие улыбки, кабаньи клыки вместо зубов, медные лапы вместо рук и когтистые ноги, чешуйчатые золотые тела — достаточно взглянуть на этих чудовищных сестриц, как кровь застывает в венах. Но всякий, кто встретится взглядом с горгоной — лишь на мгновение посмотрит ей в глаза, — буквально превратится в камень, тут же. В английском для этого есть слово petrified, что в наше время стало означать «перепугался *до смерти*».

ДУХИ ВОЗДУХА, ЗЕМЛИ И ВОДЫ

Эти троицы не были единственными заметными существами, возникшими в ту пору. Пока бушевала титаномахия, по всему миру принялись размножаться и осваивать области влияния всевозможные духи. Так и представляешь себе, как они устремлялись к укрытию и трепетали под кустами, вокруг них рассекали воздух молнии и камни, а земля сотрясалась от войны и насилия. Впрочем, эти зачастую хрупкие создания выживали и процветали — и обогащали наш мир своей красотой, самоотверженностью и обаянием.

Возможно, самые известные из них — НИМФЫ, крупный класс мелких женских божеств, поделенный на кланы, или подвиды, согласно их средам обитания. ОРЕАДЫ

царили в горах, на холмах и в гротах Греции и ее островов, НЕРЕИДЫ (как и океаниды, от которых они происходят) — обитательницы глубин. НАЯДЫ, их пресноводные сестры, обжили реки, ручьи и потоки текучей воды, тростники, обрамлявшие их, а также речные берега. Постепенно некоторые речные нимфы начали отождествляться с еще более конкретными местами обитания. Появились ПЕГЕИ, приглядывавшие за природными родниками, и ПОТАМИДЫ, обитавшие в реках и вокруг них[1]. На суше за пастбищами и рощами присматривали АВЛОНИАДЫ, а ЛЕЙМАКИДЫ жили на лугах. Среди лесных духов имелись и легкокрылые ДРИАДЫ — и ГАМАДРИАДЫ, древесные нимфы, чьи жизни связаны с деревьями, которые они обжили. Когда дерево умирало или его срубали, гамадриада умирала вместе с ним. Многие особые лесные нимфы обитали исключительно на яблонях или лаврах. С мелиями, нимфами сладостного маннового ясеня, мы уже познакомились.

Судьба гамадриад показывает, что и нимфы умирали. Они не старели и не поддавались болезням, однако бессмертными оказывались не всегда.

И вот еще что: пока мир природы в своей невероятно бурной манере роскошествовал, резвился и размножался, украшая себя все более чудесными полубогами и бессмертными существами, земля содрогалась и трепетала от насилия и ужаса войны. Но, после того как дым и пыль

1 ТАГИДЫ были нимфами одной отдельной реки Таг, но, после того как я их упомянул, можно сразу о них забыть, поскольку больше мы с ними не встретимся.

битв рассеялись, это приумножение обеспечило победителям власть над миром, наполненным жизнью, цветом и характером. Торжествовавшему Зевсу уготовано было наследовать сушу, море и небо, что были насыщеннее тех, при каких он появился на свет.

ВЕРХОВНЫЙ ВЛАДЫКА И СУДИЯ ВСЕЙ ЗЕМЛИ

ЗЕВС РЕШИЛ ПРЕДПРИНЯТЬ ВСЕ, чтобы поверженные титаны никогда не смогли больше грозить его власти. Сильнейшим и свирепейшим противником в войне оказался не Кронос, а АТЛАНТ, зверски могучий старший сын Иапета и Климены[1]. Атлант был в гуще любого сражения, подбадривал собратьев-титанов и призывал еще к одному, последнему, сверхмощному усилию — даже когда гекатонхейры выбили из титанов капитуляцию. В наказание за такую враждебность Зевс обрек Атланта целую вечность держать на плечах небосвод. Таким способом удалось убить сразу двух зайцев. Зевсовы предшественники — Кронос и Уран — вынуждены были тратить прорву сил, чтобы отделять небо от земли. Зевс одним движением освободил себя от этого изнурительного бремени и буквально переложил его на плечи своего самого опасного врага. Титану предстояло тужить-

1 Брат Атланта МЕНЕТИЙ, чье имя означает «проклятая мощь», тоже был чудовищно сильным и устрашающим противником, но Зевс уничтожил его одним из первых своих ударов молнии.

ся на стыке того, что мы теперь именуем Африкой и Европой, и вся тяжесть неба легла на него. Ноги напряжены, мышцы дыбятся, а могучее тело скрючило от этого немыслимого мучительного усилия. Целые эпохи стенал он, как болгарский штангист-тяжеловес. Со временем он окаменел и превратился в Атласские горы[1], что и поныне подпирают небо Северной Африки. Его напряженный, согбенный образ запечатлен на самых первых картах мира, которые мы в его честь до сих пор называем атласами[2]. По одну сторону от него лежит Средиземное море, а по другую — океан, который по-прежнему именуется в его честь Атлантическим, где когда-то, говорят, процветало таинственное островное царство под названием Атлантида.

Что же до Кроноса — сумрачного несчастного бедолаги, который когда-то был Владыкой Всего, насупленного извращенца-тирана, пожравшего собственное потомство из страха перед пророчеством, — его наказанием, как и провидел выхолощенный им отец Уран, стало бесконечное странствие по миру; ему предстояло коротать вечность в неизбывном, беспредельном, одиноком изгнании. Всякий день, час и минуту надлежало ему считать, ибо Зевс обрек Кроноса подсчитывать саму вечность. Мы видим его повсюду и по сей день, эту изможденную мрачную фигуру с серпом. У него теперь мелкое и унизительное прозвище — «Старик Время», его землистое

1 Другой вариант имени этого титана — Атлас. — *Примеч. перев.*

2 На этих позднейших изображениях, впрочем, титан держит на плечах не небо, а Землю.

вытянутое лицо говорит нам о неизбежном и безжалостном тиканье космических часов, что ведут всё и вся к последним дням. Серп взлетает и сечет, как непреклонный маятник. Любая смертная плоть — трава под жестокими взмахами подрезающего острия. Кронос попадается нам во всем «хроническом» и «синхронизированном», в «хронометрах», «хронографах» и «хрониках»[1]. Римляне наделили эту насупленную бледную тень поверженного титана именем САТУРН. Он висит в небе между своим отцом Ураном и сыном Юпитером[2].

Не всех титанов изгнали или покарали. Ко многим Зевс проявил великодушие и милость, а тех немногих, кто встал на его сторону в войне, осыпал наградами[3]. Брат Атланта Прометей был главным среди тех, кто решил сражаться на стороне богов против своих соплеменников[4]. Зевс воздал ему своей дружбой, все больше радуясь обществу юного титана, — пока не пришел день с колоссальными последствиями для человечества, и эти последствия мы ощущаем и поныне. История этой дружбы и ее трагическая развязка вскоре будут изложены.

1 Для некоторых исследователей мифа Кронос (титан) и Хронос (Время) — разные сущности. Мне больше нравятся версии, где это один и тот же персонаж.

2 Астрономы, именуя небесные тела Солнечной системы, советуются со знатоками античности. Многочисленные луны Сатурна — Титан, Япет [Иапет], Атлас [Атлант], Прометей, Гиперион, Тефия [Тефида], Рея и Калипсо. А еще у Сатурна есть кольца. Вероятно, они, как древесные кольца, символизируют время. [В квадратных скобках указаны имена соответствующих божеств, как они встречаются в этом издании. — *Примеч. перев.*]

3 Некоторые титаниды были очень смазливыми, и, как и всякое живое существо, похотливый, страшно возбудимый и склонный влюбляться Зевс уже задумал кое-что, имея в виду одну-двух самых привлекательных.

4 Имя Прометей как раз и означает «предусмотрительность» или «предвидение»...

Во время войны циклопы, как уже говорилось, в знак почтения к Зевсу наделили его оружием, с которым он всегда ассоциируется: молнией. Братья циклопов гекатонхейры, чья громадная мощь обеспечила богам победу, были награждены отправкой в Тартар — но не как узники, а как стражи врат в те немыслимые глубины. Циклопы же сделались личными помощниками, оружейниками и кузнецами у самого Зевса.

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ

Сокрушенный мир еще дымился от разгрома войны. Зевс видел, что миру нужно исцелиться, и понимал, что его поколение божеств — третье — должно править лучше, чем это удалось первым двум. Пришла пора нового порядка — такого, в котором нет места разорительной кровожадности и стихийному зверству, какие отличали былые времена.

Победителям — трофеи. Как директор компании, только что завершившей рейдерский захват, Зевс желал устранить старых управленцев и посадить на их места своих людей. Каждому брату и сестре он определил владения — область божественной ответственности. Президент Бессмертных набирал кабинет министров.

Себе самому он отвел место верховного командования — назначил себя первым вожаком и императором, повелителем небесной тверди, хозяином погод и бурь:

Владыка богов, Отец-небо, Пастырь туч. Громы и молнии были у него в подчинении. Орел и дуб — его символы, они, как и прежде, воплощают свирепую красу и необоримую силу. Его слово — закон, его власть устрашающе велика. Но Зевс был небезупречен. Очень, *очень* небезупречен.

ГЕСТИЯ

Из всех богов Гестия — «первая, кого поглотили, и последняя, кого освободили»[1], — видимо, наименее известна нам; вероятно, все потому, что сфера влияния, которую Зевс в мудрости своей определил ей, — домашний очаг. В наш менее общинный век центрального отопления и отдельных комнат для каждого члена семьи мы не придаем очагу того значения, каким наделяли его наши предки — и греки, и все прочие. Но даже для нас это слово означает нечто большее, чем просто камелек. Мы говорим «дом и очаг». Английское слово hearth имеет то же происхождение, что и heart[2], так же, как и в греческом слово «очаг» — *кардиа*, а оно, в свою очередь, означает и «сердце». В Древней Греции более широкое понятие очага и дома обозначалось словом *ойкос*, которое дожило до нас, например, в словах «экономика» и «экология». Латинский эквивалент слову «очаг» — *фокус*, и оно говорит само за себя. Странное и уди-

1 *Kerényi Károly*. Die Heroen der Griechen (*Карой (Карл) Кереньи*. Герои греков, 1958). — *Примеч. перев.*

2 Очаг… сердце (*англ.*). — *Примеч. перев.*

вительное это дело — как из слова, обозначающего место для огня, мы породили слова «кардиолог», «глубокий фокус» и «экоборец». Ключевое значение средоточия, которое связывает их все, вскрывает и громадную значимость очага для греков и римлян, а следовательно, и важность Гестии, его богини-покровительницы.

Отвергая предложения супружества, Гестия приняла на себя обет вечного целомудрия. Спокойная, умиротворенная, добрая, гостеприимная и домашняя, она держалась подальше от повседневных драчек за власть и политических козней прочих божеств[1]. Скромная богиня, Гестия обычно изображается в простом платье, протягивает пламя в чаше или сидит на грубой шерстяной подушке, на незатейливом деревянном троне. В Древней Греции было принято возносить ей хвалу перед каждой трапезой.

Римляне, назвавшие ее ВЕСТОЙ, считали эту богиню столь важной, что существовала школа жриц, посвященных ей, — речь о знаменитых девах-весталках. В их обязанности, помимо пожизненного целомудрия, входило постоянное поддержание огня, символизирующего Весту. Они были первыми хранительницами священного пламени.

Можно догадаться, что увлекательных историй об этой милой и приятной богине маловато. Я знаю только одну, которой вскоре и поделюсь. Само собой, Гестия выпутается из нее без потерь.

1 Гостеприимство, или *ксения*, было чрезвычайно почитаемо у греков, и потому заботу о нем Гестия делила с самим Зевсом, которого иногда именовали Зевсом Ксением. Боги время от времени проверяли «дружелюбие к гостям» у людей, как мы еще узнаем из истории Филемона и Бавкиды. Это явление называли *теоксенией*. *Ксенофобы*, разумеется, руку дружбы чужакам не протягивают...

ЛОТЕРЕЯ

Далее Зевс занялся своими сумрачными беспокойными братцами — Аидом и Посейдоном. В войне с титанами они оба проявили себя с равным мастерством, отвагой и хитростью, и Зевс счел, что справедливо будет, если Аид с Посейдоном вытянут жребий и поделят между собой пока не занятые море и преисподнюю.

Вы помните, что Кронос подмял под себя все в море, а также все, что над и под ним, отобрав власть у Талассы, Понта, Океана и Тефиды. Теперь Кроноса устранили, и царство соленой воды оказалось во власти Зевса. Преисподней же, включая Тартар, таинственные Асфоделевые луга (о них — позже) и подземную тьму, повелевал Эреб, и настало время им перейти в руки единого покровительствующего божества — из Зевсова поколения.

Аид и Посейдон друг друга недолюбливали, и когда Зевс сначала спрятал руки за спиной, а затем выставил вперед сжатые кулаки, братья помедлили. В случае братской неприязни один обычно хочет того, чего хочет другой.

«Море себе хочет Аид или преисподнюю? — размышлял Посейдон. — Если преисподнюю, я тоже ее хочу — просто чтобы его позлить».

Аид думал в том же ключе. «Что бы ни досталось, — говорил он себе, — воскликну восторженно, лишь бы досадить этому гаденышу Посейдону».

В каждом кулаке у Зевса было сокрыто по драгоценному камню: сапфир, синий, словно море, — в одном и кусочек гагата, черного, как Эреб, — в другом. Посейдон, коснувшись правой руки Зевса и увидев в раскрытой ладони мерцавший синий сапфир, на радостях сплясал джигу.

— Океаны — мои! — взревел он.

— Это значит... *да!* — завопил Аид, салютуя кулаком. — Это значит, что моей будет преисподняя! Ха-ха!

Но где-то внутри у него все сникло. Боги — они ну совсем как дети.

АИД

То был последний раз, когда Аида видели смеющимся. Отныне всякое веселье и радость покинули его. Вероятно, обязанности Владыки преисподней постепенно подточили юношеский задор и легкость, какие когда-то были у Аида.

Отправился он в глубины, подгребать под себя свои владения. И пусть имя его вечно будет связано со смертью и загробной жизнью, а весь мир преисподней (прозываемой в его честь) — с болью, карой и беспредельным страданием, Аид еще стал символом богатства и роскоши. Самоцветы и драгоценные металлы, что добываются из недр земных, и необходимейшие урожаи зерна, овощей и фруктов, что вызревают в почвах, напоминают нам, что из распада и смерти рождаются жизнь,

изобилие и богатство. Римляне прозвали Аида ПЛУТОНОМ, и слова «плутократ» и «плутоний» — отголосок роскоши и мощи[1].

В личное подчинение к Аиду попали Эреб и Никта, а также их сын Танатос (сама Смерть). В преисподней имелась система рек со своими божествами, слишком мрачных и страшных для открытого воздуха. Главная — Стикс (ненависть), дочь Тефиды и Океана, чье имя и «стигийские» черты вспоминаются и по сей день, когда нужно описать что-нибудь темное, угрожающее и мрачное, что-нибудь адски черное и угрюмое. В Стикс впадали ФЛЕГЕТОН, пылающая река огня, АХЕРОН, река скорби, ЛЕТА, воды забвения, и КОКИТ — поток плача и стенания. Брата богини Стикс Харона назначили паромщиком, и покамест он ждал, опершись на шест, у берега реки Стикс. Он грезил, как однажды души целыми тысячами начнут стекаться на берега его реки и платить ему за перевоз. Этот день грядет.

Фуриям — рожденными из земли эриниям — Аид отвел в своих владениях место в самой темной сердцевине. Оттуда эта троица могла летать в любой уголок мира и вершить возмездие над преступниками, падшими достаточно низко, чтобы заслужить внимание эриний.

Со временем Аид завел себе питомца — исполинскую змеехвостую собаку о трех головах, отпрыска той чудовищной парочки, порожденной Геей и Тартаром, — Ехидны

1 Иногда попадается имя ДИТ (от латинского слова, означающего «богатый»), применяемое к Аиду или его иудеохристианскому потомку ЛЮЦИФЕРУ. Данте в «Аду» называл Дитом столицу Ада. Сегодня это слово вспоминают лишь затейники — составители кроссвордов.

и Тифона. Звали пса КЕРБЕРОМ (но и на свое римское имя ЦЕРБЕР он тоже откликался). Кербер — тот самый адский пес, устрашающий неутомимый страж и хранитель преисподней.

У озера Лерна — одного из врат в преисподнюю — Аид разместил ГИДРУ, еще одно исчадие Тартара и Геи. Я уже говорил о кошмарных мутациях, какие случаются в парах у чудищ, и разница между Кербером и его сестрицей Гидрой — показательный пример. С одной стороны, пес с более или менее сообразным количеством голов — тремя — и изящным змеиным хвостом, каким можно вилять, а с другой — его сестра, многоглавая водяная тварь, которую почти невозможно убить. Отрубишь одну голову — она отращивает еще десять на том же месте.

Вопреки этим зоологическим непотребствам Аид пока был спокойным краем, и правил им бог, которому почти нечего делать. Чтобы в аду стало поживее, нужны были смертные. Созданья, которые умирают. А потому оставим Аида на некоторое время, пусть сидит на своем хладном адском троне и супится, столь же негостеприимный, ледяной и далекий, как планета, носящая его имя[1], и втайне клянет судьбу, что подарила власть над морями его ненавистному братцу.

1 Или же «карликовая планета», какой ее теперь неуважительно считают. Луны Плутона — Стикс, Никта, Харон, Кербер и Гидра.

ПОСЕЙДОН

Посейдон — совсем не такой бог, как Аид. Он бывал груб, буен, тщеславен, капризен, непоследователен, беспокоен, жесток и непостижим, как и океаны в его власти. Но бывал и предан — и благодарен. Подобно своим братьям и некоторым сестрам, он тоже склонен был к неутолимой похоти, глубокой духовной любви и всем остальным чувствам в промежутке. Как и все боги, он жаждал обожания, жертв, послушания и восхваления. Один раз друг — друг навеки. Однажды враг — враг навсегда. И Посейдон стремился к большему, чем огненные жертвоприношения, возлияния и молитвы. Он не спускал алчных, завистливых глаз с самого младшего из братьев, того самого, который теперь представлялся «старшим» и «владыкой». Коли понаделает Зевс слишком много ошибок, Посейдон будет тут как тут — и сшибет его с трона.

Циклопы, сотворив для Зевса огненные стрелы-молнии, создали могучее оружие и для Посейдона — трезубец. Этой громадной трезубой острогой можно было нагонять приливную волну или закручивать водовороты — и даже сотрясать землю, за что Посейдон получил прозвище Колебатель Земли. Страсть к сестре Деметре вынудила его изобрести лошадь — чтобы впечатлить и ублажить Деметру. Страсть ушла, а лошадь навеки осталась для Посейдона священной.

В глубинах того, что мы ныне зовем Эгейским морем, Посейдон выстроил из кораллов и жемчугов громадный

дворец, где поселился со своей спутницей АМФИТРИТОЙ, дочерью Нерея и Дориды или (по некоторым сведениям) Океана и Тефиды. Свадебным подарком Амфитрите от Посейдона стал самый первый дельфин. Амфитрита родила Посейдону сына ТРИТОНА, некое подобие русала, которого обычно изображают сидящим на собственном хвосте: он наигрывает, раздув щеки, на здоровенной морской раковине. Амфитрита, по правде говоря, была, похоже, довольно невыразительной, и мелькает в совсем немногих занимательных историях. Посейдон почти все время гонялся за совершенно неисчислимым сонмом красивых дев и юнцов; от первых он народил еще большую орду чудищ, полубогов и людей-героев, назовем лишь парочку — Перси Джексона[1] и Тесея.

Древнеримский эквивалент Посейдона — НЕПТУН, чья исполинская планета окружена лунами, среди которых упомянем Талассу, Тритона, Наяду[2] и Протея[3].

1 Главный герой серии фантастических романов «Перси Джексон и олимпийцы» американского писателя Рика Риордана (р. 1964), первые два романа были экранизированы. — *Примеч. перев.*

2 Что странно, поскольку наяды, понятно, были пресноводными нимфами, в отличие от морских нереид и океанид. Возможно, астрономы в этом случае забыли потолковать с античниками, прежде чем раздавать имена.

3 ПРОТЕЙ, оборотень-старик из моря, пас морских чудищ и знал много всякого. Чтобы добыть у него сведения, нужно было побороть его, а это непросто, поскольку, что досадно, он умел быстро превращаться во всякое разное — от ящерицы до ягуара, от дельфина до долгонога. Такую изворотливость мы ныне именуем протейской.

ДЕМЕТРА

Далее божественными обязанностями наделили Деметру. Волосы цвета зрелой пшеницы, кожа — как сливки, глаза — синее васильков; она была роскошно красива, будто греза, как и положено любой богине, за исключением... ну, вопрос о том, кто был самой красивой богиней, — вообще едва ли не самый трудный, коварный и в конечном счете чреватый катаклизмами.

Такой обворожительной была Деметра, что привлекла к себе непрошеное внимание обоих братьев — и Зевса, и Посейдона. Чтобы улизнуть от последнего, она превратилась в кобылу, а он, чтобы нагнать ее, сделался жеребцом. Плодом этого союза стал жеребенок АРИОН, выросший в бессмертного коня, наделенного волшебным даром речи[1]. От Зевса Деметра родила дочь ПЕРСЕФОНУ, чья история ждет нас впереди.

Зевс поручил Деметре ответственность за урожаи, а также даровал покровительство росту всего живого, плодовитости и смене времен года. Римляне звали ее ЦЕРЕРОЙ, и от этого имени происходит слово cereal[2].

Как и Гестия, Деметра — из тех божеств, что запечатлелись в людской памяти слабее, чем другие ее пылкие и ха-

1 Не путать с поэтом-песенником Арионом, с которым мы еще познакомимся.

2 [Злак, каша (*англ.*). — *Примеч. перев.*] *Де-метра* часто переводится как «мать ячменя» или «мать зерна», хотя сейчас считается, что, скорее всего, это имя исходно означало «мать-земля», и тем подчеркивалось, сколь всеохватно поколение Зевса отобрало бразды правления у Геи.

ризматичные родичи. Но, как и царство Гестии, владения Деметры имели колоссальное значение для греков: храмы и поклонение ей продержались дольше посвященных более броским с виду богам. Одна замечательная история о Деметре, ее дочери и боге Аиде поражает воображение, насыщена событиями, многозначительна и правдива.

ГЕРА

ГЕРА ВЫБРАЛАСЬ ИЗ РЕИ ПРЕДПОСЛЕДНЕЙ[1]. Эпитеты, применяемые к Гере по сей день, — «гордая», «властная», «ревнивая», «высокомерная» и «злопамятная». В искусствоведческих разговорах ее частенько награждают тремя неприятными эпитетами с составной частью «-обра́зная»: «статуеобразная», «рубенсообразная» и, по ее римскому имени, «юнонообразная».

Судьба и память поколений оказались к Владычице небесной жестоки. В отличие от Афродиты или Геи у Геры нет планеты, названной в ее честь[2], и ей приходится мириться с репутацией богини скорее реактивной, чем активной, а все — из-за беспутности ее мужа-брата Зевса.

Вольно ж нам относиться к Гере как к тирану и зануде — ревнивой и подозрительной, скандалистке и брюзге,

1 Анаграмматически Rhea получается из Hera — по крайней мере, мне так слышно [*англ.* hear. — *Примеч. перев.*], но гонять сего зайца [*англ.* hare. — *Примеч. перев.*] незачем.

2 Не стоит забывать, что Гея — тоже планета: это наш с вами родной мир. Латинизировали ее как Теллус или Терра Матер, на саксонский же манер она Earth (созвучно германской богине Эрде, она же Эрда, Ёрд или Урд).

самому́ воплощению сердитой бабищи (так и воображаешь себе, как она мечет фарфоровые статуэтки в бестолковых клевретов), что настигает своим злобным возмездием нимф и смертных, которые ей не угодили — спалили недостаточно животных у нее на алтаре или, что хуже всего, совершили преступление, сойдясь с Зевсом (желали они того или нет, она никогда не прощала их и злиться могла не одну жизнь подряд). Но при всей ее несомненной заносчивости, спеси, зашоренной приверженности иерархиям и нетерпимости к яркому и дерзкому — архетип многих тетушек в литературе и вдовствующих герцогинь в кино[1] — занудой Гера уж точно не была. Свирепость и решимость, с какими она шла против бога, способного испепелить ее одним ударом молнии, показывают и уверенность в себе, и отвагу.

Я ее очень люблю; и пусть в ее присутствии я, несомненно, заикался бы, краснел и судорожно сглатывал, она всегда найдет во мне приверженного поклонника. Гера придавала богам стать, вес и бесценное свойство, которое римляне именовали *аукторитис*[2]. Если из-за этого кажется, будто Гера портит всю малину, что ж, иногда малину необходимо портить, а детей отзывать из малинника

1 Я бы предположил, что Мари Дресслер, леди Брэкнелл и тетя Агата — назовем для примера лишь трех — ведут свое происхождение от Геры. [Мари Дресслер (Лейла Мари Кёрбер, 1868–1934) — американская звезда комедийного кино со времен немого кинематографа, снималась в т. ч. с Чарли Чаплином, во многих фильмах выступает в амплуа вздорных и властных дам. Леди Брэкнелл — героиня пьесы Оскара Уайлда «Как важно быть серьезным» (1895), вздорная и властная дама. Тетя Агата — героиня многих романов П. Г. Вудхауса о Дживзе и Вустере, тетка Берти Вустера, вздорная и властная дама. — *Примеч. перев.*]

2 Производное от *лат.* auctoritas, в русскоязычных источниках обычно «авкторитас». — *Примеч. перев.*

в дом. Ее владения — супружество, а животные, которые обычно с ней связаны, — павлин и корова.

За время войны с титанами у Геры с Зевсом сложился естественный союз, и Зевсу стало очевидно, что лишь у Геры достанет личной мощи, достоинства и властности, чтобы сделаться его супругой и рожать ему новых богов.

Хоть и искрил этот брак от напряжения, раздражения и недоверия, получился он тем не менее замечательным.

НОВЫЙ ДОМ

Зевсово желание начать новую эпоху, по-новому обустроить Космос, предполагало не только упрощенное распределение полномочий и обязанностей среди сестер и братьев. Зевс представлял себе нечто более просвещенное и разумно устроенное, чем кровавые лютые тирании былого.

Он прозревал собрание двенадцати главных богов — *додекатеон*, как сам он по-гречески это именовал[1]. Пока мы познакомились с шестью — детьми Кроноса и Реи. Существовало и еще одно божество, которое можно было

1 С тех пор как Зевс принял то решение, число двенадцать, похоже, обрело важные свойства. Оно делится на два, три, четыре и шесть, само собой, а потому вдвое более сложное, чем нелепое десять. Дюжина по-прежнему с нами в зодиаке, в количестве часов дня, в месяцах, дюймах и пенни (в смысле, когда я был мальчиком, в шиллинге было двенадцать пенсов), не говоря уже о коленах Израилевых, апостолах Христовых, рождественских днях и азиатских двенадцатилетних циклах. Это двенадцатеричный мир.

призвать, старше их всех — рожденная из пены Афродита. Когда разразилась титаномахия, Зевс забрал Афродиту с Кипра, осознавая, какая это ценность, — а ну как ее похитят, возьмут в заложники или перетянут на свою сторону титаны. И вот так последние десять лет довольная Афродита прожила среди богов, и сделалось их семеро[1].

Титаны когда-то обжили гору Офрис, а теперь и Зевс выбрал место для своей штаб-квартиры — гору Олимп, высочайший пик Греции. Он и его боги прославятся как ОЛИМПИЙЦЫ и править будут так, как до них не правили никакие божества.

НЕДОМЕРОК

Когда боги перебирались на Олимп, Гера была на сносях. Довольнее некуда. Она желала нарожать Зевсу детей такой великой мощи, силы и красоты, что ее место Владычицы неба закрепилось бы за ней навеки. Она знала, что у Зевса блудливый глаз, и решительно настроилась пресекать блуд всех прочих частей его тела. Первым она родит величайшего из всех богов — мальчика, которого назовет ГЕФЕСТОМ, и тогда Зевс уже чин чином женится на ней и навсегда окажется в ее власти. Таков был Герин замысел. Замыслы бессмертных, впрочем, уязвимы для жестоких выходок Мора — как и замыслы смертных.

1 Боги были — если вдуматься — племянниками и племянницами Афродите: они родились от Кроноса, а Афродита возникла из семенной жидкости Урана.

Когда пришел срок, Гера возлегла, и родился Гефест. К ее ужасу, ребенок оказался таким чернявым, уродливым и мелким, что, лишь глянув на него с отвращением, она схватила его и швырнула с горы. Прочие боги наблюдали, как вопящее дитя упало на скалы и исчезло в море. Воцарилась жуткая тишина.

Мы вскоре узнаем, что приключилось с Гефестом дальше, но пока давайте останемся на Олимпе, где Гера чуть погодя вновь забеременела от Зевса. На сей раз она очень следила за собой, ела здоровую пищу и делала зарядку — осторожно, однако регулярно, в полном соответствии с предписаниями и практическими советами для беременности и родов. Ей хотелось *подобающего* сына, а не какого-то недомерка на выброс.

ЭТО ВОЙНА

В СВОЙ СРОК ГЕРА, САМО СОБОЙ, родила любострастное, сильное и красивое дитя, какое себе и желала.

АРЕС, как она поименовала его, с самого начала был драчливым, свирепым и нахрапистым мальчиком. Он нарывался на ссоры со всеми и думал лишь о сшибках оружия и лошадей, о колесницах, копьях и боевых искусствах. Зевс, невзлюбивший его сразу, назначил Ареса, естественно, богом войны.

Арес — МАРС у римлян — был, конечно, недалек, фантастически туп и лишен воображения, ибо, как всем

известно, война — дело дурацкое. Тем не менее даже Зевс снисходил до неохотного согласия, что Арес — приобретение, Олимпу необходимое. Война, может, и неумная штука, но при этом неизбежная, а временами — дерзнем ли сказать? — необходимая.

Арес быстро возмужал и обнаружил, что неотвратимо тянется к Афродите — а кто из богов не тянулся к ней? Куда страннее, наверное, другое: она в ответ тянулась к Аресу. Более того — она его любила: его свирепый нрав и сила затрагивали что-то в ее глубинах. Арес тоже влюбился в нее — уж насколько подобные буйные грубияны способны на такое чувство. У любви и войны, Венеры и Марса, всегда возникает сильное родство. Никто не понимает толком, с чего бы, однако на попытках найти ответ заработана прорва денег.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ТРОН

Чтобы закрепить свое положение повсеместно признанной Владычицы неба и бесспорной спутницы Зевса, Гера сочла необходимым устроить грандиозный свадебный пир, масштабную публичную церемонию, какая навеки затянет их с Зевсом брачный узел.

Почти все действия Геры направляла двойная страсть — собственничество и тщеславие. Ей приятно было видеть, что сын влюбился в Афродиту, однако богине этой она не доверяла. Если Афродита согласится прилюдно подтвердить свою преданность Аресу, как, предполагалось,

сделает Зевс по отношению к Гере, тогда все будет чинно и официально и победа Геры станет окончательной. Первая свадьба в мире, таким образом, торжественно отметит сразу два супружества.

Назначили дату, разослали приглашения. Начали прибывать подарки, и самым зрелищным, по всеобщему согласию, оказался золотой трон, адресованный лично Гере. Свет не видывал такого великолепного и роскошного предмета. Кем бы ни был анонимный даритель, у него или у нее, объявила Гера, очевидно, утонченный вкус. Довольно улыбаясь, она опустилась на трон. В тот же миг подлокотники его ожили и свернулись внутрь, заключив Геру в тугие объятия. Как ни пыталась она вырваться, подлокотники смыкались вокруг нее; Гера попала в ловушку. Вопила она страшно.

КАЛЕКА

Что случилось с Гефестом после того, как его сбросили с небес, — предмет сомнений, разногласий и пересудов. Одни говорят, что за малышом-богом ухаживала океанида Эвринома, либо титанида Тефида, мать Эвриномы, либо, возможно, ФЕТИДА, нереида (дочь Нерея и Дориды), которой много лет спустя предстояло родить АХИЛЛА. Впрочем, судя по всему, бесспорно то, что Гефест вырос на острове Лемнос, где научился ковать и создавать изысканные и изощренные штуки. Он почти сразу явил замечательный талант

творить полезные, красивые и даже магические предметы, и сей дар — вместе с силой Гефеста, какую тот применял к мехам, а также с очевидной неуязвимостью перед ожогами в пылающем жаре у горнила, — помог ему стать величайшим кузнецом на свете.

От удара о склон горы Олимп Гефест повредил стопу и охромел навсегда. Неловкая походка, слегка перекошенное лицо и спутанные черные кудри — довольно жуткое зрелище. Впрочем, позднее оказалось, что он преданный и добрый, а нрав у него неунывающий и спокойный. В греческом мифе пруд пруди малышей, брошенных в глуши или оставленных умирать на вершине горы, — бывало, из-за какого-нибудь пророчества, что малютка вырастет и навлечет неприятности на головы родителей, племени или города, бывало и так, что ребенка считали про́клятым, уродливым или калекой. Подобные изгои, похоже, всегда выживали и возвращались, чтобы исполнить пророчество или заявить о своих правах.

Гефест стремился вернуться на Олимп — он знал, что там по праву его дом, но понимал, что без горечи и с открытым сердцем ему это не удастся, пока не позволит он себе один взвешенный жест мести, который докажет силу его личности, его право на божественность и послужит ему визитной карточкой на небесах.

И вот Гефест выучился ремеслу, раскачал меха, его прыткий и ловкий ум родил затею, а прыткие и ловкие пальцы воплотили ее в поражающую воображение действительность.

РУКА АФРОДИТЫ

Прикованная к золотому трону, Гера была от ярости и бессилия. Ни ее мощь, ни возможности самого Зевса не смогли освободить ее от этого проклятия. Как ей звать бессмертный мир на пиршество, если сама она будет восседать, словно преступница, в колодках? Несуразица, потеря достоинства. Над ней станут потешаться. Что за волшба тут действует? Кто сотворил это? Как ей освободиться от чар?

Бедняга Зевс под канонаду ее вопросов и жалоб обратился за помощью к другим богам. Тот, кто сумеет освободить Геру, возвестил он, получит руку Афродиты в супружестве, а это величайший на свете матримониальный дар.

Ареса этот безапелляционный вердикт откровенно вывел из себя. Это *он* собирается жениться на Афродите, что непонятно?

— Угомонись, — велел Зевс. — Ты сильнее всех богов, вместе взятых. Твоему союзу ничто не угрожает.

Афродита тоже не сомневалась и словами ободрения подталкивала возлюбленного к делу. Но никакие Аресовы усилия тянуть, пихать и клясть трон на чем свет стоит не увенчались успехом. Более того, казалось, чем больше он пыжится, тем туже хватка трона. Посейдон тоже (хоть уже и была у него подруга — Амфитрита) предпринял вдохновенную попытку, но и она ни к чему не привела. Даже Аид выбрался из преисподней — приложить

руку к освобождению Геры от ее все более постыдной участи. Втуне.

Зевс лихорадочно, однако без всякого толку, дергал за подлокотники и выносил все больше оскорблений от униженной и взбешенной Геры, и тут во всей этой неразберихе раздалось вежливое, но настойчивое покашливание. Собравшиеся боги обернулись.

С тихой улыбкой на перекошенном лице стоял посреди небесного зала Гефест.

— Привет, мама, — сказал он. — Что-то не ладится?

— Гефест!

Он захромал вперед.

— Насколько я понял, назначено какое-то вознаграждение?..

Афродита потупилась, прикусив губу. Арес зарычал и подался вперед, но Зевс придержал его. Остальные боги расступились, пропуская маленького уродца, и тот поковылял туда, где сидела в узилище золотого трона Гера. От одного прикосновения его пальцев подлокотники трона разжали хватку и освободили Геру[1]. Она встала, разгладила и одернула платье, всем своим видом сообщая, что положение было в ее власти от начала и до конца. Афродита вспыхнула. Как же так!

То был миг сладостного возмездия Гефеста, однако его глубинно благая натура не позволила ему злорадствовать. Вопреки — а может, и благодаря — припадкам чувства

1 Здесь нам явлен важный принцип, и мы с ним еще не раз столкнемся: ни один бог не способен отменить чары, преображения, проклятия или волшбу другого.

отверженности, какие он претерпевал всю жизнь, не гнев им двигал и не обида, а лишь желание порадовать, принести пользу и ублажить. Он понимал, что безобразен, и знал, что Афродита его не любит. Понимал и то, что, заяви он свое право на этот приз, она предаст его и будет то и дело прыгать в койку к его братцу Аресу. Гефест ликовал, что вернулся домой, этого достаточно.

Что же до Геры... Та отнюдь не признала, что это расплата за жестокое и противоестественное материнское предательство, и хранила высокомерное ледяное молчание. Все лучшее, что в ней было, втайне гордилось своим старшеньким, и со временем она искренне полюбила его — как все остальные олимпийцы.

Гефест еще понаделает подарков и Афродите, и всем богам и покажет себя достойным членом божественной дюжины. Под кузницу ему дали целую горную долину. Та кузница станет величайшей и самой продуктивной мастерской на свете. В помощники себе он взял циклопов, а те и сами были, как мы уже убедились, мастерами высочайшего уровня. Они учили его тому, чего пока не умел Гефест, и все вместе, работая под его началом, сотворили замечательные предметы, которые впоследствии изменили мир.

Гефест — бог огня и кузнецов, ремесленников, скульпторов и металлургов — обжился дома. Его римское имя — ВУЛКАН, оно запечатлено в «вулканах» и «вулканизованной резине»[1].

1 Планета Вулкан и ее народ — в том числе и капитан Спок — с нашим Вулканом не связаны, насколько мне известно. Римляне иногда прозывали Вулкана МУЛЦИБЕР, литейщик, в признание его способности размягчать металл для работы — или же утишать гнев вулканов.

СВАДЕБНЫЙ ПИР

РАЗЛЕТЕЛИСЬ СВЕЖИЕ ПРИГЛАШЕНИЯ на свадьбу Зевса и Геры, поспешно дополненные и женитьбой Афродиты и Гефеста. Все приглашенные на двойную свадьбу подтвердили явку — с восторженной радостью. Ничего подобного в Мироздании пока не происходило, но и Мироздание доселе не видывало богини, похожей на Геру, со всем ее собственничеством и неукротимым стремлением к порядку, церемонности и семейному достоинству.

Нимфы деревьев, рек, ветерков, гор и океанов неделями напролет только об этой свадьбе и говорили. Лесные обитатели — похотливые фавны, а также крепкие шероховатые дриады и гамадриады — тоже отправились к Олимпу из всех лесов, рощ и чащ. В честь брачной церемонии Зевс даже простил некоторых титанов. Не Атланта, конечно, и не давно изгнанного Кроноса, однако самых безобидных и наименее лютых — Иапета и Гипериона, среди прочих, — помиловали и вернули им свободу.

Чтобы подбавить задора и без того лихорадочно ожидаемому торжеству, Зевс объявил состязание: кому удастся изобрести лучшее и самое необычное свадебное блюдо, тот сможет просить о любой услуге — у самого Зевса. Бессмертные рангом пониже, а также звери с ума посходили от возбуждения: замечательная возможность блеснуть. Мыши, лягушки, ящерицы, медведи, бобры и птицы насобирали рецептов и принесли их Зевсу и Гере. Были

там торты, булки, пирожные, супы, террины из шкуры угря, каши из мха и плесени. Все сладкое, соленое, горькое, кислое и пряное разместилось на небольших помостах — на пробу Владыке, Владычице и всем богам.

Но сначала состоялось бракосочетание. Первыми женились Афродита и Гефест, следом Гера и Зевс. Службу с очаровательной простотой провела Гестия: помазав всех четверых благовонными маслами, она кадила душистый дым и пела глубоким музыкальным голосом гимны семейного союза, служения и взаимного почтения. Семья и гости взирали, многие шмыгали носами и смаргивали слезы. Фавн, бестактно ляпнувший между подавленными всхлипами, что Афродита с Гефестом — чарующая пара, получил быстрый злой пинок под зад от полыхавшего негодованием Ареса.

После официальной части пришло время определить победителя великого кулинарного конкурса. Зевс с Герой не спеша прохаживались вдоль помостов, обнюхивали, тыкали пальцами, ощупывали, пробовали, пригубливали и облизывали все предложенные творения, как заправские ресторанные критики. Участники стояли по ту сторону столиков, затаив дыхание. Когда Зевс одобрительно кивнул пружинившему желе из гибискуса, жуков и грецких орехов, его создательница — юная цапля по имени Маргарита — взбудораженно вскрикнула и тут же рухнула в обморок.

Но приз достался не ей. Победило с виду скромное подношение застенчивого созданьица по имени МЕЛИССА. Она предложила богам малюсенькую амфору, наполненную почти до краев липкой тянучкой янтарного оттенка.

— Ах да, — сказал Зевс, макая палец и всезнающе одобрительно кивая. — Сосновая смола[1].

Но не сосновая смола была в том горшочке, а нечто совсем иное. Нечто новое. Нечто клейкое, но не вязкое, тягучее, но не застойное, сладкое, но не приторное — и душистое, с ароматом, от которого все чувства бесновались от удовольствия. Мелисса назвала это «мёд». Гере, когда съела она ложку этого вещества, показалось, что дух великолепнейших полевых цветов и горных трав танцует и напевает прямо у нее во рту. Зевс облизнул тыльную сторону черпала и замычал от удовольствия. Муж с женой глянули друг на друга и кивнули. Можно было дальше не совещаться.

— Кхм... хм... уровень в этом году... оказался достойным, — сказал Зевс. — Все молодцы. Но мы с владычицей Герой единодушны. Этот... ах... *мёд* — первое место.

Все остальные создания, стараясь скрыть расстройство, изобразили бурную радость и образовали полукруг, а Мелисса двинулась вперед получать награду — исполнение желания, которое обещал Владыка всех богов самолично.

Мелисса была крошкой, а пока перемещалась к возвышению для победителя, показалась еще мельче. Она подлетела (ибо умела летать, вопреки тому, что казалась слишком громоздкой и пухлой не там, где надо) к лицу

1 Греки до сих пор добавляют сосновую смолу [resin, *англ. — Примеч. перев.*] в вино, именуют это *рециной* и предлагают туристам. Никто не знает, почему обыкновенно добрые и гостеприимные люди позволяют себе такое. На вкус рецина, по сути, то, что она есть: своего рода скипидар, каким художники разводят масляные краски. Обожаю.

Зевса как осмелилась близко и прожужжала ему вот такие слова:

— Государь, я рада, что тебе понравилось мое лакомство, но должна сказать, что творить его невероятно трудно. Приходится летать с цветка на цветок и собирать нектар на каждом. Впитать и перенести можно лишь самую малость. Весь день, пока Эфир дарует мне свет, при котором можно видеть, я вынуждена собирать, искать и возвращаться в гнездо, собирать, искать и возвращаться в гнездо — и обычно летать на большие расстояния. Но и к концу дня лишь крошечная часть собранного нектара превращается — моими тайными способами — в сладость, которая так тебя порадовала. Даже амфорка, что держишь ты в руках, — мой труд четырех с половиной недель, сам видишь, какое это трудоемкое дело. Запах меда до того силен, упоителен и неповторим, что многие приходят грабить мое гнездо. Творят они это безнаказанно, ибо я мала и могу лишь сердито жужжать на них и просить убраться прочь. Вообрази: труд многих недель можно утратить одним движением лапы ласки или языка медвежонка. Наделили же меня *оружием*, твое величество. Ты наделил скорпиона, который ничего вкусного не творит, смертоносным жалом, а змее, которая только и делает, что нежится на солнце весь день, ты дал ядовитый укус. Дай же мне, великий Зевс, такое оружие. Убийственное, чтоб разило всякого, кто станет воровать мои драгоценные запасы меда.

Брови Зевса сошлись в сумрачной задумчивой гримасе. По небу раскатился рокот, начали собираться и клубиться черные тучи. Звери завозились, с тревогой наблюдая,

как меркнет свет, а от порывов ветра захлопали скатерти и зашелестели мерцающие одеяния богинь.

Зевс, как и многие занятые важные особы, недолюбливал привередливость или жалость к себе. Эта глупая летучая точка, а не существо, требует себе смертоносного жала, а? Уж *ей*-то он покажет!

— Несчастное насекомое! — загремел он. — Как смеешь ты требовать столь чудовищной награды? Таким даром, как твой, нужно делиться, а не ревниво копить его. Я не только не пожалую тебе прошеного...

Мелисса перебила его писклявым недовольным жужжанием:

— Но ты дал слово!

Все собрание охнуло. Она что, действительно посмела перебить Зевса и усомниться в его чести?

— Уж извини, но, думаю, ты вспомнишь, что́ я обещал... — прорычал бог с ледяным самообладанием, которое гораздо страшнее любой вспышки гнева. — Что победитель может *просить* о любом одолжении. Я не обещал, что *удовлетворю* эту просьбу.

Крылья у Мелиссы поникли от разочарования[1].

— Однако, — продолжил Зевс, вскидывая ладонь, — отныне сбор меда будет даваться легче, ибо веленьем моим трудиться ты будешь не одна. Ты станешь повелительницей целого легиона, роя прилежных подданных. Кроме того, я *одарю* тебя смертельным и болезнетворным жалом.

1 Само собой, мы еще не раз увидим, как Зевс мухлюет с клятвами и увертывается от обязательств.

Крылышки у Мелиссы бодро встрепенулись.

— Но, — не умолкал Зевс, — тому, кого ужалите вы, принесет раненому острую боль, а вот смерть это принесет тебе и твоему роду. Да будет так.

По небу раскатился еще один удар грома, и небеса начали расчищаться.

Мелисса тут же почуяла внутри себя странное движение. Глянула вниз и увидела, как из оконечности ее брюшка высовывается нечто длинное, тонкое и острое, как дротик. Жало — заточенное, как игла, но оканчивалось оно злым страшным крючком. Содрогнувшись, зажужжав и загудев, Мелисса улетела.

Мелисса — по-прежнему греческое имя пчелы-медоноса, и ее жало — действительно оружие самоуничтожения, припасенное на крайний случай. Если пчела пытается улететь после того, как воткнула жало в кожу жертвы, стараясь высвободиться, она рвет себе внутренности. У гораздо менее полезной и трудолюбивой осы такой зазубрины на жале нет, и оса способна жалить сколько угодно без всякой опасности для себя. Однако осы, какими бы ни были докучливыми, никогда не выдвигали богам эгоистичных высокомерных требований.

Правда и другое: в науке отряд насекомых, к которым принадлежит пчела-медонос, называется *Hymenoptera*, что в переводе с греческого означает «свадебные крылья».

ПИЩА БОГОВ

Вероятно, не один лишь вспыльчивый нрав и раздражительность подтолкнули Зевса столь сурово наказать Мелиссу, чей мед действительно был чудесно вкусен. Возможно, дело в политике. Весь собравшийся мир бессмертных должен был засвидетельствовать происходящее. Пусть запомнят хорошенько: Владыка богов неумолим.

Безмолвие, сгустившееся над свадебном пиром, было таким же мрачным и сердитым, как тучи, что собрались перед этим. Зевс поднял амфору с медом над головой.

— В честь моей владычицы и возлюбленной жены благословляю эту амфору. Да не опустеет она никогда. Вечно пусть питает нас. Кто б ни пригубил этот мед, никогда не состарится и не умрет. Пусть будет пищей богов, а смесь его с соком фруктов — напитком богов.

Разнесся клич всеобщего ликования, взлетели горлицы, а тучи и молчание развеялись. Музы Каллиопа, Эвтерпа и Терпсихора вышли вперед и хлопнули в ладоши. Заиграла музыка, зазвучали восславляющие гимны, начались танцы. Много тарелок перебили тогда на радостях, и традицию эту блюдут до сих пор, где бы ни сходились греки поесть, попраздновать и пособирать с туристов деньги.

Греческое слово, означающее «бессмертный», — *амбротос*, а «бессмертие» — это и есть АМБРОЗИЯ: так стали называть тот особый, благословленный мед. Его пере-

бродившая питьевая разновидность, своего рода медовуха, именуется НЕКТАРОМ — в честь цветов, сделавших этот сладкий подарок.

ГАДКИЙ ЗЕВС

ЧАША ГЕРЫ БЫЛА ПОЛНА — И БУКВАЛЬНО, в тот конкретный миг, поскольку внимательная наяда наполняла ее кубок нектаром доверху и через край, и фигурально. Ее старший сын блистательно женился, а Зевс принес клятвы верности и преданности ей — в присутствии всех, кто хоть что-то в этом мире значил.

И потому она не замечала, даже сейчас, что ее ненасытный господин не сводит похотливых взоров с танцующей ЛЕТО, самой красивой нимфы с острова Кос[1]. Лето была дочерью титанов Фебы и Коя, что недавно получили амнистию от Зевса и явились на пир.

Зевсу на ухо забормотали:

— Ты думаешь, что моя племянница Лето обязана тебе жизнью, а потому будет готова разделить с тобой ложе.

Зевс глянул в мудрые, озорные глаза своей наставницы Метиды — океаниды, славившейся непревзойденным умом, хитростью и проницательностью. Метиды, которую он по-прежнему любил и которая, несомненно,

1 Кос — родина одноименного салата-латука [римский салат, или ромен-салат, по-английски называется *cos*. — *Примеч. перев.*], этот вид зелени — ключевой компонент салата цезарь.

любила его. Кровь в нем, и без того подогретая нектаром и амброзией, от танцев и музыки распалилась еще пуще[1]. Искра, вспыхивавшая между ним и Метидой, рисковала заполыхать великим пожаром.

Она это заметила и вскинула руку.

— Никогда, Зевс, никогда. Я тебе была вместо матери. Кроме того, сегодня твоя свадьба — ты совсем, что ли, стыд растерял?

Стыд — аккурат то, что Зевс и растерял. Принялся распускать руки под столом. Встревожившись, Метида встала и удалилась. Зевс поднялся и пошел за ней. Она заспешила, повернула за угол и ринулась вниз с горы.

Зевс помчал вдогонку, по дороге превращаясь сначала в быка, потом в медведя, следом во льва и напоследок — в орла. Метида спряталась за грудой валунов глубоко в пещере, но Зевс, обернувшись змеем, ухитрился пролезть в просвет между камнями и обвить Метиду своими кольцами.

Метида Зевса всегда любила и, утомленная и тронутая его настойчивостью, наконец поддалась. И все же, когда свершилось соитие, Зевса что-то продолжало тревожить. Пророчество, услышанное от Фебы. Что-то про ребенка Метиды, который вырастет и свергнет отца.

После, в игривой постельной беседе, они взялись обсуждать превращения — *метаморфозы*, как зовут их греки. Как бог или титан может превращать других — или пре-

1 Вообще-то у богов не кровь в венах, а красивая серебристо-золотая жидкость, именуемая ИХОРОМ. Парадоксальная это жидкость: у нее были все жизнетворные свойства амброзии и нектара, однако она была убийственна и смертельно ядовита для смертных.

вращаться сам — в зверей, растения или даже неживые предметы, как это получилось у Зевса, когда гнал он Метиду. Она поздравила его с успехами в этом искусстве.

— Да, — сказал Зевс с некоторым самодовольством, — я преследовал тебя в обличье быка, медведя, льва и орла, но лишь змеем поймал тебя. У тебя репутация хитрой и изворотливой, Метида, но я одолел тебя. Признайся.

— Ой, я уверена, что могла бы тебя обскакать. Да превратись я в муху, ты бы нипочем не поймал меня, а?

Зевс рассмеялся.

— Ты так думаешь? Плохо же ты меня знаешь.

— Ну давай, — поддразнила его Метида. — Поймай! — С жужжанием превратилась она в муху и заметалась по пещере. В мгновение ока сделался Зевс ящерицей и одним движением длинного липкого языка Метида (вместе с каким бы то ни было Зевсовым чадом, что уже сейчас могло зарождаться у нее в утробе) оказалась надежно упрятана в его нутро. Скверная привычка Кроноса слушаться пророчеств и жрать любого, кому предречено свергнуть предка, похоже, передалась и сыну его Зевсу.

Проскользнув обратно на Олимп в собственном обличье и поздравив себя с тем, насколько хитрее он оказался, чем знаменитая этим качеством Метида, Зевс попал как раз в разгар музыки и танцев, и жена его, кажется, ничего не заметила.

МАТЬ ВСЕХ МИГРЕНЕЙ

ВЛАДЫКУ БОГОВ НАКРЫЛО МИГРЕНЬЮ. не похмельем от свадебного пира, не головной болью, какая бывает от задачки, которую необходимо решить, — у него как вождя таких всегда хватало, — а головной болью, в смысле настоящей болью в голове. Но какой! С каждым днем становилось все хуже, и Зевса одолевала острейшая, сокрушительная, ослепительная, убийственная мука, невиданная в истории чего угодно. Боги, может, и избавлены от смерти, старения и многих других ужасов, какие настигают и пугают всех, кто невечен, зато от боли они не застрахованы.

Зевсовы вопли, вой и крики разносились по долинам, ущельям и пещерам континентальной Греции. Звенели эхом в гротах, между скалами и бухтами островов, пока весь мир не забеспокоился, уж не повылезали ли гекатонхейры из Тартара и не разразилась ли титаномахия по второму разу.

Братья, сестры и прочие родственники озабоченно вились вокруг него на морском берегу, где обнаружили Зевса: тот умолял своего племянника Тритона, старшего сына Посейдона, утопить его в соленых пучинах. Тритон отклонил эту просьбу, и потому все шевелили извилинами и пытались измыслить другой способ избавления, а бедняга Зевс, страдая, метался и вопил, стискивая голову, словно пытался раздавить ее.

И тут Прометей, юный титан, любимец Зевса, нашелся и нашептал Гефесту свою затею, тот с готовностью кивнул, а затем ухромал к себе в кузницу со всей прытью, на какую способны были его увечные ноги.

А происходило у Зевса в голове интересное. Неудивительно, что страдал он от такой сокрушительной боли, потому что хитроумная Метида была по уши в делах: сидя у него в черепе, она плавила, обжигала и ковала себе доспехи и оружие. В разнообразной, здоровой и сбалансированной диете богов имелось в достатке железа и других металлов, минералов, веществ редкоземельных и следовых элементов, и Метида добыла их все у Зевса в крови и костях — все руды и составляющие компоненты, какие бы ни понадобились.

Гефест, одобривший бы ее зачаточные, но действенные знания в металлургии, вернулся на людный пляж и принес с собой здоровенный топор — двухсторонний, на минойский манер.

Прометей убедил Зевса, что единственный способ облегчить его муки — отнять ладони от висков, преклонить колена и крепиться в вере. Зевс пробормотал что-то насчет неувязки для Владыки богов — нет никого над ним, в кого веровать, — но послушно пал на колени и стал ждать своей участи. Гефест бодро и уверенно поплевал на ладони, схватился за топорище и, пока публика, притихнув, наблюдала, одним гладким движением опустил топор на середку Зевсова черепа, опрятно расколов его пополам.

Повисла жуткая тишина — все глазели с ошарашенным ужасом. Ошарашенный ужас превратился в предельное недоумение, а следом — в недоуменное обалдение: все

увидели, как из расколотого черепа Зевса вздымается наконечник копья. Следом показались рыжеватые перья шлема. Наблюдавшие затаили дыхание, и вот уж взорам их предстала женская фигура, облаченная в полный доспех. Зевс склонил голову — то ли от боли, то ли от облегчения, преклонения или попросту от ужаса, толком никто не разобрал, — и, словно склоненная голова его была пандусом или сходнями, спущенными для ее удобства, сиятельная сущность спокойно шагнула на песок и поворотилась к Зевсу.

В пластинчатых доспехах, со щитом, копьем и в шлеме с плюмажем, она смотрела на отца неповторимыми, чудесными серыми глазами. И этот серый оттенок, казалось, излучает самое главное в ней — беспредельную мудрость.

С одной из сосен, что окаймляли пляж, слетела сова и уселась на сияющее плечо воительницы. Из дюн выползла изумрудно-аметистовая змея и свилась у ног девы.

Зевсова голова с довольно противным чавканьем срослась и исцелилась.

Всем присутствовавшим было ясно, что эта новая богиня наделена всеми полномочиями власти и личной силы, что вознесут ее над бессмертными. Даже Гера, догадываясь, что новенькая — уж точно плод беспутной связи, случившейся очень вскоре после их с Зевсом свадьбы, чуть не поддалась искушению склонить колено.

Зевс глядел на дочь, из-за которой он претерпел столько боли, и радушно улыбался. На ум ему пришло имя, и он произнес его:

— Афина!

— Папа! — отозвалась она, нежно улыбаясь в ответ.

АФИНА

Свойства, воплотившиеся в Афине[1], станут ключевыми достоинствами и достижениями великого города-государства, который получит ее имя, — Афины. Мудрость и проницательность она унаследовала от своей матери Метиды. Ее силы — искусство рукоделия, войны и государственности. А также закон и справедливость. Она отхватила себе и часть владений Афродиты — любовь и красоту. Афинин извод красоты выражался в эстетике, в восприятии *идеалов* в искусстве, поведении, мыслях и характере, а не в физическом, очевидном и, вероятно, поверхностном виде, какими всегда ведала Афродита. Любовь, за которую отвечала Афина, тоже менее распаленная и физическая, такая, какую позднее станут именовать платонической. Афиняне стали превозносить эти качества Афины превыше всех прочих так же, как восхваляли они ее саму, их покровительницу, превыше всех бытовавших бессмертных. Я называю их «бытовавшими», поскольку — и об этом мы еще узнаем — двое других олимпийских богов, еще не рожденных, вскоре сыграют свою роль в определении того, что значит быть афинянином и греком.

Позднее Афина и Посейдон посоперничают за покровительство над городом Кекропия. Посейдон ударил трезубцем в скалу, на которой они оба стояли, и забил из нее родник соленой воды; впечатляющий фокус, но в соленой

1 Еще *Athena* пишется как *Athene*, однако никакого дополнительного смыслового оттенка в таком варианте произношения не возникает, по-моему.

воде вообще-то никакого толка, просто живописный общественный фонтан. Простеньким же подарком Афины стало первое оливковое дерево. Граждане Кекропии в мудрости своей углядели многую пользу от плодов, масла и дерева и выбрали Афину своим божеством-покровительницей, а также защитницей, и изменили название города на Афины — в ее честь[1].

В Риме ей поклонялись как МИНЕРВЕ, но без той особой личной связи, какую ощущали с ней греки. Ее любимые животные — сова, этот почтенный символ недреманной мудрости, а также змея — под чьим обличьем отец завоевал ее мать. Олива, чьи мягкие и много на что годные плоды оказались великим благословением для Греции, тоже была для нее священна[2].

Кажущаяся нежность тех серых глаз выдавала новое видение идеала красоты — соединявшего физическую силу с силой натуры и ума. Недальновидно это — сердить Афину. Кроме того, если насолил Афине — насолил и Зевсу. Он в дочке души не чаял, и что б ни сделала она — всё умница. Арес, самый нелюбимый ребенок Владыки, составлял

1 Власть на морях и возможная благодаря ей торговля не раз спасали Афины (и подарили ошеломительную победу над персами в Саламинском сражении). Но разведение олив и прочие ремесла, искусства и умения — вотчина Афродиты, и они имели, возможно, даже бóльшую значимость.

2 Помимо доспехов на Афине всегда изображали ЭГИДУ. Договориться, как именно выглядела эгида, пока не удалось. Иногда ее описывают как звериную шкуру (изначально козлиную: *аига* — греческое слово, означающее «козел»), хотя позже в скульптуре и керамике возникали и львиные, и леопардовые шкуры. Эгидой Зевса обычно считают его щит, возможно обтянутый козлиной шкурой, на нем изображено лицо Горгоны. Цари и императоры, желая намекнуть на свое полубожественное положение, набрасывали эгиду себе на плечи — в знак права на власть. В наши дни это слово подразумевает лидерство или авторитетность. «Под эгидой» того или иного человека, принципа или организации совершаются те или иные действия или делаются заявления.

интересный противовес своей сводной сестре. И та и другой — боги войны, но Афину интересовало планирование, тактика, стратегия и умное искусство противостояния, тогда как Арес был богом боя, схватки и всевозможных драк. Он понимал только насилие, натиск, нахрап, покорение и усмирение. Как ни противно, однако следует признать: мощь каждого из них по отдельности не могла сравниться с той, какая возникала в союзе Ареса и Афины.

Афине часто придавали дополнительное имя ПАЛЛАДА, и как Афина Паллада она охраняла свой город Афины. Символ ее хранительства назывался *палладием*, это слово как-то ухитрилось просочиться в названия театров[1], а также подарило нам химический элемент *Pd*. Изначально Паллада была дочерью морского бога Тритона и подругой детства Афины. Они затевали полушутейные войнушки друг с другом. Как-то раз, когда Паллада побеждала Афину, Зевс (вечно бдевший и защищавший свою любимицу) вмешался и, метнув парализующую молнию, вышиб из Паллады дух. Афина в пылу игры нанесла *coup de grâce* и добила подругу. Навеки взяла себе потом имя Паллады — скорбный знак вечной любви и раскаяния.

Афина, как и Деметра, оставалась не осквернённой мужчинами[2]. Ее бездетная одинокая жизнь и юношеская дружба с Палладой наводят некоторых на мысли, что Афину следует считать символом женской однополой любви.

1 Например, лондонский театр «Палладиум» (с 1910 г.), кинотеатры «Палладиум» в Нью-Йорке (1927–1997) и Голливуде (с 1940 г.) и др. — *Примеч. перев.*

2 *Парфенос* [также *партенос. — Примеч. перев.*] по-гречески означает «девственница», это слово часто добавляется к имени Афины, отсюда и название Парфенона — ее храма на Акрополе.

ВНУТРЕННЯЯ МЕТИДА

Когда Зевс одурачил мать Афины, чтобы та обернулась мухой, а он бы потом слизнул ее ящерным языком, Метида повела себя с несвойственной ей глупостью. Казалось бы.

На самом деле никто ее не одурачил. Одурачила она. «Метида» означает «ловкость» и «хитрость», никуда не денешься. Она вполне сознательно дала себя пожрать — более того, она же и заставила Зевса это сделать. Она понимала, что, пожертвовав своей свободой и навеки оставшись внутри него, сможет стать его мудрой советчицей, своего рода «консильери», и нашептывать ему наставления. Нравится ему это или нет.

Тот, кто вещает правду в глаза власти, обычно оказывается в цепях и до срока в могиле, но в голове у Зевса Метиду было не заткнуть. Она станет прозорливо сдерживать бесшабашные выходки и отчаянные страсти, что частенько грозили богу грома неприятностями. Его бурный нрав, похоть и ревность необходимо было уравновешивать ее спокойным голосом — тем, что умел направлять его инстинкты в более рациональное и просвещенное русло.

Пожертвовала ли Метида своей свободой из чувства долга и ответственности или же из любви к Зевсу, которого она обожала, с уверенностью утверждать нельзя. Мне нравится считать, что из смеси первого и второго. Такова была, как сказали бы греки, ее *мойра* — служить и любить.

Вместе с другими положительными чертами Зевса — харизмой[1], сердечностью, наивной доверчивостью и (обычно) сильным чувством справедливости, честностью и правдивостью — умное внутреннее руководство Метиды помогло Владыке богов стать великим правителем, чьи качества многократно превзошли отцовы и дедовы, Кроноса и Урана. По сути, настолько Метида вросла в него, что Гомер иногда именует Зевса *Метиетой* — «мудрым советчиком».

В ПОИСКЕ УБЕЖИЩА

Мудрость, воплощенная в Метиде, может, и нашептывала Зевсу в одно ухо, зато второе вечно слушало жаркие призывы страсти. Когда красивые девушки и женщины — а иногда и юноши, — попадались ему на пути, ничто не могло остановить его от преследований по всему свету, даже если ради этого приходилось превращаться во всевозможных животных. Стоило сладострастию накрыть его, как Метида способна была совладать с ним не более, чем шепот — в силах унять бурю, а вопли ревнивой ярости, какими разражалась Гера, действовали на него не мощнее, чем трепет крыльев бабочки способен сбить корабль с курса.

Я уже говорил, что пылкие взоры Зевса успели пасть на Лето, скромную дочку титанов Фебы и Коя. Воображаю,

1 Здесь это затасканное слово нам применить позволительно: оно греческое, в конце концов, и позволяет описать и Афину как наделенную милостью харит.

что эпитет «скромная», применяемый женщиной к себе самой, должен раздражать (о скромных мужчинах слышишь куда реже), однако Лето стала как раз таким малым божеством, что воплощает именно это свойство — сдержанного достоинства, которое возникает в мыслях при слове «скромный»[1]. Тем не менее Зевс вскоре настиг ее — и управился с нею.

Неброской титаниде Лето (ЛАТОНА у древних римлян) позднее начали поклоняться как богине материнства, а также образцу скромности. Вероятно, все из-за беременности, которая, после того как Зевс овладел Лето, обернулась самой большой отвагой и победой в испытании. Ибо когда Гера обнаружила, что ее муж обрюхатил Лето, она велела своей бабке Гее не пускать Лето рожать ни на какой земле. Гера и так была вне себя из-за того, что низкородная Афина завоевала больше Зевсовой любви, чем их благородные сыночки Гефест и Арес (в припадке материнского чувства она уже, видимо, забыла, что сама вышвырнула Гефеста с небес), и потому не собиралась допускать, чтобы еще один ублюдочный божок полез нарушать установленный порядок среди олимпийцев. Многое в Гере напоминает Ливию, жену римского императора Августа, или жен некоторых англий-

1 Я глянул в тезаурус и там обрел: «безыскусный, робкий, мягкий, сдержанный, застенчивый, тихий, стыдливый, стеснительный, скрытный, немногословный, боязливый, неуверенный, трусоватый; приличный, порядочный, благовоспитанный, девичий, почтенный, подобающий, добродетельный, чистый, невинный, целомудренный; здравомыслящий, уравновешенный, солидный, чопорный, ханжеский, насупленный». Вряд ли найдется много женщин, кого приведут в восторг подобные определения, примененные к ним самим.

ских королей и мафиозных донов. Вечно присматривают они за династичностью и кровным родством, вечно готовы на все ради чести и семьи, ради фамильных древ и наследования.

Лишенная пристанища на земле, несчастная беременная Лето моталась по морям, ища, где бы родить. Попыталась укрыться у буйных гипербореев, что жили за Северным ветром[1], но те, боясь гнева Геры, не впустили ее. Во всех смыслах без руля и без ветрил, Лето направила молитвы Зевсу, из-за которого и попала в этот жуткий переплет; однако его власть как Повелителя богов зиждилась на принятии и укреплении права других богов повелевать своими наделами и являть свою волю. Он не мог вмешаться и отменить вердикт Геры или развеять ее ужасные чары. Вожди, цари и императоры вечно жалуются, что они самые несвободные даже по сравнению со своими подданными, и в этом есть некоторая истина. Зевс, разумеется, при всей мощи и величии, всегда был ограничен министерскими принципами правления — консенсусом и коллективной ответственностью, они и позволяли ему править.

Все, что он мог сделать для Лето, — уговорить брата Посейдона создать приливную волну и дотащить лодку Лето до маленького необитаемого острова Делос, что болтался средь заводей и бурунов Киклад, не укорененный в морском дне и потому за пределами Гериного проклятия.

1 Территория современной Фракии, на границе Греции, Болгарии и Турции.

ДВОЙНЯШКИ!

ИЗНУРЕННАЯ ЛЕТО ВЫСАДИЛАСЬ на гостеприимном плавучем острове Делос, и сил ей хватило лишь на то, чтобы заползти за дюны и укрыться среди одиноко росших сосен на краю пляжа. Те немногие орешки и травы, какие она могла здесь добыть, не способны были пропитать бурную жизнь, что уже толкалась в ней, и потому Лето добралась до зеленой долины, которую заметила вдали. Там, у подножия горы Кинф, она прожила месяц — на фруктах и орехах, как дикий зверь, зато неуязвимая для проклятия Геры. Живот ей так раздуло за это время, что она опасалась, уж не чудищем или великаном беременна. Но продолжала собирать еду, питаться и отдыхать, собирать еду, питаться и отдыхать.

Однажды приступы голода уступили новым и более острым припадкам боли. Одинокая, без чужой помощи, Лето родила девочку — милейшее дитя из всех рожденных доселе[1]. Новоявленная мать выдохнула имя — АРТЕМИДА. Сильная, наделенная поразительнейшей ртутной прытью и гибкой силой, малышка в первый же свой день на белом свете взялась за необходимую и чудотворную работу. Ибо Лето поняла, почему ее беременность была такой тяжкой и грузной — внутри у нее был еще один ребенок, и этот младший из двойни шел по родовым пу-

1 Афродита и Афина, обе равные ей по красоте, не были *рождены*, говоря строго, а потому утверждение верно.

тям боком, отчего Лето маялась сокрушительными муками. У Артемиды, как выяснилось, было инстинктивное чутье, как легче всего принять дитя, и она помогла с рождением своего великолепного брата.

Мальчик захныкал, и мать с дочерью заплакали от радостного изумления. Волосы у него на голове были не гагатово-черные, как у его сестры или матери, а белокурые — наследие от бабушки по материнской линии, сияющей Фебы. Лето назвала дитя АПОЛЛОНОМ. Аполлон Делосский, как иногда называют его в честь места, где он родился, и Аполлон Феб — в знак почтения к бабушке-титаниде и его собственной лучезарной, золотой красоте, ибо *фебус* означает «сияющий».

АРТЕМИДА

ЗЕВС ОБОЖАЛ АРТЕМИДУ ПОЧТИ ТАК ЖЕ, как Афину, и из кожи вон лез, чтобы защитить ее от Геры — та и смотреть-то не могла на очередной плод адюльтера, особенно на этот, который она высокомерно сочла шебутной пацанкой и посрамлением достоинства женского божества.

Однажды вечером, когда Артемида еще была девчонкой, Зевс увидел, как она играючи ловит и отпускает мышей и лягушек в подлеске у основания горы Олимп. Он присел рядом на валун и втащил ее к себе на колени.

Она подергала его за бороду, а потом спросила:

— Папа, ты меня любишь?

— Артемида, ну что за вопрос! Сама знаешь, что да. Знаешь, что я люблю тебя всем сердцем.

Если вы ребенок безнадежного блудодея, то отца можно уломать почти на что угодно. Артемида вертела Зевсом с той же легкостью, с какой накручивала на пальчик его бороду.

— Ты меня сильно-сильно любишь и желание мое исполнишь?

— Конечно, моя милая.

— Хм. Если вдуматься, пустячок. Ты исполняешь желания даже всяких мелких и незаметных нимф и водных духов. Давай ты *несколько* моих желаний исполнишь?

Про себя Громовержец застонал. Весь мир, казалось, считал, будто Зевс всемогущ, сидит на олимпийском троне и повелевает небесами и землей, и это самая простая работа. Что им известно об отцовской вине, братском соперничестве, властной борьбе и ревнивых женах? Угоди одному родичу — взбесишь другого.

— Несколько? Ох ты. У тебя же наверняка есть все, что девочке хочется? Ты бессмертная, а когда достигнешь вершины красы — не состаришься. Ты сильная, умная, шустрая и... ай! — Последний вскрик вырвался у него потому, что у него из подбородка выдернули волос — довольно жестоко.

— Да они нетрудные, пап. Малюсенькие.

— Ладно, выкладывай.

— Я хочу, чтобы у меня никогда-никогда не было мальчика или мужа, и пусть никакой дядька ко мне не прикасается, ну ты понимаешь, как...

— Да, да... кхм... очень понимаю.

Вероятно, тогда-то Зевс впервые зарделся.

— А еще я хочу себе много-много имен, как у моего брата. Они называются «прозвания». А еще лук — у него их целый набор, а у меня ни одного, потому что я девочка, а это вообще нечестно. Я старшая из двойни, между прочим. Гефест может мне сделать очень особенный, на день рождения, как Аполлону, — серебряный лук с серебряными стрелами, пожалуйста. А еще хочу тунику до колен, чтобы в ней охотиться, потому что длинные платья дурацкие и неудобные. Не нужны мне покровительства над селами или городами, хочу править горными склонами и лесами. И оленями. Мне нравятся олени. И собаки — охотничьи, а не комнатные, от этих никакого толку. И, если тебе не жалко, хочу хор девочек, пусть воспевают меня в храмах, и нимф, чтоб выгуливали собак, присматривали за мной и помогали защищать меня от *дядек*.

— Всё? — У Зевса от этого перечисления чуть голова не пошла кругом.

— Кажется, да. А, и хочу власть, чтобы облегчать тетенькам роды. Я видела, как это больно. Если честно, это вообще-то ужас какая гадость, и я хочу помогать, чтоб было легче.

— Вот же поди ж ты. А Луны тебе не надо, а?

— О, отличная мысль! Луна. Да, Луну хочу, пожалуйста. У меня всё. Больше никогда-никогда ни о чем не попрошу.

Зевс исполнил все ее желания. Как не исполнить?

И стала Артемида богиней чащи и чистоты, невыдрессированных и неукрощенных, гончих и газелей, повитух и Луны. Повелительница лучников и охотниц ценила свою независимость и целомудрие превыше всего. Доброта, с какой она сострадала женщинам в родах, уравновешивалась свирепостью, какую проявляла Артемида, преследуя добычу и наказывая любого мужчину, позволявшего себе слишком приблизиться. По всему Древнему миру боялись ее, обожали и поклонялись ей, и известна она была, в честь горной страны, где родилась, как КИНФИЯ[1]. Римляне именовали ее ДИАНОЙ. Ее личное дерево — кипарис. В той же мере, в какой Афина была богиней всего выращенного, созданного, вытворенного и обдуманного, Артемида — в своем владении природным, инстинктивным и диким — была ее противоположностью. Впрочем, у обеих — а также у Гестии — имелась общая страсть: собственное целомудрие.

АПОЛЛОН

Артемида — серебро, а ее брат-близнец Аполлон — золото. Артемида — Луна, он — Солнце. Его лучезарные черты зачаровывали любого, кто их видел. Его пропорции и очертания и по сей день остаются идеалом определенной разновидности муж-

1 В англ. *Cynthia* (Синтия), распространенное женское имя. — *Примеч. перев.*

ской красоты. Я говорю «определенной разновидности», потому что Аполлон поражал воображение не только светлой кожей, но и безбородым лицом — и безволосой грудью, что среди греков или богов редкость. Как Иаков в Библии, он был гладким, однако из-за этого не менее мужественным.

Аполлон был владыкой математики, рассудительности и логики. Поэзия и медицина, знание, риторика и просвещение — его вотчина. По сути, он был богом гармонии. Мысль о том, что грубый материальный мир и его обыденные предметы имеют божественные свойства и способны быть созвучными небесам, — аполлоническая, выражена ли она в магических пропорциях квадратов, кругов и сфер, или в безупречных модуляциях и ритмах голоса, или в цепочке рассуждений. Даже глубинные смыслы и судьбы можно прочесть в обычных предметах — если есть у вас такой дар. Аполлон располагал им в изобилии, а к тому же — неспособностью ко лжи. Благодаря этому его, естественно, выбрали повелителем оракулов и предречений. Священным для него был питон, конечно, а также лавр. Его животные-символы — дельфин и белый ворон[1].

Глупец тот, кто счел бы золотую красу Аполлона признаком слабости. Аполлон был первоклассным лучником, а когда надо — свирепым и лютым воином, как всякий на Олимпе, и как и все его ближайшие родственники, он был способен на жестокость, подлость, ревность

1 Почему Аполлон сделал ворона черным и почему лавр стал для этого бога священным, мы вскоре узнаем.

и злобу. Что необычно, в Риме ему поклонялись под его греческим именем, без всяких изменений. Аполлон был Аполлоном, куда бы ни отправились вы в Древнем мире.

ГНЕВ ГЕРЫ

НА ПЛАВУЧЕМ ОСТРОВЕ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ младенцы Аполлон и Артемида оказались под прицелом неукротимого гнева Владычицы неба. Гера сделала все возможное, чтобы не допустить рождения этих живых напоминаний о неверности Зевса, и ее досада и злость от неудачи не имели границ. И она вновь взялась за дело.

Когда двойняшкам было всего несколько дней отроду, Гера наслала на остров змея Пифона — пусть пожрет этих детей. Помните кусок магнетита, который беременная Рея подсунула Кроносу, чтобы тот проглотил его вместо младенца Зевса? Тот самый, который Кронос потом выблевал, а Зевс метнул прочь с Офриса? Так вот, он упал в место под названием Пифо, что на склонах горы Парнас. Крепко зарывшись в землю, он со временем станет Омфалом, или же пупом земли греческой — пупком Эллады, ее духовным центром и точкой происхождения. Именно на том месте, куда он упал, по приказу Геи, для которой оно и так уже было священным, возник из земли драконоподобный змей — чтобы служить стражем камня. Получив имя по месту возникновения,

змей стал прозываться Пифоном[1], как с тех пор и многие змеи в его честь.

Гера в гневе своем отправила Пифона на остров Делос — убить Лето и ее детей. Зевс, рискуя взбесить Геру еще сильнее, нашептал эту весть ветру, а тот передал ее малышу Аполлону, Аполлон в отчаянии переслал ее Гефесту, умоляя смастерить ему лучший лук и стрелы, какие его сводный брат только мог сотворить. Гефест маялся в кузнице семь дней и семь ночей, и наконец непревзойденно прекрасное и мощное оружие вместе с набором золотых стрел отправили на Делос — как раз вовремя, чтобы Аполлон успел их получить, спрятаться за дюнами и ждать прибытия великого змея. В тот миг, когда Пифон возник из моря и скользнул по песку, Аполлон вышел из засады и выстрелил змею в глаз. Порубил мертвое тело на кусочки прямо на пляже и послал в небо великий победный клич.

Может показаться, что Аполлон имел полное право защищать сестру, мать и себя самого от столь смертоносного создания, однако Пифон был существом хтоническим — он возник из земли, а потому — детищем Геи, и, значит, находился под божественным покровительством. Зевс понимал, что Аполлона за убийство змея придется покарать — или же сам он утратит всякую власть.

По правде говоря, наказание, которое он выбрал для Аполлона, оказалось не очень-то суровым. Зевс изгнал юного бога на восемь лет на родину змея — к горе

1 Это греческое слово также произносится «питон». — *Примеч. перев.*

Парнас, чтобы юноша там покаялся за свой проступок. Помимо того, что Аполлону пришлось занять место стража Омфала, ему же вменили в обязанность организовывать регулярные спортивные соревнования. Пифийские игры проводились каждые четыре года, по одной перед Олимпийскими и после них[1].

А еще Аполлон основал в Пифо (это место он переименовал в Дельфы[2]) оракул, где всяк мог задать вопрос о будущем — богу или его назначенной жрице (их называли СИВИЛЛАМИ или ПИФИЯМИ). В трансе провидческого экстаза жрица сидела скрытой от вопрошавшего, над пропастью, что проницала утробу самой земли, и призывала двусмысленные пророчества в комнату над собой, где взволнованный проситель ждал речений. Считалось, что так провидческие силы Аполлона и сивиллы восходят отчасти к самой Гее, прабабушке Аполлона. Пары́, что, как говорили, возносились из-под земли, многие принимали за дыхание самой Геи[3]. Там бьет Кастальский ключ, чьи

1 Вместе с регулярными Немейскими и Истмийскими играми, Пифийские и Олимпийские игры составляли так называемые Панэллинские игры. Тогдашние призы не очень-то сопоставимы с сегодняшними пухлыми кошельками и владениями. Оливковый венок победителю Олимпийских игр, лавровый — Пифийских, сосновый — Истмийских и... самый восхитительный из всех: венок из дикого сельдерея везучему победителю Немейских игр.

2 Название Дельф предположительно происходит от *дельфис*, что означает «матка». Само собой, оно может происходить и от слова *адельфи*, что значит «собратья» (то есть происходящие из одной и той же матки). Следовательно, это священное место именуется в честь Аполлона-брата, возможно, в честь утробы Геи. Есть и еще одна теория: Аполлон прибыл в Пифо верхом на дельфине, *дельфис* по-гречески. Дельфин, в конце концов, рыба с маткой. Но как Аполлону удалось заплыть так далеко по суше верхом на дельфине, я не вполне понимаю.

3 Когда Пифия пророчила, она становилась одержима богом Аполлоном, титанидой Фемидой или богиней Геей. Вероятно, всеми троими разом. По-гречески «божественная одержимость» — *энтусиасмос*, энтузиазм. Энтузиаст — человек «вобожествленный», вдохновленный богами.

воды, по преданию, вдохновляют тех, кто пьет их или слышит их шепот, на поэзию[1].

Так Аполлон Делосский сделался и Аполлоном Дельфийским. Люди по сей день ездят в Дельфы — спросить о будущем. Я сам в том числе. Аполлон никогда не лжет, но никогда не дает и прямого ответа: он развлекается тем, что отвечает вопросом на вопрос — или шарадой настолько смутной, что она обретает смысл слишком поздно, когда уже ничего не предпримешь.

Чтобы искупить прискорбное убийство и позволить приконченному Пифону спать вечным сном смерти в объятиях его матери Геи, Зевс наконец закрепил усыпальницу Пифона — остров Делос — на земле. Остров больше не плавает привольно, но все, кто навещает его, подтвердят, что к нему до сих пор трудно подобраться: его одолевают периодические ветра-*мельтеми* и коварные течения. Любого путешествующего на Делос с немалой вероятностью ждет лютая морская болезнь. Словно Гера так и не простила Делос за то, какую роль он сыграл в рождении ЛЕТОИДОВ — славных близнецов Артемиды и Аполлона.

1 Поговаривают, что родник пробивался из подземного кастальского источника, радовавшего местных козлов, судя по всему. Вероятно, это напоминало людям дыхало дельфина, и это еще одно объяснение, почему те места переименовали из Пифо в Дельфы. Касталия, кстати, название грядущего мира в романе Германа Гессе «Игра в бисер».

МАЙЯ, МАЙЯ

Сколько же теперь стало олимпийцев? Давайте быстренько посчитаем по головам.

Зевс — на троне, Гера — при нем, итого двое. Рядом — Гестия, Посейдон (которому нравилось выбираться на сушу и приглядывать за Зевсом), Деметра, Афродита, Гефест, Арес, Афина, Артемида и Аполлон — итого одиннадцать. Аид не считается, потому что он все время торчал в преисподней и место в додекатеоне его нимало не интересовало. Одиннадцать. Стало быть, для кворума в двенадцать недостает одного.

Не успела пыль осесть, а истошные обвинения из-за неурядицы с Пифоном притихнуть до упреков и неласковых взглядов, как Зевс узрел путь своего долга. Нужно родить двенадцатого, последнего бога. Или, иными словами, его чокнутый на сексе взор пал на очередную аппетитную бессмертную.

Во время титаномахии Атлант, самый свирепый боец среди титанов, породил семь дочерей от океаниды ПЛЕЙОНЫ. В ее честь те семь сестер получили имя ПЛЕЯДЫ, хотя иногда, из почтения к отцу, к ним обращались как к АТЛАНТИДАМ.

Старшая, самая пригожая из тех темноглазых сестриц, звалась МАЙЕЙ. Она жила себе застенчивой и счастливой ореадой на приятных коринфских склонах горы Киллены в Аркадии[1]. Счастливой она была, пока однажды

1 Ныне гора Килини.

ночью великий бог Зевс не явился к ней и не заделал ей ребенка. С великой скрытностью — ибо слухами о Герином отношении к Зевсовым внебрачным чадам полнился белый свет, и те слухи вселяли страх во всякую красавицу, и в Греции, и за ее пределами, — Майя, когда пришел срок, родила в удаленной скрытой пещере здорового мальчика и назвала его ГЕРМЕСОМ.

ЧУДО-ЧАДО

ГЕРМЕС ПОКАЗАЛ СЕБЯ НЕОБЫЧАЙНО ШУСТРЫМ и развитым ребенком из всех, что когда-либо дышали в этом мире. Через четверть часа после рождения он переполз всю пещеру из конца в конец, одновременно болтая с ошарашенной матерью. Еще через пять минут он запросил какой-нибудь свет, чтобы получше разглядеть стены. Света ему не дали, и тогда он стукнул камнем по камню над жгутом из соломы и развел огонь. Ничего подобного раньше никому не удавалось. Встав во весь рост (все еще даже не получаса отроду), этот замечательный младенец объявил, что собирается на прогулку.

— Тугая тьма этого тесного тайника сообщает мне болезненно острую клаустрофобию, — сказал он, изобретая попутно аллитерацию и целое семейство слов, содержащих «фобия». — До скорейшего свидания. Займись прядением или вязанием — или чем там еще, как полагается хорошей матери.

Выбравшись на склон горы Киллены, этот исключительный и поразительный чудо-ребенок принялся мурлыкать себе под нос. Его мурлыкание сделалось мелодичным пением, какому тут же стали подражать соловьи в окрестных лесах — и с тех пор всё пытаются изобразить.

Гуляя по окрестностям, Гермес не ведал, как далеко забрался, но на каком-то поле открылся ему чудесный вид стада снежно-белых животных, что щипали траву и тихонько мычали в лунном свете.

— О! — зачарованно вздохнул он. — Какие чудные мумучки. — Пусть и был чрезвычайно развит, детские словечки он еще не превзошел.

Гермес смотрел на коров, коровы смотрели на Гермеса.

— Идите сюда, — велел он.

Коровы поглядели еще немножко, а затем опустили головы и продолжили пастись.

— Хм. Так вот, значит, да?

Гермес быстро поразмыслил, собрал длинные листья травы и наплел из них некие коровьи подобия подков, а затем приделал их ко всем копытам каждой коровы. Свои крошечные пухлые ножки он обернул лавровыми листьями. Затем отломил ветку юной ивы, оборвал с нее листья, и получился длинный хлыст, каким Гермес принялся умело шпынять коров и, подхлестывая, согнал их в сплоченное и послушное стадо. Для верности он сопроводил их вверх по склону и прямо в пещеру, где его ошарашенная и обеспокоенная мать тревожно ждала его, с тех пор как он столь безмятежно убрел вдаль.

У Майи это был первый опыт материнства, но она не сомневалась: поразительные замашки и причудливое поведение ее сына необычны — даже среди богов. Она знала, что Аполлон еще младенцем победил Пифона, а Афина, конечно, родилась при полном вооружении, но сотворить огонь из одних лишь камней? Гонять скот? И чем это он помахивает у нее перед носом — *черепахой*? Уж не снится ли ей все это?

— Так, мама, — произнес Гермес. — Слушай. У меня есть мысль. Будь любезна, оглуши черепаху, вытащи мясо и приготовь его. Предполагаю, что получится вкуснейший суп. Я бы посоветовал добавить побольше дикого чеснока, а также чуточку фенхеля. Основным блюдом у нас будет говядина, с чем я сам сейчас разберусь. Одолжи нож — и я вернусь к тебе, не успеешь оглянуться.

С этими словами он исчез в глубине пещеры, и из-за камней донесся душераздирающий крик коровы, горло которой перерезали пухлые младенческие ручки.

После действительно великолепного ужина — и Майе пришлось это признать — она отважилась спросить сына, каковы его замыслы, ибо малыш развешивал перед огнем коровьи кишки. Дожидаясь, пока вонючие потроха высохнут, он проделал мелкие дырочки вдоль края черепашьего панциря.

— У меня есть мысль. — Это все, что ей удалось из него выудить.

АПОЛЛОН ЧИТАЕТ ЗНАКИ

Знал это Гермес или нет, неведомо, но в первую свою ночь на Земле прошел он довольно далеко. От места своего рождения на горе Киллене к северу через поля Фессалии и вплоть до самой Пиерии, где обнаружил и прибрал к рукам стадо. И вернулся обратно. Детскими шажками это немаленькое расстояние.

А вот чего Гермес точно не мог знать: те белые коровы принадлежали Аполлону, и он их очень ценил. Когда весть об исчезновении стада добралась до хозяина, он в ярости ринулся в Пиерию, чтобы поймать, как ему думалось, злокозненную шайку воров в их логове. Дикие дриады или фавны склонились ко злу, решил он. Они пожалеют, что увели собственность у самого бога стрел. Он лег на поле, где паслось стадо, — чтобы изучить почву со всей пристальностью опытного следопыта. К его изумлению, разбойники не оставили никаких ценных следов. Он разглядел лишь беспорядочные мазки, бессмысленные завихрения и спирали и — если только сам не сошел с ума, — одинокий детский след. Отпечатки, мало-мальски похожие на коровьи копыта, вели не прочь с поля, а *к нему*!

Кем бы ни был тот, кто угнал стадо, — он насмехался над Аполлоном. Дело провернули бывалые, опытные воры, это уж точно. Его сестра Артемида была самой искусной охотницей из всех, какие ему известны, — не она ли осмелилась? Возможно, измыслила какой-то хитрый спо-

соб замести следы. Аресу мозгов не хватило бы. Посейдону незачем. Гефест? Вряд ли. *Кто же* тогда?

Аполлон заметил дрозда, что охорашивался на веточке неподалеку, одним ловким движением натянул тетиву и сбил птицу. Вскрыв ей брюшко, бог оракулов и авгуров по внутренностям птицы попытался высмотреть знаки.

Судя по расцветке кишечника, загибу правой почки и необычному размещению вилочковой железы, сразу стало ясно, что коровы находятся где-то в Аркадии, неподалеку от Коринфа. А что говорит сгусток крови в печени? Гора Киллена. А еще что? Ага! След все-таки был младенческий.

Нахмурился обыкновенно гладкий лоб Аполлона, синие глаза вспыхнули, а красные, как розы, губы сжались в суровую нитку.

Он отомстит.

СВОДНЫЕ БРАТЬЯ

Когда Аполлон прибыл к подножию горы Киллены, настроение у него испортилось донельзя. Весь мир знает, что те коровы для него священны. Очевидно же, они редкой и ценной породы. Кто *посмел*?

Какая-то гамадриада, свисавшая с ветвей своей осины, ничего подсказать не смогла, однако уведомила Аполлона, что у входа в пещеру Майи собралась пестрая ватага нимф. Может, там ему дадут ответ? Она бы и сама сходила, но ей нельзя отлучаться от своего дерева.

Добравшись до вершины горы, Аполлон увидел, что у пещеры собралось все население Киллены. Подходя все ближе, он уловил звук, что несся из пещеры, — ничего подобного ему раньше слышать не доводилось. Словно сладость, любовь и безупречность — и все, что есть прекрасного, — обрело жизнь и нежно струится ему в уши и дальше, до самой души. Как аромат амброзии влек любого бога к столу и выманивал из него вздохи великого предвкушения, как вид пригожей нимфы побуждал горячий ихор в венах петь и бурлить, и казалось, что бог того и гляди взорвется изнутри, как теплое касание кожи к коже будоражило его до глубин, — так эти неведомые шумы соблазняли и чаровали Аполлона, пока не решил он, что сходит с ума от радости и желания. Вот бы изъять их из пространства и впитать в грудь, вот бы...

Волшебные звуки внезапно умолкли, и чары развеялись.

Толпа наяд, дриад и прочих духов, что собрались у входа в пещеру, разошлась, все качали головами от изумления, словно очнулись от забытья. Протолкавшись, Аполлон увидел в зеве пещеры на груде камней две здоровенные говяжьи полутуши, у всех на виду, ловко порубленные на куски. Его бешенство и возмущение ожили с новой силой.

— Ты поплатишься! — взревел он, бросаясь внутрь. — Ох уж ты...

— Тсс!

Двоюродная сестра Аполлона ореада Майя сидела в плетеном кресле и шила. Прижала палец к губам и скло-

нила голову к колыбели у огня, где лепетал во сне розовощекий младенец.

Но Аполлона так просто не уймешь.

— Это демоново отродье украло у меня стадо!

— Ты спятил? — спросила Майя. — Моему ангелочку всего день от роду.

— Видали мы таких ангелочков! Уж я-то умею читать по внутренностям дрозда. Кроме того, я слышу, как в глубине пещеры топочут и мычат коровы. Я опозна́ю их мычание всюду. Этот ребенок — вор, и я требую...

— *Что* ты требуешь? — Гермес сел в люльке и вперил в Аполлона умиротворяющий взгляд. — Ребенку что, и соснуть нельзя? У меня был тяжелый вечер, я гнал стадо, и мне только и не хватало...

— Ты признался! — завопил Аполлон, устремляясь к нему. — Именем Зевса, я выдавлю из тебя жизнь, мелкий ты...

Но когда поднял он Гермеса, изготовившись вытворить с ним неведомо что, из колыбели вывалился странный предмет из дерева и панциря черепахи. Упав, он издал звук, что немедля напомнил Аполлону волшебное пение, совершенно зачаровавшее его у входа в пещеру.

Аполлон выронил Гермеса обратно в люльку и поднял предмет. Две тонкие деревянные планки приделаны к черепашьему панцирю, а поперек натянуты коровьи кишки. Аполлон дернул струну одним пальцем — и вновь поплыл чудодейственный звук.

— Как?..

— Что, эта дрянь? — переспросил Гермес, изумленно вскидывая брови. — Да ерунда, прошлой ночью собрал.

Назвал лирой. Но с ней получается кое-что интересное. Если правильно дергать. А можно еще трямкать. Прижимаешь пару струн и... дай сюда, покажу.

Вскоре они уже дергали, щипали, хлопали, трямкали, блямкали и обменивались новыми аккордами, как взбудораженные подростки. Гермес как раз объяснял принцип естественных гармоник, но тут Аполлон, как бы ни заворожили его чувства, пробужденные в нем этим необычайным приспособлением, пришел в себя.

— Да, все это прекрасно, — проговорил он, — однако что же с моим клятым стадом?

Гермес вопросительно оглядел его.

— А ты, наверное, погоди-погоди... не подсказывай... Аполлон, верно?

Не быть узнанным — еще один свежий опыт для Аполлона, и опыт этот ему, как выяснилось, не очень-то приятен. Вступить в беседу с младенцем-однодневкой, который обращается к нему свысока, — еще один пункт в списке самых неприятных переживаний. Аполлон уже собрался сокрушить этого нахального постреленка ядовитой репликой и, возможно, стремительным хуком в подбородок, но взгляд его уперся в протянутую ему ладошку в ямочках.

— Дай руку, Пол. Счастлив познакомиться. Гермес, последний довесок к божественному табелю. А ты, стало быть, мой сводный брат? Мама Майя вчера вечером посвятила меня в фамильное древо. Чокнутая мы семейка, а? А?

Еще одно неизведанное ощущение: Аполлона игриво тыкали в ребра. Ему показалось, что он перестает владеть положением.

— Слушай, мне плевать, кто ты такой, нельзя угонять мой скот и думать, что это сойдет с рук.

— Ой, я отплачу, будь спокоен. Но они мне попросту были нужны. Первосортные кишки. Уж раз собрался сделать лиру для своего любимого сводного брата, я желал исключительно лучших кишок.

Аполлон перевел взгляд с Гермеса на лиру и с лиры на Гермеса.

— В смысле?..

Гермес кивнул.

— Со всей любовью. Лира — твоя, а также искусство, с ней связанное. В смысле, ты уже бог чисел, разума, логики и гармонии. Музыка в этот набор помещается славно, правда же?

— Не знаю, что и сказать.

— Скажи: «Спасибо, Гермес» и «Да пожалуйста-пожалуйста, оставь себе стадо, брат мой».

— Спасибо, Гермес! Пожалуйста-пожалуйста, да, оставь себе стадо.

— Как это мило, старик, но на самом деле мне нужны были всего две коровы. Остальных можешь забрать себе.

Аполлон оторопело прижал ладонь к потному лбу.

— И почему же тебе нужны всего две?

Гермес выпрыгнул на пол.

— Майя рассказала мне, до чего боги любят, чтоб им поклонялись, понимаешь, и до чего ценят они животные жертвоприношения. Вот я и убил двух коров и предложил Олимпу одиннадцать кусков горящего мяса одной из них. Двенадцатый мы с мамой съели вчера вечером. Там еще

осталось, если тебе холодное ничего? Очень вкусно, особенно с пастой из горчичного семени, которую я придумал.

— Спасибо, но не буду, — сказал Аполлон. — Это ты дальновидно сделал — послал вот так дыма богам, — добавил он. Аполлону подношения нравились, как любому другому богу. — Очень уместно.

— Ну, — проговорил Гермес, — поглядим, подействовало ли, ага? — И он без всякого предупреждения сиганул Аполлону на руки и вцепился ему в плечи.

От молниеносных ума, тела и замашек этого поразительного младенца у Аполлона голова шла кругом.

— Поглядим, подействовало ли — что?

— Мой замысел втереться в доверие к нашему папе. Отнеси меня на Олимп и познакомь меня со всеми, — ответил Гермес. — На том незанятом двенадцатом троне явно мое имя начертано.

ДВЕНАДЦАТЫЙ БОГ

Всё в Гермесе было быстрым. Ум, смекалка, порывы и рефлексы. Богов Олимпа, уже польщенных изысканным душистым дымом, что накануне проник с горы Киллены к ним в ноздри, новенький совершенно обаял. Даже Гера подставила щеку для поцелуя и объявила ребенка очаровашкой. Никто и глазом моргнуть не успел, как Гермес уже сидел у Зевса на коленях и дергал его за бороду. Зевс хохотал, а с ним и все остальные боги.

Каковы же будут обязанности у этого бога? Летучесть его ума и стоп подсказали мгновенный ответ: пусть будет вестником богов. Чтобы придать Гермесу еще больше прыти, Гефест соорудил ему обувь, которая станет фирменной Гермесовой, — *таларии*, пару крылатых сандалий, что позволяли перемещаться с места на место быстрее орла. Гермес так непритворно возрадовался им и прижал к себе Гефеста с такой теплотой и благодарной нежностью, что бог огня и горнил тут же ухромал к себе в мастерскую и через сутки ожесточенной работы вернулся с крылатым шлемом — посадка по голове, гибкая кромка — в пару к талариям. Шлем придавал Гермесу некоторое величие и заявлял миру, что этот шустрый юный красавец — представитель устрашающей мощи богов. Для дополнительной элегантности и шика Гефест подарил Гермесу серебряный жезл, увенчанный крыльями и обвитый двумя змеями[1].

Байки о проделках Гермеса премного забавляли Зевса с самого начала. Хитрость и лукавство, какие выказал этот юнец, уведя у Аполлона коров, сделали Гермеса естественным покровителем пройдох, воров, лгунов, жуликов, картежников, дельцов, проказников, балагуров и спортсменов. У лгунов, проказников и балагуров есть и возвышенная сторона — так Гермес участвует в литературе, поэзии, ораторском мастерстве и остроумии. Искусность и прозорливость позволили ему царить в науке

1 Щегольской головной убор Гермеса известен под названием *петас*. Его жезл — *керикион*, или *кадуцей* у римлян, — часто встречается как всемирный символ медицины и скорой помощи либо взамен жезла АСКЛЕПИЯ (о нем позже), либо из-за путаницы с ним.

и медицине[1]. Он стал богом торговли, пастухов (разумеется), странствий и дорог. Несмотря на то что музыка тоже его изобретение, он, как и обещал, подарил эту божественную ответственность Аполлону. Аполлон упростил устройство лиры, заменив панцирь черепахи изящной изогнутой рамой из золота, и в таком виде этот классический инструмент дожил до наших дней.

Я уже говорил, что Артемиду и Афину можно рассматривать как противоположности (дикое — окультуренное, порывистое — обдуманное и так далее), в той же мере переменчивость, быстроту и энергичные импульсы движения и обмена, воплощенные в Гермесе, можно в точности противопоставить безмятежности, постоянству, порядку и сосредоточенной домашней самодостаточности Гестии.

Помимо жезла, шлема и крылатых сандалий, которые Гефест смастерил для Гермеса, его символы — черепаха, лира и петух. Римляне назвали его МЕРКУРИЕМ и поклонялись ему почти с таким же пылом, как и греки. Он был гладкокож, как и сводный брат его Аполлон (они стали вернейшими друзьями), и, как Аполлон, был божеством света. Его свет не золотой, как у брата, а серебряный — ртутно-серебряный. И, конечно, простое вещество, названное в его честь «меркурием»[2], все еще име-

1 Алхимики Средневековья и Возрождения именовали его Гермесом *Трисмегистом* (Гермесом Трижды величайшим). Поскольку, как считалось, он способен по волшебству запечатывать стеклянные трубки, сундуки и ящики, изобретение XVII в. под названием магдебургские полушария (которые силой атмосферного давления и вакуумом необычайно крепко удерживались вместе) именовали «герметически запечатанным», и этот оборот до сих пор в ходу.

2 Так в английском, русское «ртуть» восходит к праславянскому слову, означающему «катиться»; латинское название химического элемента («гидраргирум») происходит от греческого «жидкое серебро». — *Примеч. перев.*

нуют «быстрым серебром», а все меркуриальное напоминает нам об этом восхитительном боге. Позднее Гермес примет на себя важнейшую, быть может, божественную задачу, но пока усадим-ка мы его на двенадцатый трон и впитаем величие Мегала Казании[1] — грандиозной сцены на вершине горы Олимп.

ОЛИМПИЙЦЫ

Два больших трона, а напротив — десять поменьше. На каждом теперь восседает бог или богиня. Зевс протягивает левую руку Гере.

Мегала Казания, амфитеатр, выломанный в олимпийских скалах гекатонхейрами во время великой битвы титанов, расстилается пред взорами богов[2]. Великий рев ликования взлетает над толпой бессмертных, собравшихся засвидетельствовать грандиозное событие, миг высшей славы Зевса.

Владычица неба берет его за руку. Она довольна. Они с ее беспутным мужем провели Беседу. Никаких больше новых богов. Никаких совращений и беременностей у нимф или титанид. Додекатеон составлен, и Зевс теперь займется серьезным делом — укреплением своей вечной власти. Она, Гера, всегда будет рядом, чтобы поддержать

1 Это современное название, буквально означающее «громадные котлы»; для скалолазов, осмеливающихся забираться на вершины Олимпа, это и по сей день упоительное зрелище.

2 Либо гекатонхейры это устроили, либо морены. Наверняка никому не известно.

и направить его, проследить за порядком и соблюдением приличий.

Зевс оглядывает десять улыбающихся богов, что воссели перед ними, чувствует, как Гера сжимает его ладонь, и понимает, что́ именно это крепкое пожатие означает. Он приветствует толпу прощенных титанов и полуобморочных нимф, собравшихся внизу. Циклопы, гиганты, мелии и океаниды толкают друг дружку, чтобы лучше видеть. Застенчиво трепещут хариты и оры. Низко кланяются Аид, эринии и прочие темные существа преисподней. Триста рук гекатонхейров машут в знак свирепой приверженности.

Итак, чтобы возвестить о начале Правления Двенадцати, Гестия сходит с трона и возжигает масло в громадной сияющей чаше из кованой меди. Великий вопль ликования разносится по горам. В вышине парит орел. По небу раскатывается гром.

Гестия возвращается на трон. Зевс наблюдает, как она спокойно разглаживает платье, и переводит взгляд на других, по очереди. Посейдон. Деметра. Афродита. Гефест. Арес. Афина. Артемида. Аполлон. Гермес. Эти боги и все мироздание склоняются пред ним. Все его враги повержены, уничтожены, заточены в узилище или укрощены. Он создал империю и правление, каких мир не видывал доселе. Он победил. И при этом ничего не чувствует.

Зевс глядит вверх и на дальней кромке хребта видит очертания на фоне неба, фигуру, чьи темные одеяния плещут на ветру. Явился отец его Кронос. Лезвие его серпа ловит блик от пламени внизу, Кронос помахивает сво-

им орудием, словно маятником. Хотя даже Зевс не в силах разглядеть с такого расстояния и в таком сумраке, он уверен, что на осунувшемся и иссушенном лице его отца — жестокая, насмешливая гримаса.

— Маши, Зевс. И ради всего небесного, улыбайся! — Герино раздраженное бормотание отвлекает его. Он вновь вскидывает взгляд, но силуэт отца уже исчез. Быть может, он Зевсу пригрезился.

И вновь крики ликования. К грому небес добавляется рокот самой земли. Поздравления шлют Гея и Уран. А может — предупреждают. Ликование не прекращается. Все живое боготворит и обожает его. Этот день должен быть счастливейшим в его жизни.

Чего-то не хватает. *Чего-то*... он хмурится и размышляет. Внезапно исполинская молния рушится с небес и бьет в землю — свирепо клубится дым и жженая пыль.

— Не надо так, милый, — говорит Гера.

Но Зевс не слушает. У него есть мысль.

ИГРУШКИ ЗЕВСА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОМЕТЕЙ

Я УЖЕ УПОМИНАЛ ПРОМЕТЕЯ, сына Иапета и Климены. Для обаятельности у этого предусмотрительного юного титана было все: силен, едва ли не раздражающе пригож, верен, предан, сдержан, скромен, наделен чувством юмора, участлив, воспитан и во всех отношениях увлекательный и чарующий собеседник. Всем он нравился, но Зевсу — особенно. Когда только позволяло Зевсово плотное расписание, эти двое уходили бродить по округе, болтая обо всем на свете — об удаче, дружбе и семье, о войне и судьбе и еще много о чем нелепом и мимолетном, как и положено друзьям.

Во дни перед вступлением в силу олимпийского додекатеона Прометей, обожавший Зевса в той же мере, в какой Зевс обожал его, начал замечать в друге перемены. Бог, казалось, стал угрюм и раздражителен, менее

тяготеет к прогулкам, менее дурашлив и игрив и вообще склонен дуться и капризничать больше, чем пристало царственному, жизнерадостному и уравновешенному божеству, какого Прометей знал и любил. Титан списал это все на нервотрепку и старался не путаться под ногами.

Как-то раз поутру, примерно через неделю после великой церемонии, Прометей, полюбивший спать в высокой траве душистых лугов Фракии, почувствовал, что его будят, настойчиво дергая за пальцы ног. Он открыл глаза и увидел оживленного и освеженного Владыку богов: тот приплясывал перед Прометеем, как нетерпеливое дитя утром собственного дня рождения. Сумрак развеялся, словно туман на горной вершине, и фирменная жизнерадостность вернулась — удесятеренной.

— Подъем, Прометей! Подъем и айда!

— Ч-во?

— Сегодня затеем нечто замечательное, нечто, о чем весь мир будет вопить эпохи напролет. Оно прогремит в веках, оно...

— На медведей пойдем?

— На медведей? У меня великолепнейшая мысль. *Давай* же.

— Куда мы идем?

Зевс ответа не дал, а, приобняв Прометея, потащил его через поля в молчании, изредка прерываемом возбужденным смехом. Если бы Прометей не знал своего друга хорошенько, решил бы, что тот пьян от нектара.

— Эта твоя мысль, — попробовал он выведать. — Может, начнешь с начала?

— Хорошо, да. С начала. Верно. Как раз с начала и следует. Сядь. — Зевс указал на упавшее дерево и забегал туда-сюда перед Прометеем, а тот, прежде чем усесться, вгляделся в кору — нет ли муравьев. — Так. Вспомним, как все начиналось. *Эн архэ эн Хаос*[1]. В начале был Хаос. Из Хаоса возникло Первое поколение — Эреб, Никта, Гемера и все они, а следом — Второе, наши дед с бабкой, Гея с Ураном, так?

Прометей осторожно кивнул.

— Гея с Ураном, запустившие творение катастрофического уродства в виде твоего племени — титанов...

— Эй!

— ...а затем появились нимфы и духи, бесчисленные мелкие божества и чудовища, и звери, и всякое-разное, и, наконец, кульминация. Мы. Боги. Совершенство небес и земли.

— После долгой кровавой войны с моим племенем. Которую я помог вам выиграть.

— Да-да. Но в результате все хорошо. Повсюду разразились мир и процветание. И все же...

Зевс выдержал такую долгую паузу, что Прометею пришлось ее прервать:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе не хватает войны?

— Нет, дело не в этом... — Зевс продолжил сновать туда-сюда перед Прометеем, как учитель, наставляющий класс из одного ученика. — Ты, наверное, заметил, что я последнее время какой-то не такой. Я тебе объясню, почему.

1 *Искаж. греч.*; отсылка к первой строке Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово...» — *Примеч. перев.*

Тебе известно же, что я иногда парю над миром, обернувшись орлом?

— Выискиваешь нимф?

— Этот мир, — продолжил Зевс, делая вид, что не услышал, — красив до чрезвычайности. Все на своих местах — реки, горы, птицы, звери, океаны, рощи, равнины и ущелья... Но ты понимаешь, гляжу я вниз, и мне горестно от того, какой этот мир пустой.

— *Пустой?*

— Ох, Прометей, ты и понятия не имеешь, до чего скучно быть богом в совершенном и окончательном мире.

— *Скучно?*

— Да, скучно. Я это недавно понял — что мне скучно и одиноко. «Одиноко» в более масштабном смысле. В космическом. Я космически одинок. И вот так оно будет веки вечные? Я на троне на Олимпе, молнии — у меня на коленях, а все кланяются и лебезят, поют хвалы и клянчат одолжений? Вечно. И в чем тут потеха?

— Ну...

— Вот честно, тебя бы тоже от этого тошнило.

Прометей поджал губы и задумался. Что верно, то верно: своему другу на имперском троне и всем его заботам и нагрузкам он никогда не завидовал.

— Предположим, — продолжил Зевс. — Предположим, я заведу новый род.

— Род соревнований в Пифийских играх?

— Нет, не соревнований. Род жизни. Новую разновидность *существ*. Во всех отношениях похожий на нас, прямоходящий, с двумя ногами...

— С одной головой?

— С одной головой. С двумя руками. Похожий на нас во всем, а еще у них будет — ты же умник, Прометей, как называется эта наша черта, что возвышает нас над животными?

— Руки?

— Нет, которая подсказывает нам, что мы существуем, которая сообщает нам ощущение себя самих.

— Сознание.

— Точно. Эти существа должны быть *сознательными*. А еще язык. Угрозы нам они представлять не будут, конечно. Пусть живут внизу, на земле, применяют смекалку, чтобы заботиться о себе, напитывать тело и защищаться.

— То есть... — Прометей хмурился от напряжения, пытаясь сложить в уме связную картинку. — Род, подобный нам?

— Именно! Хоть и не такой рослый, как наш. И все они будут мое творение. Ну, наше.

— *Наше* творение?

— У тебя руки золотые. Ты у нас почти Гефест. Мысль такая: ты слепишь этих существ из... из глины, допустим. Чтобы получились по образу и подобию нашему, анатомически точно, во всех подробностях, но помельче. А следом мы их оживим, подарим им жизнь, понаделаем копий и выпустим в природу — и поглядим, что получится.

Прометей поразмыслил над затеей.

— А общаться мы с ними будем? Разговаривать, бывать среди них?

— В этом-то как раз все дело. Завести умственно развитое — ну, полуразвитое — племя, чтоб восхваляло нас и нам

молилось, чтобы с нами играло и развлекало нас. Подчиненный, обожающий нас род наших маленьких копий.

— Мужчин и женщин?

— Ох, небеси, нет, только мужчин. Вообрази, что́ Гера иначе скажет...

Прометей, само собой, запросто мог вообразить отклик Геры, если бы мир вдруг обжили дополнительные женщины, с которыми ее блудливый муженек будет путаться. Титан видел, что Зевс из-за этой своей великой затеи очень взбудоражился. А уж раз вбив себе что-то в голову, даже что-то настолько невиданное и причудливое, как сейчас, Зевс с дороги не сворачивал, хоть гекатонхейров с гигантами вместе взятых насылай.

Прометей в общем не был против этого замысла. Увлекательный эксперимент, решил он. Игрушки для бессмертных. Если вдуматься, вполне очаровательно. У Артемиды ее гончие, у Афродиты — голуби, у Афины — сова и змея, у Посейдона и Амфитриты — дельфины и черепахи. Даже Аид держал собаку — пусть и совершенно омерзительную. Начальнику богов очень пристало измыслить свой особый вид любимца — умнее, преданнее и обаятельнее всех прочих.

ЗАМЕСИТЬ И ОБЖЕЧЬ

История расходится в толкованиях, где именно Прометей с Зевсом добыли для своей затеи лучшую глину. Ранние источники — как, на-

пример, путешественник Павсаний во II веке — считали, что это Панопей в Фокиде. Позднейшие книжники говорили, что наша парочка добралась до мест восточнее Малой Азии, аж к самим плодородным землям, что простираются между реками Тигр и Евфрат[1]. Согласно совсем недавним исследованиям, поиск привел богов на юг, за Нил и экватор, — в Восточную Африку.

Где бы это ни случилось, нашли они в конце концов то, что Прометей счел идеальным местом: реку, чьи осклизлые берега сочились как раз теми грязями и минералами, какие ему были нужны — по густоте, консистенции, стойкости и оттенку.

— Вот хорошая глина, — сказал он Зевсу. — Нет, не усаживайся. Мне нужно работать в тишине, без всяких отвлечений. Но перед тем как ты уйдешь, мне потребуется немного твоей слюны.

— Что, прости?

— Чтобы эти существа жили и дышали, необходимо добавить что-то от тебя.

Зевс осознал справедливость этого замечания и потому с готовностью харкнул и наполнил пересохшую яму своей божественной слюной.

— Нужно будет сложить фигурки в рядок на берегу, чтобы их обожгло солнце, — сказал Прометей. — Возвращайся вечером, когда они хорошенько пропекутся.

Зевсу, конечно, хотелось бы поглядеть, но он все понимал про художников и оставил Прометея в покое.

1 Греческое словосочетание «между реками» — Месопотамия, и греки всегда именно так эти места и называли.

Метнувшись в воздух орлом, он улетел, предоставив другу творить.

Прометей начал осторожно: скатал из глины колбаски, каждую примерно в четыре *пуса* длиной[1]. Сверху прилепил по шарику из глины, смоченной в слюне. А дальше оставалось тянуть, крутить, давить и щипать, пока не возникло нечто похожее на бога или титана. Чем дольше он возился, тем больше его это увлекало. Сравнивая Прометея с Гефестом, Зевс не преувеличивал: Прометей и впрямь был рукастый. Более того, сейчас, сжимая и вылепливая, он являл не просто навык, а настоящее мастерство.

Смешивая глину с различными пигментами, Прометей создал многообразный и красочный набор жизнеподобных мужских фигурок. Первым получилось маленькое существо, чья кожа походила на зацелованную солнцем божественную. Затем он создал одну блестящую черную фигурку, следом — со сливочным оттенком, как у слоновой кости, с легкой розоватостью; далее получились янтарные, желтые, бронзовые, красные, зеленые, бежевые, пылко-лиловые и ярчайше-синие.

СОКРАЩЕННЫЙ НАБОР

Наступил вечер, Прометей встал, потянулся, зевнул и застонал от усталости и удовлетворения, что возникают после долгого и сосредоточенного труда.

1 См. Приложение на с. 517.

Вечернее солнце нагрело его творения до гибкой, податливой консистенции, ее в мире керамики именуют «кожетвердой». Безупречный расчет времени: если бы законченные творения остались в более свирепом дневном пекле, они бы высохли полностью и стали чересчур ломкими и хрупкими для последних штрихов, а их наверняка потребует его царственный и божественный начальник. Уши подлиннее, половых органов вдвое больше — в таком вот духе. Что-что, а капризов богам не занимать.

И тут, если только слух не обманывал Прометея, явился сам Владыка богов — он ломился по кустам, с кем-то шумно беседуя. Прометей разобрал отвечавший Зевсу голос — женский, негромкий и выдержанный. Зевс притащил с собой Афину, любимое чадо.

— Твой отец, бог-император, каким его знает мир, — доносились до Прометея слова Зевса, — Зевс всемогущий, да. Зевс всепобеждающий, несомненно. Зевс всевидящий, разумеется. Зевс...

— Зевс всескромный?

— ...Зевс-*творец*, вообще-то. Звучит, а?

— Вполне.

— Ну и вот, тот берег должен быть где-то здесь. Давай позовем Прометея. О *Прометей*!

Гнездившиеся ткачики метнулись ввысь, встревоженно пища.

— *Промете-е-е-ей!*

— Здесь я! — отозвался Прометей. — Осторожнее...

Поздно!

Продираясь сквозь деревья к опушке, увлеченный Зевс наступил на изысканно выделанные фигурки, сушившиеся на берегу. С воплем ярости и отчаяния Прометей бросился оценивать ущерб.

— Ах ты, неуклюжий болван! — вскричал он. — Ты их раздавил. Смотри!

Никому во всем мироздании подобные речи не спустили бы. Афина потрясенно смотрела, как ее отец склоняет голову в смиренной виноватости.

При ближайшем рассмотрении все оказалось не так ужасно, как боялся Прометей. Лишь три фигурки не подлежали починке. Он выковырял их из грязи — раздавленную глину, все еще с оттисками Зевсовых исполинских ступней.

— О, хорошо, — бодро сказал Зевс, — остальные целы, их хватит. Давай дальше, а?

— Да ты посмотри на этих! — проговорил Прометей, протягивая Зевсу раздавленные, испорченные статуэтки. — Зелененькая, лиловая и синяя были мои любимые.

— У нас зато остались черная, бурая, желтая, слоновой кости, красноватая и всякие другие. Хватит же, правда?

— Мне этот оттенок кобальтового синего *особенно* нравился.

Афина разглядывала уцелевшие фигурки, что блестели в умиравших лучах солнца.

— Ох, Прометей, они безупречны, — проговорила она тихо, но так, что ее голос привлекал больше внимания, чем рев и вопли прочих олимпийцев.

Прометей тут же повеселел. Похвала Афины — драгоценнее всего.

— Ну я и впрямь вложил в них сердце и душу.

— Превосходно, очень тонкая работа, — сказал Зевс. — Сделано великим титаном из глины Геи, слеплено моей царственной слюной, обожжено солнцем, а пробудится к жизни от нежного дыхания моей дочери.

Это Метида, навсегда засевшая у Зевса в голове, подбросила мысль, что именно Афина должна оживить эти творения. Подышать в каждого — буквально вдохнуть в них некоторые свои свойства: мудрость, чутье, сноровку и здравомыслие. *Вдохновить*.

ИМЯ ПОДОБРАНО

Преклонив колени на берегу реки, Афина осенила теплым сладостным дыханием каждую фигурку. Завершив, встала рядом с Прометеем и отцом — поглядеть, что получилось.

Все происходило довольно медленно.

Поначалу одна из фигурок потемнее дернулась и испустила стон.

На другом конце ряда завозилась желтая, села, тихонько кашлянула.

Через несколько секунд все малютки ожили и задвигались. Всего мгновения спустя они уже сгибали и разгибали конечности, хлопали глазами и пробовали все остальные свои чувства, разглядывали друг друга, нюхали воздух, болтали и вопили. Вскоре они уже вставали и даже делали первые шаткие шаги.

Зевс вцепился в Прометея обеими руками и заплясал.

— Смотри! — орал он. — Смотри! Ну красавцы же! Чудесные, совершенно чудесные!

Афина вскинула палец к губам:

— Тсс! Ты их пугаешь. — Она показала на малюсеньких мужчин, уставившихся вверх со страхом и настороженностью. Самый высокий не дотягивался ей даже до колен.

— Все в порядке, малыши, — сказал Зевс, склонившись и обращаясь к ним тоном, который ему казался умиротворяющим. — Не надо бояться!

Но получившийся исполинский грохот, кажется, встревожил малюток еще больше — они принялись беспокойно размахивать руками и заметались.

— Давайте уменьшимся до их размеров, — предложил Прометей. С этими словами он сжался так, чтобы сделаться всего на фут с небольшим крупнее своих творений. Зевс с Афиной последовали его примеру.

Объятиями, улыбками и нежными речами этих напуганных и растерянных существ постепенно угомонили, и все уже готовы были подружиться. Они сбились в кучку вокруг троих бессмертных, кланяясь и простираясь перед ними.

— Не надо кланяться, — сказал Прометей, касаясь одной фигурки и восхищаясь ощущением от ее кожи и жизнью, которую он чуял внутри этого созданья. Дыхание Афины превратило глину в эту подвижную теплую плоть. Глаза у всех сияли жизнью, энергией и надеждой.

— Минуточку, — вмешался Зевс, — кланяться как раз *очень* надо. Мы — их боги, пусть они об этом не забывают.

— Я им не бог, — сказал Прометей, оглядывая созданное с громадной любовью и гордостью. — Я им друг. — Он опустился на колени, чтобы сделаться ниже их ростом. — Я научу их возделывать землю, молоть пшеницу и рожь, чтобы они смогли печь хлеб. Научу готовить еду и ковать инструменты, и...

— Нет! — внезапно взревел Зевс, и оторопевшие созданья вновь переполошились и заметались. Рев Зевса отозвался в небесах оглушительным грохотом. — Можешь дружить с ними сколько влезет, Прометей, и, не сомневаюсь, Афина и все прочие боги тоже захотят. Но одного им не получить никогда. Огня.

Прометей ошарашенно уставился на своего друга.

— Но... почему никогда?

— С огнем они могут восстать против нас. С огнем они будут считать себя равными нам. Я это чувствую — и знаю. Никогда не получить им огня. Я сказал свое слово. — Долгий раскат грома вдали подтвердил это. — Но, — улыбнулся Зевс, — все остальное на белом свете — их. Пусть странствуют куда пожелают. Пусть рассекают по океанам Посейдона, ищут помощи Деметры, засевая зерно и выращивая пищу, учатся у Гестии домоводству, разбираются, как содержать животных ради молока, шерсти и тягловой силы, пусть усваивают мастерство охоты у Артемиды. Гермес натаскает их в хитрости, Аполлон познакомит с умениями в музыке и науках. Афина объяснит, как быть мудрыми и умиротворенными. А Афродита изложит искусства любви. Будут свободными и счастливыми.

— Как мы их назовем? — спросила Афина.

— Те, что ниже, — сказал Зевс, поразмыслив. — *Антропос*[1].

Он хлопнул в ладоши, и горстка сделанных вручную людей превратилась в сотню, сотня — в целую толпу, а толпа, распространяясь во все стороны, стала ордой, пока человеческое население, исчислявшееся уже сотнями тысяч, не ринулось обживать все уголки мира.

Вот так возник первый людской род. Гею, Зевса, Аполлона и Афину можно считать родителями его в той же мере, что и Прометея, вылепившего человечество из четырех стихий: Земли (глина Геи), Воды (слюна Зевса), Огня (солнце Аполлона) и Воздуха (дыхание Афины). Они жили и процветали, воплощая все лучшее, что подарили им их творцы. Но чего-то не хватало. Чего-то очень важного.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Альма-матер, благодатная мать-земля, которую сделала плодородной и урожайной Деметра, стала сладостным раем для первых людей. Никаких болезней, нищеты, голода или войн не знали они. Жизнь была идиллией невинности и легких сельских дел.

1 Такова одна из гипотез о происхождении слова «антропос», что означает именно «человек». Увы, множество названий нашего биологического вида *как будто бы* подразумевают только самца. Human [человек, человеческий, *англ. — Примеч. перев.*], к примеру, происходит от *homo*, что на латыни означает «мужчина». Таким образом humanity [человечество, *англ. — Примеч. перев.*] хамски оставляет за скобками половину всего нашего вида. «Народ», «люди» все же несколько шире. Стоит помнить, впрочем, что слово man связано с *mens* (ум) и *manus* (рука) и стало гендерно однозначным, возможно, всего тысячу лет назад.

Время счастливого поклонения богам, близости и дружбы с ними, а боги жили средь них в очертаниях и пропорциях простых и не пугающих. Зевс и все остальные боги, титаны и бессмертные с большим удовольствием общались с этими очаровательными как дети гомункулами, которых Прометей слепил из глины.

Возможно, мы лишь вообразили себе те первые дни чудесной простоты и всеобщей доброты, чтобы с этой вершиной райской утонченности сравнивать низкие, извращенные времена, какие наступили следом. Греки, несомненно, верили в то, что Золотой век действительно был. Он навсегда остался в их мышлении и поэзии и одарил их грезой о совершенстве, к которому надо стремиться, видением более отчетливым и плотным, чем наши размытые представления о перволюдях, хрюкавших по пещерам. Платонические идеалы и безупречные формы были, вероятно, интеллектуальным выражением скорбной памяти рода людского.

Естественно, что из всех бессмертных сильнее прочих любил человечество его художник-создатель — Прометей. Он и брат его Эпиметей проводили с людьми больше времени, чем на Олимпе, в компании себе подобных бессмертных.

Прометея расстраивало, что ему позволили вылепить лишь мужчин: он чувствовал, что этой клонированной однополой расе недостает разнообразия — и во взглядах, и в нравах, и в характерах, — а также способности размножаться и создавать новые личности. Его человечество было счастливо, да, но Прометею подобное безопасное,

безо всяких испытаний бытие виделось лишенным задора. Чтобы приблизиться к богоподобию, какое заслуживали его создания, человечеству чего-то не хватало. Им нужен *огонь*. Настоящий, горячий, яростный, мерцающий, пылающий огонь, чтобы они могли оттаивать, плавить, коптить, жарить, кипятить, печь, выделывать и ковать; а еще им нужен был внутренний творческий огонь — *божественный* огонь, чтобы смогли они думать, воображать, дерзать и делать.

Чем больше Прометей приглядывал за своим творением и жил с ним, тем больше убеждался, что огонь — именно то, что им нужно. И знал, где его добыть.

СТЕБЕЛЬ ФЕНХЕЛЯ

Прометей оглядел двойную вершину Олимпа, нависавшую над ним. Высочайший пик, Митикас, достигал почти десяти тысяч *пусов*, до самых облаков. Рядом — на двести-триста футов ниже, но куда более труднодосягаемая скалистая Стефани. На западе темнели вершины Сколио. Прометей знал, что гаснувшие лучи вечернего солнца скроют это восхождение — сложнейшее из всех — от богов, царивших наверху, и потому начал опасный подъем, уверенный, что влезет на вершину незамеченным.

Никогда прежде Прометей Зевса не ослушивался. Ни в чем по-крупному. В играх, забегах, потасовках и соревнованиях за сердца нимф он запросто дразнил и подде-

вал друга, но никогда не восставал против него впрямую. Без последствий иерархию пантеона не очень-то нарушишь. Зевс — друг сердечный, однако он в первую очередь Зевс.

И все же Прометей не сомневался в своих действиях. Как бы ни любил он Зевса, человечество стало ему дороже. Воодушевление и решимость, какие ощущал он внутри, были сильнее любого страха перед божественным гневом. Совсем не хотелось досаждать другу, но, когда пришлось выбирать, выбора не оказалось.

Прометей одолел отвесную стену Сколио, и тут западные врата за солнечной колесницей Аполлона закрылись, всю гору окутало тьмой. Пригибаясь, Прометей прокрался вокруг иззубренного выступа, венчавшего чашу амфитеатра Мегала Казания. Впереди виднелось Плато муз, оно мерцало пляшущими отблесками света от огней Гефестова горнила примерно в семи сотнях пусов дальше.

По другую сторону Олимпа боги ужинали. Прометей слышал лиру Аполлона, свирель Гермеса, каркающий смех Ареса и рык Артемидиных гончих. Цепляясь за внешние стены кузни, титан подбирался к ее входу. Завернув за выступ, он оторопел: на земле перед огнем распластался навзничь нагой исполин Бронт. Прометей затаился в тени. Он знал, что циклопы помогают Гефесту, но что они спят при кузне — этого он учесть не мог.

У самого входа он разглядел ферулу, ее еще иногда называют сильфией или же исполинским фенхелем (*Ferula communis*), — не тот же самый овощ, похожий на луковицу, какой мы ныне применяем, чтобы сообщить рыбному блюду приятный анисовый дух, но его близкий родствен-

ник. Прометей склонился и выдернул длинный бодрый росток. В стебле нашлась густая, похожая на вату сердцевина. Очистив от листьев, Прометей протянул его через порог, над сонной, бормотавшей тушей Бронта, к огню. Жара, что источало горнило, оказалось достаточно, чтобы конец стебля занялся. Прометей подтянул его обратно, со всей возможной осторожностью — но не смог предотвратить падение искры с шипевшего стебля прямиком Бронту на грудь. Кожа циклопа заскворчала и зашипела, и он проснулся, ревя от боли. Пока Бронт спросонья разглядывал свою грудь, пытаясь понять, откуда взялась эта боль и что она могла означать, Прометей схватил росток и удрал.

ДАР ОГНЯ

Прометей слез с Олимпа, зажав росток фенхеля в зубах; сердцевина тлела. Примерно каждые пять минут Прометей вытаскивал стебель изо рта и осторожно раздувал пламя, берег его сияние. Наконец, добравшись до безопасного места в долине, он отправился в людское селение, где они с братом обжились.

Можно было бы возразить, что Прометей наверняка мог научить людей высекать огонь из камней или трением палочек, но следует помнить, что Прометей украл огонь с небес — божественный огонь. Вероятно, он принес людям внутреннюю искру, что само по себе разжигает в человеке любопытство потереть палочки или постукать камни друг о друга.

Когда он показал людям скакавшего, плясавшего и метавшегося демона, они закричали от страха и отпрянули от пламени. Но любопытство вскоре взяло верх над страхом, и они начали радоваться этой волшебной новой игрушке, веществу, явлению — назовите, как желаете. От Прометея они узнали, что огонь не враг им, а могущественный друг, у которого, если его приручить, найдутся тысячи тысяч применений.

Прометей пошел от деревни к деревне и везде показывал, как изготовить инструменты и оружие, как обжигать глиняные горшки, готовить мясо и печь зерновое тесто, и все это вскоре запустило лавину умений, подняв человека над зверями-хищниками, которым нечего было противопоставить копьям и стрелам с металлическими наконечниками.

Довольно скоро Зевсу случилось глянуть с Олимпа, и он увидел точки плясавшего оранжевого света, повсюду испещрявшие пейзаж. Он тут же понял, что произошло. И вызнавать, кто виноват, тоже не понадобилось. Гнев Зевса был стремителен и ужасен. Никогда и никто прежде не видывал подобной всепоглощающей, сокрушительной, апокалиптической ярости. Даже Уран в муках своего увечья не преисполнялся такого мстительного неистовства. Урана сверг сын, к которому отец не питал никакого уважения, а Зевса предал друг, которого он любил сильнее всех остальных. Не придумать предательства ужасней.

КАРЫ

ДАР

Гнев Зевса оказался совершенно беспредельным, и все олимпийцы боялись, что Прометея разнесет такая сила, что и атомы его никогда не восстановятся. Возможно, подобная судьба и постигла бы прежде любимого титана, если бы не мудрое и уравновешивающее влияние Метиды у Зевса в голове: она посоветовала месть тоньше и достойнее. Сила божественной ярости нисколько не уменьшилась — она сделалась сфокусированнее, направилась в более отчетливые русла возмездия. Нужно оставить Прометея до поры и обрушить космическую ярость на людей — ничтожных дерзких людишек, творение, которое Зевс так любил, а теперь не питал к нему ничего, кроме обиды и холодного высокомерия.

Целую неделю под присмотром посуровевшей и обеспокоенной Афины Владыка богов сновал взад-вперед перед своим троном и решал, какую расплату лучше всего назначить за присвоение огня, за дерзость подражать олимпийцам. Внутренний голос, казалось, шепчет ему, что однажды, какую бы месть он ни выбрал, человечество устремится ввысь и сделается под стать богам — или, что еще ужасней, перестанет в них *нуждаться* и решит, что может их забыть. Никакого преклонения, никаких молитв небесному Олимпу. Перспектива показалась Зевсу слишком богохульной и нелепой, он ее забросил, но одно то, что подобная возмутительная мысль могла закрасться ему в голову, лишь подогрело его бешенство.

Возник ли блистательный замысел у него самого, или у Метиды, или вообще у Афины — неясно, однако, по мнению Зевса, замысел получился хоть куда. Была в нем золотая симметрия, что оказалась близка его очень греческому уму. Ох уж он покажет Прометею — и, небеса свидетели, покажет человечеству.

Перво-наперво он велел Гефесту повторить работу Прометея — вылепить из глины, смоченной слюной Зевса, человеческую фигурку. Но на сей раз это будет молоденькая *женщина*. Взяв в модели свою жену Афродиту, ее мать Геру, тетушку Деметру и сестру свою Афину, Гефест любовно вылепил девушку чудесной красоты, в которую Афродита вдохнула жизнь и все искусства любви.

Все остальные боги снабдили новое созданье всем необходимым. Афина обучила ее домоводству, вышивке и прядению и облачила в великолепную серебряную

хламиду. Харитам поручили украсить творение бусами, брошами и браслетами из лучшего жемчуга, агата, яшмы и халцедона. Оры вплели цветы ей в волосы, и стала она такой красавицей, что у всех, кто видел ее, спирало дух. Гера наделила ее величием и самообладанием. Гермес поставил ей речь и натаскал в искусствах обмана, пытливости и хитрости. Он же дал ей имя. Поскольку все боги одарили ее замечательными талантами и умениями, назвать ее полагалось Всеодаренной, что по-гречески — ПАНДОРА[1].

Гефест соорудил еще один подарок этому совершенству, а поднес его лично Зевс. Это была емкость, наполненная... тайнами.

Вы, наверное, думаете, что под емкостью я имею в виду ящик или, может, некий сундук, но на самом деле это был глазурованный и запечатанный глиняный кувшин, известный в греческих землях как *пифос*[2].

— Ну вот, моя дорогая, — сказал Зевс. — Эта штука — просто для красоты. Не смей открывать. Поняла?

Пандора качнула прелестной головкой.

— Никогда, — выдохнула она совершенно искренне. — Никогда!

— Вот умница. Это тебе свадебный подарок. Зарой его поглубже под брачным ложем, но не распечатывай.

1 Это имя на самом деле еще затейливее: *пан-дора* означает и «всё-дарующая», и «всем-одаренная».

2 Говорят, что неверно истолковал Пандорин *пифос* (кувшин) как *пиксис* (ящик) не кто иной, как сам Эразм, великий ученый XVI в., «князь гуманистов». [Кувшин-*пифос* — очень большой сосуд, почти в человеческий рост. — *Примеч. перев.*]

Ни за что. Там лежит... ну, неважно. Ничего для тебя интересного, совсем.

Гермес взял Пандору за руку и переместил ее к маленькой каменной хижине, где обитали Прометей с братом Эпиметеем, в самой середке процветавшего людского городка.

БРАТЬЯ

Прометей знал, что Зевс придумает какую-нибудь кару за его ослушание, и предупредил брата Эпиметея, что, пока сам он в отлучке и учит только что возникшие деревни и города применению огня, пусть брат не принимает с Олимпа никаких даров, в каком бы обличье те ни предстали.

Эпиметей, который всегда сперва делал, а потом размышлял о последствиях, заверил более дальновидного брата в своем послушании.

Однако ничто не могло подготовить его к подарку Зевса.

Как-то раз поутру Эпиметей услышал стук в дверь и открыл ее радостному улыбчивому посланнику богов.

— Нам можно войти? — Гермес проворно отступил в сторону, и за ним с глиняным кувшином в руках явилось прелестнейшее создание из всех, каких только Эпиметею доводилось встречать. Афродита была хороша, само собой, но слишком уж далека и эфирна, чтобы рассматривать ее не как предмет поклонения и отстраненного

благоговения. То же и с Деметрой, Артемидой, Афиной, Гестией и Герой. Их красота была царственна и недосягаема. Миловидность нимф, ореад и океанид, пусть и вполне чарующая, представлялась поверхностной и незрелой рядом с румяной сладостью видения, что взирало на Эпиметея так робко, с такой готовностью, так восхитительно. — Можно? — повторил Гермес.

Эпиметей сглотнул, икнул и отступил назад, распахивая дверь.

— Познакомься со своей будущей женой, — проговорил Гермес. — Ее зовут Пандора.

РАСКРЫЛ — МНОГО КРЫЛ

ЭПИМЕТЕЙ И ПАНДОРА ВСКОРЕ ПОЖЕНИЛИСЬ. Эпиметею чудилось, что Прометей — который сейчас был далеко, учил искусству отливки бронзы народ Варанаси — Пандору не одобрит. Быстрая свадьба до возвращения брата показалась хорошей мыслью.

Эпиметей с Пандорой очень любили друг друга. Спору нет. Краса и ученость Пандоры каждый день несли ему радость, а он, в свою очередь, своей непринужденной способностью жить мгновением и никогда не тревожиться о будущем дарил ей чувство, что жизнь — легкое и милое приключение.

Но одна мелочь не давала ей покоя, одна крошечная мушка зудела над ней, малюсенький червячок ел изнутри.

Тот кувшин.

Она держала его на полке в их спальне. Когда Эпиметей спросил о нем, она рассмеялась.

— Да просто дурацкая штуковина, Гефест сделал мне на память об Олимпе. Никакой ценности.

— Но красивый, — промолвил Эпиметей и дальше думать о нем не стал.

Как-то раз вечером, пока ее муж метал диск с друзьями, Пандора подошла к кувшину и провела пальцем по кромке запечатанной крышки. Почему Зевс вообще *заикнулся* о том, что внутри ничего интересного? Он бы не стал ничего такого говорить, если б действительно не было. Она прокрутила это рассуждение в голове.

Если даешь другу пустой кувшин, и мысли-то не возникнет *говорить*, что кувшин пуст. Друг заглянет внутрь однажды и сам увидит. Тогда с чего Зевс не счел за труд повторить, что ничего интересного в кувшине не содержится? Объяснение может быть только одно. Внутри — нечто *очень* интересное. Что-то ценное или мощное. Что-то либо чарующее, либо зачарованное.

Но нет — она же поклялась никогда не открывать кувшин. «Слово есть слово», — сказала она себе и тут же почувствовала себя очень добродетельной. Она считала, что ее долг — противостоять наваждению кувшина, который теперь действительно чуть ли не в голос звал ее, совершенно завораживающе. Сплошное расстройство — держать столь манящий предмет у себя в спальне, где он будет дразнить и искушать ее всякое утро и всякий вечер.

Искушение значительно ослабевает, если убрать его с глаз. Пандора отправилась в садик на заднем дворе и —

рядом с солнечными часами, которые соседи подарили им на свадьбу, — выкопала яму и зарыла кувшин поглубже. Прихлопнула землю сверху и сдвинула тяжелые солнечные часы вместе с плитой-постаментом поверх тайника. Вот!

Всю следующую неделю она была весела, игрива и счастлива, насколько вообще способен быть человек. Эпиметей влюбился в нее еще больше и позвал друзей пировать — и слушать песню, которую он сочинил в ее честь. Радостный и удачный вышел праздник. Последний во всем Золотом веке.

В ту ночь — возможно, слегка захмелев от похвал, что расточались ей столь вольно, — Пандора не могла заснуть. В окно спальни она видела садик, залитый лунным светом. Гномон часов сиял, словно серебряное острие, и вновь Пандоре почудилось, что слышит она песню кувшина.

Эпиметей счастливо спал рядом. Лунные лучи плясали по саду. Не в силах более терпеть, Пандора выскочила из супружеской постели и выбежала в сад, отодвинула часы и раскопала землю, не успев даже сказать себе, что поступает нехорошо.

Вытащила кувшин из тайника и повернула крышку. Восковая печать подалась, Пандора сорвала ее. Произошел стремительный всплеск, яростный трепет крыл, а в ушах у нее зашумело, забурлило.

О! Великолепные летучие созданья!

Но нет... не великолепные вовсе. Пандора вскричала от боли и страха, почуяв на шее кожистое касание,

а следом острый и ужасный укол, словно чье-то жало или клык уязвил ее. Крылатые силуэты всё летели и летели из горла кувшина — громадная туча их, они лопотали, вопили и выли ей в уши. Сквозь вившийся туман этих мерзких тварей она увидела лицо мужа — он вышел посмотреть, что происходит. Лицо это побелело от ужаса и страха. Громко закричав, Пандора собрала всю отвагу и силу и закрыла кувшин наглухо.

У садовой стены в облике волка Зевс наблюдал, улыбаясь жутчайше и злобнейше: как стая саранчи, вопившие, вывшие твари драли воздух и вились над садом громадной воронкой, а затем ринулись вверх по-над городком, над всей округой — и над всем миром, проникая чумой всюду, где обитал человек.

И чем же были они, эти силуэты? Все они — потомки-отродье темных злых детищ Никты и Эреба: рождены от Апаты — Обмана, Гераса — Старости, Ойзиса — Горя, Мома — Хулы, Кер — Насильственной смерти; отпрыски Аты — Помрачения и Эриды — Раздора. Вот их имена: ПО́НОС — Тяжкий труд, ЛИМОС — Голод, АЛГЕЯ — Боль, ДИСНОМИЯ — Безвластие, ПСЕВДЕЯ — Ложь, НЕЙКЕЯ — Ссора, АМФИЛОГИ — Споры, МАХИ — Войны, ГИСМИНЫ — Сражения, АНДРОКТАСИИ и ФОНЫ — Резня и Убийства.

Появились Болезнь, Насилие, Предательство, Горе и Нужда. И никогда не покинут они Землю.

А вот чего Пандора не знала: когда впопыхах закрыла крышку на кувшине, она заточила внутри навек одну последнюю дочь Никты. Одно последнее крошечное

созданье осталось втуне бить крылышками внутри кувшина. И звали его ЭЛПИДА — Надежда[1].

СУНДУК, ВОДЫ И ГЕИНЫ КОСТИ

Вот так стремительно и кошмарно завершился Золотой век. Смерть, болезни, бедность, преступность, голод и войны навеки стали неизбежной частью удела человеческого.

Но Серебряный век, как стали именовать ту эпоху, не свелся к одному лишь отчаянию. Он отличался от нашего тем, что боги, полубоги и чудовища навещали нас, людей, скрещивались с нами и полностью участвовали в нашей жизни. С огнем в руках, а теперь и с появлением женщин человечество смогло размножиться, наполнилось смыслом понятие «семья», и кое-какие беды из кувшина Пандоры удалось уравновесить. Зевс глядел и видел все это. Голос Метиды у него в голове, казалось, шептал, что никак не остановить человечество, если однажды оно решит встать на ноги — в других смыслах, кроме очевидного. Зевса это глубоко беспокоило.

Тем временем люди, как положено, благоговели перед богами и применяли свою новую близость к огню, чтобы слать Олимпу подношения — в знак преданности и послушания.

1 См. Приложение, с. 514.

Пандора, первая женщина, родила от Эпиметея несколько детей, в том числе дочку ПИРРУ. Прометей тоже зачал ребенка — сына ДЕВКАЛИОНА, возможно — от собственной матери Климены или, если верить другим источникам, от океаниды ГЕСИОНЫ.

И так размножился род мужчин и женщин.

Прометей, чей дар предусмотрительности[1] никогда его не покидал, отчетливо осознавал, что гнев Зевса еще предстоит утишить. Он воспитал Девкалиона готовым к любым божественным воздаяниям. Когда мальчик подрос, Прометей научил его работать с деревом. Вместе они соорудили громадный сундук.

Братья-титаны радовались вовсю, когда Пирра и Девкалион влюбились друг в друга и поженились. Прометей и Эпиметей могли теперь считать себя родоначальниками новой независимой человеческой династии. Но угроза от Громовержца, супившегося на своем олимпийском троне, так никуда и не делась.

Шло время, человечество продолжало плодиться и расселяться — по мнению Зевса, скорее чума, чем милые игрушки, какие он когда-то любил. Повод повторно наказать человечество дал один из первых людских правителей, ЛИКАОН, владыка Аркадии — сын Пеласга, от которого происходит название пеласгийцев. Этот Пеласг — одна из тех фигурок, что слепил Прометей и одухотворила Афина. По нашим современным понятиям, Пеласг был эллином, со смугловатой кожей, темными волосами и глазами.

1 Предусмотрительности, но не предвидения...

Позднее греки стали считать тот народ, его язык и обычаи варварскими, и, как мы убедимся, этому первому племени не суждено было долго населять Средиземноморье.

Ликаон, то ли чтобы проверить Зевсово всеведение и суждение, то ли по каким-то иным зверским причинам, убил и зажарил собственного сына НИКТИМА — и подал его богу, зашедшему в гости на пир во дворец Ликаона. Зевса настолько отвратил этот невыразимо гнусный поступок, что он вернул мальчика к жизни, а самого Ликаона превратил в волка[1]. Править Никтиму на месте отца довелось, впрочем, недолго: его сорок девять братьев разоряли земли с такой свирепостью и вели себя так безобразно, что Зевс решил раз и навсегда прекратить эксперимент с человечеством. Для этого он собрал тучи — устроить бурю такой силы, чтобы землю затопило и все люди Греции и Средиземноморья утонули.

Все, за исключением Девкалиона и Пирры, которые, благодаря предусмотрительности Прометея, пережили девять дней потопа в деревянном сундуке, что плавал себе по водам. Как и положено настоящим специалистам по выживанию, сундук они наполнили запасами еды, питья, а также кое-какими полезными инструментами и предметами, чтобы, когда потоп спадет и их суденышко сможет пристать к горе Парнас, им удастся перебиться в послепотопных иле и грязи[2].

1 Еще одно слово, означающее оборотня, вервольфа, — *ликантроп*, в переводе с греческого — «волк-человек».

2 По крайней мере, так у Овидия. Согласно другим источникам, это была Этна или Афос. Примерно в ту же пору Ной пришвартовался к Арарату. Археологи, похоже, подтверждают, что Великий потоп — и впрямь историческое событие.

Когда мир более или менее просох и Пирра с Девкалионом (которому, говорят, тогда было уже восемьдесят два) смогли безопасно спуститься по горному склону, они добрались в Дельфы, что расположены в долине под Парнасом. Там они посовещались с оракулом Фемиды, титаниды-провидицы, чьей специальностью было видеть то, что вернее всего следует предпринимать.

— О Фемида, мать справедливости, мира и порядка, наставь нас, молим тебя, — вскричали они. — Мы одиноки на белом свете и слишком преклонных лет, чтобы заполнить этот пустой мир потомством.

— Дети Прометея и Эпиметея, — произнесла провидица. — Услышьте голос мой и поступайте по слову моему. Укройте головы и бросьте кости матери вашей через плечо.

И ни словечка больше не смогла растерянная пара вытянуть из оракула.

— Моей матерью была Пандора, — сказала Пирра, усаживаясь наземь. — И она, надо полагать, утонула. Где же я найду ее кости?

— Моя мать — Климена, — проговорил Девкалион. — Или, если верить другим источникам, океанида Гесиона. Хоть так, хоть эдак, обе они бессмертные, а значит, живы и со своими костями расставаться точно не пожелают.

— Надо подумать, — сказала Пирра. — *Кости матери вашей*. Может в этом крыться другой смысл? *Материны кости*. Материнские кости... Думай, Девкалион, думай!

Девкалион накрыл голову сложенной тканью, сел рядом с женой, чья голова и так была покрыта, и задумался

над задачкой, наморщив лоб. Оракулы. Вечно они увиливают и увертываются. Он сумрачно подобрал камешек и бросил его вниз по склону. Пирра схватила его за руку.

— Наша мать!

Девкалион уставился на нее. Она захлопала ладонями по земле рядом с собой.

— *Гея!* Гея — наша общая мать, — воскликнула она. — Мать-земля наша! *Вот* они, кости нашей матери, смотри... — Она принялась собирать камешки с земли. — Шевелись!

Девкалион встал и тоже взялся поднимать камни и гальку. Они прошли через поля у Дельф, бросая камешки через плечо, как и было велено, однако оглядываться не решались, пока не одолели многие *стадии*.

Когда наконец обернулись, открылось им зрелище, наполнившее их сердца радостью.

Там, где упали камни Пирры, возникли девушки и женщины, сотни их, все улыбчивые, здоровые, ладно сложенные. А там, где упали камни Девкалиона, появились юноши и мужчины.

Вот так старые пеласгийцы утонули в Великом потопе, и Средиземноморье заселилось новым племенем, что возникло благодаря Девкалиону и Пирре, от Прометея, Эпиметея, Пандоры и — что важнее всего, разумеется, — от Геи[1].

Это мы с вами и есть — соединение провидения и порыва, всех даров и земли.

1 См. Приложение на с. 509.

СМЕРТЬ

НАШ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОД, ОТНЫНЕ УДАЧНО состоящий поровну из мужчин и женщин, расплодился и расселился по всему свету, настроил городов и образовал национальные государства. Корабли и колесницы, домишки и дворцы, культура и коммерция, торговцы и торжища, фермерство и финансы, пушки и пшеница. Короче, цивилизация. Настал век королей, королев, царевичей и принцесс, охотников, воинов, пастухов, гончаров и поэтов. Век империй, рабов, войны, торговли и договоров. Век подношений, жертв и молений. Города и деревни выбирали себе любимых богов и богинь в хранители, покровители и заступники. Сами же бессмертные не гнушались спускаться к людям в своем обличье — или же в виде людей и животных — и овладевать ими по своему усмотрению, а также наказывать тех, кто их сердил, и награждать самых угодливых. От лести боги не уставали никогда.

Пожалуй, самое главное следствие напастей, какие вырвались из кувшина Пандоры, с тех пор и далее состояло в том, что человечеству предстояло смиряться со смертью — во всех ее проявлениях. Внезапная смерть, медленная неотвратимая смерть, смерть от насилия, смерть от болезни, смерть от несчастного случая, смерть от убийства и смерть божественной волею.

К своему великому восторгу — или к тому, что больше всего похоже на восторг у этого мрачного бога, — Аид

обнаружил, что тени новых и новых умерших людей начали прибывать в его подземные владения. Гермесу вменили новые обязанности — Старшего Психопомпа, или «главного проводника душ», и этот долг он исполнял с привычным проворством и озорным юмором. Впрочем, человечества все прибывало, и потому вскоре лишь самые важные покойники удостаивались чести личного сопровождения Гермеса, а остальных прибирал Танатос — угрюмая, мрачная фигура Смерти.

В тот миг, когда дух человека покидал тело, Гермес или Танатос вели его к подземной пещере, где река Стикс (Ненависть) сливалась с рекой Ахерон (Скорбь). Там сумрачный молчаливый Харон протягивал руку, чтобы получить плату за перевоз души через Стикс. Если у покойника нечем было заплатить, ему приходилось ждать на берегу сотни лет, прежде чем неприступный Харон соглашался перевезти. Чтобы избежать этого лимбо, среди живых завелся обычай класть немножко денег — как правило, один *обол*, — на язык умирающему, чтобы ему было чем расплатиться с паромщиком и тем самым обеспечить себе безопасный и быстрый переход[1]. Приняв мзду, Харон втягивал душу умершего на борт и толкал шестом по черным стигийским водам плот цвета ржавчины или лодочку к точке высадки — адскому месту встреч[2]. Умерев, ни один живой не мог вернуться в верхний мир. Бессмертные, если хотя бы

1 Харон также готов был принять *данаки*, персидский эквивалент, позже ставший древнегреческой денежной единицей.

2 Цвет лодки Харона есть у Вергилия в описании визита Энея в загробный мир.

пригубили еду или питье в Аиде, обречены были вернуться в подземное царство.

Каков же был пункт их назначения? Похоже, это зависело от того, какую жизнь они прожили. Поначалу сам Аид выступал судией, но позднее передал эту задачу Великого взвешивания сыновьям Зевса и ЕВРОПЫ — МИНОСУ и РАДАМАНТУ: они, когда сами умерли, вместе со своим сводным братом ЭАКОМ были назначены Судьями Преисподней. Они решали, провел ли свою жизнь умерший как герой, как средний смертный или же как негодяй[1].

Герои и те, кого считали чрезвычайно праведными (а также покойники божественных кровей), оказывались на Елисейских полях, что располагаются где-то на архипелаге, известном под названием Блаженные острова или Острова блаженных. Подлинного согласия в том, где именно они находятся, не достигнуто. Вероятно, это современные Канарские острова, а может, Азорские, Малые Антильские или даже Бермудские[2]. Позднейшие описания помещают Елисейские поля прямо в царство Аида[3]. По этим изложениям души, переродившиеся трижды и каждый раз ведшие героическую, справедливую и добродетельную жизнь, получали право перебраться из Элизия на Острова блаженных.

Безобидное большинство, чьи жизни не были ни особенно добродетельными, ни чрезмерно злодейскими,

1 Рассказ о том, как Зевс совратил Европу, последует чуть позже.
2 Байрон в «Дон Жуане» претендентом на звание Блаженных островов выдвинул Канары.
3 Но не во Франции, несмотря на название главной улицы Парижа — *Champs Elysées*.

могли ожидать вечной стоянки на Асфоделевых лугах, чье название происходит от белых цветочков, какими усыпаны те места. Таким душам гарантировали довольно приятную жизнь после смерти: перед прибытием они пили воды забвения из реки Леты, чтобы скучная и невыразительная вечность текла непотревоженной смятенными воспоминаниями жизни земной.

А грешники — распутники, безбожники, злодеи и забулдыги — с ними как? Невиннейшие отправлялись в залы Аида, навеки без всякого чувства, силы или хоть какого-то осознания своего бытия, а вот самых закоснелых и неискупимых отправляли на Поля кары, что лежат между Асфоделевыми лугами и пропастью самого Тартара. Здесь к ним целую вечность применяли пытки, дьявольски точно сообразные их проступкам. Мы еще познакомимся с некоторыми самими прославленными грешниками. Имена СИЗИФА, ИКСИОНА и ТАНТАЛА гремят в веках.

По описанию Гомера, духи усопших сохраняют лица и вообще облик, какой у них был при жизни, другие же источники рассказывают о кошмарном демоне по имени ЭВРИНОМ, который встречал мертвых и, как и фурии, обдирал плоть с их костей. Другие поэты поговаривают, что души подземного мира способны были говорить и охотно излагали друг другу истории своей жизни.

Аид был самым ревнивым из всей своей собственнической семейки. Ни единой души не желал он отпускать из своего царства. Трехглавый пес Цербер сторожил врата.

Очень, очень мало кто из героев умудрился обойти или надурить Танатоса и Цербера и смог навестить края Аида, а затем вернуться живым в верхний мир.

Вот так смерть стала постоянной величиной в человеческой жизни — и остается ею по сей день. Однако мир Серебряного века, следует понимать, очень отличался от нашего. Боги, полубоги и всевозможные бессмертные по-прежнему разгуливали среди людей. Связи с богами — личного, общественного и сексуального толка — были такой же частью повседневности для мужчин и женщин Серебряного века, как для нас — связи с машинами и помощниками, снабженными искусственным интеллектом. И, осмелюсь заявить, в Серебряном веке было куда занимательнее.

ПРОМЕТЕЙ ПРИКОВАННЫЙ[1]

ЗАКИПАЯ ОТ ЯРОСТИ, ЗЕВС НАБЛЮДАЛ, как выжили Пирра с Девкалионом, как создали они род мужчин и женщин из камней земных. Никто, даже сам Владыка богов, не мог вмешаться в волю Геи. Она представляла старый, глубинный, более неизменный порядок, чем сами олимпийцы, и Зевс понимал, что бессилен предотвратить повторное заселение мира. Зато он мог хотя бы заняться Прометеем. Настал день, когда Зевс решил: пора титану заплатить за свое предательство. Зевс глянул

1 Отсылка к названию трагедии (444–443 г. до н. э.) Эсхила. — *Примеч. перев.*

с Олимпа и увидел Прометея в Фокиде — он там помогал основывать новый город, как всегда, вмешивался в людские дела.

Человечество расплодилось в мгновение бессмертного ока — так мы назвали бы миновавшие несколько столетий. Все это время Прометей с титаническим терпением поддерживал распространение цивилизации среди Человечества — 2.0: еще раз учил людей всем искусствам, ремеслам и приемам сельского хозяйства, производства и строительства.

Приняв облик орла, Зевс слетел и уселся на балках недостроенного храма, посвященного его персоне. Прометей, вырезавший сцены из жизни юного Зевса на фронтоне, глянул вверх и сразу понял, что эта птица — его старый друг. Зевс вернул себе привычное обличье и оглядел резьбу.

— Если вот это рядом со мной Адамантея, у тебя все пропорции неверные, — сказал он.

— Право художника, — возразил Прометей, но сердце у него колотилось. С тех пор как Прометей украл огонь, они разговаривали впервые.

— Пришло время заплатить за то, что ты натворил, — сказал Зевс. — Значит, так. Могу призвать гекатонхейров, чтоб они увели тебя силой куда надо, а можешь смириться с неизбежностью и пойти сам, не подымая шума.

Прометей положил молот и резец, вытер руки о шкуру.

— Пошли, — сказал он.

Они не беседовали и не останавливались передохнуть или попить, пока не добрались до подножия Кавказских

гор, где встречаются Черное и Каспийское моря. Все время пути Зевс хотел что-то сказать, взять друга за плечо и обнять его. Слезные извинения позволили бы Зевсу все простить, помириться. Но Прометей молчал. Жгучее чувство, что его обманули и им воспользовались, вновь вспыхнуло в Зевсе. «Кроме того, — говорил он себе, — великим правителям нельзя выказывать слабость, особенно когда речь идет о предательстве со стороны ближних».

Прометей прикрыл глаза ладонью и посмотрел вверх. Увидел троих циклопов — те стояли на высокой покатой скальной стене у самой высокой горы.

— Знаю, ты хорошо лазаешь по горным склонам, — проговорил Зевс, надеясь, что получился ледяной сарказм, но даже на его слух вышло обиженное бормотание. — Давай, лезь.

Когда Прометей добрался туда, где были циклопы, они заключили его в кандалы, растянули спиной к стене и прибили оковы к камню громадными клиньями из нерушимого железа. Два великолепных орла слетели с неба, приблизились к Прометею, заслонили солнечный свет. Он слышал, как жаркий ветер ерошит им перья.

Зевс воззвал к нему:

— Ты вечно пребудешь прикованным к этой скале. Никакой надежды на побег или прощение, никогда в целой вечности. Каждый день эти орлы будут прилетать и рвать тебе печень — как ты рвал мне сердце. Они будут жрать ее у тебя на виду. Поскольку ты бессмертен, за ночь исцелишься. Эта пытка никогда не закончится. С каждым днем муки твои будут все горше. Ничего не останется

у тебя, кроме времени, чтобы осмыслить беспредельность твоего проступка, глупость твоих действий. Ты, прозванный предусмотрительным, не выказал нисколько своей предусмотрительности, когда выступил против Владыки богов. — Голос Зевса гремел по ущельям и расселинам. — Ну? Нечего сказать?

Прометей вздохнул.

— Ты неправ, Зевс, — промолвил он. — Я обдумал свои действия с большим тщанием. Взвесил свой покой — и будущее всего рода людского. И знаю теперь, что им суждено процветать и благоденствовать независимо ни от каких бессмертных, даже от тебя. Это знание — бальзам от любой боли.

Зевс долго смотрел на своего бывшего друга, прежде чем заговорить.

— Ты недостоин орлов, — сказал он с чудовищной холодностью. — Пусть будут стервятники.

И два орла тут же превратились в зловонных, уродливых стервятников, что покружили над простертым телом, а затем обрушились на него. Их бритвенно-острые когти распороли титану бок, и с омерзительными воплями торжества птицы принялись пировать.

Прометей, верховный создатель человечества, заступник и друг, учил нас, воровал ради нас и пожертвовал ради нас собой. Мы все владеем частичкой Прометеева огня, без него не быть нам людьми. Жалеть его и восхищаться им — правильно; в отличие от ревнивых и самовлюбленных богов он никогда не просил ему поклоняться, воспевать его и обожать.

И вас, вероятно, порадует, что, вопреки вечному наказанию, на какое его обрекли, однажды возникнет герой столь великий, что он смог противостоять Зевсу, сорвать оковы с вожака людей и освободить его.

ПЕРСЕФОНА И КОЛЕСНИЦА

Мир, которым как верховный владыка небес правил Зевс, был человечеству щедрой матерью. Мужчины, женщины и дети угощались плодами деревьев, зерном трав, рыбой вод и живностью полей без особых усилий или тяжкого труда. Деметра, богиня плодородия и урожая, благословляла природу. Если где и случались нищета или голод, то лишь из-за людской жестокости и проделок тех жутких существ, каких выпустила из кувшина Пандора, а не по божественному недогляду. Однако всему предстояло измениться. Аид приложил к этому руку и — кто знает? — быть может, таков был его исходный замысел: распространить смерть по белому свету и тем увеличить население своего царства. Причудливы они, дела Мора.

У Деметры была дочь Персефона, рожденная ею от брата Зевса. Такой красивой, чистой и милой была Персефона, что боги привыкли звать ее КО́РОЙ, что попросту означает «дева». Римляне именовали ее ПРОЗЕРПИНОЙ. Все боги, особенно холостые Аполлон и Гермес, с ума сходили по ней — и даже звали замуж. Но благодаря опеке (некоторые считали, что чрезмерной) Деметры Персефона была сокрыта в далекой глуши, в стороне от алчных взоров богов и бессмертных, и почтенных, и не очень: Деметра намерена была сберечь ее навеки девственницей и вне пары — как вышло с Гестией, Афиной и Артемидой. Но был один могущественный бог, положивший свой вожделеющий глаз на эту девушку и не собиравшийся чтить желания Деметры.

Больше всего на свете славная безыскусная Персефона любила общаться с природой. Вся в мать: цветы и все, что растет, были ей величайшим источником радости. Однажды золотым вечером, чуть отстав от спутниц, назначенных матерью для ее защиты, Персефона гонялась за бабочками, что порхали с цветка на цветок по испятнанному солнцем пестрому лугу. Внезапно она услышала басовитый рваный рев. Словно гром, что, казалось, надвигается — но не с неба, а из земли у нее под ногами. В страхе и растерянности она огляделась. Земля содрогалась, склон холма перед Персефоной расселся. Из бреши с грохотом выкатилась колесница. Не успела бедная девушка броситься наутек, возница схватил ее, развернул колесницу и умчал обратно, в расселину холма. Когда встревоженные подруги Персефоны добрались на то место, расселина уже затянулась — бесследно.

Исчезновение Персефоны было столь же необъяснимым, сколь внезапным и полным. Минуту назад она счастливо бродила по лугу — и вот уж исчезла из виду, как и не было ее.

Отчаяние Деметры едва ль можно описать. Все мы утрачивали что-нибудь ценное — животное, растительное или минеральное — и проходили мучительные стадии горя, страха и гнева, какие могут возникать из-за внезапной потери. Когда же утрата столь личная, непредвиденная, полная и непостижимая, эти чувства усиливаются до жутчайшей степени. И хотя с течением времени становилось все труднее верить, что Персефона отыщется, Деметра поклялась, что найдет дочь, даже если потребуется вся вечность материнской жизни.

Деметра призвала на помощь подругу-титаниду ГЕКАТУ. Геката была богиней зелий, ключей, призраков, ядов, всевозможной волшбы и чар[1]. У нее имелось два факела, какими она способна была осветить все уголки земли. Они с Деметрой обшарили те уголки — раз, другой, тысячу раз. Они пролили свет в каждую нишу и темный закоулок, какие смогли обнаружить. Прочесали весь белый свет — втуне.

Минули месяцы. Все это время Деметра пренебрегала своими обязанностями. Зерно, урожаи, спелость фруктов и созревание посевов — все оказалось заброшено, и в почвах ничто не прорастало. Семена не пускали побеги, бутоны не раскрывались, ростки не пробивались, и мир начал превращаться в пустыню.

1 Она играет важную роль в шекспировском «Макбете».

Богам на Олимпе хоть бы что, однако плач оголодавших отчаивавшихся людей долетел до ушей Зевса. И лишь тогда, как-то раз вечером, они с богами подняли шум вокруг таинственного исчезновения Персефоны, и голос подал титан солнца Гелиос[1]:

— Персефона? О, я знаю, что с ней случилось. Я все вижу.

— Ты видел? Чего тогда не сказал? — возмутился Зевс. — Деметра, как умалишенная, бродит по миру, ищет ее, сама не своя от беспокойства, а мир тем временем превращается в пустыню. Какого ада ты помалкивал?

— Меня же никто не спрашивал! Меня вообще никто ни о чем не спрашивает. А знаю я много чего. Око солнца видит все, — сказал Гелиос, повторяя фразу Аполлона, которую тот частенько произносил, пока водил солнечную колесницу.

— Что же с ней случилось?

— Земля расселась, и кто, как вы думаете, выехал на колеснице и схватил ее?.. Не кто иной, как Аид!

— *Аид!* — хором повторили боги.

1 Гелиос временами бывал мутен и непроворен на мысли, зато бывал и ярок, и спор на солнечной колеснице. Как именно он принял на себя эти обязанности Аполлона, будет изложено позже.

ГРАНАТОВЫЕ ЗЕРНЫШКИ

Зевс тут же отправился в Преисподнюю — забирать Персефону. Но слушаться приказов Царя мира земного Царь подземного мира настроен не был.

— Никуда она не пойдет. Она моя царица.

— Ты смеешь перечить мне?

— Ты мой младший брат, — проговорил Аид. — Мой *самый* младший брат вообще-то. Вечно ты берешь себе что хочешь. Я требую права оставить себе девушку, которую люблю. Нельзя мне в этом отказать.

— О, так-таки нельзя? — переспросил Зевс. — Мир голодает. Плач изможденных смертных не дает нам спать. Откажешься вернуть Персефону — попробуешь на своей шкуре силу и мощь моей воли. Гермес перестанет водить к тебе духи мертвых. Ни единая душа у тебя тут не появится отныне. Всех отправим в новый рай — или они вообще прекратят умирать. Аид сделается пустынным краем, без всякой власти, влияния или величия. Твое имя станет посмешищем.

Братья гневно вперились друг в друга. Аид сморгнул первым.

— Будь ты проклят, — прорычал он. — Дай мне еще один день с ней — и шли Гермеса, пусть забирает.

Зевс вернулся на Олимп очень довольный.

Наутро Аид постучал в дверь спальни Персефоны. Вас это, вероятно, удивляет, но на самом деле она держалась с таким достоинством и уверенностью, что даже сила,

подобная Аиду, сомневалась в себе и робела. Он любил ее всем сердцем и, хотя в поединке воль уступил Зевсу, не сомневался, что не сможет Персефону отпустить. Кроме того, он улавливал в ней нечто... нечто, дарившее ему надежду. Маленький отсвет ответной любви?

— Дорогая моя, — сказал он с нежностью, какая поразила бы любого, кто знал его. — Зевс взял верх — велел вернуть тебя в мир света.

Персефона вскинула бледное лицо и внимательно посмотрела на Аида.

Аид ответил серьезным взглядом.

— Надеюсь, ты не думаешь обо мне дурного?

Она не ответила, но Аиду показалось, что он уловил легкий румянец у нее на щеках и шее.

— Раздели со мной гранат — в знак того, что не таишь зла на меня.

Персефона вяло взяла из его протянутой ладони шесть зерен и неспешно высосала их терпкую сладость.

Когда Гермес прибыл, он обнаружил, что и его, богахитреца, и самого Зевса все же обхитрили.

— Персефона поела плод моего царства, — сказал Аид. — Заведено, что любой, вкусивший пищи в преисподней, обязан вернуться. Она съела шесть зерен, а потому должна возвращаться ко мне на шесть из двенадцати месяцев в год.

Гермес склонил голову. Он знал, что все так и есть. Взяв Персефону за руку, он повел ее прочь из подземного мира. Деметра так обрадовалась дочери, что мир тут же покрылся цветами. Этой радости суждено было длиться полгода: через полгода, в согласии с неумолимым законом приро-

ды, Персефоне пришлось вернуться под землю. От тоски Деметры из-за этого расставания деревья сбросили листву и на весь мир наползла омертвелость. Через полгода Персефона возвратилась из владений Аида, и круг рождения, свежести и роста возобновился. Так возникли времена года: осень и зима — горе Деметры из-за ухода дочери, весна и лето — праздник возвращения Персефоны.

Сама же Персефона... ну, похоже, ей в равной мере стала постепенно нравиться и ее жизнь внизу. Полгода она была не узницей Аида, а довольной царицей преисподней, возлюбленной спутницей, вместе с супругом повелевавшей краем смерти. На остальные полгода она превращалась в смешливую Кору плодородия, пыльцы, плодов и проказливости.

Мир обрел новый ритм.

ГЕРМАФРОДИТ И СИЛЕН

Пока мужчины и женщины Серебряного века привыкали к надрыву, усилиям и тяготам, какие стали, похоже, их общим уделом, боги продолжали размножаться. Гермес, стремительно выросший в пригожего, но вечно юного мужчину, вместе с нимфой ДРИОПОЙ заделал копытного бога природы ПАНА[1]. Втайне от Гефеста и Ареса он сошелся и с Афродитой,

1 Пусть такое мнение и бытует, я склонен думать, что Пан (ФАВН у римлян) был старше олимпийцев. Возможно, сверстник самой природы. Мы еще несколько раз встретимся с ним.

и союз этот был благословлен сыном совершенно сверхъестественного обаяния, названным в честь обоих родителей ГЕРМАФРОДИТОМ.

Этот красивый мальчик рос в тени горы Ида, и пеклись о нем наяды[1]. Когда ему исполнилось пятнадцать, он оставил их и отправился бродить по миру. Добравшись до Малой Азии, однажды солнечным вечером он познакомился с наядой САЛМАКИДОЙ, что плескалась в прозрачных водах родника близ Галикарнаса. Гермафродит — застенчивый не менее, чем миловидный — очень растерялся и огорчился, когда это прямолинейное существо, ослепленное его красотой, попыталось его соблазнить.

В отличие от большинства ее родственниц — скромных, трудолюбивых нимф, прилежно занятых уходом за ручьями, омутами и руслами рек, вверенных их заботам, — за Салмакидой водилась репутация нимфы суетной и праздной. Ей лишь бы плавать лениво да разглядывать собственное тело в воде, а не охотиться или трудиться, чем занимались все остальные наяды. Однако от красоты этого Гермафродита ее покою и самодовольству пришел конец, и Салмакида из кожи вон лезла, чтобы его завоевать. Чем больше старалась — кружила нагая в воде, соблазнительно потирала груди, выдувала томные пузырьки под водой, — тем неуютнее делалось юноше, пока он ей не крикнул, чтоб отцепилась от него. Она уплыла одним

1 Есть две горы Иды — критская, где родился Зевс, и вторая, фригийская, в Малой Азии, где ныне располагается турецкая Анатолия. Как раз оттуда и происходит Гермафродит.

обиженным рывком, потрясенная и униженная от этого нового и неприятного опыта — отвержения.

Но день стоял ясный, и Гермафродит, разгоряченный и вспотевший от этого отваживания назойливого духа, счел, что она убралась подальше, разделся и нырнул в прохладные воды ручья, чтобы освежиться.

Салмакида, вернувшаяся под прикрытием тростников, немедля прыгнула к нему, как лосось, и намертво вцепилась в его нагое тело. Он с отвращением забился, заплескал, задергался, чтобы освободиться, а она вскричала:

— О боги всевышние, да не расстанемся мы никогда с этим юношей! Пусть мы навеки будем единым целым!

Боги услышали ее молитвы и отозвались с черствой буквальностью, какая, похоже, испокон веку их развлекала. Вмиг Салмакида и Гермафродит действительно стали единым целым. Пара слилась в одно тело. Одно тело, два пола. Не стало наяды Салмакиды и юного Гермафродита, возникло существо обоеполое, мужское и женское в одном. Хотя римляне сочли подобное состояние отклонением, угрожавшим строгим милитаристским нормам их общества, более открыто мыслившие греки воспевали, праздновали и даже поклонялись полу гермафродитов. Монументальные творения, а также керамические работы и храмовые фризы показывают нам то, чего римляне страшились, а греки, похоже, считали восхитительным[1].

1 Великие музеи по всему миру хранят спрятанные сокровища, изображающие обоеполые фигуры, подобные Гермафродиту. Многие лишь недавно увидели свет: выставки в Эшмоловском музее в Оксфорде и других прогрессивных учреждениях ввели моду на свежее отношение к этой забытой теме. Более глубокое, открытое понимание текучести гендера — вполне в струе этой моды.

В своем новом состоянии Гермафродит присоединился к свите ЭРОТА, чью природу и назначение мы рассмотрим очень скоро.

От некой безвестной нимфы Гермес[1] породил свинорылого волокиту с ослиным хвостом — СИЛЕНА, выросшего в бородатого, пузатого, насупленного пьянчугу, популярный предмет живописи, скульптуры и резных питейных сосудов, — с ним мы тоже вскоре познакомимся поближе.

Плодились боги — плодились и люди. Однако небесный огонь стал теперь такой же частью нашей природы, как и божественной, и потому мы разделили с ними не только склонность к похоти, совокуплению и размножению, но и способность *любить*.

Любовь, как это поняли греки, — штука сложная.

1 А может, и Пан.

КУПИДОН И ПСИХЕЯ

ЭРОТЫ

Греки распутали клубок любви, поименовав каждую отдельную нить в нем и назначив ответственных богов. Афродиту, верховную богиню любви и красоты, сопровождала свита крылатых нагих божков — эротов. Как и многие божества (Аид и его подземная когорта, например), стоило человечеству встать на ноги и расцвести, эроты внезапно обнаружили, что дел у них невпроворот. У каждого эрота была своя особая разновидность любовной страсти, за которой ему полагалось следить и которую воспевать.

АНТЭРОТ — юный покровитель самоотверженной безусловной любви[1].

1 Известная алюминиевая статуя Алфреда Гилберта, образующая фокальную точку мемориала Шафтсбери на площади Пикадилли в Лондоне, — не Эрот

ЭРОТ — вожак эротов, бог физической любви и полового влечения.

ГЕДИЛОГ — дух языка любви и слов нежности; ныне он, видимо, отвечает за «валентинки», любовные письма и романтическую прозу.

ГЕРМАФРОДИТ — заступник женственных мужчин, мужеподобных женщин и тех, кого мы ныне именуем людьми с более пластичным гендером.

ГИМЕРОТ — воплощение отчаянной, порывистой любви, любви, какой не терпится быть утоленной, иначе она того и гляди взорвется.

ГИМЕНЕЙ — покровитель супружеской спальни и свадебной музыки.

ПОФОС — персонификация любовной тоски, любви к отсутствующему или бывшему.

Самым влиятельным и убийственным был Эрот, в его власти и возможностях было сеять недоразумения и раздоры. О его происхождении и личности есть две истории. В одной, где говорится о рождении Космоса, Эрот вылупился из яйца, отложенного Никтой, и выбрался оттуда, чтобы рассеять жизнь по всему Мирозданию. Если так, его следует считать одним из первобытных духов, запустивших каскад творения. По более распространенному в античном мире мнению, он был сыном Ареса и Афродиты. Под своим римским именем КУПИДОН он обычно изображал-

вообще-то, а Антэрот, сознательно выбранный как символ беззаветной любви, не требующей ответа. Поминовение филантропических заслуг седьмого графа Шафтсбери в борьбе за отмену детского труда, преобразование закона о сумасшедших и прочее показалось уместным выразить именно фигурой Антэрота.

ся смешливым крылатым ребенком, собирающимся запустить стрелу из серебряного лука, — образ, очень узнаваемый и поныне; Эрот, таким образом, возможно, самый известный из всех богов античности.

Купидонство и эротическое желание связаны именно с ним, а также мгновенная и неуправляемая влюбленность, что возникает, когда пронзает нас пущенная Эротом стрела — эта стрела заставляет жертву увлекаться первым же человеком (или даже животным), какое попадется на глаза после полученного ранения[1]. Эрот бывает капризен, коварен, небрежен и жесток, как сама любовь.

ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ

ГРЕКИ ПРИМЕНЯЛИ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЛЮБВИ по меньшей мере четыре понятия.

АГАПЕ — великая щедрая любовь, мы именуем ее братолюбием; любая святая любовь, какую питают родители к своим детям или верующие — к богу[2].

1 *Купидон, свой лук неси,*
Пусть стрела твоя пронзит
Сердце милой для меня, для меня... © Сэм Кук

[Сэмюэл Кук (1931–1964) — американский певец, один из отцов соула. — *Примеч. перев.*]

2 Библия короля Иакова приводит завершение XIII главы Первого послания св. Павла коринфянам (написанного по-гречески, само собой) так: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше». В современном переводе «братолюбие» переводится просто как «любовь» [Евангелие в русском синодальном переводе. — *Примеч. перев.*]

ЭРОС — разновидность любви, названная в честь самого этого бога, или же бог назван в ее честь. С ней у нас как раз больше всего неприятностей. Куда сильнее простого увлечения, куда как менее чем духовные, *эрос* и эротическое ведут нас, бывает, и к славе, и к бесчестию, к величайшей музыке счастья и в глубочайшие пропасти отчаяния.

ФИЛИЯ — вид любви, применимый к дружбе, приверженности и нежности. Мы встречаем отголоски ее в словах «франкофил», «некрофилия» и «филантропия», например.

СТОРГЕ — любовь и преданность, какие переживают к своей стране или к ее спортивной команде; такие чувства можно именовать сторгическими.

Сам Эрот, позднее изображаемый художниками Возрождения и барокко так, как я уже описывал, — в виде хихикающего бойкого херувима в ямочках (иногда в повязке на глазах — в знак случайности и спорности его навыков как стрелка́) — для греков был взрослым молодым мужчиной, достигшим многого. Художник, спортсмен (и в сексе, и в телесных возможностях), он считался покровителем и защитником гомосексуальной любви у мужчин — и повелителем спортивных арен и беговых дорожек. Его ассоциируют с дельфинами, петухами, розами, факелами, лирами и, разумеется, с луком и полным колчаном стрел.

Вероятно, наиболее известный миф об Эроте и Психее — Физической любви и Душе — едва ли не до нелепо-

сти открыт к толкованиям и объяснениям. Думаю, впрочем, что лучше всего излагать его, как и любой другой миф, не как аллегорию, символическую притчу или метафору, а как историю. Просто историю. В ней есть много ритмов и поворотов сюжета, какие нам кажутся похожими на позднейшие повествования или волшебные сказки[1], — возможно, потому что до нас она дошла из того, что многие считают сильнейшим претендентом на звание Первого-в-Мире-Романа: речь о «Золотом осле» древнеримского писателя Апулея[2]. Влияние этой истории на западную мысль, фольклорную литературу и искусство столь велико — не говоря уже о ее обаянии, — что, надеюсь, ее пересказ в развернутом варианте оправдан.

ПСИХЕЯ

ОДНАЖДЫ В ЗЕМЛЯХ, ЧЬЕ НАЗВАНИЕ УТЕРЯНО для нас, жили да были царь с царицей и три их красавицы-дочери. Царя будем звать АРИСТИДОМ, а царицу — ДАМАРИДОЙ. Красотой двух старших дочерей — КАЛАНТЫ и ЗОНЫ — восхищались повсюду, однако младшая, по имени ПСИХЕЯ, была до того

1 Возможно, вы заметите сильное сходство с «Красавицей и Чудовищем» и «Золушкой», например.

2 Апулей, творивший во II в., происходил из Северной Африки, но писал на латыни и потому употреблял имя Купидон (взаимозаменяемо с *Амуром*) вместо Эрот, Венера — вместо Афродита и Анима — вместо Психея, и такой перевод передает смысл этого слова как не просто «душа», но и «дух жизни», «то, что анимирует, оживляет». Если переводить Апулея дословно, получится и впрямь донельзя аллегорическая история. «Любовь сказала Душе: не смей смотреть на меня», «Душа сбежала от Любви» и т. д.

обворожительна, что многие в том царстве забросили поклонение Афродите и стали вместо нее обожествлять эту девушку. Афродита — богиня завистливая и мстительная, соперниц не выносила на дух, и уж тем более среди смертных. Призвала она сына Эрота.

— Найди какого-нибудь хряка, — велела она ему, — уродливейшего и самого щетинистого на всем белом свете. Отправляйся во дворец к Психее, выпусти в нее стрелу и сделай так, чтобы первой она увидела ту свинью.

Привычный к мамочкиным милым замашкам, Эрот отправился на задание вполне жизнерадостно. Купил у свинопаса, что жил неподалеку от дворца, самого косматого и вонючего кабана и привел его вечером под окно комнаты, где спала Психея. Куда менее ловко, чем можно было бы ожидать от стройного сильного бога, он попытался взобраться на подоконник со свиньей подмышкой — и так, чтобы не шуметь.

Стремительно произошло сразу несколько событий.

Эрот целым и невредимым ввалился в залитую лунным светом спальню.

Психея мирно почивала дальше.

Эрот пристроил хряка у себя между ног.

Эрот полез за спину, чтобы вытащить из колчана стрелу.

Хряк завизжал.

Смятенный Эрот поцарапал себе руку наконечником стрелы, когда натягивал тетиву.

Психея резко проснулась и зажгла свечу.

Эрот увидел Психею и по уши в нее влюбился.

Ну и ну. Бог любви — и влюбился сам. Может, вам думается, что дальше он выстрелит в Психею и все счастливо завершится. Но Эрот выкручивается из этой истории довольно ловко. Столь настоящей, чистой и полной была его любовь, что он и помыслить не мог об обмане Психеи. Глянул он на нее тоскливо напоследок, развернулся и выскочил в окно — во тьму.

Психея увидела свинью, носившуюся по ее спальне кругами и сопевшую, решила, что ей это все пригрезилось, задула свечу и заснула.

ПРОРОЧЕСТВО И ОСТАВЛЕННОСТЬ

НАУТРО ЦАРЬ АРИСТИД С БЕСПОКОЙСТВОМ УЗНАЛ от слуги, что его младшая дочь, похоже, превратила свою спальню в свинарник. Они с царицей Дамаридой и так уже вдосталь наволновались из-за того, что, в отличие от сестер Каланты и Зоны, связавших свои жизни с богатыми землевладельцами, Психея упорно отказывалась идти замуж. Новость о том, что дочь теперь якшается со свиньями, добавила Аристиду решимости. Он отправился к оракулу Аполлона, чтобы выяснить возможное будущее дочери.

После положенных жертвоприношений и молитв сивилла дала ответ:

— Укрась дитя свое цветами и отведи на возвышение. Положи на скалу. Тот, кто придет за ней как за неве-

стой, — опаснейшее существо на земле, в небесах и средь вод. Все боги Олимпа страшатся его силы. Так предначертано, так тому и быть. Не сделаешь по сему — это существо разорит все твое царство, а следом привлечет раздор и отчаяние. Тебя, Аристид, назовут разрушителем счастья твоего народа.

Через десять дней из города потянулась странная процессия. В высоком паланкине, осыпанная цветами и облаченная во все белоснежное, восседала мрачная, но смиренная Психея. Предречение оракула ей сообщили, и она его приняла. Эта ее так называемая красота была для нее вечным источником досады. Она терпеть не могла суету и возню, что из-за этого возникали, ее коробило от того, до чего странно вели себя люди в ее присутствии, какой диковиной красота ее делала, как отделяла от всех. Психея не собиралась выходить замуж, но раз уже надо, зловредная тварь ничем не хуже скучного подхалима-царевича с телячьим взором. Мука ухаживаний чудовища будет по крайней мере краткой.

С горестным воем скорби и печали толпа преодолевала подъем по горному склону, пока не выбралась на громадную базальтовую скалу, где Психею предстояло положить для жертвоприношения. Мать ее Дамарида стенала, вопила и рыдала. Царь Аристид гладил жену по руке и очень хотел бы оказаться где-нибудь не здесь. Каланта и Зона, со своими скучными престарелыми, но богатыми супругами, изо всех сил старались скрыть глубокое удовлетворение, какое ощущали, понимая, что скоро останутся несравненно красивейшими во всей округе.

Психею привязали к скале, девушка закрыла глаза и глубоко вздохнула, ожидая, когда уже наконец закончатся причитания и показное горе. Скоро всякое страдание и боль прекратятся.

Распевая гимны Аполлону, толпа потянулась с горы, оставив Психею на скале. Солнце сияло, в синем небе перекликались жаворонки. Психее представлялось, что надругательство над ней и ее смерть будут сопровождать бурлящие тучи, визг ветра, хлесткий ливень и устрашающий гром, а не вот эта славная идиллия солнечной поздней весны и птичьих трелей.

Кто или что это за существо? Если ее отец передал слова оракула без ошибок, даже верховные олимпийцы боялись этого созданья. Но ни о каком таком кошмарном чудовище Психея не слышала — ни в легендах, ни по слухам о легендах, на которых росла. Даже Тифон и Ехидна не располагали силой, какая пугала бы могущественных богов.

Вдруг теплый вздох ветра пошевелил на ней белые ритуальные одеяния. Вздох сделался порывом, что подложил подушку воздуха между Психеей и холодным базальтом, на котором она лежала. К великому ее изумлению, она ощутила, как подымается на воздух. Ветер казался едва ли не твердым — он держал ее крепко и возносил все выше.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЗАМОК

ПСИХЕЯ ЛЕТЕЛА ВЫСОКО НАД ЗЕМЛЕЙ, в полной безопасности — на сильных, но нежных руках ЗЕФИРА, западного ветра.

«Не может быть, что это и есть чудище, которого всем положено бояться, — думала она. — Этот ветер, должно быть, гонец чудища, его посланник. Он несет меня к моей участи. Что ж, по крайней мере, удобный способ перемещения».

Она глянула вниз, на город, где прошло ее детство. Таким все показалось маленьким, опрятным, ухоженным. До чего непохоже на запущенное, зловонное, убогое поселение, которое она знала и ненавидела. Зефир набрал скорость и высоту, и вскоре они уже мчали над холмами, вдоль распадков, парили над синим океаном и неслись мимо островов, пока не оказались в краях, которые она не узнала. В краях плодородных, густо заросших лесами, и Психея, пока они постепенно снижались, увидела на опушке великолепный дворец с округлыми башнями по углам, в венце турелей. Психею бережно и мягко опустили к земле, пока она не скользнула на цветущие травы перед золотыми воротами. С шелестом и вздохом ветер улетел, и девушка осталась одна. Ни бурчания, ни рева, ни злобных рыков не слышала она — лишь далекую музыку, плывшую изнутри дворца. Психея осторожно приблизилась к воротам, и они распахнулись.

Царский дворец, где выросла Психея, был — для обычного гражданина ее страны — изысканным, роскошным и потрясающим воображение, но по сравнению с великолепным, немыслимым сооружением, в которое она сейчас входила, тот дворец был грубой лачугой. Девушка пробралась внутрь, и ее изумленный взор заскользил по колоннам из золота, лимонного дерева и слоновой кости, по серебряным рельефам, выделанным с такой изощренностью и мастерством, какие и в грезах не показались бы ей возможными, по мраморным статуям, столь безупречно воплощенным, что, казалось, они двигаются и дышат. Свет играл в искристых золотых залах и коридорах, пол, по которому она ступала, — танцующая мозаика драгоценностей; чем дальше вглубь дворца заходила она, тем громче делалась таинственная музыка. Психея миновала фонтаны, где хрустальная вода плескалась чудесными дугами, преображалась, преображалась вновь, совершенно не подчиняясь закону тяготения. Психея различила грудные женские голоса. То ли снится ей это все, то ли дворец — божествен. Никому из смертных — и уж точно никакому чудовищу — не обустроить такой сказочной обители.

Психея вошла в квадратный срединный зал, где расписные панно являли сцены рождения богов и войны с титанами. Воздух здесь полнился сандалом, розами и теплыми пряностями.

ГОЛОСА, ГРЕЗЫ И ГОСТЬ

Шепотки и музыка словно струились отовсюду — и ниоткуда, однако вдруг все стихло. В громовой тишине позвал ее тихий голос:

— Психея, Психея, не смущайся. Не вглядывайся, не трепещи, как напуганный фавн. Разве не знаешь ты, что все это — твое? Вся эта красота, эти самоцветы, этот величественный дворец и земли вокруг него — все твои. Пройди в эту дверь, омойся. Голоса в твоей голове — твои прислужницы, они будут исполнять твои приказы. Когда приготовишься, начнется великий пир. Добро пожаловать, возлюбленная Психея, добро пожаловать — возрадуйся же.

Оторопевшая девушка побрела в соседнюю комнату — просторный зал, увешанный гобеленами и шелками, озаренный пылающими факелами в бронзовых держателях. В углу размещалась полированная медная ванна, а посередине — совершенно исполинское ложе из глянцевитого кипариса, увитое миртом, уже застеленное и усыпанное розовыми лепестками. Психея так устала, так ошалела, что, совершенно не в силах разобраться в происходящем, легла на кровать и закрыла глаза — в растерянной надежде, что сон поможет ей пробудиться от этой немыслимой грезы.

Однако, проснувшись, она обнаружила, что все еще грезит. Встав с мягких парчовых подушек, она увидела, что над ванной курится пар. Психея сбросила одежды и вошла в воду.

И вот тут все стало совсем уж странным.

Серебряная бутыль, стоявшая у ванны, вознеслась, поплясала в воздухе и опрокинула свое содержимое в воду. Не успела Психея вскрикнуть от изумления, ее окутало восхитительное облако неведомых ароматов. Вот уж и щетка с ручкой из слоновой кости скребла ей спину, а на волосы пролилась горячая вода из кувшина. Незримые руки разминали, гладили, похлопывали, щекотали и надавливали. Психея хихикала, как девчонка, и все это позволяла с собой проделывать.То ли сон это в действительности, то ли миг действительности посреди грезы — ей уже было неважно. Психея решила радоваться этому приключению и поглядеть, куда оно ее приведет.

Дамасты, шелка, атласы и тюли вылетели из скрытых шкафов и опустились на кровать, переливаясь, шурша в предвкушении: пусть она выберет их. Психея предпочла шифоновое платье цвета лазури — просторное, уютное и волнующее.

Двери ее комнаты раскрылись, и она робко и неуверенно отправилась в срединный зал. Стол был накрыт к роскошной трапезе. Незримые руки вносили тарелки с фруктами, чаши с хмельным медом, блюда с редкой жареной птицей и сладостями. Никогда прежде Психея не видела и даже помыслить не могла о подобной роскоши. В полном упоении окунала она пальцы в кушанья столь исключительные, что не удавалось ей сдержать криков восторга. Свиньи в свинарниках на фермах ее родителей не фыркали и не хрюкали у своих деревянных корыт с таким неудержимым самозабвением, с каким Психея — у волшебных

сосудов из хрусталя, серебра и золота, непрерывно пополнявшихся с той же быстротой, с какой она их опустошала. Взлетали салфетки — промокнуть ее забрызганные вином губы и испачканный едой подбородок. Психея самозабвенно лопала за обе щеки, а незримый хор пел нежные баллады и гимны человеческой любви.

Насытилась наконец. Превосходное тепло и довольство наполнили ее. Если растолстеет, как чудище, — пусть.

Свечи взлетели над столом и повели Психею обратно в опочивальню. Мерцавшие факелы и неяркие масляные лампы погасли, и комната погрузилась в почти полную тьму. Незримые руки нежно подтолкнули ее к кровати, сняли с Психеи шифоновое платье. Нагая, улеглась она меж атласных простыней и закрыла глаза.

Мгновение спустя охнула от неожиданности. Кто-то — или что-то — забрался в постель рядом с ней. Она почувствовала, как этот кто-то бережно привлекает ее к себе. Психея уловила сладкое теплое дыхание. Кожа соприкоснулась с чьим-то телом — не звериным, а мужским. Мужчина был безбород и — это она поняла, даже не видя его, — красив. Не могла она разобрать даже очертаний, лишь ощущала его жар и юношескую упругость. Он поцеловал ее в губы, и тела их сплелись.

Наутро постель была пуста, и прислужницы-невидимки вновь искупали ее. В тот долгий день она собралась с духом наконец и начала задавать им вопросы:

— Где я?

— Ну как же... здесь, твое высочество.

— А здесь — это где?

— Далеко оттуда, но рядом с тем, что поблизости.

— Кто хозяин этого дворца?

— Ты его хозяйка.

Ни единого прямого ответа. Психея не настаивала. Понимала, что находится в зачарованном месте, и чуяла, что ее служанки — рабы его правил и требований.

В ту ночь, в полной темноте, бесподобный юный мужчина вновь пришел к ней в постель. Она попыталась заговорить с ним, но он прижал палец к ее губам, и голос зазвучал у нее в голове:

— Тсс, Психея. Ни о чем не спрашивай. Люби меня — как люблю тебя я.

И постепенно, с ходом дней, она осознала, что очень прониклась к этому незримому существу. Каждую ночь они предавались любви. Каждое утро она просыпалась, а его рядом не было.

Дворец оставался столь же великолепным, и не находилось ничего, что ни сделали бы для Психеи ее прислужницы. Чего б ни пожелала она — все получала: лучшую еду и питье — и лучшую музыку, что сопровождала ее повсюду. Но до чего же долгие, одинокие дни тянулись между вечерами восхитительной любви, до чего тяжко было Психее коротать время.

«Чудищем», с которым она спала еженощно, как вы уже, наверное, догадались, был бог Эрот, чья стрела вынудила его самого влюбиться в Психею, и любовь эта теперь лишь умножилась — после стольких ночей совместного блаженства. Оракул не ошибся, сказав, что Эрот — тот, чьей силы боятся все боги, ибо нет такого олимпийца,

кто не был бы хоть раз повержен Эротом. Возможно, он все же чудище. Но умел он быть и чувствительным, милым, а не только жестоким и капризным. Он видел, что Психея не совсем счастлива, и однажды ночью, пока лежали они в темноте, он нежно спросил ее:

— Что тревожит тебя, возлюбленная супруга?

— Ужасно не хочется тебе говорить — столько всего ты мне даешь, но днем мне одиноко. Я скучаю по сестрам.

— По своим сестрам?

— По Каланте и Зоне. Они думают, что я погибла.

— От связей с ними одни беды. Несчастье и отчаяние — и им, и тебе.

— Но я их люблю...

— Несчастье и отчаяние, говорю тебе.

Психея вздохнула.

— Прошу, верь мне, — проговорил он. — Лучше тебе с ними не видеться.

— А как же ты? Тебя мне тоже видеть нельзя? Никогда не узнаю я лица, которое так глубоко люблю?

— Об этом не смей просить. Никогда не проси меня об этом.

Шли дни, Эрот видел, что Психея — какими бы ни были вино, еда, музыка, волшебные фонтаны и зачарованные голоса, — тоскует.

— Возрадуйся же, любимая! Завтра наша годовщина, — сказал он.

Год! Неужто целый год минул?

— Мой подарок тебе — исполнение желания. Завтра утром мой друг Зефир будет ждать тебя у дворца и отне-

сет туда, куда ты стремишься. Но, прошу тебя, будь осторожна. Не втягивайся чересчур в жизнь семьи. И дай мне слово: ты ни за что им обо мне не расскажешь. Ни звука.

Психея дала слово, и они пали в объятия друг друга — в ночь их годовщины. Никогда прежде не ощущала она такого пылкого обожания и физического восторга — и чувствовала в возлюбленном равный пыл и нежность.

Наутро проснулась она, как обычно, в постели одна. Горя нетерпением, позволила служанкам себя облачить и накормить завтраком, а затем взволнованно поспешила к главным воротам дворца. Не успела она ступить наружу, как Зефир слетел к ней и понес на руках, сильных, уверенных.

СЕСТРЫ

Тем временем в родных краях Психеи население отмечало годовщину ее похищения легендарным незримым чудищем. Царь Аристид и царица Дамарида повели процессию скорби вверх по склону горы к базальтовому валуну, к которому когда-то привязали дочь, — с тех пор названному Камнем Психеи в ее честь. Ныне у памятника стояли две царевны — Каланта и Зона, громко уведомлявшие всех вокруг, что предпочли бы остаться подольше и погоревать наедине с собой.

Когда толпа рассеялась, царевны подняли траурные вуали и принялись хохотать.

— Вообрази, что за тварь ее забрала, — сказала Зона.

— Крылатая, как фурия... — предположила Каланта.

— С железными когтями...

— Огнедышащая...

— Со здоровенными желтыми клыками...

— Волосы — змеи...

— И хвост, который... *Что это?*

Внезапный порыв ветра заставил их обернуться. От увиденного они испуганно закричали.

Перед ними стояла сестра их Психея, сияющая, в струящемся белом одеянии, отделанном золотом. Выглядела она отвратительно прекрасно.

— Но... — начала Каланта.

— Мы думали... — запинаясь, произнесла Зона.

И обе, хором:

— *Сестра!*

Психея двинулась к ним, протягивая руки, сладчайшая улыбка нежной сестринской любви озарила ее лицо. Каланта и Зона поцеловали ей ладони.

— Ты жива!

— И такая... такая...

— Это *платье* — стоило небось... в смысле смотрится...

— И *сама* ты... — вымолвила Зона, — такая, такая... Каланта, как это слово?

— Счастливая? — подсказала Психея.

— Ого-го, — согласилась сестра. — Ты определенно выглядишь ого-го.

— Но скажи же, Психея, милочка...

— Что с тобой произошло?

— Мы тут горюем, рыдаем *навзрыд* по тебе...
— Кто подарил тебе это платье?
— Как ты слезла с этого камня?
— Это настоящее золото?
— Чудище прилетело за тобой? Зверь? Вурдалак?
— Какая ткань...
— Может, дракон?
— Как это она не мнется?
— Он тебя к себе в логово забрал?
— Кто тебе прически делает?
— Он грыз тебе кости?
— Ну не настоящий же это изумруд, а?

Смеясь, Психея вскинула руку:

— Милые сестры! Я вам все расскажу. Больше того — все покажу. Давай, ветер, неси нас туда!

Не успели сестры понять, что произошло, всех троих подняло над землей и стремительно понесло по воздуху — в крепких объятиях Западного ветра.

— Не сопротивляйтесь. Расслабьтесь, — сказала Психея, когда Зефир понес их над горами. Зонины вопли поутихли, а сдавленный плач Каланты выродился в поскуливание. Вскоре они даже отважились открыть глаза на несколько секунд — и не визжать при этом.

Когда ветер наконец опустил их на траву перед зачарованным дворцом, Каланта решила, что только так и можно перемещаться.

— Кому нужны эти дурацкие лошади, таскающие хлипкую старую колесницу? — сказала она. — Отныне буду ловить ветер...

Но Зона не слушала. Она завороженно таращилась на стены, на турели и на серебряную клепку ворот дворца, сиявшие в утреннем солнце.

— Заходите, — сказала Психея.

Какое захватывающее чувство — показывать сестрам ее новый дом. Какая жалость, что не повидать им ее возлюбленного супруга.

Сказать, что девушки остались под впечатлением, — преступно приуменьшить. А потому, естественно, они фыркали, зевали, хихикали, качали головами и в целом цокали языками, перебираясь из одной золотой ложи в другую по отделанным серебром коридорам и инкрустированным самоцветами галереям. Воротили наморщенные носики, намекая, что привыкли к лучшему.

— Самую *малость* по́шло, верно, милая? — сказала Зона. Про себя же так: «Это жилище бога!»

Каланта размышляла: «Если сейчас остановиться и сделать вид, будто мне надо завязать шнурки на сандалиях, можно выковырять рубинчик из вон того кресла...»

Когда незримый сонм дворецких, лакеев и служанок принялся накрывать для сестер обед, прятать восторг и изумление стало труднее. После каждую умастили маслом, искупали и размяли.

Сестры принялись выспрашивать подробности о владыке замка, Психея вспомнила свое обещание и поспешно что-то насочиняла.

— Он красавец-охотник, местный землевладелец.

— Как его зовут?

— Глаза у него добрейшие.

— А имя его?..

— Он очень сожалел, что не застанет вас. Увы, он на весь день уходит со своими гончими в поля. Уж так он хотел лично вас принимать. Может, в другой раз.

— Да, но как его звать?

— Он... у него на самом деле нет имени.

— Что?

— Ну, имя у него *есть*. Очевидно, у него есть имя, у всех оно есть, Зона, чего ты! Но он его не применяет.

— Но каково же оно?

— Ой, скорее! Того и гляди стемнеет. Зефир вас ночью не понесет... Давайте, сестрицы, возьмите себе домой на память что-нибудь. Вот горсть аметистов. А вот сапфиры. Золото, серебро... И маме с отцом непременно захватите.

Нагруженные драгоценностями, сестры позволили отнести себя обратно к скале. Психея, махавшая им вслед, и порадовалась, и огорчилась их отбытию. Она радовалась их обществу и возможности все показать, а также одарить, а вот решимость держать слово, данное мужу, вынудила ее избегать всяческих вопросов, и от этого Психея утомилась.

Сестры вернулись домой, но, несмотря на сказочные сокровища, которые им достались, страдали теперь от зависти, обиды и ярости. Как так вышло, что их младшенькая — бестолковая, самовлюбленная Психея — обрела положение чуть ли не богини? Это же чудовищно несправедливо. Избалованное, тщеславное, уродливое существо! Ну, не уродливое, положим. Наделенное некоторой очевидной и довольно вульгарной смазливостью, но никакого сравнения с их царственной красой. Жутчайшая

несправедливость: наверняка за всем этим волшба какая-то, ведьмовство. Как это она даже имени своего владыки и повелителя не знает?

— Ревматизм мужа моего Сато, — сказала Каланта, — все хуже, что ни вечер приходится разминать ему каждый палец, а затем применять пластыри и притирания. Это омерзительно и унизительно.

— Думаешь, *твоя* жизнь — ад? — спросила Зона. — Мой Харион лыс, как луковица, изо рта у него воняет, а телесного пыла в нем, как в мертвой свинье. Психея же...

— Эта самовлюбленная девка...

Сестры вцепились друг в дружку и разразились рыданиями.

В ту ночь возлюбленный Психеи Эрот огласил ей грандиозную новость. Она рассыпалась в благодарностях и рассказала, как ловко избежала рассказов о нем сестрам, но тут он прижал палец к ее губам.

— Милое, доверчивое дитя. Боюсь я сестер — и того, что способны они с тобой вытворить. Но я рад, что ты счастлива. Позволь осчастливить тебя еще пуще. — Она почувствовала, как его теплая рука скользнула вниз и огладила ей живот. — Наше дитя растет в тебе.

Психея охнула и прижала его к себе, оторопев от радости.

— Если сохранишь эту тайну, — сказал он, — дитя будет богом. Скажешь хоть одной живой душе — родится смертным.

— Сохраню тайну, — сказала Психея. — Но прежде чем мое состояние сделается очевидным, позволь мне

хотя бы еще разок повидать Каланту с Зоной — и попрощаться с ними.

Эрота это встревожило, однако он не понимал, как отказать в столь пристойной сестринской просьбе, и потому согласился.

— Зефир слетает к ним с вестью, и они явятся, — сказал он, склоняясь поцеловать ее. — Но помни: обо мне или о нашем ребенке — ни слова.

КАПЛЯ МАСЛА

НАУТРО КАЛАНТА И ЗОНА ПРОБУДИЛИСЬ от дыхания Зефира, теребившего их, как голодный домашний пес, что пыхтит и дергает лапой постель. Когда открыли они глаза и сели, ветер уже улетел, но чутье, жадность и врожденное коварство подсказали им, что это за знак, а потому поспешили к скале — ждать своего возничего. На сей раз они решили докопаться до сути — разведать тайну сестриного любовника.

И вот очутились они перед дворцом, и Психея уже ожидала их. Обняв ее нежно, сестры скрыли свирепую зависть к удаче Психеи и рассыпались в потоке угодливого причмокивания и цоканья, закивали.

— Что случилось, Каланта? — спросила растерянная Психея, когда уселись они завтракать фруктами, тортами и медовухой. — Отчего печалишься, Зона? Вы разве не рады видеть меня?

— Рады? — простонала Каланта.

— Если б, — вздохнула Зона.

— Что же тревожит вас?

— Ах, дитя, дитя, — взвыла Каланта. — Такая ты юная. Милая. Доверчивая.

— Так легко тобою воспользоваться.

— Не понимаю.

Сестры переглянулись, словно взвешивая, можно ли открывать ей жестокую правду.

— Насколько хорошо знаешь ты — если вообще знаешь — этого... это нечто, навещающее тебя еженощно?

— Он не нечто! — возмутилась Психея.

— Конечно, он — нечто. Он чудище, предсказанное оракулом.

— В чешуе наверняка, — сказала Зона. — Или если не в чешуе, то косматое.

— Ничего подобного, — негодуя, возразила Психея. — Он юн, красив и добр. Мягкая кожа, крепкие мышцы.

— Какого цвета у него глаза?

— Ну...

— Он блондин или темненький?

— Милые сестры, — сказала Психея, — умеете ли вы хранить тайны?

Каланта с Зоной вытянули шеи и любовно сгребли сестру в охапку.

— Умеем ли мы хранить тайны? Ну и вопрос!

— Дело вот в чем... — Психея собралась с духом. — Ну, дело в том, что я вообще-то не знаю, *как* он выглядит. Я его ни разу не видела, а только... ну... ощущала.

— Что? — поразилась Каланта.

— В смысле ты ни разу и в лицо-то его не видела?

— Он настаивает на том, что я не должна его видеть. Приходит ко мне в самый темный час ночи, проскальзывает в постель, и мы... ну, мы... вы понимаете... — Психея вспыхнула. — Но мне можно ощупывать его черты, и то, что я чувствую, — не тело чудовища. Это тело великолепного, чудесного мужчины. Вот только по утрам он исчезает.

— Ну ты и *дурища*! — процедила Зона. — Не знаешь, что ли... — Она примолкла, словно боясь продолжать.

Сестры обменялись скорбными многозначительными взглядами.

— Ой-ё-ёй...

— Психея *не* знает!

Каланта откликнулась звуком, похожим одновременно на смешок и на вздох.

Психея растерянно переводила взгляд с одной на другую.

— Чего я не знаю?

Каланта обняла ее и растолковала, а Зона поддакивала и делилась собственными наблюдениями. Худшие и самые жуткие чудища — а как раз такое, по предречению оракула Аполлона, и должно было ее пожрать! — наделены силой — и всегда так было, они этим знамениты по всему свету! — силой, например, *преображаться*, принимать обманчивые обличья — обличья, что могут казаться восхитительными и привлекательными юной девице на ощупь, — но это лишь для того, чтобы втереться в доверие невинной — невинной и глупой! — чтобы однажды

посеять в ней свое бесовское семя; бедная девочка, она не смыслит в этом ничегошеньки, а мужчины способны на это, — и заставить ее родить невиданного урода, еще более страшное чудище —*мутанта*, — они так размножаются, так длят свой гнусный род.

Психея вскинула руку:

— Стойте! Прошу вас! Я знаю, вы желаете мне добра, но не представляете, какой нежный, какой добрый, бережный...

— Такие у них повадки! В точности такие!

— Ты разве не понимаешь? Свирепую жестокость этого чудища как раз и доказывает эта его нежность и бережность!

— Верный признак того, что это омерзительная нечисть.

Психея подумала о новой жизни, росшей внутри нее, и о настойчивой просьбе супруга никому об этом не говорить. И о его отказе явить себя. Ох ты ж. Быть может, сестры и правы.

Они заметили, что она колеблется, и накинулись:

— Сделать надо вот что, дорогуша. Когда он придет к тебе нынче ночью, отдайся этой твари...

— Ф-фу!

— ...а затем пусть уснет. Но сама спать не смей.

— Изо всех сил *не засыпай*.

— Когда уверишься, что он крепко-накрепко уснул, вставай, бери лампу.

— И бритву, какой твои служанки подрезают тебе волосы.

— Да, пригодится!

— Зажги лампу в углу комнаты и укрой ее, чтобы не разбудить его.

— Подкрадись к кровати...

— Подними лампу...

— И вспори ему чешуйчатую драконью глотку...

— Раскрои узловатые вены...

— Убей его...

— Убей чудище...

— Затем собери все золото и серебро...

— Все самоцветы, это самое главное...

Сестры болтали и болтали, покуда не убедили Психею окончательно.

И вот той ночью, когда Эрот мирно почивал, Психея встала над ним — накрытая лампа в одной руке, бритва — в другой. Сдернула она покрывало с лампы. Свет пал на свернувшуюся калачиком фигуру существа, красивее которого не доводилось ей созерцать. Теплое свечение плясало на гладкой, юношеской коже — и на чудесных перистых крыльях.

Психея не смогла сдержать вздох изумления. Тут же поняла она, кто перед ней. Не дракон, не чудовище, не вурдалак, не отродье нечистое. То был юный бог любви. То был сам Эрот. Подумать только — она собиралась навредить ему. Как красив он. Его полные розовые губы приоткрылись, и сладость его дыхания овеяла ее, когда склонилась Психея рассмотреть его поближе. Все в нем было безупречно! Мягкие переливы мышц придавали его юной красе мужественности, но без литой, бугристой

неуклюжести, какую видела она в телах отцовых главных атлетов и воинов. Разметанные волосы сияли теплом того оттенка, что между Аполлоновым золотом и Гермесовым красным деревом. А крылья! Сложенные под его телом, они были густы и белы, как лебединые. Она протянула дрожащую руку и провела пальцем вдоль перьев. Тишайший трепетный шелест, каким отозвались они, — едва ли звук, но его хватило, чтобы спящий Эрот зашевелился, забормотал.

Психея отпрянула и прикрыла лампу, но миг-другой ровное мерное дыхание убедило ее, что Эрот по-прежнему спит. Она вновь обнажила светильник и увидела, что он отвернулся. Заметила она, что своим движением он явил любопытный предмет. Свет лампы пал на серебряный тубус, что покоился меж крыльями. Колчан!

Едва осмеливаясь дышать, Психея подалась вперед и вытянула из колчана стрелу. Повертев ее в руке, она медленно ощупала древко блестящего черного дерева. Наконечник был привязан к древку золотой прядью... Подняв лампу в левой руке над головой, большим пальцем правой она скользнула по наконечнику и — *ай!* Таким он оказался острым, что показалась кровь. В тот миг ее накрыло чувством — чувством такой могучей любви к спящему Эроту, таким жаром, страстью и желанием, таким полным и вечным служением, что не удержалась она — подалась к нему, поцеловать в кудри на загривке.

Беда! Горячее масло из лампы капнуло Эроту на правое плечо. Он проснулся с воплем боли — который перерос в рев разочарования и отчаяния, когда увидел Эрот

Психею. Распахнулись крылья, забились. Он возносился, а Психея бросилась к нему, вцепилась в правую ногу, однако сила его была велика, он стряхнул ее без единого слова и улетел во тьму.

Когда он исчез, все пошло прахом. Стены дворца покоробились, истаяли, растворились в ночном воздухе. Психея в отчаянии наблюдала, как золотые столпы вокруг нее обращаются в темную колоннаду деревьев, а инкрустированный самоцветами мозаичный пол рассыпается в мешанину глины и щебня. Вскоре дворец, драгоценности его — металлы и камни, — все исчезло. Сладкое пение служанок сделалось воем волков и воплями сов, а теплые, таинственные благоухания — ледяными, безжалостными ветрами.

ОДНА

Напуганная несчастная девушка оказалась посреди холодного безлюдного леса. Скользнула спиной вдоль древесного ствола, пока не ощутила под собой жесткие корни. Одна мысль осталась у нее — покончить с собой.

Ее разбудил жук, ползший по ее губам. Она села, дрожа, и отлепила ото лба сырой листик. Ужасы прошедшей ночи ей не приснились. Она действительно была в лесу одна. Быть может, все предыдущее было грезой и действительность всегда оставалась вот такой? Или проснулась она внутри грезы просторнее? Стоило ли утруждаться

и пытаться все это понять... Сон или действительность — все ей было несносно.

— Не стоит, милашка.

Психея, остолбенев, увидела рядом с собой бога Пана. Шутливая нахмуренность, густые кудри, из которых торчали рога, толстые волосатые ляжки, сужавшиеся к козлиным копытам, — нет второго такого, хоть смертных, хоть бессмертных бери.

— Нет, нет, — сказал Пан, топая по глинистой земле копытами. — Читаю у тебя на лице, и тому не бывать. Не позволю.

— Не позволишь — что? — спросила Психея.

— Не позволю тебе прыгать на острые камни с высокой скалы. Не позволю заигрывать с дикими зверями. Не позволю собирать белладонну и пить ее ядовитые соки. Ничего подобного не позволю.

— Но я не могу жить! — вскричала Психея. — Знал бы ты мою историю, ты бы понял — и помог бы мне умереть.

— Себя бы спросила, что тебя сюда привело, — возразил Пан. — Если любовь, молись Афродите и Эроту, пусть наставят и помогут. Если твое же злодейство низвергло тебя — живи, чтобы каяться. Если же другие тому виной — живи ради мести.

Месть! Психея внезапно поняла, что надо делать. Встала.

— Спасибо тебе, Пан, — сказала она. — Ты наставил меня на путь.

Пан оскалился в ухмылке и поклонился. Губы выдули прощальный аккорд на флейте у него в руке.

Через четыре дня Психея уже стучала в ворота величественного имения своего зятя Сато — мужа Каланты. Слуга проводил ее к сестре в гостиную.

— Психея! Милая! Все прошло согласно замыслу? Ты выглядишь немножко...

— Не обращай внимания, милая сестра. Я расскажу тебе, что случилось. Следовала твоим наставлениям дословно, посветила лампой на мужа своего — он оказался великим богом Эротом. Самим Эротом!

— Эротом! — Каланта вцепилась в свое янтарное ожерелье.

— О сестра, вообрази, как сокрушилось мое сердце от разочарования, когда сказал он мне, что взял меня к себе во дворец только для того, чтобы добраться до *тебя*.

— До меня?

— Таков был его коварный план. «Приведи мне свою сестру, красавицу Каланту, — сказал он, — ту, что с зелеными очами и русыми волосами».

— Скорее, каштановыми, а не русыми.

— «Приведи ее. Скажи ей, пусть явится на высокую скалу. Пусть летит на Зефире, он подберет ее и принесет ко мне. Скажи все это прелестной Каланте, Психея, молю». Вот его весть, и я ее прилежно донесла.

Можете вообразить, с какой прытью Каланта приготовилась. Нацарапала супругу записку, где объясняла, что они больше не муж и жена, что их брак — чудовищная ошибка, и что служитель, женивший их, был пьян, недееспособен и не обучен, и что она все равно никогда его не любила и теперь она свободная женщина, так-то.

На высокой базальтовой скале она услышала шелест ветра и со стоном упоенного восторга кинулась в объятия того, что сочла Зефиром.

Но дух Западного ветра не витал и близко. С воплем гнева, ярости, разочарования и ужаса Каланта рухнула с горы и падала по острым скалам, пока все ее тело не вывернуло наизнанку и не приземлилась она внизу мертвая, как камень.

Такая же судьба постигла и сестру ее Зону, которой Психея наплела ту же байку.

ЗАДАНИЯ АФРОДИТЫ

После мщения Психее предстояло осмыслить, что делать с дальнейшей жизнью. Каждый миг бодрствования был наполнен любовью и тоской по Эроту, горе обуревало Психею: она понимала, что обречена никогда больше не увидеть его.

Эрот меж тем лежал в тайных покоях, маясь в муках от раны на плече. Мы с вами легко пережили бы небольшое неудобство от ожога ламповым маслом, но Эроту, каким бы ни был он бессмертным, эту боль причинил любимый человек. Такие раны заживают очень долго — если затягиваются вообще.

С недугом Эрота пострадал и весь мир. Юноши и девушки перестали влюбляться. Прекратились женитьбы. Люди начали бурчать и ворчать. Зазвучали недовольные молитвы к Афродите. Услышав их и узнав, что Эрот

прячется и не выполняет своих обязанностей, она раздосадовалась. Весть о том, что смертная девушка украла сердце ее сына и причинила ему вред, превратила ее досаду в гнев. Однако выяснив, что та же смертная девушка позволила себе унизить Эрота, Афродита взбесилась. Как вышло, что ее замысел заставить Психею влюбиться в свинью пошел настолько вкривь и вкось? Что ж, на сей раз она лично и окончательно разберется с этой девчонкой.

Посредством чар, о каких Психея не подозревала, ее привели к вратам великого дворца. Жуткие твари втащили ее за волосы внутрь и бросили в темницу. Афродита лично навестила узницу и принесла с собой мешки с пшеницей, ячменем, пшенкой, маковым семенем, горохом, чечевицей и фасолью, высыпала их все на каменный пол и перемешала.

— Хочешь вернуть себе свободу, — проговорила она, — разбери эти зерна и семена по сортам. Выполни это задание до ближайшего рассвета, и я тебя освобожу.

Со смехом, какой не к лицу богине любви и красоты — что-то среднее между хмыком и визгом, — Афродита ушла, захлопнув за собой дверь темницы.

Психея в слезах пала на пол. Невозможно разобрать эту кучу, даже если бы в запасе у нее был месяц.

И тут горячей соленой слезой, что упала со щеки Психеи, залило муравья, пробиравшегося по каменным плитам.

— Поосторожнее! — сердито крикнул он. — Тебе, может, слезинка, а для меня целый потоп.

— Прости, пожалуйста, — проговорила Психея. — Боюсь, я тебя не заметила. Моя беда взяла верх надо мной.

— Что ж за беда такая великая, раз ты норовишь топить честных муравьев?

Психея изложила свое несчастье, и муравей, оказавшийся отзывчивым и снисходительным, предложил помощь. Послав клич, не слышный человеческим ушам, он призвал громадную семью братьев и сестер, и они все вместе взялись разбирать семена.

Слезы на щеках у Психеи подсохли, и она с изумлением наблюдала, как десять тысяч бодрых муравьев с военной четкостью носились ватагой туда и сюда, перебирая и отделяя одни зерна от других. Задолго до того, как розоперстая[1] Эос распахнула врата рассвета, дело было сделано, и семь безупречных кучек ждали досмотра Афродиты.

Раздражение и ярость богини — то еще зрелище. Тут же изобрела она еще одну непосильную задачу.

— Видишь вон ту рощу, на берегу реки? — сказала Афродита, схватив Психею за волосы и приподняв ее к окну. — Там пасутся овцы, щиплют траву, бродят без пригляда. Особые овцы — золотое руно. Иди к ним сейчас же и принеси мне пучок их шерсти.

Психея с готовностью двинулась к овцам, однако второе задание выполнять не собиралась. Решила воспользоваться предоставленной волей и сбежать не только из узилища ненавистного Афродитиного прокля-

1 Так ее именует Гомер в «Одиссее» (см., например, песнь II, стих 1), пер. В. Вересаева. — *Примеч. перев.*

тия, но и от самой ненавистной жизни. Бросится в реку и утопится.

Но пока она, оказавшись на берегу, тяжко дышала и собирала отвагу перед прыжком, один стебель тростника нагнулся к ней, хоть не пролетел ни единый вздох ветерка, и зашептал:

— Психея, милая Психея. Как бы ни истязали тебя твои испытания, не оскверняй моих чистых вод своей гибелью. Есть ответ на твои беды. Овцы дикие и свирепые, стережет их лютейший баран, чьи рога вспорют тебя, как спелый фрукт. Видишь, они пасутся под тем платаном на дальнем берегу? Подбираться к ним сейчас — обречь себя на быструю и болезненную смерть. Но если ляжешь ты поспать, к вечеру их переведут на другое пастбище, и ты сможешь переплыть реку и найти клочки золотой шерсти на нижних ветвях.

В тот вечер взбешенная и растерянная Афродита отшвырнула золотую шерсть и велела Психее спуститься в загробный мир и вымолить немного крема для лица у Персефоны. Поскольку Психея, с тех пор как Эрот оставил ее, мало о чем помышляла, кроме смерти, несчастная девушка охотно согласилась и, последовав указаниям Афродиты, добралась до Аида, где честно собралась остаться и коротать несчастную, одинокую вечность без любви.

ЕДИНЕНИЕ ЛЮБВИ И ДУШИ

ОДНАЖДЫ БОЛТЛИВАЯ ЛАСТОЧКА РАССКАЗАЛА Эроту о заданиях, какие Психее выдала его завистливая и вздорная мать. Стараясь не обращать внимания на боль от раны, что по-прежнему истязала его, он встал и с громадным усилием распахнул крылья. Полетел прямиком на Олимп, где потребовал немедленной аудиенции у Зевса.

Эрот рассказал завороженным олимпийцам свою историю. Его мать всегда терпеть не могла Психею. Достоинство и честь Афродиты как олимпийской богини оказались под угрозой из-за красоты девушки и готовности горстки глупых людей поклоняться вместо бессмертной богини смертной деве. И потому она отправила Эрота подстроить так, чтобы Психея влюбилась в хряка. Эрот все изложил как следует.

Зевс послал Гермеса в подземный мир — забрать Психею, и орла — призвать Афродиту. Когда обе предстали перед небесным собранием, Зевс заговорил:

— Это чрезвычайное и недостойное происшествие. Афродита, возлюбленная. Твоему положению ничто не угрожает — и так будет всегда. Взгляни на Землю, узри, как повсюду превозносится и восхваляется имя твое. Эрот, ты тоже повел себя как глупый, недальновидный и безответственный мальчишка. То, что сам ты любишь и любим, будет становленьем твоим и может спасти мир от худших

твоих озорных и случайных проделок. Психея, иди, испей из моей чаши. Это амброзия, и отныне ты, вкусив ее, бессмертна. Отныне ты — и все мы тому свидетели — будешь навеки связана узами с Эротом. Обними свою сноху, Афродита, и возвеселимся же.

На свадьбе Эрота и Психеи царили смех и радость. Аполлон пел и играл на лире, Пан подыгрывал на флейте. Гера танцевала с Зевсом, Афродита — с Аресом, Эрот — с Психеей. Танцуют они и поныне[1].

1 В положенный срок Психея родила их дитя: дочь ГЕДОНУ, в будущем — дух удовольствия и чувственного упоения. Римляне называли ее ВОЛУПИЕЙ. Гедонизм и *voluptuousness* [*англ.* сладострастие. — *Примеч. перев.*] — это о ней, что немудрено.

⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂ ⁂

ИГРУШКИ ЗЕВСА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СМЕРТНЫЕ

ИО

Средиземноморьем в ту пору правили цари. Свою власть над людьми эти аристократы устанавливали по-разному. Некоторые происходили от бессмертных, даже от богов. Другие, как это принято у людей, захватывали власть силой оружия или политическими интригами.

ИНАХ — один из первых правителей Греции. Он стал первым царем Аргоса на Пелопонесском полуострове, тогда — кипучего нового города, ныне же это один из старейших, непрерывно обитаемых городов на белом свете. Инаха позднее полуобожествили и сделали рекой, но при его человеческой жизни супруга Мелия одарила его двумя дочерьми — ИО и МИКЕНОЙ[1].

1 От нее происходит название города Микены.

Микена удачно вышла замуж за благородного человека по имени АРЕСТОР, а вот Ио суждено было стать первой смертной девушкой, привлекшей хищное внимание Зевса. Инах выбрал Геру, Царицу небес, покровительницей Аргоса, и дочь Ио вырастили жрицей в важнейшем на весь греческий мир храме Геры. Зевсу, чтобы возмутить жену, довольно было позаигрывать с любой особью женского пола, но вот попытка осквернить ее жрицу — это уже предел Гериного терпения. И все же Зевс сильно вожделел милую Ио. Как бы сграбастать ее так, чтобы Гера не узнала...

Зевс огладил бороду, крепко подумал и породил замысел, который счел гениальным. Он превратил Ио в корову — красивую пухлую телочку с трепетными боками и громадными нежными глазами. Если спрятать ее где-нибудь в поле, Гера ни за что ее не заметит и Зевс сможет навещать Ио в свое удовольствие. Или так ему казалось. Когда нисходит похоть, осмотрительность, здравый смысл и мудрость отлетают, и то, что кажется хитрой уловкой тому, кто в тисках страсти, выглядит вопиющей неуклюжей дурью для всех остальных.

От ревнивой жены проще спрятать сотню гор, чем одну любовницу. Гера, для которой коровы были священны, и потому она располагала зорким, знающим взглядом на этот биологический вид, тут же приметила новое животное и заподозрила его истинную сущность.

— Какая восхитительная телка, — походя сказала она Зевсу однажды за завтраком на Олимпе. — Безупречные формы. Такие длинные ресницы и привлекательные глаза.

— Какая? Вот эта рухлядь? — переспросил Зевс, глядя вниз, куда показывала Гера, с деланой скукой.

— Это на твоих полях, милый, стало быть, из твоего поголовья.

— Наверное, — отозвался Зевс, — очень может быть. Одна из тысяч коров, что тут пасутся. Не следить же за ними всеми.

— Я бы эту телочку очень хотела себе, — сказала Гера, — в подарок на день рождения.

— Кхм... правда? Вон ту? Уверен, я мог бы найти тебе куда жирнее и складнее.

— Нет, — сказала Гера, а те, кто знал ее, уловил бы блеск у нее в глазах и сталь в голосе. — Я хочу вот эту.

— Разумеется, разумеется, — сказал Зевс, притворно зевая. — Она твоя. У твоего локтя кувшин с амброзией... передай мне, а?

Гера слишком хорошо знала собственного мужа. Стоило его похотливым наклонностям проявиться, никакого удержу им не будет. Она перевела Ио в маленький огороженный загончик и отправила своего слугу АРГУСА, внука Инаха, стеречь ее.

Аргус, сын Микены и Арестора, был преданным последователем Геры, как и все аргосцы того времени[1], но имелся у него к тому же особый дар, из-за которого он был безупречным сторожем своей тете Ио. У него было сто глаз. Прозывали его ПАНОПТОМ — «всевидящим»[2]. Вечно

1 Аргосцы — граждане Аргоса, однако позднее так начали именовать вообще любых греков — особенно чтобы отличать их от троянцев.

2 Есть такие, кому нравится гипотеза, что Аргус и его сотня глаз — причудливый способ обозначить его чрезвычайную бдительность. Дескать, это в шутку

послушный воле Геры, он устроился на поле, уставил пятьдесят глаз на Ио, а остальные пятьдесят бдели независимо друг от друга — смотрели по сторонам, не явятся ли мародеры.

Зевс не упустил этого — и заметался в ярости. Кровь бурлила. Он стукнул кулаком по ладони. Добудет он Ио. Это уже вопрос принципа — взять верх над Герой в этой безмолвной подковерной войне. Впрочем, он сознавал пределы собственной хитрости, а потому призвал в помощники самого коварного и безнравственного прохиндея на всем Олимпе.

Гермес сразу понял, что нужно делать. Всегда готовый потрафить Зевсу и похулиганить, он поспешил к загону Ио.

— Привет, Аргус. Составлю-ка я тебе компанию ненадолго, — сказал он, откидывая щеколду с загона и проскальзывая внутрь. — Миленькая у тебя тут коровка.

Аргус покосился дюжиной глаз на Гермеса: тот уселся в траву, достал флейту и начал играть. Два часа играл он и пел. Музыка, послеполуденная жара, дух маков, лаванды и дикого тимьяна, тихое журчание и лепет ручья неподалеку... глаза у Аргуса закрылись, один за другим.

Когда последний, сотый глаз смежил веки, Гермес опустил флейту, прокрался поближе и заколол Аргуса прямо в сердце. Любой бог способен на великую жестокость — Гермес бывал злодеем не меньше прочих.

сказано и в это всерьез верили, что у него глаза были и на затылке. Мы подобную скучную, неромантическую мысль осуждаем — с заслуженным презрением. У Аргуса было сто глаз. Факт.

Аргус умер, и Зевс открыл ворота на поле, вывел Ио. Но не успел он превратить ее обратно в человека, как Гера, смотревшая за тем, что случилось, наслала овода, тот бросился кусать Ио так больно и настойчиво, что она забрыкалась, замычала и удрала вдаль, прочь от Зевса.

Горюя из-за смерти любимого слуги, Гера взяла сотню зорких Аргусовых глаз и поместила их на хвост крайне бестолковой растрепанной старой курицы, преобразив ее в то, что мы ныне наблюдаем как павлина, — вот так современная гордая, красочная и спесивая птица навеки стала ассоциироваться с богиней Герой[1].

Ио же тем временем промчалась вдоль северного берега Эгейского моря и переплыла его в том месте, где Европа становится Азией, — в том самом месте, которое мы до сих пор именуем в ее честь «коровьим переходом» или, по-гречески, Босфором[2]. Неслась она все дальше, бия копытами, сломя голову и вопя от боли, пока не добралась до Кавказских гор. Там слепень вроде бы отстал ненадолго, и Ио успела заметить фигуру Прометея, корчившегося от боли на скале.

— Присядь, переведи дух, Ио, — сказал титан. — Держись. Все станет получше.

— Хуже-то некуда, — взвыла Ио. — Я корова. Меня преследует крупнейший и злейший слепень из всех, каких видывал белый свет. Гера меня уничтожит. Вопрос лишь

1 Художники и скульпторы изображали Геру в колеснице, которую влекут павлины, а также есть пьеса Шона О'Кейси «Юнона и Павлин». [Шон О'Кейси (1880–1964) — ирландский драматург, социалист, участник Гэльской лиги. — *Примеч. перев.*]

2 Странно, что «Оксфорд» и «Босфор» означают в точности одно и то же.

в том, закусают меня до смерти или я свихнусь и утоплюсь в море.

— Понимаю, сейчас тебе все может видеться мрачным, — отозвался Прометей, — но я иногда прозреваю будущее и знаю наверняка. Ты вернешься в человеческое обличье. Станешь основательницей великой династии в землях, где струится Нил. И среди твоих потомков возникнет величайший из всех героев[1]. А потому выше нос, гляди бодрей, м-м?

Даже среди всех ее печалей Ио едва могла пренебречь словом того, кого — прямо у нее на глазах, к ее ужасу, — рвали живьем и пожирали два злобных с виду стервятника. Что там ее мелкие неудобства по сравнению с такой вечной мукой?

Вышло так, что Ио и впрямь вернула себе человеческий облик. Встретилась с Зевсом в Египте и родила ему сына ЭПАФА, который сыграет важную роль в истории Фаэтона — с ней мы того и гляди познакомимся. Предполагается, что Ио забеременела от Зевса, когда он нежно коснулся ее руки — Эпаф означает «касание». От Зевса родила Ио и дочь, названую КЕРОЭССОЙ, а сын последней БИЗАНТ основал великий город Византий. Зачали Кероэссу тоже прикосновением или же более традиционным способом воспроизводства, нам неизвестно.

Ио, может, и была коровой, но — очень влиятельной и важной.

1 Тот самый герой, что снимет с Прометея цепи и освободит его.

ПРОПИТАННЫЙ СЕМЕНЕМ ШАРФ

ДОВОЛЬНО ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ повествует нам о том, как Афина, не жертвуя своей девственностью, сыграла роль в зачатии и рождении одного из основателей города-государства Афины.

У хромого Гефеста, с тех самых пор как расколол Зевсу череп и этим помог привести в мир Афину, развилась сильная страсть к этой богине. Однажды, не в силах сдерживать пыл, он поймал ее где-то в углу на олимпийских вершинах и попытался взять силой. Увы, в возбуждении ему удалось лишь брызнуть семенем ей на бедро. Афина в молчаливом отвращении стащила с головы шарф и вытерлась им, после чего бросила шарф с горы.

Замаранная ткань приземлилась далеко внизу. Божественное семя Гефеста просочилось в почву, и Гея забеременела. У нее родился мальчик по имени ЭРЕХТЕЙ. Глядя с небес, Афина увидела это и решила, что дитя обязано быть бессмертным. Сошла с Олимпа, положила ребенка в плетеный короб, закрыла его и поручила заботам трех смертных сестер — ГЕРСЫ, АГЛАВРЫ и ПАНДРОСЫ. Ни при каких обстоятельствах, сказала им Афина, короб нельзя открывать. Но Аглавра и Герса не устояли и заглянули внутрь. Увидели возившегося в нем младенца, обернутого кольцами извивавшейся змеи. Все змеи для Афины священны, и эта была частью заклятия, которое

богиня применила, чтобы сделать младенца Эрехтея бессмертным. От увиденного две женщины тут же спятили и бросились с вершины холма, который ныне именуется Акрополем, или «высокой цитаделью». Эрехтей вырос в ЭРИХТОНИЯ (или породил его, тут изложения расходятся) — легендарного основателя Афин[1].

Если посетить Акрополь в современных Афинах, можно заметить сразу к северу от Парфенона великолепный храм под названием Эрехтейон. Его знаменитый фасад с колоннами-кариатидами — облаченными в хламиды девами — одно из величайших архитектурных сокровищ мира. Храмы, воздвигнутые неподалеку, посвящены бедняжкам Аглавре и Герсе — очень уместно[2].

1 Имя Эрихтоний иногда применяется и к Эрехтею, и к его разнообразным потомкам. Его хтоническое рождение из Геи прослеживается в обоих именах.

2 Пандросе же — послушной сестре, устоявшей перед искушением заглянуть в короб, — храм воздвигли рядом с храмом Минервы и учредили в честь нее праздник, называемый *Пандросией*.

ФАЭТОН

СЫН СОЛНЦА

Афина заменяла Эрехтею родительницу, Гея была ему матерью, Гефест — отцом. Можно счесть, что три бессмертных родителя — это перебор (и хвастовство о своем градооснователе со стороны афинян), однако в том, чтобы похваляться по крайней мере одним таким предком, ничего необычного не было. История отважного, но сумасбродного ФАЭТОНА[1], как и миф о Персефоне, объясняет, как возникли некоторые перемены в географии мира, и к тому же предлагает нам буквальный пример любимого «ай-яй-яй»-урока греческого мифа: как не доводит гордыня до добра.

1 Фаэтон (как и другое имя Аполлона — Феб) означает «сияющий».

У Фаэтона была божественная родословная, однако растил его отчим по имени МЕРОП, неутешительно смертный человек. Когда бы Мероп ни отлучался, мать Фаэтона КЛИМЕНА, которая то ли была бессмертной, то ли нет[1], развлекала мальчика байками о его божественном отце — достославном боге солнца Фебе Аполлоне[2].

Когда Фаэтон уже достаточно подрос, он отправился в школу наравне с другими смертными мальчиками; некоторые были полностью людьми, а другие, как Фаэтон, могли притязать на божественное происхождение по материнской или отцовской линии. Среди последних был Эпаф, сын Зевса и Ио. При таких-то блистательных родителях Эпаф считал себя выше своих однокашников. Фаэтон, гордый и пылкий юнец, терпеть не мог, когда им помыкал Эпаф, и постоянно раздражался от его спеси и высокомерия.

Эпаф вечно бесил всех выпендрежем из-за своей родословной. Мог сказать что-нибудь такое: «Да, в ближайшие выходные папа — Зевс, как всем известно, — приглашает меня на Олимп отужинать. Сказал, что, может, даст

1 Дочь Океана и Тефиды океаниду Климену можно считать одной из самых влиятельных матерей во всей древнегреческой мифологии. Благодаря соитию с титаном Иапетом она стала матерью Атланта и Менетия (двоих титанов, яростно воевавших против богов во время титаномахии и сообразно покаранных), а также Эпиметея и Прометея. Одних только этих чад хватило бы, чтобы сделать Климену важнейшим матриархом юного мира. Некоторые, впрочем, говорят, что океанида Климена и Климена, ставшая матерью Фаэтону, — не одна и та же сущность вовсе и что матерью Атланта и прочих титанов следует считать АЗИЮ и тем самым не путать ее со смертной Клименой, матерью Фаэтона. Все это очень невнятно, и потому пусть с ним разбираются ученые и те, у кого времени навалом.

2 Даже отцовство у Фаэтона спорно. По некоторым версиям, его отец — титан солнца Гелиос. Я же последую за Овидием и стану считать, что отцом Фаэтона был бог Аполлон.

на троне посидеть и, глядишь, разрешит глоток-другой нектара. Я это уже пробовал, понятно. Маленьким кругом посидим. Дядя Арес, сводная сестра Афина, пара-тройка нимф, для комплекта. Веселуха будет».

Наслушавшись подобного небрежного упоминания имен, Фаэтон всегда возвращался домой в бешенстве.

— Почему, — жаловался он матери, — Эпафу можно видеться с отцом каждые выходные, а я со своим даже *не знаком*?

Климена в ответ крепко обнимала сына и пыталась объясниться:

— Аполлон ужасно занят, милый. Каждый день должен гонять колесницу Солнца по небу. А когда с этой работой покончено, ему нужно в храмы Делоса и Дельф — и еще кто его знает сколько всего. Пророчества, музыка, стрельба из лука... он из всех богов, пожалуй, самый занятой. Но, без сомнения, он скоро навестит нас. Когда ты родился, он оставил тебе вот это... Я собиралась подождать и отдать тебе, когда ты немножко подрастешь, но ладно уж, бери сейчас...

Климена ушла к буфету, достала оттуда прелестную золотую флейту и вручила сыну. Мальчик тут же поднес ее ко рту и подул; получилось сиплое и далеко не музыкальное шипение.

— А что она умеет?

— Умеет? В каком смысле, милый?

— Зевс подарил Эпафу волшебный кожаный хлыст, благодаря которому собаки подчиняются любой команде Эпафа. А эта что делает?

— Это флейта, дорогой мой. Она умеет музыку. Дивную, чарующую музыку.

— Как?

— Ну, ты учишься выдувать ноты, а затем... ну, играешь.

— И в чем волшебство?

— Ты никогда не слышал музыки флейты? Это волшебнейшие звуки. Впрочем, репетировать нужно подолгу.

Фаэтон с отвращением отшвырнул инструмент и убежал к себе в спальню, где супился весь остаток дня, до самого вечера.

Примерно через неделю, в последний день учебы, перед длинными летними каникулами к Фаэтону обратился убийственно снисходительный Эпаф.

— Эй, Фаэтон, — с оттяжечкой произнес он. — Хотел спросить, не желаешь ли ты ко мне в гости на виллу на северном африканском побережье через неделю? Небольшая домашняя вечеринка. Папа, возможно, Гермес, Деметра и сколько-то фавнов. Отплываем завтра. Веселуха будет. Что скажешь?

— Ох, какая жалость, — воскликнул Фаэтон. — Мой отец Феб Аполлон, как ты знаешь, пригласил меня... покататься на солнечной колеснице по небу, на той неделе. Не могу его подвести.

— Что, извини?

— Ах да, я не говорил? Он вечно достает меня, чтоб я его разгрузил по работе — поводил вместо него эту его солнечную колымагу.

— Ты всерьез хочешь сказать... *Чепуха*. Ребята, идите-ка сюда, послушайте! — Эпаф подозвал других мальчишек

туда, где они с Фаэтоном встали друг против друга. — Повтори им, — велел он.

Фаэтона поймали на вранье. Гордость, ярость и досада не давали ему отступить. Будь он проклят, если пойдет на попятную и позволит этому невыносимому снобу остаться на высоте.

— Да чего такого, — сказал он. — Просто мой папа Аполлон настаивает, чтобы я выучился управлять конями Солнца. Подумаешь.

Остальные мальчишки, вслед за ухмылявшимся Эпафом, недоверчиво и насмешливо заулюлюкали.

— Знаем мы, что твой отец — скучный старый дурак Мероп! — выкрикнул кто-то.

— Он мне всего лишь отчим! — завопил в ответ Фаэтон. — Настоящий отец у меня Аполлон. Правда! Сами увидите. Погодите только. Добраться к нему во дворец займет некоторое время, но на днях, скоро, гляньте в небо. Я вам помашу. Буду целый день один вести колесницу, один. Вот увидите!

И с этими словами он удрал к дому, и в ушах у него звенели смешки, вопли и глумливый смех его однокашников. Один мальчик, его друг и возлюбленный КИКН, погнался за ним.

— О Фаэтон, — вскричал Кикн, — что ты наговорил? Это же неправда. Ты мне столько раз жаловался, что никогда не видел своего настоящего отца. Вернись и скажи им, что пошутил.

— Оставь меня в покое, Кикн, — вымолвил Фаэтон, отпихивая друга. — Я отправляюсь во Дворец Солнца.

Только так можно заткнуть эту свинью Эпафа. Когда в следующий раз увидимся, все будут уважать меня и знать, кто я такой на самом деле.

— Но я-то знаю, кто ты такой, — произнес несчастный Кикн. — Ты Фаэтон, и я тебя люблю.

ОТЕЦ И СОЛНЦЕ

Климене тоже не удалось переубедить Фаэтона. Страдая, смотрела она, как он собирает свои немногие пожитки.

— Погляди в небо — увидишь меня, — сказал он, целуя ее на прощание. — Я помашу, когда буду ехать мимо.

Дворец Солнца размещался, само собой, на востоке — в такой далекой дали, как Индия. Как Фаэтон туда добрался, пока не договорились. Я читал, что волшебные солнечные ястребы сообщили Аполлону о трудном походе мальчика через континентальную Грецию, Месопотамию и далее по землям, которые ныне зовутся Ираном, и что бог велел этим великолепным птицам подобрать ребенка и нести его остаток пути на себе.

Как бы то ни было, Фаэтон явился ко дворцу ночью и был тут же призван в тронный зал, где восседал Аполлон, облекшись пурпуром, в переливах золота, серебра и самоцветов, украшавших зал. Один только трон был инкрустирован десятью с лишним тысячами рубинов и изумрудов. Совершенно потрясенный величием двор-

ца, ослепительными каменьями и, конечно, лучезарной славой своего отца-бога, юноша пал на колени.

— Так ты, значит, Клименин парнишка, да? Встань, дай глянуть на тебя. Да, вижу, ты, может, и впрямь плод чресл моих. Есть в тебе стать, блеск. Мне донесли, что ты преодолел долгий путь, чтобы оказаться здесь. Зачем?

Вопрос прямой, и Фаэтон несколько растерялся. Ему удалось пробормотать какие-то слова про Эпафа и «прочих мальчишек», и он мучительно осознал, что больше похож на избалованного ребенка, чем на гордого сына олимпийца.

— Да, да. Очень злые они, сплошное расстройство. А я здесь при чем?

— Всю мою жизнь, — сказал Фаэтон, пылая гордыней и обидой, что курились в нем так долго, — всю мою жизнь мать говорила мне о великом достославном Аполлоне, золотом боге, моем сиятельном безупречном отце. Н-н-но ты ни разу не навестил нас! Никогда никуда нас не звал. Ты даже не признал меня.

— Ну да, извини. Оплошал. Я был ужасным отцом, вот бы как-то тебе воздать. — Аполлон выговорил слова, которые все отцы-дезертиры произносят повсюду и ежедневно, однако мысли его были о лошадях, музыке, питии... о чем угодно, кроме этого занудного, обиженного ребенка-нытика.

— Выполни, если можно, одно мое желание. Всего одно.

— Конечно, конечно. Говори.

— Правда? Честно-честно?

— Конечно.

— *Даешь слово*, что выполнишь?

— Даю, — сказал Аполлон, веселясь от чрезмерной серьезности этого мальчика. — Клянусь своей лирой. Клянусь ледяными водами самой Стикс. Говори же, ну.

— Хочу поводить твоих лошадей.

— Моих лошадей? — переспросил Аполлон, не вполне понимая. — Поводить? В каком смысле?

— Хочу вести солнечную колесницу по небу. Завтра.

— Ой нет, — сказал Аполлон, и на лице у него расплылась улыбка. — Нет-нет-нет! Не дури. Такого никто не умеет.

— Ты обещал!

— Фаэтон, Фаэтон. Это храбро и здорово — даже мечтать о чем-то подобном. Но никто, *никто* не правит теми лошадьми, один я.

— Ты поклялся водами Стикс!

— Да сам Зевс не в силах ими управлять! Это сильнейшие, буйнейшие, упрямейшие и неукротимейшие жеребцы на свете. Они подчиняются только моим рукам — и ничьим более. Нет, нет. Нельзя о таком просить.

— Я *уже* попросил. А ты *дал слово*!

— Фаэтон! — Остальные одиннадцать богов оторопели бы от такого молящего, отчаянного тона, к какому прибег Аполлон. — *Заклинаю* тебя! Что угодно другое. Золото, снедь, власть, знание, любовь... Назови — и твое навек. Но не это. Ни за что.

— Я попросил, а ты поклялся, — повторил упрямый юнец.

Аполлон склонил золотую голову и мысленно выругался.

Ох уж эти боги и их поспешные языки. Ох уж эти смертные и их глупые грезы. Образумятся ли когда-нибудь они — и те и другие?

— Ладно. Пошли, покажу тебе их, раз так. Но знай, — сказал Аполлон, пока шагали они к стойлам, и лошадиный дух в ноздрях у Фаэтона делался все крепче и резче. — Ты волен в любой миг передумать. Это никак не уронит тебя в моих глазах. Честно говоря, ты в них даже вырастешь будь здоров как.

С приближением бога четыре жеребца — белые с золотыми гривами — затопали и завозились в стойлах.

— Эй, Пирой! Ну же, Флегон! Тихо-тихо, Эой! Спокойно, Эфон! — обратился к ним по очереди Аполлон. — Так, иди сюда, юноша, пусть познакомятся с тобой.

Фаэтон никогда прежде не видывал таких великолепных коней. Глаза у них сияли золотом, копыта высекали из каменных плит искры. Фаэтона охватило благоговение, но тут же пронзило его и страхом, который он попытался выдать за восторженное предвкушение.

У тяжелых врат зари стояла золотая *квадрига* — великая колесница, в которую четырех жеребцов собирались вскоре впрячь. Мимо поспешила безмолвная женская фигура в шафрановой хламиде. Фаэтон уловил аромат, который не смог распознать, но голова у него пошла кругом.

— То была Эос, — проговорил Аполлон. — Скоро придет ее время отпирать врата.

Фаэтон был наслышан об Эос — богине зари. Ее звали *рододактилос* — розоперстая — и за ее обаяние и нежную красоту ей всюду поклонялись.

Он помог отцу вывести жеребцов к колеснице, и тут его грубо отпихнули в сторону.

— Что тут делает этот смертный?

Здоровяк, облаченный в сияющий доспех из бычьей шкуры, взял разом всех четырех жеребцов под уздцы и повел их вперед.

— А, Гелиос, привет, — сказал Аполлон. — Это Фаэтон. Мой сын Фаэтон.

— И что?

Фаэтон знал, что Гелиос — брат Эос и богини Луны Селены, что он помогает Аполлону с его каждодневными обязанностями. Аполлон в присутствии титана словно бы засмущался.

— Ну, короче, колесницу сегодня поведет Фаэтон.

— Что, прости?

— Ну, пусть заодно и научится, как считаешь?

— Ты, никак, придуриваешься?

— Я вроде как пообещал.

— Тогда вроде как *разобещай* обратно.

— Гелиос, не могу. Сам знаешь, что не могу.

Гелиос затопал и взревел, от чего кони вскинулись и заржали.

— Ты *мне* не дал вести ни разу, Аполлон. Ни разу. Сколько я просил, и сколько ты говорил мне, что я не готов? А теперь ты пускаешь этого... эту креветку к вожжам?

— Гелиос, будешь делать так, как тебе велено, — сказал Аполлон. — Я свое слово сказал, а значит... кхм, сказал.

Аполлон забрал поводья из рук Гелиоса, подсадил Фаэтона в колесницу. Увидев, как Фаэтон болтается туда-сюда по колеснице, Гелиос хохотнул.

— Да он там катается, как горошинка! — сказал он с неожиданно визгливым смешком.

— Справится. Так, Фаэтон. Эти вожжи — они тебе для общения с конями. Те сами знают дорогу, проходят ее каждый день, но им надо показать, что ты их повелитель, понял?

Фаэтон рьяно закивал.

Что-то от нервного возбуждения Фаэтона и ярости Гелиоса, похоже, передалось коням — они брыкались и беспокойно фыркали.

— Самое главное, — продолжил Аполлон, — не лететь ни слишком высоко, ни слишком низко. Посередине между небом и землей, ну?

И вновь Фаэтон кивнул.

— Ой, чуть не забыл. Руки выстави... — Аполлон взял кувшин и вылил масло в протянутые ладони Фаэтона. — Намажься этим как следует. Защитит тебя от жара и света этих жеребцов, когда они поскачут по небу. Земля внизу согреется и озарится, а ты держись по прямой на запад, к садам Гесперид. Двенадцать часов в пути. Держись. Помни: кони знают. Успокаивай их по именам: Эой и Эфон, Пирой и Флегон. — Аполлон называл их, и кони по очереди прядали ушами. — Но еще не поздно, мой мальчик. Ты видел их, ты с ними пообщался,

я подарю тебе их золотые статуэтки, отлитые Гефестом, заберешь домой. Это угомонит твоих школьных друзей.

Еще от одного визгливого смешка Гелиоса щеки у Фаэтона вспыхнули.

— Нет, — сказал он, стиснув зубы. — Ты обещал — я тоже.

ЗАРЯ

Сказал это Фаэтон, и тут возникла Эос — на ярком жемчужно-розовом облаке. С улыбкой поклонилась Аполлону и Гелиосу, растерянно и вопросительно посмотрела на Фаэтона в колеснице и заняла свое место у врат рассвета.

Страннику, глядящему на восток и вверх, на облака, скрывающие Дворец Солнца, первый знак того, что Эос принялась за дело, — вспышка кораллово-розового, что всякий раз поутру пронизывает небо. Распахнула она врата пошире, и этот розовый окреп до блеска золота, а тот делался все ярче и яростней.

Для Фаэтона во дворце зрелище было обратным: врата распахнулись и явили темный мир, озаренный лишь серебряным блеском сестры Эос и Гелиоса — лунной богини Селены, добравшейся до конца своего ночного пути. Эос раскрывала врата все шире, пока Фаэтон не увидел, как розовый и золотой свет вырывается вовне, затопляет тьму ночи. Словно то был знак для четырех коней: они навострили уши, содрогнулись и встали на дыбы. Фаэтона отбросило назад, и колесница под ним поехала.

— Помни, сынок, — прокричал Аполлон, — не полошись. Крепче хватку. Не натягивай поводья. Просто покажи коням, что ты владеешь положением. Все будет хорошо.

— В конце концов, — прокричал Гелиос, когда колесница начала отрываться от земли, — что может пойти не так? — Его визгливый смех фальцетом хлестнул Фаэтона, будто плеткой.

И вновь переключимся на странника, что смотрит с дороги внизу на восток: золотое свечение превращается в громадный огненный шар, его все труднее наблюдать не щурясь. Краткая вспышка рассвета окончена, приходит день.

ПОЕЗДКА

КОНИ АПОЛЛОНА РИНУЛИСЬ ВПЕРЕД, топча воздух. Все шло гладко. Они знали, что делать. Забравшись на определенную высоту, взяли нужный курс и дальше гнали прямо. Все просто.

Фаэтон выпрямился, старательно не дергая за поводья, и всмотрелся в даль. Разглядел кривую, отделявшую синее небо от заполненной звездами тьмы. Видел, как действует пылающий свет колесницы. Сам Фаэтон был защищен, в волшебной безопасности от жара и света, но громадины облаков таяли и растворялись до пара. Фаэтон посмотрел вниз и увидел, как сжимаются по мере его приближения длинные тени гор и деревьев. Видел, как

складчатое море рассыпается миллионами искр света, видел, как сияние росы возносится трепетным туманом, когда подъезжали они к берегам Африки. Где-то к западу от Нила Эпаф отдыхает на пляже. Ох, ну и триумф же ожидает Фаэтона — каких свет не видывал!

Побережье сделалось отчетливее, и Фаэтон натянул поводья, пытаясь направить Эоя, ведущего коня слева, вниз. Эой, возможно, думал о чем-то своем — о золотой соломке или хорошеньких кобылках, и уж точно не ждал, что его станут сбивать с пути поводьями. Переполошившись, он вильнул и нырнул, потащив остальных коней за собой. Колесница дернулась и понеслась прямо к земле. Как бы ни тянул Фаэтон за поводья, которые почему-то перепутались у него в руках, — все без толку. Зеленая земля с ревом мчалась ему навстречу, и Фаэтон смотрел в глаза собственной смерти. Еще раз отчаянно дернул за поводья, и в самую последнюю минуту — то ли в ответ на этот рывок, то ли инстинктивно желая спастись, — четыре жеребца взмыли ввысь и погнали вслепую на север. Но Фаэтон с ужасом и отчаянием успел заметить, что кошмарный жар солнечной колесницы подпалил землю.

Они летели дальше, а яростная пелена огня плескалась по земле, сжигая дотла все и вся. Целая полоса Африки пониже северного побережья осталась выжженной начисто. И поныне бóльшая часть тех земель — сухая пустыня, которую мы называем Сахарой, а греки именовали ее Землей, спаленной Фаэтоном.

Теперь он уже напрочь ничем не управлял. Кони наверняка поняли, что знакомая твердая рука Аполлона

не ведет их. Неукротимая ли радость свободы, переполох ли от недостатка власти над ними свел с ума эту четверку? Рухнув достаточно низко, чтобы земля успела загореться, они ринулись так далеко к багровой линии, отделяющей небо от звезд, что мир внизу сделался холоден и темен. Даже море замерзло, а земля обернулась льдом.

Мечась, раскачиваясь, ныряя и несясь вперед, без всякого руководства и направления, колесница моталась и болталась по воздуху, как листок в бурю. Далеко внизу люди Земли вглядывались вверх с изумлением и тревогой. Фаэтон орал на коней, умолял их, угрожал им, дергал поводья... но все втуне.

ПАДЕНИЕ

Вести о разрухе, учиненной на земле, дошли до богов на Олимпе и наконец достигли ушей самого Зевса.

— Ты посмотри, что творится, — вскричала расстроенная Деметра. — Урожаи выжгло солнцем или побило морозами. Катастрофа.

— Люди напуганы, — сказала Афина. — Прошу тебя, отец. Надо что-то делать.

Зевс со вздохом полез за молнией. Глянул, где там несется колесница Солнца — она опрометью мчала к Италии.

Молния, как любая у Зевса, попала в цель. Фаэтона с колесницы вышибло начисто, и он, пылая, упал на землю,

как выгоревшая ракета, — в воды реки Эридан, с шипением и паром.

В отсутствие заполошного мальчишки и его воплей да диких рывков за поводья великие солнечные скакуны угомонились, вернулись наконец на положенные высоту и маршрут и одним чутьем добрались до земель Гесперид на дальнем западе.

Феб Аполлон не был ни добрым, ни любящим отцом, но смерть сына сокрушила его тяжко. Он поклялся никогда больше не водить колесницу Солнца и передал эту задачу благодарному и увлеченному Гелиосу — и тот с тех пор стал колесничим Солнца, соло[1].

Влюбленный в Фаэтона друг Кикн отправился к реке Эридан, в воды которой упал несчастный убитый Фаэтон. Кикн уселся на берегу и оплакивал утрату возлюбленного с таким горестным воем, что безутешный Аполлон лишил его дара речи и из жалости и раскаяния перед непрестанной, однако теперь беззвучной и неутолимой мукой, превратил его в красавца-лебедя. Эта птица, лебедь-шипун, стала для Аполлона священной. В память о возлюбленном Фаэтоне птица молчит всю жизнь, вплоть до мига своей смерти, и тогда она поет с ужасной тоской свое странное милое прощание — лебединую песнь. В честь Кикна лебедят называют cygnets.

А что же Эпаф? Глянул ли он вверх, увидел ли Фаэтона в вышине над собой, как ведет тот великую колесницу, —

1 Именно что соло: СОЛ — римское имя Гелиоса. Если вдыхать газ, названный в его честь гелием, начинаешь хихикать в точности тем же издевательским, визгливым, истеричным смехом, как у Гелиоса, когда он потешался над Фаэтоном.

или же лопал смоквы и заигрывал с нимфами на борту корабля, что вез его с друзьями на пляж в Северной Африке? Хотелось бы думать, что он все же глянул вверх и что жар колесницы ослепил его — достойное наказание за злые насмешки. На самом деле Эпаф стал великим патриархом. Женился на дочери Нила МЕМФИДЕ и в честь нее назвал город, который основал. У них родилась дочь ЛИВИЯ, и его наследная линия, включавшая и правнука Эпафа ЭГИПТА, правила Египтом много поколений подряд.

Фаэтон же оказался среди звезд в созвездии *Auriga*, или Возничего[1]. В его честь французы назвали шустрый, легкий и опасный гоночный экипаж *фаэтоном*. В конце XVIII — начале XIX века это был излюбленный вид транспорта юных сорвиголов, которые, сами того не ведая, воплощали миф о Фаэтоне в юношеской нетерпеливости, зачастую опрокидывая эти экипажи к ярости своих многострадальных отцов.

Американский классицист и педагог Идит Хэмилтон предложила эпитафией Фаэтону вот такие строки:

Покоится здесь Фаэтон, он правил квадригой сиянья.
Пусть промах его и велик, зато велико и дерзанье.

1 Превращение в звезду — эдакий античный эквивалент канонизации — носит довольно приятное название «катастеризм». Авторство по большей части утраченного труда под названием «Катастеризмы», рассказывающего о мифологическом происхождении созвездий, приписывают Псевдо-Эратосфену Александрийскому.

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

КАДМ

БЕЛЫЙ БЫК

Благодаря Фаэтону людям теперь приходилось уживаться со зверскими перепадами температур безжизненных пустынь и ледяных полярных шапок — помимо круговерти времен года из-за отлучек Персефоны в подземный мир. Впрочем, урок Фаэтона не остановил человечество от стремления вверх. Никакие уроки, сколь угодно суровые, похоже, не останавливали нас никогда. По всей Греции продолжили возникать и увядать царства. Греческий мир охватывал в те дни и Малую Азию — этот отросток суши к востоку от Греции, где ныне размещаются Турция, Сирия и земли Леванта (нынешний Ливан). Влияние этой части света на греческую культуру и мифологию оказалось громадным: оживленная торговля,

алфавитное письмо и, наконец, основание первого показательного *полиса* — города-государства, каким предстояло достичь пика славы с возникновением Трои, Спарты и Афин. Это история о Зевсе, преображениях, драконе, змеях, городе и женитьбе.

Царь левантийского города Тира АГЕНОР (сын Посейдона и Ливии) и его царица ТЕЛЕФАССА (дочь Нила и нимфы облаков НЕФЕЛЫ) родили пятерых детей: дочь ЕВРОПУ и четверых сыновей — КАДМА (или, на греческий манер, КАДМОСА), КИЛИКА, ФЕНИКСА и ТАСОСА.

Однажды вечером дети Агенора играли на заросшем цветами лугу, и Европа убрела и отбилась от братьев. На глаза ей попался великолепный белый бык, что пасся в высокой траве. Она приблизилась, зверь поднял голову и посмотрел на нее. Что-то в его взгляде заворожило Европу. Она подошла еще ближе. Дыхание быка было сладостным, нос — мягким и приятным на ощупь. Европа увила его рога цветами и погладила по толстой, теплой, манящей шкуре. И тут, не задумываясь, зачем она это делает, вспрыгнула ему на спину. Склонилась вперед и взялась за бычьи рога.

— Какой же ты красивый, — прошептала она ему в уши. — Такой сильный, мудрый и добрый.

Мотнув громадной головой, зверь побежал. Рысца скоро превратилась почти в галоп. Европа смеялась и подгоняла быка.

Кадм с младшими братьями соревновались, кто дальше кинет камень (Кадм вечно выигрывал — он был необычайно одаренным метателем камней, дисков и ко-

пий). Мальчишки обернулись и увидели, что их сестру увозит бык. Они во весь дух ринулись следом, однако бык набрал невероятную скорость. Братьям почудилось, каким бы ни было это невозможным, что копыта зверя перестали касаться земли.

Перепугавшись, они звали Европу, кричали ей вслед, чтоб прыгала с быка, но она либо не слышала, либо не внятла. Бык возносился все выше и выше, пока не исчез из виду.

Кадм вернулся домой и выложил новость родителям — царю Агенору и царице Телефассе. Громогласны были рыдания, велики упреки.

Тем временем белый бык нес Европу все дальше и дальше от ее родного Тира, на запад, за Средиземное море, к островам Греции. В полном восторге и совершенно не боясь, Европа хохотала, когда под ними замелькала земля, а потом и море. Европу заворожило. Путешествие оказалось таким замечательным, что весь массив суши на запад от ее родины стал с тех пор называться Европой — в ее честь.

Они не останавливались, пока не достигли острова Крита, где бык оказался...

...кем, как не Зевсом?

Герино ли превращение Ио в телочку вдохновило его принять форму быка, нам неведомо, но уловка, похоже, сработала: Европа счастливо осталась жить на Крите до конца своих дней. Она родила Зевсу троих сыновей — Миноса, Радаманта и Сарпедона, которые, как вы помните, стали Судиями Преисподней, где взвешивали жизни умерших душ и определяли им подобающие наказания и награды.

ПОХОД ЗА ЕВРОПОЙ

Адома в Тире несчастные родители Европы снарядили Кадма и его братьев на поиски сестры и дали четкое указание: пусть и не думают возвращаться домой, пока ее не найдут.

Тирцы тогда уже были прославленными мореходами и торговцами. Брат Кадма Феникс (не путать с мифической птицей) унаследует от Агенора правление царством и переименует его в Финикию — в свою честь. Мастерство финикийцев в морской торговле принесло им великую славу и стало их гордостью. Они возили шелка и пряности с Востока, но преимущество перед соседями и соперниками возникло у них именно благодаря изобретению и распространению *алфавита*. Впервые в человеческой истории речь на любом языке стало возможным записать по звуку, а это означало, что жители Средиземноморского побережья, в том числе и Северной Африки, и Ближнего Востока, впервые смогли общаться между собой знаками на папирусе, пергаменте, воске или глиняных осколках, и эти знаки можно было произнести вслух[1]. Значки на страни-

1 До возникновения этой замечательной финикийской затеи на письме изображали символы — иероглифы и пиктограммы. Как и наши современные цифры, эти знаки никак не были связаны с тем, как они звучат. Запись «24», к примеру, нисколько не подсказывает нам, как это произносится, и в зависимости от вашего родного языка вы произнесете эти значки по-своему. Алфавитная (то есть фонетическая) запись подсказывает произношение: *двадцать четыре*, *twenty-four*,*vingt-quatre* или *vierundzwanzig*. Так произошел важнейший прорыв. Финикийский алфавит приспособили под себя греки, и получилась приблизительно та письменность, какой мы пользуемся и поныне. В IX в. ее близкий кириллический вариант распространился через Болгарию на Балканы, в Россию и в другие области Восточной Европы и Азии, тогда как римляне

це или на экране, которые вы расшифровываете по мере чтения, восходят к финикийскому алфавиту. И как раз Кадм донес это замечательное изобретение своего народа до Греции — в долгих поисках Европы.

Много лет странствовали они бесплодно. Почему-то — возможно, из-за божественного вмешательства — Крит, судя по всему, остался единственным местом, которое они не обыскали. Остров, на котором они пробыли дольше всего, — Самофракия, далеко на севере Эгейского моря.

На Самофракии жила плеяда по имени ЭЛЕКТРА[1]. Плеяды, или же Семь сестер, были (если помните) дочерьми Атланта и океаниды Плейоны. От Зевса эта Электра родила двоих сыновей — ДАРДАНА[2] и ЯСОНА, а также дочку ГАРМОНИЮ[3]. Красота и милые, спокойные манеры Гармонии мгновенно пленили Кадма, и он взял ее с собой в дальнейшие странствия. Насколько охотно Гармония

переняли греческие *альфу* и *бету* в алфавитную систему [языков с латинской письменностью. — *Примеч. перев.*]. Геродот, «отец истории», живший в V в. до н. э., продолжал именовать такое письмо «кадмейским».

---

1 Не трагическая ЭЛЕКТРА, дочь АГАМЕМНОНА и КЛИТЕМНЕСТРЫ, а другая, гораздо старше. Но имя занимательное: это женская форма слова *электрон*, греческого названия янтаря. Греки заметили, что, если энергично потереть кусочек янтаря тряпкой, он, как по волшебству, притягивает пылинки. Они назвали это странное свойство «янтарностью», от него в конечном счете происходят наши слова «электрический», «электричество», «электрон», «электронный» и т. д.

2 Он подарил свое имя Дарданеллам — месту, где в Первую мировую войну произошла злосчастная высадка на Галлипольском полуострове.

3 Согласно некоторым источникам, родителями Гармонии были Арес и Афродита. Ее позднейшее возвышение до звания богини гармонии (КОНКОРДИЯ у римлян) бесспорно намекает на более благородное рождение. Если учесть, что́ Арес с нею проделает, может показаться, что он самый извращенный на свете отец — с его-то приверженностью своему водяному дракону и жестокостью к собственной дочке от смертной женщины. Другие исследователи мифа — особенно отметим Роберто Калассо, итальянского писателя, чьи изобретательные толкования особенно заслуживают внимания, — избирают изящный компромисс и предлагают считать, что Гармония действительно была дочерью Афродиты и Ареса, но вскормила ее Электра Самофракийская.

пошла на это, неизвестно, однако парочка покинула Самофракию и направилась в континентальную Грецию — вроде как в поисках Европы, но, если говорить о Кадме, в поисках высшей цели.

ОРАКУЛ ВЕЩАЕТ

КАДМА ЧАСТО НАЗЫВАЮТ «ПЕРВЫМ ГЕРОЕМ». Если вам не лень посчитать, убедитесь сами: он из пятого поколения, у него поровну и человечьих, и божественных предков. Родословная его восходит к самому началу жизни — по отцовской линии, через дедушку Посейдона, чьим отцом был Кронос, сын Урана. По бабушке Ливии он был потомком Инаха, что добавляет ему королевской крови в венах. Была в нем неугомонность и жажда чудесного, какие отличают героев, а также необходимая доля отваги, уверенности и веры в себя. Посейдон обожал своего внука, что естественно, но с наибольшей благосклонностью к нему относилась Афина, особенно теперь, когда Кадм вступил в брачный союз с Гармонией, а та была одной из преданнейших служительниц Афины.

Так же, как брат Кадма Тасос обустроился на маленьком острове Тасос, а Феникс дал свое имя Финикийскому царству, третий брат Кадма Килик забросил поиски Европы и вернулся на восток Малой Азии, где основал свое царство, которое назвал Киликией[1].

1 Это краешек суши, отделяющий Турцию от Сирии, ныне зовется Чукурова.

Вместе с Гармонией, а также с обширной свитой верных последователей из Тира, Кадм направился в Дельфы — посовещаться с оракулом. Он всем нутром чуял — как и любой герой, — что ему суждена слава, но не понимал, где именно лежит оно, его будущее, и по-прежнему нуждался в руководстве, как дальше вести поиск Европы.

Мы уже достаточно осведомлены об оракулах и потому не удивимся причудливости ответа пифии.

— Кадм, сын Агенора, сына Посейдона, — нараспев проговорила она. — Оставь поиски сестры и следуй за телкой, отмеченной полулунием. Следуй за ней, пока не упадет она от усталости. Там, где упадет она, строй.

— Строй — что?

— Прощай, Кадм, сын Агенора, сына Посейдона.

— Что за корова? Не вижу никакой коровы.

— Где корова падет, там Кадм, сын Агенора, сына Посейдона, должен строить.

— Да, но эта корова...

— Телка с полулунием поможет Гармонии и ее герою, сыну Агенора, сына Пойседона.

— Слушай...

— Проща-а-а-ай...

Кадм и Гармония переглянулись, пожали плечами и со всей своей свитой верных тирцев ушли из Дельф. Возможно, некая корова и впрямь возникнет перед ними по волшебству, а может, какой-нибудь небесный посланник явится и направит их к нужному животному. Тем временем можно и оглядеться.

Дельфы и их оракул, стадион и храмы расположены в греческой области под названием Фокида. Царь Фокиды ПЕЛАГОН, узнав, что Гармония с Кадмом — ныне знаменитые на всю округу благодаря дару алфавита — оказались в его краях, послал гонцов с приглашением в почетные гости к нему во дворец. Это приглашение утомленная дорогой пара и их оголодавшая свита приняли с удовольствием.

ФОКИДСКИЕ ИГРЫ

ТРИ ДНЯ ПИРОВ И КУТЕЖА В ИХ ЧЕСТЬ ПРОШЛИ приятно и беззаботно, и тут Кадму с Гармонией, между застольями прогуливавшимся как-то вечером по дворцовым садам, преградил путь отец Пелагона АМФИДАМАНТ.

— Был мне сон, — проговорил Амфидамант, приближаясь к паре и пыша при этом медовухой из всех пор, — в котором ты, Кадм, участвовал в забегах, метал копья, швырял диски и выиграл величайший приз на свете. Я вот к чему: завтра мой сын Пелагон открывает Фокидские игры. Маленькое местное событие, но сны есть сны, и у них есть цель. Когда Морфей врал? Вот мой совет: участвуй. — Засим благожелательно икнул и, спотыкаясь, убрел прочь.

— Ну что ж, — сказал Кадм, обнимая Гармонию за талию и мечтательно глядя на луну. — Отчего б не поучаствовать? Не родился еще мужчина, способный метнуть копье или диск дальше, чем я. И, по-моему, я вполне быстр и в забегах.

— Мой герой! — вздохнула Гармония, утыкаясь головой ему в грудь. Этот ее жест — не от обожающего восхищения, а чтобы заглушить смех: мужское тщеславие в делах физической мощи казалось ей беспредельно потешным.

Наутро Кадм выступил против соперников, среди которых преимущественно были щуплые местные юнцы да дворцовые стражники-толстопузы. Когда прямо из дворцового парка он метнул первый диск, пришлось послать слугу, чтобы тот принес диск обратно; толпа ликовала. К вечеру Кадм выиграл все состязания до единого. Гармония прожигала взглядом женщин и девушек, славших Кадму воздушные поцелуи и бросавших цветы к его ногам.

Пелагон, монарх не очень богатый, отправил своего дворецкого поискать благородному *victor ludorum*[1] подобающий приз.

— Народ Фокиды! — вскричал царь, помещая на голову Кадму поспешно сплетенный венец из оливковых листьев. — Узри победителя, нашего почетного гостя царевича Кадма Тирского. А вот и приз, достойный великого проворства, силы и изящества нашего героя.

Раздались приветственные крики, вымершие до растерянной тишины: дворцовый камерарий, протискиваясь через толпу, гнал перед собой крупную корову. Молчание забурлило смешками, а смешки переросли в откровенный хохот. Корова пожевала жвачку, приподняла хвост и выдала жидкую кляксу навоза. Толпа злорадно взвыла.

1 Победитель соревнований *(лат.)*. — *Примеч. перев.*

Пелагон сделался пунцовым. Его отец Амфидамант сказал Кадму, подмигивая:

— Что ж. Морфей не может быть постоянно прав, а?

Но Гармония крайне взволнованно ткнула Кадма локтем.

— Смотри, — шепнула она, — смотри, Кадм, *смотри*!

Кадм тут же понял, что привлекло ее внимание. На боку у коровы имелась отметина в виде месяца. И никак иначе ее не опишешь. Отчетливые пол-луны!

Пелагон бормотал ему на ухо что-то неубедительное о родословной этого животного и высоких надоях, но Кадм перебил его:

— Более чудесного и желанного подарка государь и измыслить бы не мог! Я преисполнен восторга и благодарности.

— Правда? — проговорил слегка остолбеневший Пелагон.

Дворецкий до того поразился сказанному, что выронил ивовый прутик, которым подстегивал скотину к трибуне победителя. На осознание, что жгучих ударов на нее больше не сыплется и никто ее не гонит, телочке понадобилось примерно с полминуты, и она побрела прочь.

— Правда-правда, — сказал Кадм, спрыгивая с трибуны и помогая сойти Гармонии. — Безупречный подарок, в самом деле. Как раз то, чего мы хотели...

Корова пробралась сквозь толпу. Кадм с Гармонией, повернувшись спиной к царской ложе, отправились следом. Кадм через плечо обратился к царю, выкрикивая благодарности и путаные любезности:

— Да простит нас его величество... чудесный визит... мы так благодарны за гостеприимство... великолепная еда, чудесные увеселения... очень мило... эмм... прощайте...

— Очень благодарны, — повторяла за ним Гармония. — Вовек не забудем. Никогда. Милейшая телочка! Прощайте.

— Н-но! Что? В смысле?.. — проговорил Пелагон, растерявшись от столь поспешного и внезапного расставания. — Я думал, вы еще на ночь останетесь?

— Недосуг. Пошли, люди мои. С нами! — крикнул Кадм, призывая свиту тирских слуг, воинов, маркитантов и прочего сопровождения. На бегу пристегивая доспехи, побросав еду и расцеловывая новых знакомых, они догнали Кадма, Гармонию и корову.

— Чокнутые, — промолвил Амфидамант, наблюдая за вихрем пыли, взвившимся вслед за разношерстной армией Кадма, когда та исчезла из виду. — Совершенно чокнутые. Я сразу говорил.

◎ ВОДЯНОЙ ДРАКОН ◎

Три дня и три ночи Кадм, Гармония и приверженные им тирцы караваном шли за телкой с отметиной в виде месяца; коровка брела вверх и вниз по холмам, по лугам, по полям и через речки. Шли они примерно на юго-восток, к области под названием Беотия[1].

1 Центральный район Греции к северу от Коринфского залива. Не слишком забегая вперед, имеет смысл сказать, что когда-то эти места назывались Кадмеей...

Гармонии думалось, что телка может оказаться самой Европой. В конце концов, вожделея ее, Зевс обернулся быком, чего б и ей не принять подобный же облик? Кадм, завороженный ритмичными колыханиями широкого коровьего зада, был склонен думать, что все это жестокая шутка, подстроенная, чтобы морочить ему голову.

И вдруг, сойдя с высокого холма и добравшись до края просторной равнины, телочка тяжко легла на траву и выдала изможденный стон.

— Божечки, — сказал Кадм.

— В точности как оракул предрек! — вскричала Гармония. — Что пифия сказала? «Там, где упадет корова, — строй». Ну.

— *Ну?* — сердито передразнил Кадм. — В каком смысле «ну»? Строй? Строй что? Как строй?

— Я тебе вот что скажу, — произнесла Гармония. — Давай пожертвуем корову Афине Палладе. Несчастное животное все равно полудохлое. Афина подскажет нам.

Кадм согласился и велел вставать здесь простеньким лагерем. Чтобы как следует подготовить жертву, он послал своих людей за водой к ближайшему роднику.

Кадм перерезал корове горло и уже опрыскал кровью самодельный алтарь, украшенный полевыми цветами и жженым шалфеем, когда один из тирцев вернулся в жесточайшем расстройстве — и с ужасными вестями. Родник охранял дракон — в нелепом обличье исполинской водяной змеи. Он уже убил четверых, удавив в своих кольцах и откусив им головы громадной пастью. Что делать?

Герои не заламывают руки и не раздумывают, герои действуют. Кадм поспешил к роднику, по дороге подобрав тяжелый камень. Спрятавшись за деревом, он свистнул, чтобы привлечь внимание дракона, а затем швырнул камень ему в голову, раздробил череп и убил наповал.

— Вот тебе и водяная змея, — проговорил Кадм, оглядывая кровь и мозги дракона, мешавшиеся теперь с водой родника.

И тут раздался громкий отчетливый голос:

— Сын Агенора, чего ты смотришь на змею, которую сразил? Сам станешь змеей и будешь терпеть, пока на тебя глазеют посторонние.

Кадм огляделся, но никого не увидел. Голос, должно быть, прозвучал у него внутри. Кадм покачал головой и вернулся в лагерь, обрадованный и ликованием своих последователей, и восторженными поцелуями Гармонии, которой он про голос ничего не сообщил.

Достаточно далеко, чтобы Кадм не услышал, кто-то из его людей втягивал воздух сквозь зубы с неприятным предвкушением, какое свойственно любому гонцу с плохими вестями. Человек этот был беотийцем и шептал своим спутникам, многозначительно качая головой, что *Дракон Исмениос*, Исменийский дракон, которого Кадм только что прикончил, священ для Ареса, бога войны. Более того, продолжал вестник, некоторые считают, что этот гад был аж *сыном* Ареса!

— Ничего путного из такого поступка не выйдет, — добавил он, цокая языком. — Богу сражений лучше

не досаждать всякими выходками. Никак нет. И без разницы, кто у тебя дедушка.

Следует признать, что едва ли не самое обременительное испытание для героев и смертных того времени — их отношения с разными богами. Увертываться от ревностей и неприязней олимпийцев было делом мудреным. Выкажи чрезмерную верность и услужливость одному — рискуешь вызвать враждебность другого. Если ты нравишься Посейдону и Афине — как Кадм с Гармонией, например, — немала вероятность, что Гера, или Артемида, или Арес, или даже сам Зевс приложат все усилия, чтобы помешать и насолить тебе. И помоги небеса всякому, кто сдуру прибил кого-то из божественных любимцев. Никакие жертвоприношения и дары на свете не умилостивят обиженного бога, бога мстительного, бога, потерявшего лицо в чьих-то глазах.

Кадм, убив любимца Ареса, бесспорно, нажил врага в самом норовистом и безжалостном из всех богов[1]. Но он ничего об этом не знал, поскольку шепотки в рядах свиты не достигли его ушей. Он беспечно воскурил благовония и завершил жертвоприношение Афине, чувствуя, что все продолжает складываться в его пользу. Это чувство усилилось от Афининого мгновенного и благосклонного появления. Порадованная принесенной в жертву телкой, она скользнула вниз с облака душистого дыма, посланного Кадмом, и одарила своих смиренных верующих величественной улыбкой.

1 Овидий называет Исменийского дракона *Anguis Martius*, или Змеем Марса. Похоже *(an)офис* (змея) и *дракон* в греческих мифах не очень-то различались, как взаимозаменяемы в германских легендах *Wurm* (червь) и *Drachen* (дракон).

◎ ЗУБЫ ДРАКОНА ◎

—ВСТАНЬ, СЫН АГЕНОРА, — СКАЗАЛА БОГИНЯ, шагнув к простертому Кадму и поднимая его на ноги. — Твое жертвоприношение нам приятно. Следуй моим указаниям тщательно, и все будет славно. Вспаши плодородную равнину. Вспаши хорошенько. А затем посей рядами зубы дракона, которого ты сразил.

С этими словами она ступила обратно на облако и исчезла. Если бы Кадм не получил подтверждений от Гармонии и других, что они услышали от Афины в точности то же самое, он, возможно, счел бы, что ему это пригрезилось. Но божественные наставления суть божественные наставления, какими бы странными ни казались. Более того, Кадм начал сознавать, что чем они страннее, тем вероятнее божественны.

Первым делом он вырезал из каменного дуба плуг. Поскольку тягловых животных под рукой не оказалось, он впряг на все готовую команду своих самых преданных слуг. За этого харизматичного тирского царевича они бы жизнь положили, а потому для них таскать плуг — сущие пустяки.Стояла поздняя весна, и почва равнины оказалась вполне податливой, чтобы без чрезмерных для тирцев усилий распахать ее неглубокими, но ровными и отчетливыми бороздами.

Подготовив почву, Кадм древком копья принялся проминать ямки в дюйм-два глубиной. В каждую ямку он клал драконий зуб. Как все мы знаем, у человека тридцать

два зуба. У водяных драконов зубы во много-много рядов, как у акул, и когда от непрестанного разгрызания человечьих костей передний ряд стачивается, на его место выдвигается следующий. Итого Кадм посадил пятьсот двенадцать зубов. Завершив работу, он встал и оглядел поле.

Над равниной, зацепив вершины гряд и раздув мелкую пудру почвы, промчался легкий ветерок. Закружили пыльные вихри. Низошла полная тишина.

Почва в одной гряде шевельнулась — Гармония заметила это первой. Она показала рукой, и все взгляды устремились туда. Над наблюдавшей толпой вознеслись охи и сдавленные крики. Сквозь землю пробивался наконечник копья, вот уж и шлем показался, за ним плечи, грудная пластина, кожаные поножи... пока не возник целый, полностью вооруженный воин, неукротимый и свирепый, затопал ногами. Следом еще один, и еще, пока все поле не покрылось вояками, ряд за рядом маршировавшими на месте. Лязг и грохот их доспехов, бряцанье и стук пряжек, ремней и сапог, звон и шлеп металла и кожи кирас, поножей и щитов, мерный рык и боевые кличи слились в единый ужасающий грохот, наполнивший наблюдателей страхом.

Всех, кроме Кадма: тот смело выступил вперед и вскинул руку.

— Спарты! — вскричал он, дав им прозвище, которое означает «посеянные люди». — Мои спарты! Я царевич Кадм, ваш военачальник. Вольно.

Возможно, потому, что они родились из зубов дракона, вырванных из челюстей твари, священной для бога

войны, эти солдаты сразу преисполнились невероятной воинственности. В ответ на приказ Кадма они попросту загремели и застучали щитами и копьями.

— Молчать! — заорал Кадм.

Воины не обратили внимания. Их марш на месте перешел в неспешный марш вперед. Кадм в отчаянии поднял камень, который с привычным мастерством и силой метнул в войско. Одному солдату попало в плечо. Тот глянул на воина рядом и, сочтя его обидчиком, ринулся на него с ревом, меч наголо. Через несколько мгновений по всему полю понеслись боевые кличи, от каких стынет кровь, и солдаты кинулись друг на друга.

— Прекратить! Прекратить! Приказываю вам прекратить! — вопил Кадм, словно заполошный родитель у кромки поля, наблюдающий, как его сына давят в игровой свалке. Топая от бессилия, он повернулся к Гармонии: — Какой смысл был Афине утруждаться и вынуждать меня создавать это племя, если они сейчас друг друга поубивают? Ты глянь на их зверства, на эту кровожадность. Что это значит?

Но пока он говорил, Гармония уже показывала на самую середку потасовки. Пять из Кадмовых спартов стояли кружком вместе — единственные выжившие. Остальные лежали убитые, кровь впиталась в почву, из которой они возникли. Те пятеро приблизились, опустив мечи к земле. Подошли к Кадму, склонили колена, опустили головы.

Велико было облегчение, велика радость тирцев. День выдался странный — страннее не упомнить никому из смертных за всю историю. Но некоторый порядок, похоже, восстановился.

— Как называется это место? — спросил Кадм. — Знает кто-нибудь?

Раздался голос — того самого вестника, что предупреждал о священности Исменийского дракона для Ареса.

— Я из местных, — сказал он. — Мы именуем это равниной Фив.

— Значит, на этой равнине построю я великий город. Отныне мы не тирцы, мы — фиванцы... — Загремели приветственные кличи. — А эти пятеро спартов будут фиванскими владыками.

◎ СВАДЬБА ◎ КАДМА И ГАРМОНИИ

Пятеро владык-основателей Фив получили имена ЭХИОН, УДЕЙ, ХТОНИЙ, ГИПЕРЕНОР и ПЕЛОР[1]. Под руководством Кадма и его преданных тирских последователей они постепенно выстроили цитадель (Кадмею), а из нее вырос цветущий город. Со временем этот город сделался могучим полисом-государством — Фивами[2]. В крепких стенах, окружавших его, имелось семь бронзовых врат, каждые посвящены славе того или иного олимпийского бога.

1 Имя Хтония определяло их всех как хтонических существ.

2 *Полис*, или же «город-государство», станет определяющей единицей устройства Древней Греции. Афины — самый известный, но по всему греческому миру возникли и другие — Спарта, Фивы, Родос, Самос и прочие, они торговали и воевали друг с другом. Вопреки тому, что греки подарили нам слово «демократия», *полисом* мог повелевать царь (*тираннос* по-гречески, поэтому, говоря «тиран», мы не всегда подразумеваем «деспот») или же «правление немногих», что по-гречески — «олигархия». От слова «полис» происходят слова «политика», «полиция» и «политес».

Стену возвели АМФИОН и ЗЕФ, близнецы, рожденные от Зевса АНТИОПОЙ, дочерью местного речного бога АСОПА. Гермес был любовником Амфиона и учил его играть на лире. Когда понадобилось выстроить стену вокруг Кадмеи, Амфион спел под лиру, и камни, которые таскал Зеф, так очаровались музыкой, что сами улеглись по местам, и городские стены вознеслись чуть ли не мгновенно. Благодаря этому Амфион и Зеф считаются сооснователями Фив наравне с Кадмом.

Завершив работу, Кадм с Гармонией занялись свадебными приготовлениями. Происходившая от титанов и богов, поддержанная и наказанная олимпийцами, но очень смертная и очень человеческая, эта пара в наши дни могла бы называться «образцовой звездной». Что-то подсказывает, что нынешняя пресса и социальные сети не удержались бы и назвали этих двоих Кадмонией.

Их положение самых выдающихся возлюбленных на белом свете означало, что их свадебный пир — честь, какой не удостаивался ни один смертный союз, и посетили этот праздник высочайшие со всей земли и высочайшие со всех небес. Дары поражали воображение. Афродита одолжила Гармонии свой нательный пояс — волшебный предмет белья, способный вызывать головокружительнейшее и совершенно восторженное желание[1]. Говорят, Гармония была стеснительной, и ее любовь

1 Будь я клят, если можно добыть внятное определение «нательному поясу». Некоторые считают, что это такой кушак, другие — что это приспособление вроде «плейтексовских» корсетов; есть и такие, кто описывает этот предмет как «мифологический бюстгальтер». Калассо называет это «мягкой обманчивой перевязью».

к Кадму еще предстояло воплотить до конца. Этот пояс, одолженный ей на медовый месяц богиней любви и красоты (которая могла быть и истинной матерью Гармонии), оказался, таким образом, очень ценным подарком.

Но ни один свадебный дар не смог бы затмить ожерелье, преподнесенное Кадмом своей невесте. Самое роскошное украшение на всем белом свете. Его изготовили из отборнейших халцедонов, яшм, изумрудов, сапфиров, нефритов, лазурита, аметиста, серебра и золота, и когда он застегнул его на шее своей красавицы-жены, все гости охнули от изумления[1]. Прошелестел шепоток, что и его тоже подарила Афродита.

Другой шепоток добавил, что изготовил это ожерелье Гефест. Слух развился и далее: Гефеста заставила изготовить ожерелье Афродита, потому что к этому ее подтолкнул любовник Арес, который, как вы помните, затаил на Кадма обиду за убийство Исменийского дракона. Ибо жестокая и поразительная правда об ожерелье состояла в том, что оно было проклято. Глубоко и необратимо. Жуткие невзгоды и трагические несчастья обрушивались на головы тех, кто носил его или им владел.

Это все в равной мере странно и зачаровывающе. Если Арес с Афродитой действительно были настоящими родителями Гармонии, зачем же им обрекать на беды собственную дочку? Все ради того, чтобы отомстить за убитого водяного змея? Да и могла ли милейшая Гармония и впрямь быть чадом Любви и Войны? А если так, зачем

1 «Гирлянда золотого света, свисавшая почти до земли» — такое великолепное описание дает Роберто Калассо в своей книге «Свадьба Кадма и Гармонии».

нежное творение этих двух могучих и устрашающих сил им же проклинать — да еще и с такой противоестественной жестокостью?

Пара Кадмий — Гармония — как Эрот с Психеей — вроде бы намекают на соединение двух ведущих и противоречивых сторон в нас самих. Возможно, восточная традиция завоеваний, письменности и торговли, воплощенная в Кадме (его имя происходит от старого арабского и иудейского корня *qdm*, означающего «с востока»), словно бы сливается с любовью и чувственностью и тем самым рождает Грецию, наделенную всем сразу.

Но в этой истории, как и во многих других, то, что мы на самом деле видим, есть обманчивая, неоднозначная, головокружительная шарада насилия, страсти, поэзии и символизма, какая живет в сердце древнегреческого мифа и не поддается постижению. Алгебра здесь слишком неустойчивая, не рассчитаешь, она вылеплена людьми — и богами, это не чистая математика. Увлекательно пытаться истолковать все эти символы и повороты сюжета, но подстановки не очень сходятся, а получаемые ответы обычно не яснее экивоков оракула.

Но вернемся к нашей истории. Свадьба прошла блестяще. Пояс сослужил свою службу как (дословно) афродизиак, и счастливая пара оказалась благословлена потомством — двумя сыновьями, ПОЛИДОРОМ и ИЛЛИРИЕМ, а также четырьмя дочерями — АГАВОЙ, АВТОНОЕЙ, ИНО и СЕМЕЛОЙ.

Кадму тем не менее еще предстояло расплатиться за убийство дракона. Арес обязал его к работе на себя —

на целый олимпийский год, который, судя по всему, был равен восьми человеческим.

Отработав, Кадм вернулся править своим городом, который сам же и построил. Но проклятье ожерелья отравит всякое счастье и довольство, в каких мог бы Кадм жить и царствовать.

ПОВЕРЖЕННЫЕ В ПРАХ

Через много лет мира и процветания в Фивах дочь Кадма и Гармонии Агава вышла замуж за ПЕНФЕЯ, сына Эхиона, одного из пяти владык-основателей (выживших пяти спартов, как вы помните). Устав царствовать, но, как и многие герои после него, не в силах унять жажду приключений, Кадм как-то раз сказал Гармонии:

— Давай отправимся странствовать. Повидаем мир. Пенфей готов принять трон, пока нас не будет.

Повидали они многое. Всевозможные села и города. В путь они подались как обычная пожилая пара, никаких особых церемоний или пиров в свою честь не требовали. Сопровождало их лишь несколько слуг. Как ни печально, Гармония, однако, прихватила с собой и проклятое ожерелье.

Много попутешествовав по Греции, они решили навестить царство в западной Адриатике, к югу от Балкан, ближе к восточному побережью Италии, которое основал

их младший сын Иллирий; оно, немудрено, получило название Иллирия[1].

Прибыв на место, Кадм внезапно насторожился и преисполнился необъяснимого страха. Воззвал к небесам:

— За последние тридцать лет я понимал в глубине души, что убийством того клятого водного змея я прикончил и все возможности счастья для себя и своей жены. Арес безжалостен. Он не успокоится, пока не втопчет меня в землю, как змею. Если это утешит его и принесет больше мира моей мятущейся судьбе, пусть же завершу я дни свои, скользя во прахе. Да будет так[2].

Не успели эти слова покинуть уста его, как горестная молитва воплотилась в горестной действительности. Тело Кадма начало сжиматься с боков и вытягиваться в длину, кожа заблестела и превратилась в гладкую чешую, а голова уплощилась и приобрела ромбовидные очертания. Язык, что выкрикнул это ужасное желание небесам, теперь трепетал и выстреливал меж двух клыков. Человек, бывший Кадмом, царевичем Тира и царем Фив, пал на землю обычной змеей.

Гармония отчаянно возопила.

— Боги, сжальтесь! — рыдала она. — Афродита, если ты мать мне, яви любовь, позволь мне быть на земле с тем, кого люблю я. Плоды этого мира — пыль для меня. Арес,

1 Место действия шекспировской «Двенадцатой ночи» и Les Mains Sales [*рус.* «Грязными руками», 1948] Жан-Поля Сартра. Далматинцы (название, восходящее к древнеалбанскому слову, означавшему «овца») были иллирийским племенем на северо-западе этой области, и их именем названо Далматское побережье (и порода собак).

2 Происходя из Тира, Кадм, возможно, произнес самое распространенное на Ближнем Востоке слово, означающее «да будет так», — *аминь*.

если отец ты мне, яви милость. Зевс, если, как некоторые утверждают, *ты* мне отец, во имя всего творения, сжалься, молю тебя.

Услышала ее молитвы, тем не менее, Афина, а не те трое, и она же превратила Гармонию в змею. Гармония скользнула в пыли за своим мужем-змеем, и они любовно обвили друг друга.

Пара дожила свои дни в тени храма, посвященного Афине, показываясь, лишь когда надо было прогреть кровь в полуденном солнце. Когда кончина приблизилась, Зевс вернул им человеческий облик. Их тела похоронили в Фивах с большими почестями, и Зевс послал двух великих змеев вечно стеречь их усыпальницы.

Оставим же Кадма с Гармонией в их беспредельном покое. Они умерли, не ведая, что их младшая дочь Семела, пока их не было дома, выпустила в мир силу, которая изменит его навсегда.

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

РОЖДЕННЫЙ ДВАЖДЫ

ОРЕЛ ПРИЗЕМЛЯЕТСЯ

После того как Кадм и Гармония отправились странствовать, Фивами стал править их зять Пенфей[1]. Сильным царем он не был, зато был честен и старался изо всех сил, применяя уж какие есть характер и смекалку. Пусть город-государство под его руководством и процветал, Пенфею приходилось постоянно поглядывать через плечо на других детишек Кадма, своих шуринов и невесток, чьи жадность и честолюбие представляли постоянную опасность. Даже его жена Агава, казалось, презирает его и желает ему промахов. Его самая младшая

1 Сыновья Кадма и Гармонии Полидор и Иллирий были слишком юны и править не могли. Полидор в свой черед будет править Фивами, а Иллирий — царством, которое получило его имя, Иллирия, как мы с вами уже выяснили.

невестка Семела — единственная, с кем ему было легко, а все потому, по правде сказать, что она была куда менее ушлой, чем ее братья Полидор и Иллирий, и совсем не такая падкая на богатство и высокое положение, как ее сестры Агава, Автоноя и Ино. Семела была красива, добра и щедра, довольная своей жизнью жрицы в великом храме Зевса.

Однажды она пожертвовала Зевсу быка особенно впечатляющих размеров и пыла. Завершив подношение, она отправилась к реке Асоп — смыть с себя кровь. Так случилось, что Зевс, порадованный жертвой и все равно собиравшийся заглянуть в Фивы, посмотреть, как поживает этот город, летел над рекой — в своем любимом обличье орла. Нагое тело Семелы, блестевшее в воде, необычайно взволновало Зевса, и он приземлился, быстренько приняв подобающий вид. Говорю «подобающий вид», потому что, когда боги желали явить себя людям, они представали в уменьшенных, постижимых вариантах себя, чтобы не ослеплять и слишком не пугать. Вот почему фигура, появившаяся на берегу реки и улыбнувшаяся Семеле, походила на человеческую. Крупная, поразительно красивая, мощно сложенная и восхитительно сияющая, но все равно человеческая.

Прикрыв грудь руками, Семела воскликнула:

— Ты кто? Как смеешь ты подглядывать за жрицей Зевса?

— А ты, значит, жрица Зевса?

— Да. Если ты замыслил дурное, я закричу и призову Царя богов, он поспешит мне на помощь.

— Да неужели?

— Не сомневайся. Уходи.

Но чужак приблизился.

— Я тобой доволен, Семела, — произнес он.

Семела отпрянула.

— Тебе известно мое имя?

— Мне много чего известно, верная жрица. Ибо я есть бог, которому ты служишь. Я Отец-небо, царь Олимпа, Зевс всемогущий.

Семела, все еще по пояс в реке, охнула и пала на колени.

— Ну же, — сказал Зевс, бредя по воде к ней, — дай гляну тебе в глаза.

Хоть и в брызгах, лихорадочно и сыро, но соитие состоялось. Когда все завершилось, Семела улыбнулась, вспыхнула, рассмеялась, а затем заплакала, уронив голову Зевсу на грудь и всхлипывая непрестанно.

— Не плачь, милая Семела, — сказал Зевс, проводя пальцами ей по волосам. — Ты меня потешила.

— Прости меня, владыка. Но я люблю тебя и слишком хорошо понимаю, что ты смертную женщину никогда не полюбишь.

Зевс всмотрелся в нее. Взрыв любострастия, каким накрыло его, уже остыл, однако Зевс с удивлением ощутил, как в нем зашевелилось что-то поглубже, затлело, как угли, в сердце. Бог, живший порывами, по-настоящему никогда не задумывавшийся о последствиях, в тот миг действительно пережил великую волну любви к прелестной Семеле — и сказал ей об этом:

— Семела, я люблю тебя! Люблю искренне. Верь мне, клянусь водами этой реки, что буду всегда приглядывать за тобой, заботиться о тебе, защищать тебя, чтить тебя. — Он взял в ладони ее лицо, склонился и запечатлел нежный поцелуй на ее мягких, податливых губах. — А сейчас прощай, моя милая. Буду навещать тебя с каждой новой луной.

Натянув платье, все еще с мокрыми волосами, насквозь согретая и сияющая любовью и счастьем, Семела прошла через поля к храму. Глянув вверх и прикрыв глаза ладонью, она смотрела, как взмывал и парил в небе орел, словно улетал в само солнце, пока от блеска светила у нее не потекло из глаз и ей не пришлось отвернуться.

◎ ЖЕНА ОРЛА ◎

ЗЕВС ХОТЕЛ КАК ЛУЧШЕ.

Для какого-нибудь несчастного полубога, нимфы или смертного эти четыре слова так часто предвосхищают катастрофу. Царь богов и впрямь любил Семелу и на самом деле хотел ей добра. В пылу своего нового увлечения он ухитрился с удобством для себя забыть, каким страданиям подверглась Ио, сведенная с ума слепнем, насланным Зевсовой мстительной женой.

Увы, у Геры, может, и не осталось стоглазого Аргуса, чтобы собирать разведданные, но у нее имелись другие тысячи глаз. То ли кто-то из завистливых сестер — Агава, Автоноя или Ино, — проследил за Семелой и нашептал Гере историю о речных утехах, то ли кто-то из жриц

самой царицы неба, про это ничего не известно. Но так или иначе Гера все узнала.

И вот, однажды под вечер, когда Семела с романтическим чувством возвращалась к месту регулярных любовных встреч с Зевсом, обнаружила она там согбенную старуху, опиравшуюся на клюку.

— Вот так красоточка, — прокаркала старуха, несколько пережимая с хрипами и сипами несчастной карги.

— Ой, спасибо, — сказала ничего не подозревавшая Семела с дружелюбной улыбкой.

— Проводи меня, — сказала карга, клюкой подтягивая Семелу к себе. — Дай-ка обопрусь на тебя.

Семела была вежливой и отзывчивой по природе своей — и воспитанной в культуре, где старикам в любом случае оказывали величайшее внимание и почтение, а потому она пошла со старухой, терпя ее бесцеремонность и не жалуясь.

— Меня звать Бероя, — сказала старуха.

— А меня Семела.

— Какое милое имя! А это Асоп. — Старуха показала на прозрачные воды реки.

— Да, — согласилась Семела, — так называется эта река.

— Я слыхала байку, — старуха перешла на хриплый шепот, — что тут соблазнили жрицу Зевса. Прямо в этих камышах.

Семела промолчала, но румянец тут же залил ей шею и щеки и выдал ее с головой — не хуже слов.

— Ох ты, дорогуша! — заверещала старуха. — Так это была ты! А если приглядеться, то и живот твой видать. Ты беременна!

— Я... я... — пробормотала Семела с подобающей застенчивостью и гордостью. — Но... ты умеешь хранить тайну?..

— О, эти старые уста никогда не проболтаются. Можешь поведать мне что угодно, милочка.

— Ну, дело в том, что отец этого дитя — не кто иной, как сам Зевс.

— Да ладно! — проговорила Бероя. — Неужели? Правда?

Семела очень утвердительно кивнула. Старухин недоверчивый тон ей не понравился.

— Правда. Царь богов.

— Зевс? Великий бог Зевс? Так-так. Интересно... Нет, нельзя такое говорить.

— Что нельзя говорить, бабушка?

— Ты с виду сплошь милая невинность. Такая доверчивая. Но, дорогая, откуда ты *знаешь*, что это был Зевс? Не так ли сказал бы и какой-нибудь злодей-совратитель, чтоб тебе понравиться?

— Ой нет, то был Зевс. Я знаю наверняка.

— Прости старуху, но опиши его мне, дитя мое.

— Ну, высокий. С бородой. Сильный. Добрый...

— Ну нет, какая жалость, но это вряд ли применимо к *богу*.

— Но то *был* Зевс, правда! Он превращался в орла. Я видела это своими глазами.

— Этому фокусу можно научиться. Фавны и полубоги умеют. Даже некоторые смертные.

— Это был Зевс. Я это *чувствовала*.

— Хм... — Бероя словно засомневалась. — Я пожила с богами. Моя мать — Тефида, отец — Океан. Я вырасти-

ла и воспитала юных богов, когда они возникли из утробы Кроноса. Это правда. Я знаю их повадки и нравы и скажу тебе вот что, дочка. Когда бог или богиня являют себя в истинном обличье, это как жуткий взрыв. Волшебная мощь, огонь. Незабываемо. Ни с чем не перепутаешь.

— Именно это я и ощутила!

— То, что ты ощутила, — всего лишь восторг смертного соития. Уж поверь мне. Скажи-ка, собирается ли этот любовничек твой повидать тебя еще?

— О да, конечно. Он навещает меня постоянно, каждую новую луну.

— Я бы на твоем месте, — произнесла старуха, — вынудила его пообещать, что он покажет тебе себя *настоящего*. Если он Зевс, ты это увидишь. Иначе, боюсь, тебя одурачили, а ты слишком милая, доверчивая и добродушная, чтобы можно было такое допустить. А сейчас оставь меня посозерцать пейзаж. Брысь, брысь, уходи.

И Семела ушла от карги, все горячее негодуя. Что ты будешь делать — эта бородавчатая брылястая старуха задела ее за живое. Вот же старики эти, вечно они пытаются отобрать у юных всякую радость. Ее сестры Автоноя, Ино и Агава ей тоже не поверили, когда она гордо сообщила им, что любит Зевса, а Зевс любит ее. Прямо-таки визжали от недоверчивого насмешливого хохота, обзывали ее наивной дурочкой. А теперь еще и эта Бероя усомнилась.

И все же — все же — в том, что говорили ее сестры и эта старая ведьма, что-то было. Боги уж точно нечто большее, нежели теплая плоть и крепкие мышцы, какими бы

привлекательными ни казались. «Что ж, — сказала Семела про себя, — еще две ночи — и придет новолуние, и тогда я докажу, что эта гадкая вредная старая карга ошибается».

Обернись Семела, глянь назад, на реку, она бы увидела невероятное: гадкая вредная старая карга — теперь юная, красивая, величественная и царственная, — возносится к облакам в пурпурно-золотой колеснице, а влечет ее дюжина павлинов. Будь у Семелы дар ясновидения, случилось бы ей видение истинной БЕРОИ — невинной старенькой няньки богов, что доживала свои дни в милях отсюда, уйдя на почтенный покой на берегах Финикии[1].

ЯВЛЕНИЕ[2]

ВЕЧЕРОМ НОВОЛУНИЯ СЕМЕЛА, поджидая возлюбленного, прогуливалась по берегу реки Асоп с некоторым нетерпением. Он наконец возник, на сей раз — в виде жеребца, черного, глянцевитого, славного, он мчал к ней галопом по полям, солнце садилось у него за спиной и словно воспламеняло ему гриву. О, как же она его любит!

Он дал ей погладить себя по бокам и накрыть ладонью его горячие ноздри, а затем преобразился в того, кого она знала и любила. Обняв его крепко, она расплакалась.

1 Настоящая Бероя — океанида, которая и впрямь нянчила юных богов, дала имя городу Бейруту.

2 Другое слово, которым обозначают открытие своего облика богом, — теофания [также феофания. — *Примеч. перев.*].

— Моя милая девочка, — проговорил Зевс, проводя пальцем ей по животу — по очертаниям их ребенка, — опять плачешь? Что я натворил?

— Ты правда бог Зевс?

— Да.

— Обещаешь исполнить любое одно мое желание?

— Ох, неужто надо? — вымолвил Зевс со вздохом.

— Да мелочь — не власть, не мудрость и не драгоценности, ничего такого. И мне не надо, чтобы ты кого-то уничтожил. Пустяк, правда.

— Тогда, — сказал Зевс, любовно взяв ее за подбородок, — исполню.

— Даешь слово?

— Даю. Клянусь этой рекой... нет, я уже ею клялся по другому поводу. Клянусь тебе самим великим Стигийским потоком[1]. — Вскинув ладонь в шуточной торжественности, он произнес нараспев: — Возлюбленная Семела, клянусь священной рекой Стикс, что исполню твое желание.

— Тогда, — сказала Семела, глубоко вдохнув, — яви мне себя.

— Это как?

— Я хочу увидеть тебя таким, какой ты есть по-настоящему. Не как человека, а как бога — в истинной божественности.

Улыбка застыла у Зевса на устах.

— Нет! — вскричал он. — Что угодно, только не это! Не желай такого. Нет-нет-нет!

1 Как вы, возможно, помните по клятве Аполлона Фаэтону, клясться именем этой темной ненавистной реки было среди богов обычным делом.

Именно так боги частенько кричат, когда осознают, что влипли из-за неразумного обещания. Аполлон кричал точно так же, как мы помним, когда Фаэтон призвал его чтить собственную клятву. В Семеле вспыхнула подозрительность.

— Ты обещал, ты поклялся рекой Стикс! Ты обещал, ты клятву дал!

— Но, милая моя девочка, ты сама не понимаешь, чего просишь.

— Ты *поклялся*! — Семела даже ножкой топнула.

Бог посмотрел в небеса и застонал.

— Верно. Я дал слово, а мое слово свято.

Произнося это, Зевс начал преображаться в громадную тучу. Из сердцевины этой темной массы блеснул ярчайший свет, какой только можно вообразить. Семела смотрела, и лицо ее расплывалось в широченной блаженной улыбке. Лишь бог способен превращаться в такое. Лишь сам Зевс способен расти и расти в ослепительном пламени и золотом величии.

Но сияние сделалось таким лютым, таким ужасным и свирепым, что Семела вскинула руку, прикрыла глаза. Но свет усиливался. С треском столь громким, что у Семелы лопнули барабанные перепонки и из ушей пошла кровь, сияние взорвалось молниями, мгновенно ослепившими девушку. Глухая и слепая, она подалась назад, но слишком поздно: не избежала она разящей силы молнии до того мощной, что тело девушки разъяло надвое, и Семела скончалась на месте.

Над собой, вокруг и внутри себя слышал Зевс победный смех супруги. Ну конечно. Мог бы догадаться. Гера

обманно вынудила эту несчастную девушку выжать из него это чудовищное обещание. Что ж, их ребенка Гера не достанет. С раскатом грома Зевс вернулся во плоть и кровь, изъял плод из утробы Семелы. Слишком мал он был, чтобы дышать воздухом, и Зевс взял нож, вспорол себе бедро и вложил зародыш в рану. Придерживая эту импровизированную матку, Зевс склонил колени и зашил ребенка в свою теплую плоть[1].

◎ НОВЕНЬКИЙ БОГ ◎

Через три месяца Зевс с Гермесом отправились к Нисе на северном африканском побережье, куда-то между Ливией и Египтом. Там Гермес взрезал швы на бедре у Зевса и принял Зевсова сына ДИОНИСА[2]. Дитя вскормили нисейские нимфы дождя[3], а когда малыша отняли от груди, воспитанием его занялся пузан Силен — он же станет ближайшим спутником и последователем Диониса, своего рода Фальстафом юному богу — принцу Хэлу[4]. У самого Силена тоже была целая свита поклонников — *силенов*, похожих на сатиров существ, всегда олицетворявших дух паясничанья, пирушек и проделок.

1 Потрясающая история. Как говорит сам Овидий, «коль это достойно доверья...» [Рус. пер. С. Шервинского, цит. по: Метаморфозы, кн. 2, стих 311. — *Примеч. перев.*]

2 Имя, вероятно, соединяет две части: «бог» (*Дио*, то есть Зевс) и «Ниса», место рождения.

3 Благодарный Зевс наградил их, поместив на небеса в виде Гиад — звездного скопления. Восход и заход Гиад, по верованиям греков, предвещали дождь.

4 Речь о персонажах пьес У. Шекспира «Генрих IV» (части I и II). Принцем Хэлом Фальстаф называл юного Генриха IV. — *Примеч. перев.*

Открытие, с которым навеки будут отождествлять Диониса, он совершил еще в ранней юности. Он обнаружил, как делать из винограда вино. Возможно, кентавр ХИРОН его надоумил, но другая, более чарующая история связывает это изобретение с пылкой любовью юного бога к молодому человеку по имени АМПЕЛ[1]. Дионис так безоглядно втюрился, что устраивал для них с Ампелом всевозможные состязания и в них все время давал юноше победить. Мальчишка в итоге, похоже, зазнался — или, во всяком случае, сделался бесшабашным сорвиголовой. Однажды, катаясь на диком быке, он необдуманно похвастался, что ездит на этом рогатом скакуне ловчее, чем богиня Селена на своей рогатой луне. Выбирая наказания прямиком из Гериной жестокой прописи, богиня заслала слепня укусить быка, отчего зверь взбесился, сбросил Ампела наземь и поднял его на рога.

Дионис ринулся к изувеченному юноше, но спасти его не смог[2]. Зато ему удалось волшебством превратить мерт-

1 Книги 10, 11 и 12 громадной эпической поэмы «Дионисиака» [«Деяния Диониса». — *Примеч. перев.*], сочиненной греческим поэтом Нонном Панополитанским в V в., подробно и многословно излагают историю этих отношений и их последствий.

2 Нонн в этом месте прерывает действие (к этому он склонен постоянно: его поэма потрясающе скучна, несмотря на великолепную тему) — он привлекает Эрота, чтобы тот утешил Диониса рассказами о других мужчинах-любовниках. Он излагает историю КАЛАМА и КАРПОСА (последний — сын Зефира, Западного ветра, и ХЛОРИДЫ, нимфы зелени и молодой поросли, — вспомним «хлорофилл» и «хлор»), красавцев-юношей, пылко влюбленных друг в друга. Во время соревнований по плаванию (спорт и охота, судя по всему, вечная тема применительно к юнцам с мрачной участью, в чем мы еще убедимся в рассказах о ГИАЦИНТЕ, АКТЕОНЕ, КРОКУСЕ и АДОНИСЕ, среди прочих), Карпос умирает, и безутешный, разбитый горем Калам кончает с собой. Калам затем превращается в тростник, а Карпос — в плод; именно так в греческом называются «тростник» и «плод» и поныне.

вое искореженное тело во вьющийся, трепетный росток-лиану, а капли крови, затвердев, набухли в сочные ягоды в кожуре, что сияла цветом и блеском, какие бог так обожал. Его возлюбленный стал лозой (ее в Греции до сих пор называют *ампелос*[1]). С этой лозы Дионис собрал первый урожай и выпил первый глоток вина. Это колдовство, так сказать, превращения крови Ампела в вино — дар богов миру.

Сочетание опьяняющего воздействия этого изобретения и враждебности Геры — чья ненависть ко всем внебрачным соплякам Зевса, хоть божественным, хоть смертным, оставалась неутолимой, — ненадолго свело Диониса с ума. Чтобы избежать проклятий Геры, он провел несколько лет в странствиях, распространяя культуру виноградарства и методы виноделия по всему свету[2]. В Ассирии он познакомился с царем СТАФИЛОМ, царицей МЕТОЙ и их сыном БОТРИСОМ. После пира в честь Диониса Стафил в результате первого смертельного похмелья скончался. В знак воздаяния и в их честь Дионис назвал гроздья винограда «стафилос», алкогольную жидкость и опьянение «мете», а сам виноград — «ботрис».

Наука переняла эти названия и увековечила их очень показательно: это образец по-прежнему живых

1 В русском языке науку о сортах винограда и винах называют ампелографией. — *Примеч. перев.*

2 Говорят, что тайны виноградной лозы он передал всюду на белом свете, кроме Британии и Эфиопии. Как ни грустно, ни у той, ни у другой страны нет заметной репутации в виноделии, хотя положение в наши дни меняется, и английские вина приобретают некоторое имя. Возможно, то же верно и для эфиопских вин.

отношений между греческим мифом и нашим языком. Биологи XIX века поглядели в микроскопы и увидели бактерии с хвостиками, на которых росли гроздья виноградоподобных узелков, и назвали эти бактерии «стафилококком». Понятия «метилированные спирты» и «метан» восходят к Мете. *Botrytis cinerea*, «благородная гниль», что поражает виноград на лозе и придает первосортным десертным винам их несравненный (и убийственно дорогой) букет, обязана своим названием Ботрису.

Во всех приключениях нового бога сопровождал не только Силен и его свита сатиров, но и пылкая ватага женщин-поклонниц — МЕНАД[1].

Вскоре Диониса уже всюду считали богом вина, кутежа, безумного пьянства, безудержного разгула и «оргастического будущего»[2]. Римляне назвали его ВАККХОМ и поклонялись ему столь же истово, как и греки. Он стал своего рода оппозицией Аполлону — тот олицетворял золотой свет разума, гармоническую музыку, лирическую поэзию и математику, а Дионис — энергии посумрачнее, энергии беспорядка, освобождения, необузданной музыки, кровожадности, безумия и безрассудства.

Конечно же, у богов были живые натуры и личные истории, и потому они зачастую отклонялись от всяких

1 Неукротимые мистерии этих радикальных поклонниц во всех ошеломительных подробностях были описаны афинским драматургом Еврипидом в V в. до н. э. в «Вакханках». Эта кровавая трагедия — о возвращении Диониса в Фивы, ради мести сестрам своей матери, которые отказывались верить, что Семела вынашивает дитя от Зевса. Дионис сводит царя Пенфея с ума и подстраивает так, что его заколдованные тетки Агава, Ино и Автоноя рвут несчастного царя на части, заживо.

2 Отсылка к заключительному абзацу романа Ф.С. Фицджералда «Великий Гэтсби» (1925), пер. С. Ильина. — *Примеч. перев.*

символически застывших масок. Аполлон, как мы вскоре убедимся, и сам был способен на кровожадность, безумие и жестокость, а Дионис оказывался вовсе не только воплощением пьянства и дебоширства. Его иногда называли Освободителем, органической жизненной силой, в чьей власти было милостиво отпускать на волю и обновлять этот мир[1].

◎ ТРИНАДЦАТЬ ЗА СТОЛОМ[2] ◎

Виноградный лист, *тирсус* — жезл, увенчанный еловой шишкой, колесница, запряженная леопардами или другими экзотическими зверями, свита извращенцев с вопиющими эрекциями, жбаны с вином через край — Дионисийская Идея щедра на подарки миру. Важность этого нового бога была такова, что его попросту пришлось впустить на Олимп. Но там уже был полный комплект из двенадцати постоянно проживающих богов, да и тринадцать уже тогда, похоже, казалось числом несчастливым. Боги почесали бороды и задумались, как быть. Диониса они к себе хотели — по правде говоря, им нравился и сам он, и праздничный дух, какой он привносил в любое сборище. Но более всего им по нраву была мысль о добавлении в нектар

1 Овидий в пересказе мифов о Дионисе обычно именует его ЛИБЕРОМ. Это слово одновременно связано по смыслу и с понятием «свобода», и с понятием «либертинизм», а также, отдельно, со словом «книга».

2 Отсылка к одноименному рассказу (1916) ирландского писателя, одного из отцов жанра фэнтези, Лорда Дансени (Эдварда Джона Мортона Дрэкса Планкетта, 18-го барона Дансени, 1878–1957). — *Примеч. перев.*

вина, а не перебродившего меда или простого фруктового сока.

— Очень кстати, — сказала Гестия, вставая. — Мне все больше кажется, что я нужна внизу, в мире, помогать людям и их семьям, присутствовать в храмах, посвященных добродетелям очага, дома и прочих гостиных. Пусть юный Вакх займет мое место.

Гестии вслед прошелестело неубедительное бормотанье протестов, но она настаивала, и обмен состоялся — к восторгу всех богов. За вычетом одной богини. Гера сочла Диониса величайшим оскорблением со стороны Зевса. Аполлон, Артемида и Афина — тоже позорный довесок в додекатеоне, но принятие на небеса этого ублюдка, *полусмертного* бога обидело ее до печенок. Она поклялась никогда не прикасаться к ядовитому пойлу Диониса и лично избегать кутежей, какими он нарушал покой и приличия небес.

Когда Афродита родила Дионису сына, Гера прокляла малыша, получившего имя ПРИАП, уродством и импотенцией и устроила так, что его вышвырнули с Олимпа. Приап стал богом мужских половых органов и фаллосов, ему особенно поклонялись римляне — как малому божеству немалого достоинства. Но уделом ему стали уныние и разочарование. Он жил в постоянном возбуждении, кое из-за проклятья Геры вечно подводило, стоило ему попытаться что-нибудь соответствующее предпринять. Эта хроническая постыдная беда вполне естественно и навеки связала его с алкоголем — с даром

его отца миру, что «вызывает желание, но устраняет исполнение»[1].

Тем не менее, нравилось это Гере или нет, Дионис Дважды Рожденный, единственный бог с родителем из смертных, занял место полноценного члена окончательно сложившейся Олимпийской дюжины.

1 У. *Шекспир*. Макбет. Акт II, сцена 3 (из реплики привратника) / Пер. М. Лозинского. — *Примеч. перев.*

ПРЕКРАСНЫЕ И ПРОКЛЯТЫЕ[1]

СЕРДИТЫЕ БОГИНИ

АКТЕОН

Кадмейский дом был одной из самых влиятельных династий греческого мира. Сначала Кадм, основатель Фив и отец алфавита, а затем и его семейство сыграли ключевую роль в становлении Греции. Но, как и ко многим великим династиям, к этой прилагалось проклятье. Убийство водяного дракона позволило выстроить город, но навлекло проклятье Ареса и на него. Мойры нечасто отпускают славу и победу без сопутствующих страданий и горестей.

Дочь Кадма Автоноя родила сына Актеона от второстепенного бога по имени АРИСТЕЙ, которому пылко

1 Отсылка к названию романа (1922) Ф. С. Фицджералда. — *Примеч. перев.*

поклонялись в Беотии (его иногда именуют «Аполлоном полей»). Как и многих позднейших героев, Актеона воспитывал и обучал великий и мудрый кентавр Хирон. Актеон вырос и стал вполне обожаемым вождем и охотником, знаменитым своим бесстрашием в погоне, а также сноровкой и нежной силой, с какой он обращался с любимыми гончими.

Однажды, потеряв след необычайно благородного оленя, Актеон и его спутники-охотники разделились для поисков. Продираясь через кусты, Актеон набрел на озерцо, в котором купалась Артемида. Поскольку она была олицетворением его любимой страсти — охоты, — Актеону не следовало бы пялиться на нагую богиню. Она же была еще и свирепой царицей целомудрия, воздержания и девственности. Но уж такая красавица, настолько милее всех, кого Актеону доводилось созерцать, что он раззявил рот и выпучил глаза — и встал колом, причем не только сам.

Может, веточка у него под ногой хрустнула, а может, слюни у Актеона изо рта капнули на землю небеззвучно, однако Артемида обернулась. Заметила молодого человека, что пялился на нее, и кровь в ней вскипела. Сама мысль, что кто-то распустит слух, будто видел ее голой, показалась ей такой омерзительной, что она вскричала:

— Эй, смертный! Таращиться на меня — богохульство. Я запрещаю тебе говорить — навеки. Если промолвишь хоть один слог, кара последует ужасная. Покажи мне, что ты понял.

Несчастный юнец кивнул. Артемида исчезла из вида, и он остался один — размышлять над своей судьбой.

У него за спиной послышался клич: его спутники возвестили о том, что вновь напали на след. Актеон инстинктивно откликнулся. В тот же миг проклятие Артемиды низошло на него, и он превратился в оленя.

Актеон вскинул голову, потяжелевшую от рогов, и помчал галопом по лесу, пока не наткнулся на пруд. Глянул в воду и, увидев себя, застонал, но получился могучий рев. В ответ прилетел великий лай и визг. Через несколько секунд его свора гончих выбежала на поляну. Натаскивал их сам Актеон: вцепляться оленю в горло и пировать горячей кровью в награду[1]. Скулившие и рычавшие псы кидались на него, щелкая челюстями, и Актеон вскинул передние ноги вверх, к Олимпу, словно моля богов о пощаде. Те либо не услышали, либо не вняли. Несколько мгновений — и Актеона порвали на куски. Загонщика загнали!

◎ ЭРИСИХТОН ◎

Богиня Деметра ассоциируется с изобильным плодородием и щедротами природы, но, если вывести ее из свойственного ей терпения, она могла быть такой же мстительной, как Артемида, что отчетливо

1 Если желаете произвести впечатление на друзей — выучите следующий список кобелей и сук, какой приводит Овидий в своей версии этого мифа. Во всяком случае могут пригодиться как интернет-пароли. *Кобели:* Меламп, Ихнобат, Памфаг, Доркей, Орибаз, Неброфон, Меланхет, Теридамад, Орезитроф, Терон, Птерел, Гилей, Ладон, Дромад, Тигрид, Левкон, Асбол, Лакон, Аэлл, Фей, Гарпал, Меланей, Лабр, Арк, Аргиод, Галактор. *Суки:* Агра, Напа, Пемена, Гарпия, Канакея, Стиктея, Алкея, Ликиска, Лахнея, Лалапа. [См. «Метаморфозы», кн. 3, стихи 210–234, пер. С. Шервинского. — *Примеч. перев.*]

подтверждается историей ее безжалостного воздаяния ЭРИСИХТОНУ, царю Фессалии.

Желая пристроить к своему дворцу новые покои, дерзкий, бесстрашный и неугомонный Эрисихтон с бригадой дровосеков отправился за деревом для стройки в лес, и там они наткнулись на великолепную дубраву.

— Превосходно! — вскричал он. — За топоры, ребятки.

Но его люди попятились, качая головами.

Эрисихтон обратился к старшому:

— Что это с ними такое?

— Эти деревья священны для Деметры, владыка.

— Чепуха. У нее этого добра уйма, она и не знает, что с ним делать. Валите.

Ворчание.

Эрисихтон выхватил у старшого плеть, которой тот помахивал исключительно для вида, и угрожающе хлестнул ею над головами дровосеков.

— Рубите эти деревья сейчас же — или почуете плеть на своей шкуре! — рявкнул он.

Царь плетью щелкает да вопит на них — работники неохотно принялись рубить. Но подобравшись к исполинскому дубу, что рос один в конце рощи, они вновь замерли.

— Это ж самый высокий и толстый из всех! — сказал Эрисихтон. — Из него одного можно наделать балок и колонн для моего тронного зала, и еще останется на большущее ложе.

Старшой показал дрожащим пальцем на ветви дуба, увешанные гирляндами.

Царя это не тронуло.

— И что?

— Владыка, — прошептал старшой, — каждый венок означает молитву, на которую богиня ответила.

— Если на молитвы уже ответили, ей эти букетики ни к чему. Рубите.

Но, видя, что старшой и его люди слишком напуганы, неуемный Эрисихтон выхватил топор и принялся за дело сам.

Человек он был сильный и, как большинство правителей, обожал показать свою волю, ловкость и мощь. Вскоре ствол треснул, и великий дуб зашатался. Услышал ли Эрисихтон жалобный плач гамадриады в ветвях? Если и услышал, внимания не обратил, а все махал и махал топором, пока не рухнуло дерево — ветви, молитвенные венки, гирлянды, гамадриада и все остальное.

Умер дуб — умерла и гамадриада. С последним своим вздохом прокляла она Эрисихтона за его преступление.

Деметра услыхала о святотатстве Эрисихтона и послала весточку Лимос. Лимос — из тех злобных тварей, что вылетели из кувшина Пандоры. Демоница голода, ее можно считать противоположностью Деметры — необходимой в смертном мире. Одна — плодотворная и изобильная вестница урожая, вторая — безжалостно жестокий глашатай голода и нужды. Поскольку отношения у них — как у материи и антиматерии, непримиримые, встретиться лично они не могли, и потому Деметра отправила к ней посла, горную нимфу, чтобы Лимос довела проклятие гамадриады до конца, — и за эту задачу злобная демоница взялась с удовольствием.

Лимос, по Овидию, в общем, запустила себя. Обвислые сморщенные груди, пустота вместо живота, гниющие кишки наружу, запавшие глаза, губы в коросте, чешуйчатая кожа, грязные волосы-сосульки, распухшие изъязвленные щиколотки — образ и лик Голода представлял собой зрелище неотвязное и жуткое. Той ночью она прокралась в спальню Эрисихтона, взяла спящего царя на руки и вдула в него свое зловонное дыхание. Ядовитые испарения проникли к нему в рот, а через горло и в легкие. По венам в каждую клетку его тела скользнул ужасный, ненасытный червь голода.

Эрисхитон проснулся от странных грез очень, *очень* проголодавшимся. Удивил кухонную челядь невероятным заказом к завтраку. Поглотил все до последнего кусочка, но аппетит не утолил. Весь день чем больше ел он, тем больше хотелось. Шли дни, а затем и недели, а припадки голода становились все сильнее. Сколько бы ни съел он — не мог насытиться и ни унции веса не набирал. Пища у него внутри, как топливо в огне, разжигала голод все яростнее. И потому народ стал называть его за глаза АЭТОНОМ, что означает «горящий».

Возможно, он стал первым человеком, проевшим дом и утварь в нем. Все его сокровища и владения, сам дворец его пошли на продажу, чтобы купить еду. Но и этого не хватило, ибо ничто не могло утолить его колоссального аппетита. Наконец Эрисихтон дошел до того, что продал собственную дочь МЕСТРУ, лишь бы добыть денег и утишить безжалостные требования непреклонного голода.

Этот поступок — скорее хитрость, чем варварство, каким кажется: бесподобная Местра числилась одно время среди любовниц Посейдона, и он наградил ее способностью менять облик по желанию — такой вот особый дар достался Местре от бога вечно переменчивого моря. Эрисихтон еженедельно предлагал дочку какому-нибудь богатому ухажеру и принимал выкуп за нее. Местра сопровождала жениха к его дому, сбегала от него в облике того или иного животного и возвращалась к отцу, готовая к следующей продаже свеженькому наивному воздыхателю.

Но и этой затеи не хватило, чтобы загасить страшный пламень голода, и, отчаявшись, Эрисихтон однажды отгрыз себе кисть левой руки. Дальше предплечье, плечо, стопы и ляжки. Вскоре царь Эрисихтон Фессалийский пожрал себя целиком. Деметра и гамадриада были отомщены.

ВРАЧ И ВОРОНА

РОЖДЕНИЕ МЕДИЦИНЫ

ЖИЛА-БЫЛА СТРАСТЬ КАКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ царевна по имени КОРОНИДА — из фессалийской Флегии. И такова была ее красота, что привлекла она внимание бога Аполлона, и тот взял ее в любовницы. Может показаться, что дружбы и любви прекраснейшего из богов более чем достаточно кому угодно, но Коронида — уже беременная от Аполлона — подпала под обаяние некоего смертного по имени ИСХИЙ и переспала с ним.

Одна белая ворона стала свидетелем этой неверности, полетела и рассказала своему владыке об оскорблении его чести. Взбешенный Аполлон попросил сестру свою

Артемиду отомстить. Та с готовностью осыпала дворец Флегия, отца Кориониды, болезнетворными стрелами — отравленными снарядами, распространившими жуткую хворь по всем царским владениям. Заразило не одну Кориониду, но и многих других. Ворона все это видела и прилетела к Аполлону с подробным докладом.

— Она умирает, повелитель, умирает!

— Сказала ли она что-нибудь? Признала ли вину?

— О да, о да. «Я заслуживаю своей участи, — сказала она. — Передай великому богу Аполлону, что никакого прощения я не прошу, о пощаде не молю, не молю, но лишь спаси жизнь нашего ребенка. Спаси жизнь нашего ребенка». Ха! Ха! Ха!

И с таким злорадством прокаркала ворона, что Аполлон вышел из себя и сделал ее черной. Все ворóны, вóроны и грачи с тех пор имеют такой окрас[1].

Аполлон, преисполнившийся раскаяния, добрался до истерзанных болезнью Флегий, и обнаружил Кориониду мертвой на погребальном костре, пламя уже плясало вокруг ее тела. С горестным криком он ринулся в огонь и вынул из ее утробы их ребенка — еще живого. Аполлон вознес Кориониду в небеса — как созвездие *Корвус*, Ворон[2].

Спасенный младенец, которого Аполлон назвал Асклепием, был предан заботам кентавра Хирона. Возмож-

1 Хотя в экранизации эпопеи «Горменгаст» на Би-би-си ТВ мне довелось работать с вороной-альбиносом по имени Джимми Уайт.

2 *Коронис* в переводе с греческого означает «ворона» или «грач». Исходное значение — «изгибистый», отсылка то ли к изгибам царевниного стана, то ли клюва этих птиц, точно сказать не могу.

но, оттого, что родился ребенок хирургически (пусть и несколько насильственно), а может, потому что, пока он был в утробе, вокруг бушевала болезнь, или же, вероятно, из-за того, что отцом ему был Аполлон, бог медицины и математики, а то и по всем этим причинам сразу — Асклепий еще совсем юным проявил замечательный талант врачевателя.

Мальчик рос, и Хирону вскоре стало ясно, что проницательный, логически устроенный и пытливый ум Асклепия сочетается с природным даром целительства. Сам Хирон был незаурядным знатоком природы, травником и мыслителем и с громадным удовольствием обучал мальчика врачебным искусствам. Помимо крепких основ анатомии животных и человека он научил Асклепия, что знание добывается в первую очередь наблюдением и тщательной записью, а не теоретизированием. Он показал мальчику, как собирать лечебные травы, перемалывать их, смешивать, нагревать и превращать в порошки, снадобья и препараты, которые можно есть, пить или добавлять в пищу. Научил, как останавливать кровотечения, замешивать припарки, обрабатывать раны и вправлять сломанные кости. К четырнадцати годам Асклепий уже успел спасти одному воину ногу, которую собирались ампутировать, вернул страдавшую горячкой девушку с самой кромки смерти, выручил медведя из ловушки, уберег население целой деревни от эпидемии дизентерии и облегчил страдания ушибленной змее, применив снадобье по собственному рецепту. Последний случай оказался бесценным:

благодарная змея лизнула Асклепия в ухо и нашептала ему уйму всяких секретов врачебного искусства, какие были сокрыты даже от Хирона.

Афина, для которой змеи были священны, тоже отблагодарила — склянкой крови Горгоны. Вам, возможно, подумалось, что подарок так себе. Вовсе нет. Иногда применим закон противоположностей. Одна капля серебристо-золотого ихора, что делает богов бессмертными, убийствена для человека, — стоит только пригубить его или прикоснуться. Кровь созданья, столь смертоносного и опасного, как змеевласая Горгона, однако, наделена силой возвращать мертвых с того света.

К двадцати годам Асклепий освоил все искусства хирургии и врачевания. С нежностью обняв на прощание своего наставника Хирона, он отправился жить и работать как первый в мире врач, аптекарь и целитель. Его слава стремительно распространилась по всему Средиземноморью. Больные, увечные и несчастные устремились к его лечебнице, рядом с которой он установил указатель — деревянный посох, обвитый змеей; он и по сей день украшает многие машины скорой помощи, медицинские клиники и (зачастую недостойные) медицинские интернет-сайты[1].

Женился он на ЭПИОНЕ, чье имя означает «смягчающая» или «облегчение боли». Родилось у них трое сы-

1 Некоторые используют посох Асклепия (или Гиппократа) — грубую деревянную палку, обвитую одной змеей. Некоторые — *кадуцей* Гермеса — более утонченный и изящный посох, обвитый двумя змеями, чьи головы встречаются у навершия посоха, увенчанного парой крыльев. Судя по всему, никакого профессионального или клинического значения в этом выборе нет, дело исключительно в предпочтениях.

новей и четыре дочери. Асклепий натаскивал девочек столь же тщательно, как его самого когда-то — Хирон.

Старшую ГИГИЕЮ он научил правилам чистоты, диеты и физических упражнений; все это ныне именуется «гигиеной» — в ее честь.

ПАНАЦЕЕ он открыл искусства общего здоровья, медицинских приготовлений и производства лекарств, а также приемам, какие способны излечить что угодно, — это и означает ее имя: «лечить всё».

АКЕСО он обучил самому процессу целительства, в том числе и тому, что мы теперь называем иммунологией.

Младшенькая ИАСО увлеклась оздоровлением и восстановлением сил.

Старшие сыновья МАХАОН и ПОДАЛИРИЙ стали прототипами военно-полевых врачей. Их дальнейшую службу на Троянской войне описал сам Гомер.

Младшего сына ТЕЛЕСФОРА обычно изображают в капюшоне и очень небольшого роста. Его поле деятельности — реабилитация и выздоровление, возвращение пациента к хорошему самочувствию.

Все было б хорошо, держи Асклепий ту банку, что ему подарила Афина, накрепко запертой. Накрепко. То ли из желания прославиться эдаким святым спасителем, то ли и впрямь из искреннего стремления одолеть смерть своим мастерством — неведомо, однако Асклепий однажды применил кровь Горгоны, чтобы оживить покойного пациента, потом еще раз, и вскоре он уже пользовал пациентов этим снадобьем, как касторкой.

Аид начал бурчать и сердиться. Неспособный больше это терпеть, он аж выбрался из преисподней и явился, гневный, к трону своего брата Зевса.

— Этот человек обделяет меня душами. Вытягивает их у Танатоса, когда они уже готовы переплыть на нашу сторону. Надо что-то делать.

— Согласна, — сказала Гера. — Он нарушает положенный порядок. Если человеку предписано скончаться, вмешательство смертного совершенно неприемлемо. Твоя дочь вытворила глупость, подарив ему Горгонину кровь.

Зевс нахмурился. Куда деваться, правду они говорят. Афина его огорчила. Нет, не предала она его столь же вопиюще и непростительно, как Прометей, однако некоторое сходство имелось, и Зевса это тревожило. Смертные есть смертные — и точка. Допускать их до снадобий, какие дают им власть над смертью, — скверное дело.

Молния, поразившая Асклепия, оказалась совершенно неожиданной — как любые молнии среди ясного неба. Она сразила его наповал. Вся Греция оплакивала утрату любимого и высоко ценимого врача и целителя, но Аполлон не просто горевал о гибели сына. Он разъярился. Как только услыхал эту весть, он ринулся в мастерскую к Гефесту и тремя стремительными стрелами уложил Бронта, Стеропа и Арга — циклопов, чьей вечной задачей и радостью было производить молнии для Небесного отца.

Подобное потрясающее бунтарство не могло остаться незамеченным. Зевс на дух не выносил никаких угроз своей власти и, чтобы не допустить и малейшего наме-

ка на непокорство, всегда действовал шустро. Аполлона вышвырнули с Олимпа и велели один год и один день служить мальчиком на побегушках у фессалийского царя АДМЕТА. Адмет заработал одобрение Зевса своим искренним гостеприимством и добротой к чужакам — таков прямой путь к сердцу Зевса.

Аполлона уже наказывали разок, еще юным, как вы помните, за убийство змея Пифона. Красота этого бога, его величие и золотое обаяние скрывали под собой упрямую волю и пылкий нрав. Впрочем, наказание он принял с готовностью. Адмета нельзя было не любить, и, служа у него пастухом, Аполлон сделал так, что все до единой коровы под его присмотром родили близнецов[1]. Скот и двойни для Аполлона — штука особая.

Асклепий меж тем вознесся на небеса созвездием *Офиухус* — Змееносец.

Согласно позднейшей традиции, Зевс вернул Асклепию жизнь и возвысил его до бога. Так и есть: по всему Средиземноморскому миру Асклепию, его жене и дочерям поклонялись как божествам. Храмы, посвященные ему, именуемые *асклепионами*, стали возникать повсюду — и были очень похожи на современные спа-клубы и оздоровительные центры. Их жрецы носили белое, мыли, массировали и баловали платившую им паству немыслимыми маслами, кремами и снадобьями — как и ныне. Навеки священных для Асклепия змей (неядовитых) пускали ползать по комнатам и кабинетам, к чему мы в современных

1 Поэт и ученый Каллимах, живший в III в. до н. э., предполагал, что в тот период службы Аполлон и Адмет стали пылкими любовниками.

храмах здоровья не очень привычны. За духом и умом ухаживали в той же мере, в какой и сейчас. «Холистический», в конце концов, слово греческого происхождения. Поутру те, кто оставался ночевать (это называли *инкубацией*), излагали жрецам сновидения, и пациентам во сне частенько являлся сам Асклепий. Особенно, думаю я, тем, кто больше заплатил.

Асклепион в Эпидавре был таким же магнитом для публики, как ныне самый известный в городе театр. В наши дни посетителям можно посмотреть записи о болезнях, лечениях, диетах и снадобьях пациентов, устремлявшихся в этот асклепион.

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Постоянное явление богов людям, божественное вмешательство и общение с богами, какие были бы чрезвычайно примечательны, волнующи и тревожны для нас, происходи они ныне, некоторые неумные и заносчивые смертные Серебряного века иногда воспринимали как данность. Попадались цари до того спесивые, что они пренебрегали даже основными правилами общения с богами и выказывали совершенно возмутительное непочтение. Подобные богохульные поступки редко оставались безнаказанными. Как родители, наставляющие детей жуткими нравоучительными притчами, или как Данте и Иероним Босх с их предупреждающими описаниями адов, древние греки, судя по всему, упивались подробностями и восхитительной образностью зачастую детально проработанных

и убийственных пыток, какие Олимп и Аид припасали для тех мужчин и женщин, чьи проступки удручали богов сильнее всего.

ИКСИОН

Не было в глазах Зевса страшнее греха, чем неисполнение *ксении* — священной обязанности хозяев по отношению к гостям, а гостей — к хозяевам. Мало кто из смертных явил большее пренебрежение этими принципами, чем Иксион, царь лапифов, древнего племени из Фессалии.

Его первое преступление — простая жадность. Нам известно, что такое приданое: согласно традиции семья невесты платит семье жениха, чтобы сбыть дочку с рук. В далекой древности все было наоборот: потенциальные мужья платили семье невесты за право жениться. Иксион женился на красавице ДИЕ, но отказался платить оговоренный выкуп за невесту ее отцу, царю ДЕИОНЕЮ Фокидскому. В отместку обиженный Деионей отправил банду, чтобы та угнала табун лучших Иксионовых лошадей. Скрыв злость под радушной улыбкой, Иксион пригласил Деионея на обед к себе во дворец в Лариссу. Когда Деионей прибыл, Иксион столкнул его в огненную яму. К этому вопиющему нарушению законов гостеприимства прибавилось еще и убийство родственника. Последнее находилось под жестким запретом как жутчайшее преступление. Этим проступком Иксион совершил одно из первых

родственных убийств, и, если не очиститься, фурии будут преследовать его, пока он не спятит.

Царевичам, вельможам и соседним землевладельцам Фессалии было за что недолюбливать Иксиона, и никто не предложил провести *катарсис* — ритуальный процесс очищения, способный искупить содеянное. Царь богов, впрочем, оказался в удивительно милостивом настроении. Народ Фессалии незамедлительно выказал свое отвращение к двойному проступку Иксиона — поруганию *ксении* и убийству родича. Зевс был склонен к милосердию. Он не только освободил Иксиона от пыток, но даже пригласил его на банкет.

Редка подобная честь для смертных. Величие и слава олимпийского пира были превыше всего, что Иксиону доводилось переживать. Особенно потрясла его царственная краса Геры. То ли обстоятельства опьянили его, то ли вино — потом уж никто не мог понять, — а быть может, попросту врожденная сиволапая дурь, но, вместо того чтобы вести себя со скромной благодарностью, какую можно было бы ожидать от любого смертного, приглашенного за обеденный стол к бессмертным, Иксион катастрофически оплошал: он взялся заигрывать с Царицей неба. Слал Гере воздушные поцелуи, подмигивал ей, пытался куснуть за ухо, нашептывал пошлости и прицельно хватал за грудь. Тем самым он не только оскорбил самую степенную и приличную олимпийку, но и вновь преступил законы *ксении*. Неисполнение долга гостя считалось проступком, подобным нарушению обязательств хозяина.

После того как Иксион уковылял с Олимпа, попутно хлопая богов по спинам и благодарно рыгая, оскорбленная Гера поведала Зевсу о посягательстве на свою честь. Зевс возмутился не меньше. Он решил устроить Иксиону ловушку. Владыка облаков собрал тучу и вылепил из нее анатомически точную и полностью дееспособную копию Геры. Дунул на нее, вдыхая жизнь, и послал вниз, на луг близ Лариссы, где Иксион, храпя, валялся в траве — отсыпался после пира.

Проснувшись и обнаружив рядом с собой Геру, Иксион завалился на нее и спарился с ней, не сходя с места. От подобного невообразимого богохульства Зевс метнул вниз молнию и огненное колесо. Молния подбросила Иксиона в воздух и пришпилила его к колесу, которое Зевс бросил катиться по небу. Со временем показалось, что небосвод — это чересчур жирно для Иксиона, и его, привязанного к огненному колесу, закинули в Тартар, где бывший царь крутится, распятый, и жарится по сей день.

Гера-облако получила имя НЕФЕЛА. От ее соития с Иксионом родился сын КЕНТАВР — уродливый увечный мальчик, выросший в одинокого и несчастного мужчину, утешавшегося не с людьми, а с дикими кобылами на горе Пелион, где ему нравилось бродить. Неукротимые дикие отпрыски этого противоестественного союза человека и лошади были названы в его честь кентаврами[1].

1 Доселе на свете жил лишь один такой конско-человеческий гибрид — великий Хирон, наставник Асклепия, Ахилла и многих других. Отцом Хирона был Кронос, сын Урана и Геи, отец Зевса и Геры. В период затишья в титаномахии Кронос влюбился в ФИЛИРУ, океаниду писаной красы. Она отвергала его притязания, пока он, утомившись от ее несговорчивости, не принял облик громадного черного жеребца и не взял ее силой. Хирон — дитя этого соития и, несмотря на то что родился он за много сотен лет до Кентавра, по-прежнему привычно именуется кентавром.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Многие греческие мифы подразумевают целые каскады последствий. Как мы уже убедились, ведущие фигуры одной истории потом женятся и основывают династии, в которых рождаются еще более легендарные герои. От колеса Иксиона разбегается во все стороны множество вторичных мифов.

Взять, к примеру, гору Пелион: стоит упомянуть историю ИФИМЕДИИ, уж до того души не чаявшей в Посейдоне, что просиживала она у берега и горстями лила морскую воду себе на грудь и бедра. Посейдона тронуло это проявление влюбленности, он выплеснулся из океана обнимающей волной и совокупился с ней. Родилась двойня — ОТ и ЭФИАЛЬТ. Получились настоящие гиганты, в современном смысле слова: мальчишками они ежемесячно подрастали на ширину человеческой ладони. Было понятно, что, когда возмужают, будут крупнейшими живыми существами.

Как вы помните, ревнивый и тщеславный Посейдон ни на миг не забывал, что в один прекрасный день его младший брат Зевс может оплошать и низвергнуться с трона. Морской бог вложил своим быстро подраставшим сынкам в головы мысль бросить небесам вызов — взгромоздить свою собственную гору и с нее править миром. Затея такая: взять гору Оссу и навалить ее поверх Олимпа. А поверх Оссы водрузить Пелион. Но не успели близнецы набрать полный рост и силу, необходимые для воплощения

этого замысла, до Зевса дошел слух о возможном восстании, и Аполлона отправили сразить их стрелами. В наказание их привязали в преисподней к столпам с извивающимися змеями.

Чтобы протянуть нить рассказа прямиком к следствиям (вот вам очередной пример того, как одна история может вести к другим, еще более значимым и с далеко идущими последствиями, мифам), расскажу, что Нефела, облачный образ Геры, вышла замуж за беотийского царя по имени АФАМАНТ[1], от которого родила двоих детей — ФРИКСА и ГЕЛЛУ. У Нефелы были причины спасать жизнь Фрикса — вспомним Исаака и Авраама, — когда Афамант обездвижил отпрыска на земле и собрался принести его в жертву. Как и иудейский бог, явивший Аврааму барашка в кустах и спасший Исааку жизнь, Нефела во спасение своего сына Фрикса заслала золотого барашка. Золотое руно того барашка — повод для великого похода Ясона и его аргонавтов. А все потому, что какой-то пьяный царь-извращенец посмел строить глазки Гере.

Колесо Иксиона стало популярным предметом для художников и скульпторов, а оборот «огненное колесо» иногда применяют для описания мучительного бремени, наказания или долга[2]. Выражение «громоздить Пелион

1 Афамант был братом Сизифа, о причине падения которого мы еще узнаем.

2 Шекспиров король Лир восклицает:

Ты — дух блаженный. Но привязан я
К колесам огненным, и даже слезы
Кипят, как олово.

[*У. Шекспир*. Король Лир. Акт IV, сцена 7 / Пер. О. Сороки. — *Примеч. перев.*]

на Оссу» тоже встречается — и означает нагромождение трудностей.

ТАНТАЛ

Возможно, самой известной пытки, измышленной богами, удостоился зловредный царь Тантал. У его преступлений были последствия, прогремевшие в веках. Проклятие, постигшее его дом, не сняли до самого конца эпохи мифов.

Тантал правил царством Лидия в западной Малой Азии, ныне эта область — турецкая Анатолия. Минеральные отложения, добывавшиеся на соседней горе Сипил, позволили царю неимоверно обогатиться, и благодаря этим богатствам он основал процветающий город, нескромно поименованный Танталидой. Женился на ДИОНЕ (из гиад, или нимф дождя, вскормивших младенца Диониса), и она родила ему сына ПЕЛОПА и дочь НИОБУ[1].

То ли натура у Тантала была с гнильцой, то ли власть и богатство заморочили ему голову, но он счел себя равным богам. Как и Иксион до него, он оплошал, злоупотребив гостеприимством Зевса, в данном случае — вернулся с пира на Олимпе с ворованными амброзией и нектаром в карманах. Совершил он и еще одно непростительное нарушение приличий: развлекая домочадцев и дру-

1 Был у Тантала еще один сын, БРОТЕЙ, которому нравилось охотиться и чья жизнь по сравнению с братом и сестрой протекала спокойно. Говорят, он вырезал статую Кибелы, анатолийской Матери богов, в скале на горе Сипил. Части той статуи туристы могут видеть до сих пор.

зей дерзкими пантомимами и сплетнями, он распустил язык о личной жизни и замашках богов.

Но следом он совершил убийство сородича — худшее, чем Иксион, который спихнул тестя в яму с жаркими углями. Заслышав, что олимпийцы пришли в бешенство из-за его насмешек и воровства нектара и амброзии, Тантал устроил целый спектакль покаяния и взмолился, чтобы боги испытали его гостеприимство — в воздаяние за его оплошности.

Все это происходило в ту пору, когда Деметра искала похищенную дочь Персефону. В горе своем она забросила все живое, и оно увяло и умерло. Мир был гол и бесплоден, и никто не знал, сколько это продлится. Возможность попировать приятно взволновала. Зная о пышных излишествах жизни царя Тантала, боги очень ждали знаменитых удовольствий царского стола[1]. Их ждало потрясение.

Как и пеласгийский царь Ликаон до него, Тантал подал богам собственного сына. Юного Пелопа убили, разделали, обжарили, умастили густым соусом и поставили на стол. Боги тут же учуяли неладное и есть отказались. Но Деметра, полностью поглощенная мыслями об утраченной дочери, по рассеянности съела левое плечо мальчика.

Когда Зевс понял, что́ произошло, он призвал одну из трех мойр — Клото, пряху. Та собрала части тела, смешала их в громадном котле и соединила снова. Деметра,

1 Олимпийцы, возможно, и могли жить на амброзии и нектаре, но многообразие смертных яств их тоже премного радовало.

осознав свой чудовищный промах, заказала Гефесту вырезать плечо из слоновой кости взамен съеденного. Клото приделала протез, он подошел как влитой. Зевс вдохнул жизнь в тело юноши, и Пелоп ожил.

Неотразимая красота Пелопа привлекла Посейдона, и они ненадолго стали любовниками. Однако темные силы не дремали, и дальнейшая жизнь и поступки юноши накликали проклятие и на него, и на весь его дом[1]. Вместе с проклятием, заслуженным отвратительным преступлением Тантала, это будет омрачать жизнь всех его потомков, вплоть до последнего — ОРЕСТА.

Сам Тантал отправился прямиком в Тартар и был наказан так, как подобает карать тех, кто осмелился предложить богам пировать плотью жертвы кровного преступления. Его поместили по пояс в озеро. Над головой у него качало ветвью дерево, с которого свисали роскошные аппетитные плоды. Голод и жажда изводили Тантала, но всякий раз, когда тянулся он вкусить от плода, ветвь взмывала ввысь. Всякий раз, когда склонялся попить, воды озера уходили от него. Не сбежать ему было: над ним, угрожая раздавить, если он попытается улизнуть, нависал громадный камень из твердого тусклого вещества, которое однажды назовут танталом[2].

1 Исторически сложилось, что дом носил имя Атрея, одного из сыновей Пелопа. Падение дома Пелопа и Атрея связано с судьбами многих героев и воинов вплоть до Троянской войны и ее последствий. Агамемнон, Клитемнестра и Орест — потомки Пелопа, и, говорят, они унаследовали проклятие Тантала. Имя Пелопа продолжает жить, само собой, на Пелопоннесе — громадном полуострове на юго-западе континентальной части Греции.

2 Тантал — из тех огнеупорных металлов, какие в наше время необходимы при производстве многих электронных приборов.

Так стоит и мается Тантал поныне, совсем рядом от удовлетворения, но никогда его не обретает, — в изнурительном бессилии, что носит его имя, *танталовы муки*, и не завершатся они до скончания времен[1].

1 Танталом называется маленький шкафчик, содержащий два-три графина, обычно с бренди, виски или ромом. Напитки на виду, но шкафчик заперт, а потому танталово недоступен для детишек в доме.

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

СИЗИФ

БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ

Неизбывное наказание, которое Сизиф выдерживает в Аиде, тоже вошло в язык и обиходную речь, но история Сизифа вовсе не сводится к знаменитому камню, который он обречен вечно и бесплодно толкать в гору. Сизиф был зловредным, жадным, двуличным и нередко жестоким человеком, но кто ж не усмотрит нечто привлекательное — даже героическое — в неугасимом задоре и боевитой дерзости, с какими он прожил (более того — *пере*жил) собственную жизнь? Мало кто из смертных испытывал терпение богов с подобным безрассудством. Его бесшабашное презрение и отказ извиняться или подчиняться наводит на мысли о греческом Дон Жуане.

Девкалион и Пирра, выжившие в Великом потопе, родили сына по имени ЭЛЛИН, в честь которого греки до сих пор называют себя эллинами. Сын Эллина ЭОЛ зачал четверых сыновей — Сизифа, САЛМОНЕЯ, Афаманта и КРЕФЕЯ. Сизиф и Салмоней не выносили друг друга всем нутром, неутолимо, и такой ненависти мир людской не видывал. Соперники за родительскую любовь, соперники во всем — с самой колыбели успехи друг друга были им отвратительны. Этим царевичам, когда они выросли, стало тесно в отцовском царстве Эолии, как тогда именовалась Фессалия, и они двинулись на юг и запад — основывать собственные царства. Салмоней правил Элидой, Сизиф основал Эфиру, позднее названную Коринфом. Из этих владений они злобно вперялись друг в друга через Пелопоннес, и их вражда от года к году лишь крепла.

Сизиф ненавидел Салмонея с такой силой, что потерял сон. Желал брату смерти, смерти, смерти. Желание это было таким жгучим, что он не раз и не два пырнул себя в бедро кинжалом, лишь бы утишить муку. Но без толку. Фурии кошмарно отомстят, если он осмелится прикончить брата. Братоубийство числилось среди худших кровопролитий. Наконец он решил посоветоваться с дельфийским оракулом.

— Сыновья Сизифа и Тиро восстанут и сразят Салмонея, — произнесла пифия.

Эти слова — сладкая музыка ушам Сизифа. ТИРО была его племянницей, дочерью ненавистного Салмонея. Только и надо-то Сизифу — жениться и заделать ей сыно-

вей. Сыновей, что «восстанут и сразят Салмонея». В те времена дядья могли жениться на племянницах, никто бы и бровью не повел, и Сизиф взялся улещивать и соблазнять Тиро лошадьми, драгоценностями, стихами и океанами личного обаяния, ибо уж что-что, а чары Сизиф подключать умел, если надо. Ухаживания увенчались успехом, Сизиф и Тиро поженились, и она родила ему двоих бойких мальчишек.

Как-то раз через несколько лет Сизиф рыбачил со своим другом МЕЛОПОМ. Греясь на солнышке на берегу реки Сис, они увлеклись беседой. Как раз в это время Тиро отправилась из дворца со служанкой и сыновьями — которым исполнилось пять и три, — прихватив запас еды и вина: ей хотелось удивить Сизифа неожиданным семейным пикником.

Меж тем Мелоп и Сизиф лениво болтали у реки о лошадях, женщинах, спорте и войне. Тиро и ее спутники шли через поля.

— Скажи мне, владыка, — проговорил Мелоп, — меня всегда удивляло, что, вопреки твоей лютой вражде с царем Салмонеем, ты решил жениться на его дочери. Судя по всему, ты по-прежнему не любишь его.

— Не люблю? Я ненавижу, не выношу на дух, презираю его до тошноты, — сказал Сизиф с громким смехом. Этот смех позволил приближавшейся Тиро определить точное положение супруга. Подходя к берегу, она могла слышать каждое слово, произнесенное мужем. — Я женился на этой сучке Тиро лишь потому, что ненавижу Салмонея, — продолжал тот. — Понимаешь, оракул в Дельфах

сказал мне, что, если родит она мне сыновей, они вырастут и убьют его. А когда он сдохнет от руки своих собственных внуков, я избавлюсь от этой мерзкой скотины — моего братца — без всякого страха, что меня загонят эринии.

— Это... — Мелоп пытался подобрать слово.

— Блестяще? Хитро? Ловко?

Тиро поймала сыновей, готовых броситься бегом с того места, откуда можно было б услышать отцов голос. Развернув их кругом, она подтолкнула мальчиков, чтоб бежали к излучине реки, а за ними — и служанку.

Тиро проглотила наживку Сизифовых чар целиком, однако любила отца своего Салмонея с преданностью, какая превосходила любое благоразумие. Мысль, что ее сыновья вырастут и убьют деда, — вне обсуждений. Она знала, как преодолеть пророчество оракула.

— Иди сюда, детка, — сказала она старшему, — погляди на реку. Видишь ли мелкую рыбку?

Мальчик встал на коленки у реки и глянул в воду. Тиро взяла его за шею и опустила голову сына в реку. Когда он перестал сопротивляться, она проделала то же и с младшим.

— Так, — спокойно обратилась она к потрясенной служанке, — а тебе такое задание...

Сизиф с Мелопом наловили в тот день много рыбы. Когда свет начал меркнуть и они засобирались домой, к ним подошла служанка Тиро, присела в нервном поклоне.

— Прошу прощения, твое величество, но царица спрашивает, не повидаешь ли ты принцев. Они на берегу реки, ждут тебя. Вон за той ивой, владыка.

Сизиф отправился к указанному месту и увидел там своих сыновей, простертых на траве, бледных, безжизненных.

Служанка умчала во весь дух, и больше о ней не слышали. Когда же взбешенный Сизиф добрался во дворец с мечом наголо, Тиро уже подалась к отцову двору в Элиде. По ее возвращении Салмоней выдал ее замуж за своего брата Крефея, с которым она была глубоко несчастна.

Сам же Салмоней, такой же гордый и тщеславный, как и его ненавистный брат, считал себя в своей Элиде эдаким богом. Заявив, что равен Зевсу в способности вызывать бури, он приказал построить медный мост, по которому любил кататься на колеснице с бешеной скоростью, волоча за собой тазы, котлы и железные горшки, изображая гром. При этом к небу подбрасывали зажженные факелы — вместо молний. Богохульную наглость Салмонея заметил Зевс — и завершил всю эту дребедень настоящим ударом молнии. Царя, колесницу, кухонную утварь и все прочее распылило до атомов, и тень Салмонея пала в мрачнейшие глубины Тартара, проклятая навеки.

◎ СИЗИФОВЫ ТРУДЫ ◎

Чтобы отпраздновать смерть своего нелепого брата-«громовержца», Сизиф закатил великий пир. Наутро его разбудила делегация раздосадованных вельмож, землевладельцев и арендаторов. Протерев глаза и прояснив больную голову кубком

неразбавленного вина, Сизиф согласился выслушать, в чем дело.

— Владыка, кто-то ворует наш скот! У каждого есть потери. Твои царские стада поредели тоже. Ты мудрый и хитрый царь. Наверняка тебе по силам найти виновного?

Сизиф отпустил их, пообещав разобраться. У него имелась мысль, что вор — его сосед АВТОЛИК, но как это доказать? Сизиф был хитер и сообразителен, однако Автолик — сын самого Гермеса, повелителя воров и жуликов, бога, который еще ребенком увел коров у Аполлона. От Гермеса Автолик унаследовал не только склонность забирать чужих коров, но и силы волшбы, благодаря которым его было очень трудно поймать за руку[1]. Кроме того, скот, утраченный Сизифом и его соседями, был сплошь бурый с белым и до крайности рогатый, тогда как коровы Автолика — черные с белым и совершенно безрогие. Растеряешься тут, но Сизиф не сомневался, что за этим кроется колдовство, какому Гермес научил Автолика, и тот втайне меняет окрас угнанной скотины. «Хорошо же, — сказал он себе, — поглядим, кто окажется сильнее: дешевая волшба ублюдочного сынка бога-пройдохи или природная смекалка и ум Сизифа, основателя Коринфа, умнейшего царя на свете».

Он велел, чтобы у всех его коров и у соседской скотины на копытах были вырезаны крошечными буквами слова:

1 Жулика-затейника, карманника, бродягу и любителя «поживиться тем, что плохо лежит» [цит. по пер. Т. Щепкиной-Куперник, акт IV, сцена 3. — *Примеч. перев.*] из шекспировской «Зимней сказки» зовут Автоликом.

МЕНЯ УКРАЛ АВТОЛИК. В следующие семь ночей, как и ожидалось, местные стада продолжили редеть. На восьмой день Сизиф и главные землевладельцы нанесли Автолику визит.

— Приветствую вас, друзья! — воскликнул их сосед и жизнерадостно помахал им. — Чем обязан честью встречи?

— Мы пришли осмотреть твою скотину, — сказал Сизиф.

— Пожалуйста-пожалуйста. Собрались разводить черно-белых? Мое породистое стадо — одно на всю округу, неповторимое, говорят.

— Ой неповторимое, это точно, — отозвался Сизиф. — Где ж это видано — такие копыта? — Он поднял ногу одной корове.

Автолик склонился, прочел надпись, вырезанную на копыте, и бодро пожал плечами.

— Ах, — проговорил он. — Порезвились — и ладно.

— Забирайте, — приказал Сизиф.

Землевладельцы увели скот, Сизиф посмотрел на дом Автолика.

— Сдается мне, я возьму *всех* твоих коров, — проговорил он. — Всех до последней телки. — Он имел в виду и АМФИТЕЮ, жену Автолика.

Нехороший он был человек, Сизиф этот[1].

1 Поругание Амфитеи породило слух, что Сизиф — настоящий отец дочери Автолика АНТИКЛЕИ. Антиклея родила ЛАЭРТА, а Лаэрт — великого героя ОДИССЕЯ, он же Улисс, знаменитого среди прочего своим коварством и находчивостью. [Есть источники, согласно которым Антиклея — супруга Лаэрта. — *Примеч. перев.*]

ОРЕЛ

Обдурив отпрыска бога-пройдохи, Сизиф возомнил о себе еще больше. Стал считать, что он и впрямь самый смекалистый и находчивый человек на свете. Эдакая царственная палочка-выручалочка, и на все-то вопросы у него находились ответы, и со всех, кто приходил к нему за советом, он драл непомерные суммы. Однако есть разница между хитростью и здравомыслием, коварством и рассудительностью, смекалкой и мудростью.

Помните Асопа? Именно в его беотийской реке купалась фиванская жрица Семела, где и привлекла внимание Зевса, после чего родился Дионис. На беду, у бога той реки была дочь ЭГИНА, и ее красоты хватило, чтобы Зевс увлекся и ею. Слетел он в облике орла и схватил девицу, забрал ее на остров у берегов Аттики. Расстроенный речной бог искал ее повсюду, расспрашивал каждого встречного, не видали ли они его любимую дочь.

— Юная дева, облаченная в козью шкуру, говоришь? — отозвался Сизиф, когда пришел его черед делиться сведениями. — Ну конечно, видел — такую вот девушку утащил орел, недавно. Она купалась в реке, и птица слетела, словно бы прямо с солнца... Необычайное...

— Куда он ее забрал? Ты видел?

— А вот эти браслеты — они из настоящего золота? Очень уж хороши, скажу я тебе.

— На, забери. Но ради всего святого скажи, что случилось с Эгиной.

— Я был высоко на холме и все видел. Орел забрал ее... а кольцо вот это — с изумрудом, да? Ох спасибо, да... Да, они полетели за море и приземлились там, вон на том острове. Иди к окну. Видишь, на горизонте? Называется Энона, по-моему. Там и найдешь ее. Ой, уже уходишь?

Асоп нанял лодку и поплыл к острову. И половину пути не одолел, когда Зевс заметил его приближение и послал молнию в самый нос лодки. От удара Асоп вместе со своим суденышком на громадной волне вкатился в устье собственной реки[1].

Но Сизиф! Зевс уже некоторое время приглядывал за этим прохиндеем. Не ускользнуло от бога *ксении*, что за Сизифом числится несоблюдение радушия к гостям, какие странствовали в его краях. Он брал с них налоги, отнимал сокровища, развлекался с их женщинами, бесстыже нарушал все до единого пункты священного закона гостеприимства. А теперь еще и позволил себе вмешиваться в совершенно не касавшиеся его вопросы, впутываться в дела вышестоящих, распускать язык о самом Царе богов. Пора было принять меры. Показать пример, чтоб другим было неповадно. Смерть и проклятье Сизифу.

Вопреки царственному происхождению, жизнь свою Сизиф вел в коварстве и бесстыдстве, постановил Зевс, а потому не заслужил он этой чести — чтобы в преисподнюю его провожал Гермес. Заковать Сизифа в кандалы и забрать его в Аид послали самого Танатоса — Смерть.

1 Асоп заведовал по крайней мере двумя реками: одной в Беотии, что питала водой Фивы, и вот этой, протекавшей по Коринфу.

ОБМАНЩИК СМЕРТИ

Уж на что мрачный он дух, Танатос, однако способен был на такое вот бодрое переживание: он всегда радовался, являясь перед теми, кому суждена смерть.

Возникая пред ними, незримый ни для кого больше — тощая фигура в черном плаще, струйки адских газов истекают из него, — он протягивал руку к жертве с расчетливой жестокой неспешностью. Едва касался он живой плоти кончиком костлявого пальца, душа в умирающем принималась жалостно поскуливать. Танатосу очень нравилось наблюдать, как жертва бледнеет, как у нее закатываются и подергиваются поволокой глаза, а жизнь гаснет. Но пуще всего упивался он звуком последнего судорожного вздоха души, когда возникала она из смертного остова и сдавалась ему в кандалы, готовая последовать за ним.

Сизиф, как и положено коварным и тщеславным жуликам, спал чутко. Ум у него постоянно копошился, и самый малый шум будил его тут же. Поэтому даже от тишайшего шелеста Смерти, скользнувшей к нему в спальню, Сизиф сел на постели.

— Именем преисподней, ты кто такой?

— Именем преисподней? Да я сам — *имя преисподней*. Муа-ха-ха! — Танатос разразился жутким, мерзким смехом, какой частенько сводил полуживых смертных с ума.

— Хватит стонать. Ты чего вообще? Зубы болят? Несварение? И брось говорить загадками. Как тебя звать?

— Меня звать... — Танатос примолк для выразительности. — Меня звать...

— Всю ночь так будем?

— Меня звать...

— У тебя и имени, что ли, нету?

— Танатос.

— А, ты, стало быть, Смерть, да? Хм. — Сизифа будто бы не впечатлило. — Я думал, ты ростом повыше.

— Сизиф, сын Эола, — произнес Танатос нараспев, поэтически расставляя ударения, — царь Коринфа, владыка...

— Да-да, я в курсе, кто я такой. Это ты у нас, похоже, с трудом вспоминаешь собственное имя. Присядь, может? Ноги-то не казенные.

— Я их и не утруждаю. Я парю́.

Сизиф глянул на пол.

— Ой да, и впрямь. И пришел ты за мной, так?

Не уверенный, что какие угодно его слова будут восприняты с должным почтением и благоговением, Танатос показал Сизифу кандалы и угрожающе потряс ими у Сизифа перед носом.

— И наручники принес. Железные?

— Стальные. Несокрушимая сталь. Узы, выкованные в огне Гефеста циклопом Стеропом. Заколдованные моим владыкой Аидом. Кого б ни заковывали они, не расковать их никому — кроме самого Аида.

— Впечатляет, — согласился Сизиф. — Но, по моему опыту, нет ничего такого, что нельзя сокрушить. Кроме того, на них ни замка, ни защелки.

— Запор и пружина устроены слишком хитро, их смертный глаз не видит.

— Да неужели? Ни на миг не поверю, что они работают. Ты небось даже на своих костлявых запястьях их замкнуть не сможешь. Давай, попробуй.

Подобная откровенная насмешка над его заветными кандалами оказалась невыносимой.

— Глупец! — вскричал Танатос. — Такие затейливые приспособления выше понимания смертных. Смотри! Раз — за спину, протаскивай вперед. Полегче. Сведи мне запястья, защелкивай браслеты. Будь любезен, нажми вот тут, сработает застежка, там скрытая панель и... узри!

— Да, вижу, — задумчиво сказал Сизиф. — И *впрямь* вижу. Заблуждался, напрочь заблуждался. Великолепная работа.

— Ой.

Танатос попытался стряхнуть кандалы, но весь его торс сделался теперь неуклюжим, неподвижным.

— Эм... На помощь!

Сизиф спрыгнул с кровати и распахнул дверь громадного гардероба в углу. Проще простого — пнуть висевшего в воздухе, накрепко закованного Танатоса через всю комнату. Одним толчком Танатос скользнул по спальне и уткнулся носом в заднюю стенку шкафа.

Повернув ключ, Сизиф бодро окликнул посланника преисподней.

— Замок у меня на гардеробе, может, и дешевый и человеком сделанный, но, уж поверь мне, работает не хуже всяких уз, выкованных в огне Гефеста.

Послышались отчаянные сдавленные вопли, мольбы выпустить, но Сизиф с утробным «ха-ха-ха» убрался из спальни, глухой к просьбам Смерти.

◎ ЖИЗНЬ БЕЗ СМЕРТИ ◎

Первые несколько дней заточения Танатоса прошли без приключений. Ни Зевс, ни Гермес, ни даже сам Аид не подумали проверить, прибыл ли Сизиф в адские края, как замышлялось. Но когда минула целая неделя и ни единой новой души в Аиде не появилось, духи и демоны преисподней начали роптать. Прошла еще неделя, и ни одной тени усопшего не поступило, если не считать почтенной жрицы Артемиды, чья безупречная жизнь удостоилась чести личного сопровождения в Элизий самим Гермесом Психопомпом. Это внезапное усыхание потока душ немало озадачило обитателей Аида, и тут кто-то заметил, что и Танатоса не видать уже много дней. Отправили поисковые партии, но Смерть не отыскивалась. Ничего подобного прежде не случалось. Без Танатоса рушилась вся система.

На Олимпе мнения разошлись. Дионис счел положение потешным и провозгласил тост за пресечение летального цирроза печени. Аполлон, Артемида и Посейдон отнеслись более или менее нейтрально. Деметра опасалась, что эти обстоятельства подрывают власть Персефоны как царицы преисподней. Времена года, которыми

правили мать с дочерью, требовали постоянного завершения и возрождения жизни, и лишь присутствие смерти могло это гарантировать. Непристойность подобного безобразия возмутила Геру, отчего завелся и Зевс. Обычно веселый и неунывающий Гермес тоже встревожился: гладкая работа преисподней была отчасти его обязанностью.

Но именно Аресу положение показалось совершенно неприемлемым. Он был взбешен. Глянул вниз и увидел, что битвы среди человечества проистекали с привычной свирепостью, однако *никто не погибал*. Воинов пронзало копьями, топтало конями, потрошило колесами повозок и обезглавливало мечами, но они не умирали. Курам на смех такие бои. Если солдаты и гражданские не умирают, тогда что ж, и в войне толку никакого? Она же ничего не решает. Ничего не достигает. Никакая сторона не способна победить.

Младшие божества тоже разделились. Керы продолжали хлебать кровь тех, кого сразило в бою, и им плевать на то, что там происходит с душами раненых. Две оры — Дике и Эвномия — согласились с Деметрой: отсутствие Смерти нарушает естественный порядок. Их сестра Эйрена, богиня мира, с трудом сдерживала ликование. Если отсутствие Смерти означает отсутствие войны, значит, наверняка пришло время Эйрены, верно?

Арес так донимал родителей, Геру и Зевса, непрерывным брюзжанием, что они уже не могли его сносить. Объявили, что Танатос должен быть найден. Гера пожелала знать, когда его видели в последний раз.

— Гермес, — сказал Зевс, — наверняка же совсем недавно ты послал его за душой того бессердечного мерзавца Сизифа?

— Проклятье! — Гермес от досады хлопнул себя по ляжке. — Ну конечно! *Сизиф*. Мы послали Танатоса заковать Сизифа в цепи и препроводить в Аид. Подождите тут.

Крылья на пятках у Гермеса вздрогнули, затрепетали, зашелестели, и он был таков.

Вернулся в мгновение ока.

— Сизиф не добрался до преисподней. Танатоса отправили за ним в Коринф пол-луны назад, и с тех пор его никто не видел.

— Коринф! — взревел Арес. — Чего мы ждем?

Запертый гардероб в спальне вскоре обнаружился, его взломали и нашли в нем униженного Танатоса — он сидел в слезах, забившись в угол под какими-то плащами. Гермес забрал его в загробные края, где Аид взмахом руки отомкнул волшебные кандалы.

— Позже поговорю с тобой, Танатос, — сказал он. — Сейчас тебя ждет затор из душ.

— Сначала дай мне поймать этого негодяя Сизифа, владыка, — взмолился Танатос. — Второй раз он меня не проведет.

Гермес вскинул бровь, но Аид посмотрел на Персефону, сидевшую на соседнем троне. Та кивнула. Среди слуг преисподней Танатос был ее любимцем.

— Уж будь любезен не напортачить, — буркнул Аид, мановением руки отпуская подчиненного.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ

Мы уже выяснили, что Сизиф дураком не был. Он ни на миг не обманывал себя, что Танатос просидит взаперти у него в гардеробе веки вечные. Рано или поздно Смерть выпустят, и она вновь возьмет след Сизифа.

На городской вилле, где он временно обустроился, Сизиф обратился к своей жене. После того как его племянница Тиро утопила их сыновей и бросила его, Сизиф женился повторно. Его новая юная царица была доброй и послушной — в той же мере, в какой Тиро была своевольной бунтаркой.

— Милая моя, — сказал он, привлекая ее к себе, — похоже, я вскоре умру. Когда испущу я последний вздох и душа моя отлетит, что ты станешь делать?

— Сделаю, что полагается, владыка. Омою и умащу твое тело. Положу *обол* тебе на язык, чтобы ты смог заплатить паромщику. Семь дней будем стоять мы у твоего катафалка. Совершим огненные жертвоприношения, чтобы умилостивить царя и царицу преисподней. Так твое странствие на Асфоделевые луга должно быть благословенным.

— Ты, конечно, хочешь как лучше, но все это тебе как раз *не надо* делать, — сказал Сизиф. — В тот миг, когда я умру, ты разденешь меня донага и бросишь на улице.

— Владыка!

— Я совершенно серьезно. *Вусмерть* серьезно.Таково мое желание, моя мольба, мой приказ. Что бы кто ни гово-

рил, *никаких* молитв, *никаких* жертвоприношений, *никаких* погребальных церемоний. Обращайся с моими останками, как с песьими. Дай слово.

— Но...

Сизиф взял ее за плечи и заглянул в глубину ее глаз, чтобы подчеркнуть искренность своего повеления.

— Раз любишь меня и мне предана, раз надеешься, что никогда не станет преследовать тебя моя гневная тень, пообещай мне выполнить в точности то, о чем я попросил. Поклянись своей душой.

— Я... клянусь.

— Хорошо. А теперь давай выпьем. За жизнь!

Время Сизиф рассчитал, как всегда, безупречно: в тот самый вечер он проснулся от шепота Смерти у своего ложа.

— Пришел твой час, Сизиф Коринфский.

— А, Танатос. Я ждал тебя.

— Не надейся меня провести.

— Я? Провести тебя? — Сизиф встал и поклонился в смирении, подал запястья, чтобы заковали их в кандалы. — И в мыслях не было.

Оковы защелкнулись, и эти двое заскользили к зеву преисподней. Танатос бросил Сизифа у ближнего берега реки Стикс и удалился, спеша разобраться с громадным скопищем душ, ждавших жатвы.

Паромщик Харон подогнал лодку, и Сизиф ступил на борт. Отталкиваясь от берега, Харон протянул ладонь.

— Вот те на, — произнес Сизиф, хлопая по карманам.

Харон без единого слова спихнул Сизифа в черноту Стикс. Река была холодна, чудовищно холодна, но Сизиф

ухитрился переплыть на другой берег. Воды жгли ему кожу до волдырей, просто невыносимо, но, выбираясь по другую сторону, он понимал, до чего жалкое зрелище собой представляет — в точности как и хотел.

Тени скользили мимо, отводя взоры.

— Где тут тронный зал? — спросил он у одной.

Следуя указаниям, он предстал перед Персефоной.

— Грозная царица[1], — сказал Сизиф, склонив голову, — молю об аудиенции у Аида.

— Мой супруг сейчас в Тартаре. Я за него. Ты кто такой и как смеешь являться пред мои очи в таком состоянии?

Сизиф был наг, ухо оторвано, один глаз свисал из глазницы. Его призрачное тело покрывали укусы, шрамы, синяки, раны и язвы — свидетельство сурового обхождения улиц Коринфа с его физическим телом. Вдова Сизифа выполнила его наказы.

— Сударыня! — Сизиф склонился перед Персефоной. — Никто не сознает непристойность этого больше, чем я сам. Жена моя, злая, коварная, чудовищная, богохульная жена, — это все она довела меня до такого плачевного состояния. Даже лежа при смерти, я слышал, как она говорила другим женщинам: «Не станем мы тратить золото на погребальные ритуалы. Боги преисподней нам никто. Бросим его тело на улице, собакам на съедение. Деньги, отложенные им на похороны, просадим на большой пир. Телок, которых он берег для жертвы Аиду с Персефоной, зажарим для своего удовольствия». Она хохотала и хлопала

1 Так у Шекспира в «Антонии и Клеопатре» обращается к Клеопатре гонец (пер. О. Сороки). — *Примеч. перев.*

в ладоши, и то были, грозная царица, последние звуки, что слышал я на земле.

Персефона разъярилась.

— И она *посмела*? *Посмела?* Будет наказана.

— Так точно, владычица. Но как?

— Освежевана...

— Да. Неплохо. Но, если позволишь сказать, было б потешно... — Сизиф улыбнулся посетившей его мысли. — Было б потешно, если б ты вернула меня в верхний мир живым? Вообрази ее потрясение!

— Хм...

— И я прослежу, чтобы она каждый день платила за свою наглость, за неуважение. Никакого золота, никаких пиров, ничего — только жестокое обращение, оскорбления и унижения. Жду *не дождусь* глянуть ей в лицо, когда явлюсь перед ней, живой и невредимый... и, может... может, даже юнее, бодрее и красивее прежнего? Ей всего двадцать шесть, но вообрази, как она будет мучиться, если я ее переживу! Сделаю из нее свою рабыню. Ей каждый день будет *пыткой*.

Персефона от этой затеи улыбнулась и хлопнула в ладоши.

— Быть посему. — Годы, проведенные в подземном мире, наделили Персефону царской гордостью и несгибаемой верой в тщательное правление преисподней.

И вот так Сизифа вывели в верхний мир, и они со своей донельзя обрадованной царицей жили долго и счастливо.

Его смерть, когда она пришла наконец, — другая история.

ПЕРЕКАТИ-КАМЕНЬ

Узнав, как Сизиф избежал смерти вторично, Зевс, Арес, Гермес и Аид довольны не были. Однако Персефона вынесла вердикт, а решение одного бессмертного не может быть обжаловано другим.

Когда почти через полвека безмятежной и цветущей жизни смертный удел Сизифовой жены взял свое, истек и срок договора между Персефоной и Сизифом. Танатос нанес ему третий и последний визит.

На сей раз Сизиф уплатил Харону пошлину и пересек Стикс как полагается. Гермес ждал его на дальнем берегу.

— Так-так-так. Царь Сизиф Коринфский. Врун, мошенник, разбойник, прохиндей. Любо-дорого сердцу моему. Ни одному смертному не удавалось надурить смерть и одного раза — ты же ухитрился дважды. Молоток.

Сизиф поклонился.

— Подобное достижение заслуживает шанса на бессмертие. Пошли со мной.

Гермес повел Сизифа вниз по бесчисленным коридорам и галереям в громадную пещеру. От пола к своду устремлялся исполинский пандус. Внизу покоился валун, озаренный столпом света.

— Верхний мир, — сказал Гермес, объясняя, откуда свет.

Сизиф разглядел, что пандус ведет к квадратному отверстию в своде, через который пробивался дневной свет. Гермес показал на отверстие пальцем, и столп света погас.

— Итак, тебе нужно всего лишь вкатить валун по уклону. Когда доберешься до верха, брешь откроется. Сможешь выбраться и жить потом вечно — бессмертным царем Сизифом. Танатос больше никогда к тебе не наведается.

— И все?

— И все, — сказал Гермес. — Конечно, если тебе эта мысль не нравится, я отведу тебя в Элизий, где ты проведешь вечность в компании других душ добродетельных усопших. Но если выберешь камень — будешь обязан пытаться завоевать себе свободу и бессмертие, пока не получится. Выбирай. Идиллическая загробная жизнь здесь — или попытка добыть бессмертие.

Сизиф оглядел валун. Крупный, но не колоссальный. Уклон крутой, но не отвесный. Градусов сорок пять, не больше. Что ж. Вечность прогулок по Елисейским полям со скучными и смирными — или вечность в настоящем мире потехи, пошлости, проказ и полоумия?

— Без обмана?

— Без обмана, без понуждения, — сказал Гермес, кладя руку Сизифу на плечо и расцветая ослепительнейшей улыбкой. — Тебе выбирать.

Остальное вам известно. Сизиф упер плечо в валун и принялся толкать его вверх по склону. На полдороге он был уверен, что вечная жизнь ему обеспечена. Три четверти пути — он устал, но не сдался. Четыре пятых... проклятье, ну и работенка. Пять шестых — тягость. Шесть седьмых — *мука*. Семь восьмых... До вершины оставался всего дюйм, ширина ногтя, еще одно могучее усилие и... *Не-е-е-е-е-ет!* Камень соскользнул, пролетел над Сизифом

и бухнулся у подножия. «Что ж, для первой попытки неплохо, — подумал Сизиф про себя. — Если передохнуть, если собрать силы, я смогу. Знаю, что смогу. Нащупаю подход. Может, надо толкать спиной, перекладывать на нее вес. Смогу...»

Сизиф по-прежнему в чертогах Тартара, толкает тот валун вверх по склону и добирается почти до самого верха, но валун скатывается, и Сизифу приходится начинать заново. Он пребудет там до конца времен. Он все еще верит, что у него получится. Одно последнее сверхусилие — и он свободен.

Художники, поэты и философы разглядели в мифе о Сизифе много чего. Они увидели образ абсурда человеческой жизни, тщеты усилий, безжалостной жестокости судьбы, непобедимых сил всемирного тяготения. Но видели и некую храбрость человечества, стойкость, упорство, выносливость и веру в себя. В нашем отказе сдаваться они усматривают нечто героическое.

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

ГИБРИС

Для греков *гибрис* — особая разновидность гордыни. Зачастую она подталкивала смертных восставать против богов и навлекала на них разнообразные и неизбежные кары. Таков общий, если не ключевой, недостаток героев греческой трагедии и многих других главных героев греческого мифа. Иногда оплошность — не наша, а богов, слишком завистливых, мелочных и тщеславных, не способных смириться с тем, что смертные бывают им под стать — или даже превосходят их.

СПЛОШНЫЕ СЛЕЗЫ

Вы, наверное, помните, что Пелоп был у Тантала с Дионой не единственным ребенком. Имелась у них еще дочка Ниоба. Вопреки ужасной судьбе,

постигшей ее отца, и мрачным приключениям брата, она была гордой, самоуверенной женщиной. Она познакомилась с Амфионом, сыном Зевса и Антиопы, и вышла за него замуж. Амфион был когда-то любовником Гермеса, как я уже говорил, одним из близнецов, которые возвели стены Фив, зачаровав камни пением и игрой на лире[1]. У Ниобы с Амфионом родилось семь дочерей и семеро сыновей — ниобидов.

Раздувшись от неимоверного самомнения и спеси, Ниоба любила рассказывать кому ни попадя, до чего она важная персона и какая у нее царственная и божественная родословная.

— О, по материнской линии я восхожу к Тефиде и Океану — которые из первого поколения титанов, ну вы понимаете. По отцовской линии у меня, конечно, ТМОЛ, самое высокородное из всех лидийских горных божеств. Мой дорогой супруг Амфион — сын Зевса и Антиопы, дочери царя НИКТЕЯ, сына одного из первородных фиванских спартов, выросших из драконьих зубов. В общем, мои любименькие сынки и дочки вполне могут похвастаться выдающейся, правомочно будет сказать, родословной среди всех семейств на свете. Хвастаться я им, разумеется, не позволю. Породистые никогда не кичатся.

Подобная глупость была бы лишь слегка огорчительной, не решись Ниоба сравнивать себя с титанидой Лето, матерью богов. В тот самый день, когда народ Фив соби-

1 Женившись на Ниобе и забрав ее в Фивы — город, который он помог построить, — Амфион добавил лире три струны к исходным четырем, и в честь своего места рождения в Малой Азии стал играть музыку в так называемом лидийском ладу.

рался, как всегда ежегодно, воспеть хвалу Лето и поведать историю о чудесном рождении Артемиды и Аполлона на Делосе, — в тот самый день, священный для титаниды и ее чести, — Ниоба пустила в ход высокомернейшую артиллерию.

— То есть я, конечно, первая призна́ю, что милые близнецы Лето, Артемида и Аполлон, очаровательны и совершенно божественны, само собой. Но всего *двое*? Девочка и мальчик? Небеси, как она вообще может называться матерью, ума не приложу. И кто сказал, что среди моих семерых сыновей и семи дочек не окажется одного-другого — да кабы не *все* они, — кто вознесется до божественного и бессмертного?[1] При их-то родословной, думаю, это вполне вероятно, а? С моей точки зрения, чествование подобной ленивой, вульгарной и неплодотворной матери, как Лето, — ужас до чего дурной вкус. На будущий год я приму меры, чтобы этот праздник вообще отменили.

Когда Лето донесли о том, что эта фиванская выскочка оскорбила ее подобным манером и посмела равнять с ней себя, Лето ударилась в слезы прямо при сочувствующих детях-близнецах.

— Эта ужасная, хвастливая, спесивая женщина, — давилась она рыданиями. —Назвала меня ленивой, потому что у меня всего двое детей... Сказала, что я неплодотворна... и вульгарной меня назвала. Сказала, что не даст народу Фив отмечать мой п-п-праздник...

1 В то время, как и в последовавшую эпоху героев, у людей всегда была возможность попасть в ряды бессмертных. Это удалось ГЕРАКЛУ. В позднейших цивилизациях римских императоров причисляли к богам, римских католиков — к святым, а киноактеры удостаиваются катастеризма на голливудской Аллее славы.

Артемида обняла ее, а Аполлон расхаживал туда-сюда, колотя кулаком в ладонь.

— У нее четырнадцать деток, — стенала Лето, — а я, значит, по сравнению с ней негодная...

— Хватит! — сказала Артемида. — Идем, брат. Она расстроила нашу маму до слез. Пора этой женщине узнать, что такое слезы.

Артемида с Аполлоном отправились прямиком в Фивы, где разыскали всех детей Амфиона и Ниобы. Артемида пристрелила семь дочерей серебряными стрелами, Аполлон — всех сыновей золотыми. Когда Амфиону сообщили об убийстве, он покончил с собой, упав на меч. Ниоба загоревала безутешно. Бежала в отчий дом и укрылась на склонах горы Сипил. При всем ее снобизме, какой бы неосмотрительной, гордой и нелепой ни была она, ужасно видеть такое убийственное, сокрушительное горе. Самим богам не хватило сил слушать ее непрестанные стенания, и ее превратили в камень. Но даже скале не удалось сдерживать такие слезы. Плач Ниобы просочился слезами сквозь камень, и они полились каскадным водопадом с горы.

Те, кто навещает Сипил, ныне именуемую горой Спил, видит скальное образование, в котором угадываются черты женского лица. По-турецки эта скала называется *Ağlayan Kaya*, или «Плачущий камень»[1]. Он нависает над городом Маниса — таково современное название Танталиды. Воды, что струятся из той скалы, будут литься в вечной скорби.

1 Та скала сложена из известняка, но простое вещество (и элемент) ниобий, очень похожее по устройству и особенностям на тантал, названо в честь царицы слёз.

АПОЛЛОН И МАРСИЙ: НАДУТЫЕ ЩЕКИ

СМЕРТНЫЕ ЛЮДИ — НЕ ЕДИНСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА, способные на чрезмерную гордыню. Уязвленное самолюбие богини Афины косвенно привело к падению заносчивого существа по имени МАРСИЙ.

Все началось с того, что Афина изобрела новый музыкальный инструмент под названием *авлос* и очень им гордилась. Это флейта на две трубки, из семейства инструментов, которые мы именуем деревянными духовыми, похожая на современный гобой или английский рожок[1]. Неувязка с этим чудесным инструментом была всего одна: когда бы Афина ни бралась на нем играть — при всем великолепии звучавшей при этом музыки, — собратья-олимпийцы принимались реветь от хохота. Никак не получалось у Афины извлечь из авлоса качественный звук, не дуя изо всех сил — так, что щеки распирало. Смотреть, как эта богиня, само воплощение достоинства, розовеет с головы до пят и надувается, как жаба, и не обхохатываться при этом, оказалось для ее непочтительного семейства непосильной задачей. Какой бы Афина ни была мудрой и не затронутой (ну почти) предвзятостями и гордыней, все же *совсем* от тщеславия она свободна не была и насмешек не выносила. После трех попыток завоевать

1 Приятное совпадение, что одно из ключевых применений вещества палладия, названного в честь Афины Паллады, — в производстве деревянных духовых. Но *действительно* ли совпадение? Хм...

благосклонность остальных богов сладостными звуками нового инструмента она прокляла его и сбросила с Олимпа.

Авлос упал в Малой Азии — во Фригийском царстве, рядом с истоком реки Меандр (чье прихотливое русло подарило название всем петляющим извилистым потокам), где инструмент подобрал сатир по имени Марсий. Как последователь Диониса, Марсий был наделен любопытством, а также многими гораздо более нечестивыми качествами. Он отряхнул авлос и дунул в него. Негромкое «пип» — единственный результат. Марсий посмеялся и почесал щекотно зудевшие губы. Надул щеки и дохнул в свирель посильнее — вылетела долгая, громкая музыкальная нота. Потеха. Он пошел своей дорогой, дуя и дуя, пока не смог за поразительно краткое время сыграть целую мелодию.

Через месяц-другой его слава уже распространилась по всей Малой Азии и Греции. Его восхваляли как Марсия Музыкального, чья искусная игра на авлосе заставляла деревья плясать, а камни — петь.

Марсий упивался славой и обожанием, какие приносило его музицирование. Как и любому сатиру, ему нужно было немногое: счастливыми его делали вино, женщины и песня, а мастерство в последнем гарантировало бесперебойное поступление первого и второго.

Как-то раз вечером, у потрескивавшего костерка, в кругу влюбленно смотревших на него менад, Марсий пьяно воззвал к небесам:

— Эй, Аполлон! Ты, бог лиры! Думаешь, ты весь такой музыкальный, но, ей-ей, случись между нами сисьзание... истязанья... состоянье... Как там это слово?

— Состязание? — подсказала полусонная менада.

— Что-то такое, да. Случись... как она сказала... я б выиграл. Запросто. В два счета. На лире может кто угодно. Скукотища. То ли дело мои дудки. Мои дудки побьют твои струны хоть когда. Так-то.

Менады посмеялись, Марсий тоже, а затем рыгнул и погрузился в удовлетворенный сон.

◎ СОСТЯЗАНИЕ ◎

НАЗАВТРА МАРСИЙ СО СВОИМИ многочисленными поклонниками отправился к озеру Авлокрена. Они договорились встретиться там с другими сатирами и устроить большой пир, на котором Марсию предстояло исполнять буйные, разнузданные танцевальные мелодии собственного сочинения. Он выберет тростник на берегу озера (само имя его сообщало об изобильных зарослях тростника: *авлос* означает «тростник», а *крена* — «фонтан» или «источник») и вырежет новый мундштук для своего авлоса. Играя и пританцовывая, он повел своих поклонников в веселом шлейфе музыки, пока за поворотом тропы не обнаружил, что путь ему преграждает нечто ослепительное и тревожное.

На лугу возвели сцену, где расположились широким полукругом девять муз. Посередине сцены с лирой в руках стоял Аполлон, на прекрасных устах — мрачная улыбка.

Марсий споткнулся и замер, разношерстные сатиры, фавны и менады позади него налетели друг на друга сутолочной гармошкой.

— Ну что, Марсий, — проговорил Аполлон. — Готов ли ты подкрепить свои смелые слова делом?

— Слова? Какие слова? — О своей пьяной похвальбе накануне Марсий уже позабыл.

— «Случись между нами с Аполлоном состязание, — сказал ты, — я б выиграл в два счета». Вот тебе возможность проверить, правда ли это. Сами музы прибыли с Парнаса, чтобы слушать нас и судить. Их слово — решающее.

— Н-н-но... я... — Во рту у Марсия вдруг очень пересохло, а ноги сделались очень шаткими.

— Так ты лучше меня музыкант или нет?

Марсий услышал у себя за спиной шепотки засомневавшихся поклонников, и пламя гордыни вспыхнуло вновь.

— В честном поединке, — объявил он в припадке бравады, — я точно тебя переиграю.

Улыбка Аполлона сделалась еще шире.

— Великолепно. Выходи ко мне на сцену. Я начну. Простенький напевчик. Поглядим, сможешь ли ответить.

Марсий занял место рядом с Аполлоном, тот склонился настроить лиру. Когда все было готово, он тихонько провел по струнам, нежно пощипал их. Полилась красивейшая мелодия — изысканная, сладостная, манящая. Четыре фразы, и когда последняя дозвучала, поклонники Марсия разразились восторженными аплодисментами.

Марсий тут же приложил авлос к губам и повторил сыгранное. Но придал каждой фразе выверт и модуля-

цию — тут поток мелизмов, там рябь полутонов. У поклонников вырвался вздох обожания, а кивок от Каллиопы поддержал Марсия, и он завершил мелодию с шиком.

Аполлон тут же ответил вариацией на те же фразы — в удвоенном темпе. Сложность его переборов и аккордов чудесно услаждала слух, но Марсий отозвался в еще более живом темпе, мелодия бурлила и пела из его дудок с волшебным великолепием, что заставило слушателей хлопать и хлопать в ладоши.

И тут Аполлон сделал нечто невероятное. Он перевернул лиру вверх тормашками и сыграл те же фразы, но задом наперед — они по-прежнему сложились в мелодию, но теперь наполнились тайной и странностью, заворожившими всех услышавших. Доиграв, Аполлон кивнул Марсию.

У Марсия был замечательный слух, и он взялся играть обратную мелодию — в точности как Аполлон, но бог насмешливо прервал его:

— Нет-нет, сатир! Ты должен перевернуть свой инструмент, как я.

— Но это... Так нечестно! — возразил Марсий.

— Может, тогда так? — Аполлон заиграл на лире и запел: — Марсий умеет дуть в адскую дудку. Но при этом способен ли петь не на шутку?

Взбешенный Марсий заиграл изо всех сил. Лицо у него сделалось лиловым от натуги, щеки раздуло так, что ну точно полопаются, и сотни нот вырвались градом четвертей, восьмых, шестнадцатых — и заполнили воздух музыкой, какую белый свет доселе не слышал.

Но божественный голос Аполлона, аккорды и арпеджио, что плыли с золотых струн его лиры, — как дудкам Марсия состязаться с подобным звучанием?

Пыхтя от усталости, плача от раздражения, Марсий воскликнул:

— Нечестно! Мой голос и дыхание поют в авлос — в точности так же, как твой голос поет в пространство. Разумеется, я не могу перевернуть свой инструмент, но любой непредвзятый судья скажет, что мои умения значимее.

◎ СУД ◎

С ФИНАЛЬНЫМ ГЛИССАНДО ТОРЖЕСТВА АПОЛЛОН повернулся к суду муз.

— Милые сестры, не мне говорить, а вам решать, безусловно. Кому присудите вы пальму первенства?

Марсия было уже не угомонить. Унижение и жгучее чувство несправедливости подтолкнули его поддеть судей.

— Не могут они судить беспристрастно, они твои тетки или сводные сестры — или еще какие-нибудь кровосмесительные родственники. Они семья. Ни за что не посмеют они...

— Цыц, Марсий! — взмолилась какая-то менада.

— Не слушай его, великий бог Аполлон! — призвала другая.

— У него истерика.

— Он хороший и достоин уважения.

— У него добрый нрав.

Совещались музы недолго — и объявили решение.

— Мы единогласно считаем, — сказала Эвтерпа, — что победитель — Аполлон.

Аполлон поклонился и мило улыбнулся. Но дальше проделал то, из-за чего вы навеки станете относиться несколько хуже к этому златому красавцу-богу, к мелодическому Аполлону разума, обаяния и гармонии.

Он взял Марсия и содрал с него кожу, заживо. Никак изящнее это не сформулировать. В наказание за *гибрис* — за то, что Марсий осмелился бросить вызов олимпийцу, Аполлон содрал кожу с живого тела вопившего сатира и подвесил его на сосну — в назидание и предупреждение всем[1].

«Наказание Марсия» стало излюбленной темой художников, поэтов и скульпторов. Кому-то эта история напоминает судьбу Прометея — как символ художника-творца и его борьбы за первенство перед богами или же как символ отказа бога принять, что смертный творец в силах превзойти божественного[2].

1 Если вам совсем не по нутру подобная жестокость в боге, который во всем остальном душка, предлагаю вам другое прочтение этой же истории. Венгерский филолог и мифограф Карой Кереньи, один из великих первопроходцев в исследовании греческой мифологии, подчеркивал, что сатиры обычно облачались в звериные шкуры. Кереньи считает, что Аполлон на самом деле отнял у Марсия шкуру, чтобы тот дальше ходил голым. И все. К этому свелось наказание. Это милое и убедительное толкование, но оно отличается от того, к какому привыкли целые поколения художников.

2 Согласно одной из версий этого мифа, капризный и обидчивый Аполлон вызвал одаренного Марсия на поединок, а не наоборот, и вся история — скорее о божественной зависти, чем о смертной гордыне.

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

АРАХНА

ПРЯХА

В маленькой хижине под городом Гипепа в царстве Лидия[1] жил да был торговец и ремесленник по имени ИДМОН. Работал он неподалеку, в ионийском городе Колофоне, торговал там красками и специализировался на высоко ценимом фокидском пурпуре. Его жена умерла, рожая их дочку АРАХНУ. Идмон гордился дочерью, как любой отец. Ибо с младых ногтей девочка выказывала невероятные умения ткачихи.

Прядение и ткачество в те дни были невероятно значимы. Мало что сравнилось бы по важности с выращиванием еды и было бы таким обязательным для благополучия

1 Лидия — место действия многих мифов. Греки колонизировали область, которую сами называли Ионией, в нее входила и Лидия; ныне это Анатолийский регион Турции.

людей, как рукодельное изготовление тканей для одежды и других бытовых предметов. И рукоделие — самое подходящие слово тут. Вся подобная работа выполнялась вручную. Шерстяную или льняную кудель нужно было выпрясть в нитку, зарядить ею ткацкий станок и изготовить из нее шерстяную или льняную ткань. И уж настолько это было делом умелых женщин, что самый женский пол прозвали в некоторых культурах и языках с намеком на это ремесло. В английском мы до сих пор говорим о distaff-стороне семьи, подразумевая женскую линию. *Distaff* — это шест или спица, на которые насаживали кудель, и из нее потом пряли нитку. Тех, кто прял, звали пряхами — *spinster*, и это слово применяли к любым незамужним женщинам, без всякого отрицательного оттенка[1].

Но, как и в большинстве человеческих ремесел, есть такие умельцы, кто наделен загадочной способностью превосходить повседневное и неприметное и достигать уровня искусства.

Искусность Арахны в ткачестве с самого первого дня стала поводом для разговоров и гордости по всей Ионии. Скорость и тщательность ее работы поражали воображение, а уверенность и ловкость, с которыми она подбирала одну цветную нитку к другой, чуть ли не вслепую, восхищала ее поклонников, частенько набивавшихся в хижину к Идмону, чтобы посмотреть, как Арахна работает. Но именно рисунки, узоры и затейливые орнаменты, возникавшие в суете ее челнока, побуждали зевак разражаться внезап-

1 В современном английском языке это слово имеет значение «старая дева», а слово *spinster* — от глагола *to spin* (*зд.*: прясть). — *Примеч. перев.*

ными аплодисментами и заявлять, что нет ей равных. Лесам, дворцам, морским пейзажам и горным видам Арахна придавала такую подлинность, что, казалось, там можно очутиться. И не только граждане Колофона и Гипепы приходили поглядеть на ее ткачество — местные наяды из реки Пактол и ореады с горы Тмол неподалеку толпились в доме Идмона и качали головами от изумления.

Все сходились во мнении, что Арахна — явление, какое случается лишь раз в пятьсот лет. Такая сноровка — уже повод для восхищения, но у нее был еще и вкус: она никогда не перебарщивала с пурпуром и прочими дорогими броскими цветами, например, но получалось у нее прямо-таки чудо.

Похвалы, которые она принимала что ни день, вскружили бы голову кому угодно. Арахна не была ни избалованной, ни спесивой — напротив, когда не сидела у станка, была она практичной и прозаической девушкой, не легкомысленной и не норовистой. Она понимала, что у нее дар, и не записывала его себе в заслуги. Но талант свой ценила и в таком своем отношении к нему считала себя попросту честной.

— Да, — приговаривала она себе под нос, глядя на свою работу однажды роковым вечером, — я действительно думаю, что, если б сама Афина Паллада села прясть, она бы не смогла потягаться со мной в мастерстве. В конце концов, я этим занимаюсь ежедневно, а она — лишь иногда, для развлечения. Немудрено, если я возьму верх.

В горнице у Идмона толпилось столько нимф, что никуда не денешься — весть о неудачно выбранных словах Арахны добралась до Афины.

ПОЕДИНОК ПРЯХ

Примерно через неделю вокруг Арахны, усевшейся за ткацкий станок, собралась привычная толпа, и Арахна взялась доделывать гобелен, запечатлевший основание Фив. Охи и вздохи восторга приветствовали ее изображение воинов, проросших из-под земли из зубов дракона, но «ой» и «ай» ее поклонников перебил громкий стук в дверь лачуги.

Дверь открылась, и показалась согбенная и сморщенная старуха.

— Надеюсь, я пришла куда надо, — просипела она, волоча за собой здоровенный мешок. — Мне сказали, что тут живет чудесная пряха. Ариадна, кажется?

Ее пригласили внутрь.

— Ее зовут Арахна, — сказали старухе, показывая на девушку, сидевшую у станка.

— Арахна. Понятно. Можно посмотреть? Милая, это ты сама сделала? Как великолепно.

Арахна самодовольно кивнула.

Старуха пощупала ткань.

— С трудом верится, что смертная способна на такую работу. Уж наверняка сама Афина приложила тут руку?

— Вряд ли, — возразила Арахна с нотой раздражения, — Афина могла бы сделать что-нибудь и вполовину столь же качественное. Прошу тебя, не надо распускать мне нитки.

— О, по твоему мнению, значит, Афина хуже тебя?

— По части ткачества другого мнения быть не может.

— Что бы ты ей сказала, окажись она здесь, интересно?

— Я бы предложила ей признать, что я тку лучше.

— Так давай же, предлагай, глупая смертная!

С этими словами морщины на древнем лице разгладились, тусклые глаза с поволокой прояснились до сияющего серого, и согбенная старуха выпрямилась — и стала величественной Афиной. Толпа зевак отшатнулась в оторопелом изумлении. Нимфы вообще забились в углы, пристыженные и испуганные, что их застукали за восторгами, расточаемыми работе смертной женщины.

Арахна очень побледнела, сердце у нее заколотилось, но внешне она смогла сохранить самообладание. Неприятно было ощущать на себе взгляд этих серых глаз, но их мудрость и спокойствие не меняли незатейливой правды.

— Что ж, — сказала она со всей выдержкой в голосе, на какую оказалась способна, — не желаю обижать, однако я считаю, это несомненная правда, что как творцу мне нет равных, ни на земле, *ни* на Олимпе.

— Неужели? — Афина выгнула бровь. — Давай разберемся. Хочешь первой?

— Нет, прошу... — Арахна встала с рабочего места и показала на него рукой. — После тебя.

Афина осмотрела станок.

— Да, сгодится, — сказала она. — Фокидский пурпур, ага. Неплохо, но я предпочитаю тирский. — С этими словами она вытащила из мешка сколько-то разноцветной шерсти. — Итак...

Через миг-другой она приступила к работе. Самшитовый челнок заметался взад-вперед, и как по волшебству

начали проступать чудесные картины. Толпа сгрудилась. Они смотрели, как Афина воплощает ни много ни мало — саму историю богов. Оскопление Урана во всех жутких подробностях — до чего же липкой казалась кровь. Рождение Афродиты — до чего свежо и влажно брызгал океан. Была и картина, на которой Кронос заглатывал детей Реи, и другая, где младенца Зевса выкармливала Амальтея. Афина вплела в свой гобелен даже историю собственного рождения из головы Зевса. Следом возникло ослепительное изображение всех двенадцати богов на олимпийских тронах. Но Афина еще не закончила.

Словно чтобы намеренно и публично унизить Арахну за самомнение, Афина ткала картины, запечатлевавшие цену, уплаченную смертными за наглость тягаться с богами — или ставить себя выше их. Первой она показала царицу РОДОПУ и царя ГЕМА из Фракии, которых превратили в горы за то, что они сравнивали величие своей пары с величием Геры и Зевса. На другой Афина вытка-ла образ ГЕРАНЫ, царицы пигмеев, заявившей, что ее красота и важность намного выше, чем у Царицы небес, и разгневанная Гера превратила ее в журавлиху. В том же углу Афина выткала АНТИГОНУ, волосы которой превратили за подобную же дерзость в змей[1]. Наконец, Афина украсила края своей работы узорами из ветвей оливы — дерева, священного для нее, — после чего встала, получив причитавшиеся восхваления.

1 Потом боги сжалились над ней и превратили ее в цаплю. Судя по всему, с тех пор цапли и питаются змеями. Речь не о фиванской АНТИГОНЕ, дочери ЭДИПА, а о троянской девушке, ее тезке.

Арахне хватило учтивости присоединиться к аплодисментам. Ум у нее метался столь же стремительно, как и Афинин челнок, и она сообразила, что именно выткет. Ее будто обуяло безумие. Поневоле соревнуясь с олимпийской богиней, она теперь желала показать всему свету не только себя как лучшую ткачиху, но и то, что люди — лучше богов во всех отношениях. Ее выводило из себя, что Афина выбрала сначала столь грандиозную тему — рождение и восхождение олимпийских богов, а затем изобразила эти неуклюжие байки о наказанной гордыне. Что ж, сыграем в шарады. Уж Арахна ей покажет!

Она уселась, хрустнула пальцами и начала. Первыми под ее летучими пальцами возникли очертания быка. На нем ехала юная дева. Следующая картинка — бык взмывает ввысь над морем. Девушка оглядывается за волны, на перепуганных юнцов, бегущих к скальному обрыву. Возможно ли такое? Не сцена ли это совращения Европы, а те мальчишки — Кадм и его братья?

По толпе зрителей, напиравших со всех сторон, чтобы получше видеть, прокатился ропот. Следующая череда образов совершенно прояснила, что у Арахны на уме. АСТЕРИЯ, дочь титаниды Фебы и титана Коя, — от отчаяния она превращается в куропатку, лишь бы избежать жадного внимания Зевса, обернувшегося орлом. Рядом Арахна выткала изображение Зевса в виде лебедя и как он навязывает себя ЛЕДЕ, жене ТИНДАРЕЯ. А вот и танцующий сатир гонится за красавицей Антиопой; рядом — похотливый бог, претворяющий самую странную свою метаморфозу — поток золотого дождя и в этом

своем воплощении явно оплодотворяющий узницу ДАНАЮ, дочь АКРИСИЯ, царя Аргосского. Многие эти совращения и соблазнения стали предметом пересудов среди смертных. Воплощение их в цветном шелке было для Арахны непростительно. Возникли и дальнейшие сцены похождений извращенца Зевса — бестолковая нимфа Эгина и милая Персефона, поруганные Зевсом, превратившимся в ужа. Слух о том, что Зевс таким способом овладел Персефоной, собственной дочерью от Деметры, ходил и прежде, но явить его вот так, как Арахна, — святотатство.

И все же Зевс был не единственным богом, чьи саги об извращениях она выписала нитью. Она принялась за сцены с участием Посейдона: морской бог возник сначала в виде быка, скачущего за перепуганной АРНОЙ Фессалийской, затем под личиной речного бога ЭНИПЕЯ, чтобы завоевать милую Тиро, и наконец в обличье дельфина — в погоне за обворожительной МЕЛАНТЕЕЙ, дочерью Девкалиона.

Далее — хищные выходки Аполлона: Аполлон-ястреб, Аполлон-лев, Аполлон-пастух, и все они портили девиц без жалости и стыда. Диониса тоже запечатлели — как он превращается в крупную гроздь винограда, чтобы обмануть красавицу ЭРИГОНУ, как в припадке гонора превращает АЛКИФОЮ и МИНИАД[1] в летучих мышей — за то,

1 Дочери Миния, царя Беотии. Их звали ЛЕВКИППА, АРСИППА и АЛКИФОЯ. Недавно обнаруженный вид европейской летучей мыши назван в ее честь *Myotis alcathoe*. На судьбу сестер часто ссылались в назидание тем, кого привлекала жизнь в стороне от дионисийского разгула; в наши дни куда более расхожи обратные предупреждения.

что они посмели предпочесть созерцательную жизнь бешеному разгулу.

Все эти и многие другие случаи припомнило искусство Арахны. У них имелся общий сюжет: боги предательски и зачастую грубо используют смертных женщин. Арахна завершила работу, отделав ее узорчатой кромкой переплетенных цветов и ивовых листьев. Закончив, она спокойно сдвинула челнок к краю и встала потянуться.

НАГРАДА

ЗЕВАКИ ОТШАТНУЛИСЬ В УЖАСЕ — и зачарованные, и встревоженные. От безрассудства этой девушки захватывало дух, но в высочайшем мастерстве и художественности, с какими эта смелая, пусть и богохульная работа была выполнена, ей не откажешь.

Афина подступила проверить каждый дюйм поверхности и не отыскала ни единого изъяна или оплошности. Безупречно. Безупречно, однако все равно святотатственно и недопустимо. Без единого слова она разорвала полотно в клочья. Наконец, не в силах справиться с яростью, она схватила челнок и метнула его Арахне в голову.

Боль от удара челноком будто вернула Арахне рассудок. Что она натворила? Что за безумие овладело ею? Не позволит она себе прясть никогда, ни за что. За эту наглость ее заставят платить ужасную цену. Кары, какие навлекали на себя девушки, чьи судьбы она сама и запечатлела, — ничто по сравнению с тем, что обрушат на Арахну.

Она подобрала с пола толстую пеньку.

— Нельзя мне ткать — не буду жить! — вскричала она и выбежала из лачуги, и никто не успел остановить ее.

Зрители столпились у окон и у открытой двери и смотрели, застыв от ужаса, как Арахна бежит по траве, забрасывает веревку на ветку яблони и вешается. Все разом обернулись к Афине.

Слеза скатилась по щеке богини.

— Неразумная, неразумная девчонка, — проговорила она.

Афина двинулась прочь из дома к яблоне, толпа наблюдателей последовала за ней в устрашенном молчании. Арахна болталась на веревке, пучились на лице мертвые глаза.

— Такой талант не умрет никогда, — произнесла Афина. — Все дни свои будешь ты прясть и ткать, прясть и ткать, прясть и ткать...

Тут Арахна стала сжиматься и сморщиваться. Веревка, на которой она висела, вытянулась в тонюсенькую прядку блестящего шелка, Арахна подтянулась по ней — не девица уж больше, а созданье, которому суждено будет без отдыха прясть и ткать.

Вот так появился первый паук — первая *арахнида*. Не наказание это, как некоторые считают, а награда за победу в великом поединке, награда великому творцу. Право вечно трудиться и создавать шедевры.

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

ДРУГИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Мы уже видели, как боги превращают мужчин и женщин в животных — из жалости, зависти или в наказание. Но так же, как люди, бывали они не только заносчивы и мелочны, но и движимы страстью. Смертная плоть, как мы уже поняли, влекла их не меньше бессмертной. Иногда их порывы оказывались не одной лишь примитивной похотью — они и по-честному влюблялись. Есть много историй о богах, что гонялись за юными красавцами и красавицами и превращали их в животных, в новые растения и цветы и даже в скалы и потоки[1].

1 Иногда эти мифы называют *этиологическими* — иными словами, объясняющими, как возникло то или другое. Историю Арахны можно воспринимать как объясняющую, почему пауки прядут, история Мелиссы рассказывает нам, почему пчелы производят мед, и так далее. Такие вот сказки «Откуда у слона хобот» [сказка из сборника «Сказки просто так» (1902) Р. Киплинга. — *Примеч. перев.*]. Разумеется, названия цветов и животных, связанные со множеством подобных мифов, дошли до нас в латинизированной научной номенклатуре — волчеягодник лавролистный называется *Daphne laureola* — или же в более привычном виде, как садовые нарцисс, гиацинт и т. д.

НИС И СКИЛЛА

НИС БЫЛ ЦАРЕМ МЕГАРЫ, ГОРОДА НА АТТИЧЕСКОМ побережье[1]. Его наделили неуязвимостью: у него на голове рос завиток пурпурных волос, благодаря которому ничто не могло угрожать ему как человеку. По некоторым причинам на его царство напало воинство царя Миноса Критского. Как-то раз дочь Ниса, царевна СКИЛЛА[2], разглядела на борту критского корабля Миноса, когда судно проходило близко от стен Мегары, и влюбилась в него. И уж так сводило ее с ума желание, что она решила выкрасть отцов локон пурпурных волос и подарить его Миносу на борту его корабля, а уж он отплатит ей за такую щедрость любовью. Но, если срезать у Ниса локон, царь делается уязвим, как любой смертный. И пока она тайком пробиралась к Миносу, ее отца убили в дворцовом перевороте.

Минос, вовсе не обрадовавшись предательскому поступку Скиллы, отвратился от нее и не пожелал иметь с ней ничего общего. Выгнал ее с корабля, поднял паруса и уплыл из Мегары, поклявшись никогда туда не возвращаться.

1 Аттика — область Греции, в которую входят и Афины. «Аттическая Греция» — классический оборот в языке, дошедший до нас в поэзии, драматургии, ораторских и философских текстах великих афинских писателей V и начала IV в. до н. э. Для многих греков за пределами Аттики она была, вероятно, тем же, что Англия для других областей Великобритании, — заносчивый регион-повелитель, который имеют в виду бестактные и ленивые чужаки, когда говорят «Греция».

2 Не путаем со Скиллой (Сциллой) — жестоким морским чудищем, которое вместе с омутом ХАРИБДОЙ составляло непреодолимое препятствие для моряков в Мессинском проливе между Сицилией и континентальной Италией.

Страсть Скиллы оказалась столь необоримой, что она не смогла отказаться от мужчины, которого полюбила. Она поплыла за Миносом, униженно зовя его. Она стенала и плакала так жалостно, что ее превратили в чайку. Боги проявили своеобразный юмор и одновременно сделали ее отца Ниса орланом[1].

С тех пор в отместку он взялся безжалостно гонять свою дочку над волнами.

КАЛЛИСТО

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЕГО ПРЕВРАТИЛИ В ВОЛКА — как вы, наверное, помните, — в первые дни пеласгийского человечества, у царя Ликаона Аркадского была прелестная дочь по имени КАЛЛИСТО, ее вырастили нимфой, преданной деве-охотнице Артемиде.

Зевс уже давно пускал пенные слюни желания по этой неотразимой, недосягаемой девушке и однажды обманул ее, приняв облик самой Артемиды. Она с готовностью пала в объятия великой богини, которой поклонялась, — тут-то Зевс ее и уестествил.

Чуть погодя ее, купавшуюся нагишом в реке, заметила Артемида и, разъярившись от того, что ее жрица беременна, выгнала несчастную Каллисто из своего круга. Одинокая и несчастная, бродила та по миру и в свой срок родила сына АРКАДА. Гера, сроду не выказывавшая никакой

1 *Лат.* Haliaeetus, букв. «морской орел»; англ. *seagull* (чайка) и *seaeagle* (орлан) произносятся очень похоже. — *Примеч. перев.*

жалости даже самым невинным и наивным любовницам своего супруга, наказала Каллисто еще сильнее — превратила ее в медведицу.

Через несколько лет Аркад, теперь уже юноша, охотился в лесу и набрел на медведицу. Собрался он метнуть в нее копье, но Зевс вмешался, чтобы не допустить нечаянного матереубийства, и вознес их обоих на небеса — в виде Большой и Малой Медведиц. Гера, по-прежнему сердясь, прокляла эти созвездия, чтобы никогда не бывать им вместе, что объясняет (как мне сказали) их постоянно противоположное околополярное местоположение[1].

ПРОКНА И ФИЛОМЕЛА

У ЦАРЯ ПАНДИОНА АФИНСКОГО БЫЛО две прелестных дочери — ПРОКНА и ФИЛОМЕЛА. Старшенькая Прокна оставила Афины, выйдя замуж за фракийского царя ТЕРЕЯ, от которого родила сына ИТИСА.

Однажды ее младшая сестра Филомела приехала во Фракию на целое лето, побыть с родней. Недоброе сердце Терея — едва ли не самое недоброе из всех, каким доводилось биться, — сильно растревожилось от красоты его золовки; он увлек ее как-то ночью в свои покои и там надругался над ней. Боясь, что жена и весь свет раскроют это мерзкое преступление, Терей вырвал Филомеле язык. Зная, что она не умеет ни читать, ни писать, он решил,

1 У Каллисто на самом деле двойные обязанности в небесах: она увековечена как одна из лун Юпитера.

что так она точно никому не сможет сообщить ужасную правду о случившемся.

Но за следующую неделю с небольшим Филомела выткала гобелен, на котором обрисовала своей сестре Прокне все подробности надругательства. Обесчещенные разъяренные сестры замыслили месть, подобающую такому чудовищному злодейству. Они знали, как сильнее всего уязвить Терея. Он был жестоким и отвратительным человеком, склонным к припадкам бешенства и невыразимым извращениям, однако имелась у него одна слабость — он глубоко любил своего сына Итиса. Прокна с Филомелой тоже обожали мальчика. Итис — сын и Прокне, однако материнская любовь, какую она питала, захлебнулась в ненависти и неутолимой жажде мщения. Забыв о жалости, сестры отправились в спальню и убили ребенка во сне.

— Филомела вскоре отправится в Афины, — сказала Прокна супругу наутро. — Давай устроим пир, чтобы проводить ее и воздать тебе за щедрое гостеприимство, которое ты ей оказал?

Филомела всхлипнула и пылко закивала.

— Ей, кажется, эта мысль тоже нравится.

Терей хмыкнул что-то согласное.

К концу пира тем вечером было подано сочное жаркое, и царь накинулся на него. Промокнул все соки хлебными ломтями, но обнаружил, что в животе у него еще найдется место. Чуть дальше от него стояло блюдо, закрытое серебряным колпаком.

— Что под ним?

Филомела с улыбкой пододвинула к нему блюдо.

Терей поднял колпак и возопил от ужаса, увидев голову мертвого сына, скалившуюся на него. Сестры завизжали от смеха и ликования. Осознав, кто это наделал, и поняв, почему жаркое было таким упоительно нежным, Терей взревел и схватил со стены копье. Женщины бросились вон из зала и воззвали к богам о помощи. Царь Терей гонялся за ними по всему дворцу и, выбежав на улицу, вдруг ощутил, что взмывает к небу. Его превратили в удода, и его вопли боли и ярости стали больше похожи на тоскливые всхлипы. В то же время Прокна сделалась ласточкой, а Филомела — соловьем.

И хотя соловьи знамениты мелодичной прелестью своих песен, поют лишь самцы. Самки, как и безъязыкая Филомела, остаются немы[1]. Многие виды ласточек и поныне зовутся в честь Прокны[2], а птица удод по-прежнему носит царский венец.

ГАНИМЕД И ОРЕЛ

В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ УГЛУ МАЛОЙ АЗИИ раскинулись земли Троады, или Трои, — в честь ее правителя, царя ТРОЯ. К западу от Трои через Эгейское

1 Грекам казалось, что крики удода звучат как «*поу? поу?*», что означает «где? где?» — возможно, в память о безутешном Терее, зовущем сына. Шекспир назвал соловья Филомелой в Сонете 102: «Так Филомела вешнею порой поет, но после пикнет, умолкая» [Пер. И. Астерман. — *Примеч. перев.*], однако имя Филомелы, как ни странно, чаще всего встречается как научное название певчего дрозда — *Turdus philomelos*.

2 Род *Progne* семейства ласточковых. — *Примеч. перев.*

море располагалась континентальная Греция, за Троей находилась территория современной Турции и древние земли Востока. К северу — Дарданеллы и Галлиполи, к югу — великий остров Лесбос. Главный город Трои назывался Илион (прославившийся под именем Трои), это название происходит от ИЛА, старшего сына Троя и его царицы КАЛЛИРОИ, дочери местного речного бога СКАМАНДРА. О втором сыне царственной четы АССАРАКЕ сохранилось мало записей, а вот третий их сын, ГАНИМЕД, завораживал взоры, и от него захватывало дух у всех, кто с ним сталкивался.

Не жил и не бродил доселе по белу свету красивее юноша, чем царевич Ганимед. Волосы у него были золотые, кожа — как теплый мед, губы — нежный, сладостный призыв отдаться чокнутым чарующим поцелуям.

Девушки и женщины всех возрастов, говорят, вопили и даже падали без чувств, стоило ему на них взглянуть. Мужчины, что прежде никогда и не помышляли о привлекательности людей своего же пола, чуяли, как колотятся их сердца, как разгоняется и бьется в ушах кровь, — от одного вида Ганимеда. Во рту у них пересыхало — и вот уже несло их болтать глупую чепуху, говорить что угодно, лишь бы угодить ему или привлечь его внимание. Добравшись домой, они писали и тут же рвали в клочки стихотворения, где рифмовались «ресницы» и «ягодицы», «плечи» и «речи», «ноги» и «боги», «млад» и «рад», «малыш» и «томишь», а также «страсть» и «пропáсть».

В отличие от многих рожденных с кошмарным преимуществом красоты, Ганимед не был заносчивым,

капризным или избалованным. Повадки имел милые и непринужденные. Когда улыбался, улыбка получалась доброй, а янтарные глаза светились дружелюбным теплом. Знавшие его ближе всех говорили, что внутренняя красота Ганимеда равнялась внешней или даже превосходила ее.

Не будь он царевичем, суеты вокруг его ослепительной красы, наверное, происходило бы больше, и жизнь Ганимеда сделалась бы невозможной. Но поскольку он был любимым сыном великого правителя, никто не решался его соблазнять, и Ганимед жил безупречной жизнью среди друзей, увлекался лошадьми, музыкой, спортом. Предполагалось, что однажды царь Трой подберет ему в пару какую-нибудь греческую царевну, и Ганимед вырастет в пригожего зрелого мужчину. Молодость — штука быстротечная, как ни жаль.

Но не учли они Царя богов. То ли до Зевса дошел слух об этом сияющем маяке юношеской красы, то ли Зевс сам случайно его увидел — неведомо. Зато запечатлено, что бог попросту с ума сошел от желания. Вопреки царственной родословной этого значимого смертного, невзирая на скандал, какой мог бы в итоге разразиться, несмотря на непременную ярость и ревнивое бешенство Геры, Зевс обернулся орлом, ринулся вниз, скогтил юношу и улетел с ним на Олимп.

Ужасный это поступок, но, как ни удивительно, оказалось, что это не просто жест бездумной похоти. Тут действительно похоже на самую настоящую любовью. Зевс обожал юношу и не желал разлучаться с ним. Их физическая любовь лишь укрепила его обожание. Бог наделил

возлюбленного даром бессмертия и вечной юности, назначил его своим виночерпием. Отныне и до скончания времен Ганимед останется тем самым, чья красота тела и души совершенно сразила Зевса. Все остальные боги, за неизбежным исключением Геры, появлению на небесах этого юноши обрадовались. Ганимеда невозможно было не любить — его присутствие озаряло весь Олимп.

Зевс отправил Гермеса к царю Трою с даром божественных коней, в порядке воздаяния семье за их утрату.

— Ваш сын — желанное и радостно встреченное прибавление к Олимпу, — сообщил им Гермес. — Он никогда не умрет и, в отличие от прочих смертных, его внешняя краса вечно будет соответствовать внутренней, а это означает, что он навеки останется в мире с самим собой. Небесный отец любит его беззаветно.

Что ж, у царя и царицы Трои было еще двое сыновей, а кони оказались и впрямь лучшими на свете — и в зубы смотреть нечего, и если их Ганимед станет постоянным членом бессмертной олимпийской когорты и Зевс действительно его любит...

Но обожал ли юноша Зевса? Вот это установить очень трудно. Древние считали, что да. Обычно его изображают улыбчивым и счастливым. Он стал символом той особой разновидности однополой любви, какая сделается центральной частью греческой жизни. Его имя, похоже, своего рода сознательная игра слов, оно происходит от *ганумаи* — «радующий» и *медон* — «царевич» и/или *медеон* — «чресла». Слово «Ганимед» — радующий царевич с радующими чреслами — со временем преобразилось в «катамита».

Зевс и Ганимед долго-долго жили счастливой парой. Разумеется, бог не был верен Ганимеду, как не был верен собственной жене, но тем не менее эти двое были для всех едва ли не константой.

Когда правление богов подошло к концу, Зевс наградил этого прекрасного юношу, своего преданного слугу, любовника и друга, отправив его ввысь созвездием в важнейшую часть небосвода — в Зодиак, где Ганимед теперь сияет как Водолей, Виночерпий.

ЛЮБОВНИКИ ЗАРИ

ПАРУ СЛОВ — О ДВУХ БЕССМЕРТНЫХ СЕСТРАХ. Мы уже мельком повидались с Эос, или АВРОРОЙ, как называли ее римляне, и знаем, что ее задача — начинать каждый день, распахивая ворота, что выпускали сначала Аполлона, а потом Гелиоса на солнечной колеснице. Их сестра Селена (ЛУНА у римлян) водила ночной эквивалент такой колесницы, лунную, по темному небу. Селена родила Зевсу двух дочерей, ПАНДИЮ (которую афиняне воспевали во всякое полнолуние) и ГЕРСУ (также ЭРСУ) — божественное воплощение росы.

Эос, сестра Селены, влюблялась много раз. Пригожий юный красавец КЕФАЛ привлек ее внимание, и она похитила юношу. Ее нимало не трогало, что Кефал уже занят, вернее, женат даже, на ПРОКРИДЕ, дочери Эрехтея, первого царя Афин (отпрыск пролитого Гефестом

семени) и его царицы ПРАКСИФЕИ. Несмотря на свою сияющую красоту и роскошный солнечный дворец, в котором Эос поселила Кефала, похищенный страшно заскучал по супруге своей Прокриде. Какие бы осиянные золотом уловки любви ни применяла богиня рассвета, никак не удавалось ей воспламенить его. Разочарованная и униженная, согласилась она вернуть Кефала жене. Ревность и уязвленная гордость бурлили в богине. Как он посмел предпочесть человека божеству? Да одна мысль, что обычная женщина способна вдохновить Кефала, а она, богиня, оставила его хладным...

С коварной непринужденностью принялась она сеять в нем сомнения.

— Э-эх, — вздохнула она, скорбно качая головой, когда они приблизились к его дому, — печально мне думать, как вся такая чистая Прокрида вела себя, пока ты был в отлучке.

— В каком смысле?

— Ой, да скольких мужчин она развлекала. И думать-то невыносимо.

— Плохо же ты ее знаешь! — с некоторой горячностью возразил Кефал. — Она в равной мере и прелестна, и верна мне.

— Ха! — сказала Эос. — Всего-то и надо — мед да монеты.

— Ты о чем?

— Сладкие слова да серебро толкают к предательству и добродетельнейших.

— Ну ты и циник.

— Я восстаю над миром с первым лучом солнца и вижу, чем люди заняты до рассвета. Это не цинизм — это реализм.

— Но ты не знаешь Прокриду, — настаивал Кефал. — Она не как все остальные. Она верная и честная.

— Пф! Да она у тебя за спиной запрыгнет в койку с кем угодно. Я тебе так скажу... — Эос остановилась, будто ее вдруг осенило. — А что если ты с ней увидишься *под личиной*, а? Проявишь пыл, осыплешь ее комплиментами, скажешь, что любишь ее, предложишь украшеньице-другое — как пить дать, повиснет на тебе.

— Ни за что!

— Как хочешь, но... — Эос пожала плечами и показала на обочину, вдоль которой они шли. — Ой, смотри, целая груда одежды и шлем. Представляешь, если б у тебя еще и борода была...

Эос исчезла, и в тот самый миг Кефал обнаружил, что у него и впрямь борода. Набор одежды, необъяснимо возникший у дороги, словно бы влек Кефала к себе.

Вопреки его возражениям слова Эос посеяли зерно сомнения. Облачаясь в этот нелепый костюм, Кефал говорил себе, что сомнению этому не поддастся, что так он покажет Эос, до чего ошибочен ее цинизм. Они с Прокридой воззовут к ней ближайшим утром, когда небо порозовеет: «До чего ж неправа ты, богиня Луны! — воскликнут они. — Как мало ты понимаешь во влюбленном смертном сердце». Что-нибудь в этом духе. Поделом ей будет.

Вскоре Прокрида открыла дверь пригожему чужаку-бородачу в шлеме и хламиде. Вид у Прокриды был несколь-

ко осунувшийся и истомленный. Внезапное и необъяснимое исчезновение супруга оказалось тяжелым ударом. Впрочем, не успела она спросить у гостя, чего ему надо, Кефал протиснулся в дом и отпустил слуг.

— Ты очень красивая женщина, — сказал он с густым фракийским акцентом.

Прокрида вспыхнула:

— Сударь, я должна...

— Ну же, давай посидим на ложе.

— Вот правда, не могу...

— Иди же, никто не смотрит.

Она понимала, что такое поведение — уже на грани нежелательного по законам *ксении*, однако послушалась. Мужчина вел себя так настырно.

— Чего это подобная красавица сидит одна-одинешенька в таком громадном доме? — Кефал взял из медной чаши смокву, похотливо откусил и поднес оставшуюся сочную мягкую половинку к лицу Прокриды[1].

— Сударь!

Прокрида разомкнула губы, чтобы отчитать его, и Кефал затолкал ей в рот рыхлую смокву.

— От такого зрелища сами боги воспламенились бы, — проговорил он. — Будь моей!

1 «Показывающий смокву» по-гречески будет *сикофант* — судя по всему, *либо* торговцы фруктами на улицах и базарах славились своим подобострастным, льстивым поведением, *либо* показать смокву было эквивалентом фаллического жеста (смоква всегда считалась эротическим фруктом), *либо* это как-то связано с тем, как смоквы собирали. Как бы то ни было, показывание смокквы/сикофантство оказалось связанным в афинском законодательстве с теми, кто инициировал вульгарные, злонамеренные или несправедливые личные преследования. Их подхалимская манера поведения придала слову «сикофант» его нынешнее значение.

— Я *замужем*! — попыталась она произнести сквозь мякоть и зернышки.

— Замужем? Это еще что? Я богач, я одарю тебя любыми драгоценностями или украшениями, какие пожелаешь, только отдайся. Ты такая красивая. И я люблю тебя.

Прокрида замерла. Может, пыталась проглотить остатки смоквы. Может, ее искусило предложение драгоценностей. Вероятно, ее тронуло столь внезапное и пылкое предложение любви. Пауза оказалась достаточно долгой, и Кефал в ярости вскочил, сбросил свой наряд и явил себя.

— Что ж! — загремел он. — Вот, значит, что происходит, когда ты остаешься одна! Бесчестная предательница!

Прокрида глазам своим не поверила:

— Кефал? Ты ли это?

— Да! Да, это твой несчастный супруг! *Вот* как ты ведешь себя, как меня нет рядом. Уйди! С глаз моих долой, неверная Прокрида. Пошла вон!

Он ринулся к ней, потрясая кулаком, и Прокрида в ужасе бежала. Прочь из дома, в лес, не останавливаясь, пока не упала от усталости на опушке рощи, священной для Артемиды.

Наутро богиня обнаружила Прокриду простертой и выудила из нее историю произошедшего.

Год и день прожила Прокрида у богини-охотницы, среди ее свиты свирепых дев, но дальше уже не смогла.

— Артемида, ты заботилась обо мне, учила меня искусствам охоты и показала мне, как всегда следует избегать мужчин. Однако врать тебе я не могу: в сердце своем я люблю супруга Кефала как и прежде. Он скверно обо-

шелся со мной, но это все от его великой любви ко мне, и я жажду простить его и пасть к нему в объятия, вновь стать ему женой.

Артемиде жаль было отпускать ее, но у нее в тот день оказалось милостивое настроение. Она не только отпустила Прокриду к мужу, не выколов ей глаза предварительно и не скормив ее свиньям (подобные поступки ей были вовсе не чужды), но и наделила ее двумя замечательными дарами, чтобы Прокрида поднесла их мужу в знак примирения.

◎ ЛЕЛАП И АЛОПЕКС ◎ ТЕУМЕСИОС

Среди даров, которые Прокрида получила от Артемиды, оказался замечательный пес по кличке ЛЕЛАП, наделенный силой поймать кого угодно — абсолютно кого угодно, если Лелап бросится в погоню. Отправь его по следу оленя, вепря, медведя, льва или даже человека — и Лелап всегда настигнет добычу. Второй подарок, не меньшей ценности, — копье, всегда попадающее в цель. Кто бы ни владел этими псом и копьем, мог по праву считаться величайшим смертным охотником на свете. Немудрено, что Кефал обрадовался жене, нагруженной такими дарами, и впустил ее к очагу и в объятия, под кров и на кровать.

Репутация Кефала крепла день ото дня — байки о его охотничьих умениях пересказывали благоговейным

шепотом от царства к царству. Новости добрались до фиванского регента КРЕОНА[1]. Как это часто бывало в дикой истории Фив, они в ту пору страдали от напасти, на сей раз — в виде лютой лисицы, которую местные называли Кадмейской бесовкой, а по всему греческому миру она страшила людей под именем АЛОПЕКС ТЕУМЕСИОС, Тевмесской лисицы, разбойницы, наделенной божественным даром никогда не быть пойманной, сколько б собак, лошадей или людей ни шло по ее следу или ни лежало в засаде, чтобы поймать ее в ловушку. Считалось, что этот лисий ужас натравил на них Дионис, все еще алкавший покарать город, изгнавший и насмехавшийся над матерью винного бога Семелой.

Креон, все более отчаиваясь, услыхал байку о едва ли не сверхъестественных дарах, которыми располагал Кефал, о его чудо-псе Лелапе, и послал весточку в Афины с мольбами одолжить собаку. Кефал с готовностью дал Креону свою чудесную гончую, и та вскоре напала на след лисы.

Последовавшая кутерьма являет нам замечательное свойство греческого ума — завороженность парадоксами. Что происходит, когда за неуловимой лисой гонится неотвратимая гончая? Эта задачка подобна вопросу о неостановимой силе и неподвижном предмете.

Кадмейская плутовка наматывала круг за кругом, а по пятам гнался за ней Лелап, от которого никакой дичи

1 Креон был воплощением прагматизма и добротного правления, его трагическая семейная история стала темой фиванского цикла пьес Софокла — «Царь Эдип», «Эдип в Колоне» и «Антигона». Я сам играл Креона, когда мне было шестнадцать, и получил на это отзывы. Большего не скажу.

не убежать. Они бы и до сих пор, видимо, не могли разорвать этого логического кольца, если бы не вмешался Зевс.

Царь богов глянул на все это дело и задумался о странной противоречивой задаче, которая оскорбляла всякий здравый смысл и так досадно подрывала представления, описываемые замечательным греческим словом *нус*. Власть Зевса подкреплялась глубинным законом, гласившим, что никакой бог не имеет права отменять божественные чары другого. Это означало, что пес и лиса обречены застрять навеки в этом невозможном положении, тем самым насмехаясь над установленным порядком вещей. Зевс устранил эту неувязку, превратив и лису, и пса в камень. Так они застыли во времени, открытые им превосходные возможности недостижимы теперь вовеки, судьбы их непримиримы навсегда. Некоторое время спустя и эта мертвая точка показалась Зевсу противоречащей здравому смыслу, и он катастеризмом поднял их на небо, где они стали созвездиями Большого и Малого псов — *Canis Major* и *Canis Minor*.

Кефал и Прокрида, как ни грустно, процветали недолго. Лишившийся Лелапа, но все еще вооруженный копьем, всегда попадавшим в цель, Кефал предпочитал бродить по холмам и долам, что окружали Афины, и бил любую дичь, какая попадалась. В один люто жаркий день, после трех часов погони и ловли добычи, усталый и насквозь пропотевший Кефал прилег подремать. Жар дня, даже в тени любимого дуба, мешал ему.

— Приди же, Зефир, — лениво призвал он Западный ветер, — дай ощутить тебя кожей. Обними меня,

успокой меня, облегчи меня, понежь меня, поиграй на мне...

По величайшему несчастью, туда, где прилег Кефал, пришла Прокрида — порадовать его сюрпризом в виде вина и тарелки оливок. Приближаясь, она услышала последние мужнины слова: «...дай ощутить тебя кожей. Обними меня, успокой меня, облегчи меня, понежь меня, поиграй на мне...» После того спектакля собственнической ярости, который он ей закатил, Кефал ее же и предает? Прокрида ушам своим не верила! Тарелка и кожух с вином выпали из ее онемевших пальцев, и она невольно охнула.

Кефал сел. Что это там шуршит в подлеске? Кто это фыркает? Свинья, небеса свидетели! Кефал потянулся к копью и метнул его в кусты, откуда долетел шум. И целиться-то не было нужды. Заколдованное копье само разберется.

Разобралось. Прокрида скончалась на руках безутешного Кефала.

Чарующе странная и печальная история[1]. А все потому, следует напомнить, что Эос решила выкрасть аппетитного смертного.

1 У Шекспира в комедии «Сон в летнюю ночь» есть памятная сцена, в которой Основа и его запутавшиеся друзья в представлении «Пирам и Фисба» коверкают имена этих обреченных любовников:

Пирам (Основа): *Шафал Прокрусу так не обожал.*
Фисба (Дудка): *И я верна не меньше, чем Шафал.*

[Пер. Т. Щепкиной-Куперник, акт V, сцена 1. — *Примеч. перев.*]

ЭНДИМИОН

КЕФАЛ — НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ, на ком остановился взор тех богинь-сестер. Однажды ночью, когда Селена, сестра Эос, катилась в серебряной колеснице по небу над западной Малой Азией, она заметила далеко внизу ЭНДИМИОНА, юного пастуха бесподобной красоты, — он лежал нагой и крепко спал на склоне холма рядом с пещерой на горе Латмос. Вид его роскошного тела, посеребренного Селениными лучами, и манящая соблазнительная улыбка, что играла у него на устах, пока он смотрел свои сны, наполнили Селену столь сильным желанием, что она воззвала к Зевсу, отцу Эндимиона, чтобы юноша никогда не менялся. Она хотела видеть его именно таким, еженощно. Зевс исполнил ее желание. Эндимион остался на том же месте, погруженный в вечный сон. Каждое новолуние, в единственную ночь лунного месяца, когда колесницу Селены не видно, она спускалась и овладевала спящим юношей. Этот необычный подход к соитию не помешал ей родить от Эндимиона пятьдесят дочерей. Предоставлю вам самостоятельно пофантазировать о физических нюансах, позах и положениях, в которых такое возможно.

Странные отношения, но вполне состоявшиеся — и счастливые для Селены[1].

1 Это тема обширной поэмы Дж. Китса «Эндимион».

ЭОС И ТИФОН

Любовная жизнь селениной сестры Эос и далее складывалась столь же бурно. Некоторое время назад богиня рассвета выпуталась из зрелищно катастрофической авантюры с богом войны. Когда Афродита, ревнивая возлюбленная Ареса, обнаружила их связь, она в сердцах обрекла Эос никогда не переживать радость в сфере, где властвовала Афродита, — в любви.

Эос была полнокровной титанидой, наделенной всеми аппетитами своего племени. Более того, она, провозвестница рассвета, верила в надежду, светлое грядущее и возможности, даруемые каждым новым днем. И потому Эос год за годом с трагическим оптимизмом ввязывалась во всякие отношения, но все они из-за проклятья Афродиты были обречены, а Эос об этом даже не подозревала.

Не слишком-то юную Эос особенно влекло к молодым смертным мужчинам: похитив когда-то Кефала, Эос

попыталась проделать то же самое с юнцом по имени КЛИТ. Все закончилось разбитым сердцем: смертный Клит скончался, а для Эос прошло лишь мгновение ока.

Видимо, было что-то в воздухе Трои в те дни. У ЛАОМЕДОНА, племянника Ганимеда[1], что был возлюбленным виночерпием Зевса, родился сын ТИФОН; он вырос красавцем под стать своему двоюродному деду. Тифон, возможно, был чуть хрупче, стройнее и мельче Ганимеда, но от этого не менее желанным. Имелось в нем смешливое обаяние, исключительно его личное, — и оно придавало ему очарования и неотразимости. Вот попросту хотелось обнять его и присвоить навеки.

Как-то раз вечером Эос увидела этого упоительного юношу: тот шел по пляжу под стенами Илиона. Все ее бесчисленные интрижки, похищения, влюбленности и шалости, даже роман с Аресом... все это, осознала она, лишь детские капризы, бессмысленные увлечения. А тут — настоящее. То *самое*.

◎ ЛЮБОВЬ ◎ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Эос приближалась по песку, Тифон глянул на нее и влюбился едва ли не так же мгновенно и по уши, как она в него. Они тут же взялись

1 Лаомедон был сыном старшего брата Ганимеда Ила, царя Трои.

за руки, не обменявшись и словом, и стали прогуливаться по берегу, как возлюбленные.

— Как тебя зовут?

— Тифон.

— А меня — Эос, заря. Пойдем со мной во Дворец Солнца. Живи со мной, будь мне любовником, мужем, равным, владыкой, слугой — всем.

— Эос, да. Я твой навек.

Они рассмеялись и занялись любовью, а вокруг них плескался прибой. Розовые пальчики Эос нашли способ совершенно сводить Тифона с ума от удовольствия. Она знала, что уж *на этот раз* у нее все получится.

Ее коралловые, жемчужные, агатовые, мраморные и яшмовые чертоги во Дворце Солнца стали им домом. Мало есть на свете пар счастливее. Жизнь их стала полной чашей. Они делили друг с другом всё. Читали друг другу стихи, подолгу прогуливались, слушали музыку, танцевали, ездили верхом, сидели в уютной тишине, смеялись и занимались любовью. Каждое утро он с гордостью наблюдал, как она распахивает ворота и выпускает Гелиоса на его рокочущей колеснице.

◎ МИЛОСТЬ ◎

И ВСЕ ЖЕ КОЕ-ЧТО НЕ ДАВАЛО ЭОС ПОКОЯ. Она знала, что однажды ее прекрасного возлюбленного смертного отнимут у нее, как отняли Клита.

Мысль о его смерти доводила ее до отчаяния, которое она не в силах была скрыть.

— В чем дело, любовь моя? — спросил как-то раз вечером Тифон, удивленно заметив, как нахмурился ее светлый лик.

— Ты мне доверяешь, правда, дорогой мой мальчик?

— Всегда и полностью.

— Я завтра вечером отлучусь. Вернусь как можно скорее. Не спрашивай, куда и зачем я собралась.

А собиралась она на Олимп, встретиться с Зевсом.

— Бессмертный Небесный отец, владыка Олимпа, Водитель туч, Громовержец, Царь всех...

— Да-да-да. Чего тебе?

— Алчу милости, великий Зевс.

— Само собой, ты алчешь милости. Никто из родственников не навещает меня ни по какой другой причине. Вечно милости. Милости, милости, милости, сплошные милости. Что на сей раз? Небось насчет того троянского мальчика, да?

Немножко растерявшись, Эос не отступилась.

— Да, государь. Сам знаешь, когда находим мы себе пару среди смертных юношей... — Она позволила себе взгляд на Ганимеда, стоявшего за троном Зевса, всегда готового долить богу в кубок нектара. От ее взгляда Ганимед заулыбался и потупился, мило вспыхнув.

— Так... *и*? — Зевс забарабанил пальцами по подлокотнику трона. Нехороший знак.

— Однажды Танатос придет за моим царевичем Тифоном, и я этого не снесу. Прошу тебя даровать ему бессмертие.

— О. Да ладно? Бессмертие, а? И все? Бессмертие. Хм. Да, почему бы и нет. Неуязвимость для смерти. И это действительно все, что ты для него просишь?

— Ну да, владыка, это все.

Что тут может быть не так? Застала ли она Зевса в хорошем настроении? Сердце у нее запрыгало от радости.

— Исполнено, — сказал Зевс, хлопнув в ладоши. — Отныне твой Тифон бессмертен.

Эос, простертая ниц, вскочила и, восторженно взвизгнув, бросилась целовать Зевсу руку. Он, кажется, тоже сделался очень доволен, рассмеялся и с улыбкой принял ее благодарность.

— Нет-нет. С удовольствием. Уверен, ты вскоре вернешься ко мне со своим «спасибо».

— Разумеется, если таково твое желание.

Вот же странный наказ.

— О, я уверен, ты явишься, не успеем и оглянуться, — сказал Зевс, все еще не в силах прекратить лыбиться. Он не понимал, что за коварный бес забрался к нему в голову. Но мы-то знаем, что проклятие Афродиты неумолимо продолжало действовать.

Эос поспешила обратно во Дворец Солнца, где ее обожаемый супруг терпеливо ждал ее возвращения. Поведала ему новость, он обнял ее и не выпускал из рук, они плясали по всему дворцу и галдели так, что Гелиос постучал в стенку и пробурчал, что некоторым вставать до рассвета.

ОСТОРОЖНЕЕ С ЖЕЛАНИЯМИ

Эос родила Тифону двоих сыновей: Эмафиона, будущего правителя Аравии, и Мемнона, который, когда вырос, стал одним из величайших и устрашающих воинов во всем древнем мире.

Однажды вечером Тифон, положив голову на колени Эос, отдыхал, а она задумчиво наматывала золотую прядь его волос на палец. Напевала себе под нос, но вдруг умолкла и тихонько ахнула от удивления.

— Что такое, любовь моя? — пробормотал Тифон.

— Ты же доверяешь мне, правда, мой милый?

— Всегда и полностью.

— Я завтра вечером отлучусь. Вернусь как можно скорее. Не спрашивай, куда и зачем я собралась.

— У нас разве не было уже точно такого же разговора?

Она собиралась на Олимп — на встречу с Зевсом.

— Ха! Я же говорил, что ты вернешься, ну? Говорил же я, Ганимед? Какие были мои слова, Эос?

— Ты сказал: «Уверен, ты вскоре вернешься ко мне со своим “спасибо”».

— Именно. Что ты мне показываешь?

Эос протягивала Зевсу ладонь. Что-то держала она между трепетным розовым указательным пальчиком и трепетным розовым большим. Одинокая серебристая паутинка.

— Смотри! — проговорила она дрожащим голосом.

Зевс посмотрел.

— Похоже на волос.

— Это *и есть* волос. С головы Тифона. Он *седой*.

— И?

— Повелитель! Ты *обещал* мне. Ты дал слово, что подаришь Тифону бессмертие.

— И подарил.

— Но как тогда это объяснить?

— Бессмертие — милость, о которой ты попросила, и бессмертие — милость, которую я оказал. Ты ничего не сказала о *старении*. Ты не просила вечной молодости.

— Я... ты... но... — Эос в ужасе отшатнулась. Быть того не может!

— Ты сказала «бессмертие». Правда же, Ганимед?

— Да, владыка.

— Но я решила... В смысле, разве не очевидно, что́ я имела в виду?

— Прости, Эос, — сказал Зевс, вставая. — Я не обязан истолковывать чужие желания. Тифон не умрет. Вот и все. Вы вечно будете вместе.

Эос осталась одна, и локоны ее разметались по полу — она плакала.

◎ КУЗНЕЧИК ◎

Верный Тифон и их двое задорных сыновей встретили ее во Дворце. Она изо всех сил постаралась скрыть свое горе, но Тифон почувствовал, что она чем-то расстроена. Когда мальчиков уложили

вечером спать, он вывел Эос на балкон и налил ей чашу вина. Они сидели и смотрели на звезды, и чуть погодя он заговорил:

— Эос, любовь моя, жизнь моя. Знаю, о чем ты не говоришь. Я сам это вижу. Зеркало сообщает мне ежеутренне.

— О Тифон! — она зарылась головой ему в грудь и заплакала навзрыд.

Шло время. Каждое утро Эос выполняла свой долг — открывала врата новому дню. Мальчишки выросли и покинули отчий дом. Годы текли с безжалостной неизбежностью, какую не в силах отвратить даже боги.

Немногие волосы, оставшиеся на голове у Тифона, сделались белыми. Он стал чудовищно морщинистым, сжался и ослабел от старости, но умереть не мог. Голос, когда-то упоительный и чарующий, стал хриплым сухим треском. Кожа и костяк так усохли, что он едва мог ходить.

Он следовал по пятам за своей прелестной, вечно юной Эос со всегдашней преданностью и любовью.

— Прошу, пожалей меня, — скрипел он сипло. — Убей меня, сокруши меня, пусть все это закончится, молю.

Но она уже не понимала его. До нее долетали лишь шершавые писки и скрипы. Однако Эос вполне угадывала, что́ он пытается сказать.

Богиня, может, и не способна была даровать бессмертие или вечную молодость, но божественной силы в ней хватало, чтобы как-то завершить страдания своего возлюбленного. Однажды вечером, когда она почувствовала, что оба они уже не могут все это сносить, Эос закрыла глаза, сосредоточилась хорошенько — и сквозь жаркие слезы

увидела, как несчастное сморщенное тело Тифона лишь самую малость изменилось: измученный старик превратится в кузнечика[1].

В новом обличье Тифон вскочил с холодного мраморного пола на балконные перила, а затем прыгнул в ночь. Она приметила его в хладном лунном свете сестры своей Селены — он цеплялся за длинную травинку, что качалась от ночного ветерка. Задние лапки выскрипывали нечто похожее на благодарное чириканье любовного «прощай». Падали ее слезы, а где-то далеко смеялась Афродита[2].

1 По некоторым версиям — в цикаду. Мне всегда больше нравился кузнечик — возможно, потому что они в Британии обитают повсюду. Авторы книг для британских детей, наверное, думали, что цикаду нам будет труднее вообразить. Как ни странно, имя Тифона закрепилось в биологии не для цикады или кузнечика, а для бабочки-птицекрылки, или кавалера, — *Ornithoptera tithonus*.

2 Удачная мысль вдохновила геолога Альберта Оппеля назвать один из поздних юрских ярусов Титоном — такой вот поклон Эос, ибо на это время приходится *заря* Мелового периода. Стихотворение «Тифон» Алфреда, лорда Теннисона — едва ли не самое популярное и включенное во всяческие антологии. Это драматический монолог, обращенный к Эос, где Тифон молит ее освободить его от обветшалой жизни:

...Пресытясь небом, умирает лебедь.
И лишь меня жестокое бессмертье
Снедает: медленно я увядаю
В твоих объятьях на краю вселенной, —
Седая тень, бродящая в тумане...

Стихотворение содержит знаменитую строку, которую можно считать одной из ключевых тем греческого мифа: «Своих даров не отменяют боги» [Пер. Г. Кружкова. — *Примеч. перев.*].

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

ЦВЕТЕНИЕ ЮНОСТИ

ИСТОРИЮ ЭОС И ТИФОНА МОЖНО СЧИТАТЬ семейной трагедией. Греческий миф богат на множество других историй любви между богами и смертными, чаще в жанре «роковой роман», иногда с элементами романтической комедии, фарса или ужастика. В этих любовных похождениях боги, судя по всему, всегда выдерживали букетную стадию ухаживаний. «Цветок» по-гречески *антос*, и потому дальнейшее есть буквально романтическая антология.

ГИАЦИНТ

ГИАЦИНТ, СПАРТАНСКИЙ КРАСАВЕЦ-ЦАРЕВИЧ, по несчастью очаровал сразу двух богов — Зефира, Западного ветра, и золотого Аполлона. Сам Гиацинт

предпочитал бесподобного Аполлона и не раз отвергал игривые, но все более настырные ухаживания ветра.

Как-то раз вечером Аполлон с Гиацинтом участвовали в спортивном соревновании, и Зефир в припадке ревнивой ярости сдул диск Аполлона с курса, и снаряд стремительно помчал к Гиацинту. Ударил его в лоб и убил наповал.

В припадке горя Аполлон не позволил Гермесу отвести юную душу в Аид и смешал смертную кровь, струившуюся из обожаемого лба, со своими божественными благоуханными слезами. Этот головокружительный эликсир пролился на землю, и расцвели изысканные душистые цветы, и по сей день носящие имя Гиацинта.

КРОКУС И СМИЛАКС

КРОКУС БЫЛ СМЕРТНЫМ ЮНОШЕЙ, без толку томившимся по нимфе СМИЛАКС. Боги (неизвестно, кто именно) сжалились и превратили его в шафрановый цветок, который мы называем крокусом, а нимфа сделалась колючим вьюном, многие виды которого до сих пор распространены под названием *Smilax*[1].

Согласно другой версии того же мифа, Крокус был возлюбленным и спутником бога Гермеса, который нечаянно убил его диском и в скорби своей превратил Крокуса в соответствующий цветок. Это вариант так похож на ис-

1 Сарсапарель *(бот.)*. — *Примеч. перев.*

торию Аполлона и Гиацинта, что поневоле задумаешься, не напился ли какой-нибудь бард как-то раз — или, может, просто перепутал.

◎ АФРОДИТА И АДОНИС ◎

ДРЕВНИМ КИПРОМ ПРАВИЛ ЦАРЬ ТИАНТ, знаменитый своей необычайной красой. Они с женой КЕНХРИДОЙ родили дочь СМИРНУ, также известную как МИРРА или МИРНА, и та росла, затаив кровосмесительную страсть к своему пригожему отцу.

Кипр — священное для Афродиты место: на этот остров она ступила впервые после своего рождения из пены морской, и именно зловредная Афродита вдохнула в Смирну это противоестественное желание. Судя по всему, богиню с некоторых пор раздражали несообразно вялые молитвы царя Тианта и его неподобающие жертвоприношения ей. Он позволил себе наглость открыть новый храм, посвященный Дионису, — этот культ оказался популярным среди островитян. Афродита сочла запустение в своих храмах худшим из возможных преступлений — куда хуже кровосмешения. Впрочем, в умах смертных, включая и знаменитых своими тунеядством и развращенностью киприотов, кровосмешение было под страшнейшим запретом. Истомленная Смирна попыталась задушить в себе постыдные чувства. Но Афродита, не на шутку решившая, судя по всему, посеять раздор, заколдовала служанку Смирны ГИППОЛИТУ и довела всю эту затею до неприятной чрезмерности.

Однажды вечером, когда Тиант с удовольствием напился — что полюбил делать с тех пор, как обнаружил прелести пьянства, дарованные богом Дионисом, — Гипполита под действием Афродитиных чар привела Смирну в комнату к отцу, на ложе к Тианту. Слишком пьяный, чтобы сомневаться в собственной удаче, царь жадно овладел дочерью. Во тьме ночи и в тумане вина он не узнал плод чресл своих — понял лишь, что эта юная, желанная и пылко на все готовая девушка явилась ублажить его, как эдакий божественный суккуб.

Через неделю подобных настойчивых и радостных посещений Тиант, проснувшись поутру, решил узнать об этой девушке побольше. Объявил, что наградит горой золота любого, кто выяснит личность таинственной незнакомки, что с недавних пор придает его ночам столь необузданную приятность.

Смирна претворяла свою страсть в жизнь в некой безумной грезе сладострастия, но, услыхав, что весь Кипр пытается выяснить тайну ее ночных визитов к Тианту, сбежала из дворца и спряталась в лесу. Хотела умереть, но не могла предать ребенка, который — она это ощущала — уже начал расти у нее внутри. Жалуясь на людские законы, сделавшие из ее любви преступление, она обратилась к небесам, чтобы смилостивились над ней[1]. В ответ на ее молитвы боги превратили Смирну в плакучее мирровое дерево.

1 *...Дурные законы*
Сам себе дал человек, и то, что природа прощает,
Зависть людская клеймит... —

такова была, согласно «Метаморфозам» Овидия, ее жалоба. [Цит. по пер. С. Шервинского, кн. 10, ст. 329–331. — *Примеч. перев.*]

Через десять месяцев дерево треснуло и исторгло смертного младенца-мальчика. Наяды умастили ребенка нежными слезами, капавшими с дерева, — бальзамом, который до сих пор остается источником важнейших масел, связанных с рождением и коронацией, — и назвали мальчика Адонисом.

Малыш Смирны вырос и превратился в юношу несравненной физической привлекательности. Ох, я уже столько раз это написал, что вы мне вряд ли поверите. Но правда: все, кто смотрел на него, оказывались сражены навеки; правда и то, что его имя стало нарицательным для воплощений мужской красоты. Нам по крайней мере нужно иметь в виду, что Адонис оказался до того пригож, что привлек к себе — как никакой другой смертный — внимание той, что приложила столько усилий, лишь бы он появился на свет, — самой богини любви и красоты Афродиты.

Они стали любовниками. Путь к этому соитию был безумен и мучителен: богиня в пагубной мстительности подстроила так, что отец совершил запретное с дочерью, из-за чего родился ребенок, которого Афродита полюбила, возможно, глубже, чем кого бы то ни было. На подобную душевную неразбериху и целой жизни, положенной на психотерапию, скорее всего, не хватило бы.

Всё они делали вместе, Адонис и Афродита. Она знала, что другие боги не переносят этого юношу — Деметра и Артемида с трудом терпели всех этих девиц, что сохли по нему, Гера намертво не одобряла столь постыдное и вопиюще непристойное оскорбление священного института брака и семьи, а Арес из-за пылкой влюбленности супруги

бушевал от ревности. Афродита улавливала все это — и решила во что бы то ни стало оградить Адониса от любого вреда, какой могла бы нанести ее враждебная семейка.

Поскольку ее драгоценный смертный возлюбленный, как и большинство греческих юношей и мужчин, выказывал великую страсть к охоте, пекшаяся о нем Афродита сказала ему, что он волен преследовать добычу разумных размеров и умеренной свирепости: зайцев, кроликов, горлиц и голубей, например, но ему совершенно запрещается гоняться за львами, медведями, вепрями и крупными оленями. Однако мальчишек не исправить, и когда девчонки не смотрят, они не могут не явить свою натуру и не покуражиться. Вот так и вышло, что однажды вечером возлюбленный Афродиты оказался один и напал на след вепря (некоторые полагают, что вепрь был самим перевоплотившимся Аресом). Адонис загнал зверя и уже изготовился метнуть копье и сразить, но тут вепрь бросился на него с диким ревом, клыки наголо. От ужаса Адонис уронил копье и отскочил назад, однако он был храбрым молодым человеком, смог удержать равновесие и крепко встать на ноги, чтобы встретить нападение. Вепрь пер на него, Адонис изящно, словно танцор, увернулся, зверь промазал, и Адонис схватил его за загривок. Однако зверь попался хитрый. Он дернул голову к земле, чтобы юноша решил, будто усмирил его. Пав на колени, Адонис прижал голову вепря, а свободной рукой поискал нож у пояса. Зверь учуял возможность и дернул головой, зарычав, задрал и повернул здоровенные клыки. Они распороли Адонису живот, и юноша упал, смертельно раненный.

Афродита нашла его, когда он истекал кровью до смерти, а вепрь — или то был Арес? — торжествующе хрюкая, уносился в лесную чащу. Ничего не оставалось плачущей богине, кроме как обнимать Адониса, пока он испускал дух у нее на руках. Из его крови и ее слез проросли ярко-красные анемоны, названные в честь ветров (*анемои* по-гречески), что так быстро сдувают лепестки с этого изысканно прекрасного цветка — недолговечного, как молодость, и хрупкого, как красота[1].

1 Длинная шекспировская поэма «Венера и Адонис» пересказывает этот миф, основываясь на версии, которую Овидий излагает в «Метаморфозах». По версии Шекспира, из-за смерти Адониса Венера проклинает любовь и объявляет, что отныне любовь всегда будет оттенена трагедией. Вот ее горестное предречение:

...Теперь любовь изведает печаль!..
...Пусть станет основанием войны,
Отца и сына пусть поднимет в бой...
Любить другим я права не даю!

[Пер. В. Ладогина. — *Примеч. перев.*]. Пророчество это, судя по всему, более чем сбылось.

ЭХО И НАРЦИСС

ТИРЕСИЙ

Самая известная история о превращении юноши в цветок начинается с того, что встревоженная мать ведет сына к провидцу. Помимо гадалок и сивилл, вещавших от имени божественных оракулов, существовали еще и некоторые избранные смертные, кого боги наделили провидческим даром. Договариваться о беседе с таким человеком — до некоторой степени все равно что назначать встречу с врачом.

Два самых прославленных прорицателя в греческом мифе — КАССАНДРА и ТИРЕСИЙ. Кассандра была троянской провидицей, чье проклятие состояло в том, что ее пророчества сбывались полностью, но им нисколечко не верили. Фиванец Тиресий оказался в столь же

неприятном положении. Родился мужчиной, но Гера сделала его женщиной — в наказание за то, что он стукнул двух совокуплявшихся змей палкой, и этот поступок совершенно вывел богиню из себя; причины этого раздражения доподлинно известны лишь ей самой. Через семь лет служения Гере жрицей Тиресий вернул себе исходное мужское обличье, но тут Афина сделала его слепцом — за то, что Тиресий подглядывал за ней, когда она купалась в реке нагишом[1]. Такова одна из версий, объясняющих его слепоту, но я предпочитаю другую, согласно которой его привели на Олимп рассудить спор между Зевсом и Герой. Супруги не сошлись во мнениях, какой пол получает большее удовольствие от соития. Поскольку Тиресий, побывав и мужчиной, и женщиной, оказался исключительно подходящим знатоком в этом вопросе, спорщики согласились, что его мнение будет решающим.

Тиресий объявил, что, по его опыту, секс *в девять раз* приятнее женщинам, чем мужчинам. Это взбесило Геру, утверждавшую, что от этого действа больше радости мужчинам. Вероятно, она основывала свое мнение на неистощимом либидо собственного супруга и на своем более

1 Заметим сходство этого проступка с Актеоновым, когда он подглядывал за Артемидой. Застенчивость купающихся богов поражала воображение. У Т. С. Элиота в «Пустоши», часть «Огненная проповедь», есть памятная отсылка к Тиресию:

Я, Тиресий, хоть слеп и немощен,
Пульсирую между двух жизней,
Старик с измятой женской грудью — все предрек…
…Я, Тиресий, со скомканными женскими сосками,
Уже предчувствуя дурной финал…
И я, Тиресий, все выстрадал и предсказал…

[Цит. по пер. К. С. Фарая. — *Примеч. перев.*].

умеренном половом кураже. За все его старания Гера наградила Тиресия слепотой. Ни один бог не в силах отменить заклятие другого, и Зевсу удалось лишь воздать Тиресию уравновешивающей способностью — даром ясновидения, пророчества[1].

◎ НАРЦИСС ◎

ЖИЛА-БЫЛА НАЯДА ПО ИМЕНИ ЛИРИОПА, и был у нее возлюбленный, речной бог КЕФИСС, от которого она родила сына НАРЦИССА, чья красота оказалась такой исключительной, что мать тревожилась за его будущее. Лириопа немало повидала в жизни и понимала, что чрезмерная красота — кошмарный дар, опасная черта, способная привести к жутким и даже смертельным последствиям. Когда Нарцисс достиг пятнадцатилетия и начал привлекать к себе нежелательное внимание, она решила действовать.

— Пойдем в Фивы, — сказала она сыну, — повидаем Тиресия, спросим о твоей судьбе.

И вот так мать с сыном за две недели преодолели путь до Фив и встали к провидцу в очередь, что ежеутренне выстраивалась у храма Геры.

— Хоть ты и незряч и потому не способен увидеть моего сына, — пояснила она Тиресию, когда наконец подошел

1 Честь рассудить спор богов смертному может показаться великой, но история показывает — и это же выяснил троянский царевич Парис, — что результаты могут оказаться катастрофическими.

их черед, — поверь на слово: все, кто его видит, ослеплены им. Не бродил еще по земле смертный красивее его.

Нарцисс зарделся до корней золотых волос и замялся в муках смущения.

— Я достаточно осведомлена о богах, — продолжала Лириопа, — и боюсь, что подобная краса может оказаться проклятием, а не благословением. Мир знает, что случилось с Ганимедом, Адонисом, Тифоном, Гиацинтом и всеми остальными юношами, куда менее привлекательными, чем мой сын. Прошу тебя, великий провидец, скажи мне, проживет ли Нарцисс долгую и счастливую жизнь? Его ли *мойра* — достичь мирной старости?[1] Ты, слепой, видишь все, что незримо для нас. Сообщи мне, молю, судьбу моего любимого сына.

Тиресий вскинул руки и ощупал черты Нарциссова лица.

— Не страшись, — сказал он. — Если не признает себя, Нарцисс проживет долгую и счастливую жизнь.

Лириопа расхохоталась в голос.

— Если не признает себя! — Вот же странный вердикт, какое у него может быть серьезное применение? Как может человек признать сам себя?

1 Мойры, как вы помните, были богинями судьбы. Греки считали, что у каждого человека есть личная, исключительная мойра — некое сочетание необходимости, рока, справедливости и везения. Что-то между удачей и *кисметом*.

ЭХО

Предоставим Лириопе радостно благодарить Тиресия в фиванском храме Геры и пройдем недолгий путь до подножия горы Геликон, где речки и луга близ города Феспии кишели милейшими во всей Греции нимфами. Такие уж они были хорошенькие, что их часто навещал сам Зевс, о чьей падкости до хорошеньких нимф мы уже говорили.

Ореада ЭХО была среди тех нимф не последней по миловидности, однако имелась у нее одна черта характера, из-за которой Зевс и прочие потенциальные ухажеры держались от нее подальше: Эхо была потрясающей *болтуньей*. Деревенская сплетница, соседка, которой до всего есть дело, и чрезмерно участливая подружка — все три в одной; Эхо попросту не находила управы на собственный язык. Не было ничего зловредного в ее трепотне — более того, Эхо зачастую из кожи вон лезла, заступаясь за друзей, прикрывая их, восхваляя и преподнося в наилучшем свете. Имелось в этом некоторое тщеславие, поскольку у Эхо был приятный голос — и разговорный, и певческий. Как и многие люди, наделенные мелодичной речью, она обожала ею пользоваться. Некоторую защиту ей обеспечивала богиня Афродита, обожавшая пение этой нимфы, а пела Эхо всегда во славу любви. Короче говоря, Эхо была романтиком. Злопыхатели могли называть ее сентиментальной и даже слащавой, слюнявой и сопливой, но в добрых намерениях и чистосердечности отказать ей не посмели бы.

Зевс с удовольствием навещал сестер Эхо, ореад и двоюродных наяд — тайком, а Эхо с радостью была им всем наперсницей и лучшей подружкой. Ее будоражило, что приятельницы и спутницы крутят интрижки с Зевсом — Громовержцем и Царем богов. Эту тайну она бережно прятала в себе.

Гере отлучки Зевса всегда казались подозрительными, но с недавних пор они удлинились. От одного преданного ей зяблика Гера слышала, что муж навещает нижние склоны Геликона, и потому однажды золотым вечером решила добраться туда и попробовать поймать его на неверности. Едва сошла она с колесницы, как, бурля бестолковым лепетом, на нее налетела некая горная нимфа. То была Эхо во всей своей шумной красе.

— Царица Гера!

Гера вскинула брови.

— Мы знакомы?

— О твое величество! — вскричала Эхо, падая на колени. — Как нам всем повезло видеть тебя здесь! Какая же это *честь*! Да еще и в колеснице! А павлинов можно покормить? Олимпийская богиня — *тут*! Не упомню, когда последний раз олимпиец снизошел до внимания к нам. Это такая...

— Уж конечно, мой супруг Зевс — постоянный гость этих лесов и вод?

Эхо прекрасно знала, что Зевс — совсем неподалеку, на берегу реки, занят шашнями с одной смазливой речной нимфой. Любовь Эхо к интриге, драме и романтике велела ей выгораживать эту парочку. Сопровождая богиню бурливыми потоками бестолкового трепа, рвавшимися из нее фонтаном, Эхо повела Геру прочь от реки.

— Тут на опушке, повелительница, есть прелестный падуб, я подумываю посвятить его тебе, с твоего позволения... Что, прости? Зевс? Ой нет, я его здесь ни разу не видела.

— Правда? — Гера припечатала Эхо суровым взглядом. — До меня доходили слухи, что он здесь сейчас. Прямо сегодня.

— Нет-нет-нет, моя царица! Нет-нет-нет! На самом деле... слуга муз спустился с Геликона всего полчаса назад — набрать воды из нашего потока, и он специально сказал, что сегодня могучий Зевс в Феспиях, навещает храм, посвященный ему.

— А. Понятно. Что ж, спасибо тебе. — Гера коротко и смущенно кивнула, направилась к своей колеснице и улетела в облака. Сгореть со стыда, когда кто-то видит, как ты гоняешься за собственным мужем.

Эхо поскакала дальше, довольная, что принесла пользу подружке-нимфе и самому Зевсу. Если по-честному, она была бы так же счастлива заступаться и за какую-нибудь любовную парочку простых смертных. Ее радовало упрощать жизнь всем влюбленным, где угодно. Сама она никогда по-настоящему не увлекалась, если не считать увлечения помощью другим в любви, и это увлечение она считала высшей любовью. Таково было ее самоотречение, что ей и в голову не пришло сообщить Зевсу или своей сестре о собственном полезном поступке, а кто-нибудь заинтересованный в награде на ее месте наверняка не упустил бы возможности. Эхо пела, собирая цветочки, и чувствовала, что жизнь нимфы — хороша.

ЭХОЛАЛИЯ

НАЗАВТРА ГЕРА, УЖЕ ВЕРНУВШИСЬ НА ОЛИМП, послала за зябликом, нашептавшим ей о Зевсовой неверности.

— Ты мне наврал, — завопила она. — Выставил меня дурой!

Гера схватила зяблика за клюв, тот едва мог дышать, и уже собралась наказать его эдак причудливо и ужасно, что у нас бы навсегда поменялось представление об этих птичках, но тут подружка зяблика заметалась у ушей и над шевелюрой богини и отважно запищала:

— Но, государыня, он сказал тебе правду! Я видела там Царя Зевса своими глазами. Пока ты беседовала с той нимфой Эхо, он возлежал с наядой менее чем в полумиле от тебя. Не веришь мне — бабочки и цапли тебе скажут. Спроси жриц в феспийском храме, когда Зевс последний раз навещал его. Его там три луны уже не видели!

Гера ослабила хватку, и зяблик, успевший налиться чуть ли не пунцовым, вновь задышал — однако грудки у зябликов до сих пор красноватые.

Когда Гера и ее павлинья колесница возникли вновь, Эхо игриво плескалась в ручье. Нимфа с брызгами погребла к берегу поприветствовать богиню, и на пухлом личике ее расплывалась широченная гостеприимная улыбка. Но улыбка радушия быстро сменилась круглым «О» страха: Эхо разглядела ярость на лице богини.

— Что ж, значит, — с ледяным спокойствием промолвила богиня, — говоришь, моего мужа тут не было. Говоришь, вчера он был не здесь. Говоришь, он был в Феспиях, освящал храм.

— Так... так я, во всяком случае, поняла, — пробормотала напуганная Эхо.

— Ты дура, сплетница, болтунья, подлюка и *врушка*! Да как ты посмела даже пытаться провести Царицу неба? Ты что о себе возомнила?

— Я... — Эхо впервые в жизни не нашлась с ответом.

— Вот и заикайся, вот и спотыкайся. Нравится тебе собственный голос, а? Слушай тогда...

Гера выпрямилась и вскинула руки. Глаза у нее, казалось, вспыхнули пурпурным светом. От величия этого зрелища Эхо содрогнулась и пожалела, что земля немедленно ее не проглотит.

— Повелеваю речи твоей, зловредной и лживой, замереть. Отныне ты будешь нема, пока с тобой не заговорят. Не будет у тебя власти ответить — лишь повторять то, что тебе сказали. Отменить это проклятие никому не под силу. Лишь мне. Понятно?

— ...мне понятно! — воскликнула Эхо.

— Вот что бывает, если не слушаться богов.

— ...слушаться богов!

— Пощады никакой. Жалости не будет.

— ...никакой жалости не будет!

Фыркнув и торжествующе скалясь, Гера удалилась, оставив несчастную нимфу дрожать от страха и бессилия. Как бы ни пыталась она заговорить, никакие слова

не получались. Горло у Эхо всякий раз будто перехватывало, сдавливало. Какая-то ее сестрица наткнулась на нее и увидела, как Эхо беззвучно срыгивает и плюется.

— Эй, Эхо, ты чем занимаешься?

— Ты чем занимаешься? — сказала Эхо.

— Я первая спросила.

— Я первая спросила.

— Нет, *я*.

— Нет, *я*!

— Ах, раз ты так, ну тебя.

— Ну тебя! — крикнула Эхо ей вслед, сама не своя от горя.

Один за другим все ее друзья и родичи отвернулись от нее. Проклятие, обрушившееся на ту, что жила ради веселых сплетен, что превыше всего ценила радостную болтовню и все удовольствие получала от пустяковых острот, оказалось таким кошмарным, что Эхо желала только одного: остаться одной и маяться в безмолвных муках.

◎ ЭХО И НАРЦИСС ◎

В БОЛЕЗНЕННОЕ ОДИНОЧЕСТВО ЛИЧНОГО АДА ЭХО однажды ворвались смех, крики и бойкий шум охоты. Феспийские юноши загнали вепря в чащу, и один охотник оторвался от остальной ватаги. То был юноша непревзойденной красоты, и Эхо, которую нежная страсть обходила всю жизнь стороной, мгновенно втюрилась.

Юношей был Нарцисс, повзрослевший и похорошевший пуще прежнего. Он тоже ни разу не оказывался жертвой нежной страсти. Он так привык к тому, что девушки и юноши, мужчины и женщины, фавны и сатиры, нимфы и дриады, ореады и кентавры, да и вообще любые существа, разумные и неразумные, визжат, вздыхают или падают в обморок в его присутствии, что считал всю эту любовь чепухой. Вменяемых людей она превращает в идиотов. Нарцисс терпеть не мог, когда по нему сохли и дохли. Его бесил этот отчетливый взгляд любви, что вспыхивал в глазах окружающих. Было в этом взгляде нечто сердитое и уродливое. Нечто голодное, потерянное и отчаянное, мрачное, навязчивое и несчастное.

Любовь и желание казались Нарциссу болезнью. Этот урок он усвоил самым неприятным способом еще год назад, когда юноша АМИНИЙ заявил ему о своей любви. Нарцисс ответил, изо всех стараясь быть доброжелательным, что это чувство не взаимно. Однако Аминий не принял отказ за ответ и принялся преследовать Нарцисса по пятам. Шел за ним утром до школы, тащился следом и пялился, как потерянный обожающий щенок, пока у Нарцисса не иссякло терпение и он не наорал на Аминия, чтоб тот убирался и больше к нему и близко не подходил.

В ту ночь Нарцисс проснулся от странного звука у своей спальни. Глянул в окно и увидел в лунном свете, что Аминий вешается на груше, увидел веревку у него на шее. Юноша бросил Нарциссу проклятие и испустил дух.

— Будь столь же несчастен в любви, как и я, прекрасный Нарцисс![1]

С тех пор Нарцисс взял себе за привычку опускать голову, по возможности прикрывать все тело и быть с посторонними немногословным и резким, никогда не встречаться с ними взглядом.

Но сейчас он огляделся и понял, что остальная охота умчала, а он — восхитительно один. Решил Нарцисс воспользоваться прохладой речных вод и манящего мшистого берега. Сбросил одежду и нырнул.

Лишь завидев этот гибкий золотой силуэт, наполовину залитый солнцем, наполовину рябой от тени, эти черты, волнистые в воде, Эхо затаила дыхание. Но когда, подглядывая сквозь листву, узрела это лицо, прекрасное, прекрасное лицо Нарцисса, она утратила власть над своими чувствами. Если б не проклятие Геры, Эхо бы тут же окликнула незнакомца. Но ей пришлось глядеть в безмолвной оторопи, как этот нагой юноша складывает одежду, лук и стрелы в траву и устраивается, распластавшись, спать.

Когда любовь приходит поздно, она является как смерч. Все существо несчастной Эхо сотрясало от чувств к этому невероятному красавцу. Ни от чего, даже от ужаса Гериного проклятия, не билось ее сердце так бешено. Кровь колотилась и плескалась в ушах. Словно Эхо оказалась в середке великого урагана. Ей просто *необходимо* разглядеть этого милого юношу как следует. Уж если та-

1 Согласно некоторым источникам, Аминий превратился в душистую траву. Возможно, в укроп. Или в тмин. Или в анис.

кие сокрушительные страсти бушуют в ней от одного лишь вида *его*, может, в порядке вещей, что он ощутит то же самое при взгляде на *нее*? Наверняка же так и будет? Эхо двинулась к нему, едва осмеливаясь дышать. С каждым шагом она восторгалась все сильней и сильней, пока не затрепетала и не задрожала от волнения с головы до пят. Истории любви с первого взгляда, какими упивалась она всю свою жизнь, оказывается, правдивы! Этот бесподобный юноша, конечно же, ответит на ее чувства. В противном случае Космос и мироздание не имеют смысла.

Само собой, мы с вами знаем, что Космос и мироздание не имеют никакого смысла — и не имели никогда. Несчастной Эхо предстояло установить эту истину самостоятельно.

То ли ее шумное сердце, то ли крик птицы разбудили его, но спавший Нарцисс открыл глаза, как раз когда Эхо приблизилась.

Взгляды их встретились.

Эхо была хорошенькой нимфой — даже красивенькой. Но Нарцисс заметил лишь ее глаза. Опять этот взгляд! Этот изможденный, изголодавшийся, измотанный вид. Эти просящие, призывные глаза. Фу!

— Ты кто? — спросил он, отворачиваясь.

— Ты кто?

— Неважно. Это мое дело.

— Это мое дело!

— А вот и нет. Из-за тебя сон ушел.

— Из-за тебя сон ушел!

— Видимо, как и у всех прочих, у тебя ко мне любовь.

— Ко мне любовь!

— Любовь! Достала эта любовь.

— Стала эта любовь!

— Ни за что. Не надо мне. Уходи!

— Не уходи!

— Рыдай по мне сколько влезет. Ненавижу тебя.

— Вижу тебя!

— Перестань, а? Брось! — вскричал Нарцисс. — Иди!

— Брось, иди!

— Ты меня с ума сводишь.

— С ума сводишь!

— Брысь отсюда, иначе я сорвусь отчаянно...

— Отчаянно!

— Не искушай меня, а?

— Искушай меня-а!

Нарцисс взял охотничью пращу и зарядил в нее камень.

— Уходи. Сейчас же. Сделаю больно тебе. Не понятно?

— Тебе непонятно.

Первый камень пролетел мимо, но Эхо сбежала прежде, чем Нарцисс попробовал вторично. Она бежала, а он кричал ей в спину:

— И вернуться не смей!

— Вернуться не смей, — откликнулась она.

Она бежала и бежала, пока не упала в слезах наземь, и сердце у нее разрывалось от тоски и стыда.

ЮНОША В ВОДЕ

НАРЦИСС ПОГЛЯДЕЛ ЕЙ ВСЛЕД. Сердито покачал головой. Что, никогда не оставят его в покое эти нелепые ноющие люди и их капризное, цепкое безумие? Любовь и красота! Слова, порожние слова.

Разгоряченный от всех этих передряг и драм, он захотел пить и встал на колени над рекой. Дыхание у него сперло: он с изумлением увидел в речной воде прелестнейшее лицо молодого человека немыслимой красы. У юноши были золотые волосы и мягкие алые губы. Нарцисс с восторгом заметил в манящих влюбленных глазах этого юноши тот самый, жадный, назойливый взгляд, какой в других сам всегда считал таким отталкивающим. Но от точно такого же выражения на роскошном лице этого таинственного незнакомца грудь у Нарцисса переполнилась, а сердце застучало от радости. Значит, это великолепное созданье в реке полностью разделяет его чувства! Нарцисс склонился поцеловать эти славные губы, славные губы потянулись поцеловать его, но не успел Нарцисс опустить лицо, как черты незнакомца рассыпались на тысячу пляшущих, волнистых осколков, и вот уж не разглядеть его, и Нарцисс осознал, что целует холодную воду.

— Не двигайся, милый, — прошептал он, и тот, другой юноша, кажется, прошептал то же самое в ответ.

Нарцисс поднял руку. Юноша поднял руку в ответ. Нарциссу хотелось погладить прелестную щеку юноши,

тому хотелось того же. Но лицо рассыпалось, растворялось, стоило Нарциссу приблизиться.

Они оба пытались, вновь и вновь.

Тем временем Эхо — распаленная и укрепленная великой своей любовью — вернулась, крадясь по кустам, еще раз попытать удачу. Она услышала его слова, и сердце у Эхо екнуло.

— Я люблю тебя!

— Я люблю тебя! — откликнулась она.

— Будь со мной!

— Будь со мной!

— Не покидай меня!

— Не покидай меня!

Но когда она подобралась поближе, Нарцисс повернулся, оскалившись, и яростно зашептал ей:

— Уходи! Оставь нас наедине. Никогда не возвращайся! Никогда, никогда, никогда!

— Никогда-никогда-никогда! — взвыла Эхо.

С лютым ревом Нарцисс схватил камень и швырнул в нее. Эхо побежала и споткнулась. Нарцисс взялся за лук и наверняка пристрелил бы ее, если б она не вскочила на ноги и не исчезла в чаще.

Нарцисс встревоженно вернулся к воде, опасаясь, что, возможно, чудесный юноша исчез. Но нет, он там же — лицо взволнованно, разрумянилось, — все такой же прелестный и влюбленный, как и прежде, с волшебным блеском в глубоких синих глазах. Нарцисс вновь лег и поднес лицо к воде...

ЖАЛОСТЬ БОГОВ

ЭХО БЕЖАЛА И БЕЖАЛА ВВЕРХ ПО СКЛОНУ, РЫДАЯ от горя и отчаяния. Спряталась в пещере высоко над рекой, на чьих берегах лежал милый Нарцисс. В уме Эхо составила слова молитвы к любимой богине Афродите. В немом отчаянии она попросила освободить себя от мук любви и невыносимого бремени проклятого бытия.

Афродита ответила на молитвы нимфы по мере своих возможностей. Освободила нимфу от тела и почти от всех физических атрибутов. Устранить проклятие Геры она не могла, и потому голос продолжил жить. Голос, навлекший на Эхо все ее беды, голос, обреченный лишь повторять и повторять. Ничего больше не осталось от когда-то пригожей нимфы — лишь отвечающий голос. Эхо слышно до сих пор, она возвращает вам несколько последних слов, если крикнете что-нибудь рядом с пещерой или ущельем, в скалах, холмах, на улицах, площадях, в храмах, среди монументов, руин или в пустых комнатах.

А что же Нарцисс? День за днем лежал он у реки, пылко и безнадежно влюбленный в собственное отражение, глядел на себя, преисполнялся любовью к себе и алкал себя, вперял взоры в себя одного, и заботил его лишь он сам и больше никто и ничто. Он склонялся над водой, страдая и страдая, пока боги наконец не превратили его в хрупкий красивый цветок нарцисс, чья милая головка вечно клонится вниз — поглядеть на себя в лужице, озере или ручье.

Можно считать, что особенности этих обреченных молодых людей достались в наследство и нам, и нашему языку в виде привычных человеческих черт или неприятных недугов личности. Нарциссическое расстройство и эхолалия (бездумный повтор уже сказанного) числятся в «Диагностическом и статистическом перечне умственных расстройств», который определяет умственные болезни с медицинской и юридической точек зрения. Нарциссическое расстройство личности, о котором в наши дни много говорят, выражается в тщеславии, самовлюбленности, мощной потребности в восхищении, воспевании и восторженности, но главное — в одержимости собственным обликом. Чувства окружающих задавлены и затоптаны, а представления о честности, правдивости или цельности беззаботно отставлены. Типичные признаки — хвастовство, бахвальство и неадекватные преувеличения. Критика и принижение достоинств неприемлемы и могут спровоцировать воинственное и неожиданно странное поведение[1].

Возможно, нарциссизм лучше всего определяется как потребность смотреть на окружающих как на зеркальные поверхности, которые устраивают нас, лишь если возвращают нам любящий или восхищенный образ нас самих. Иными словами, когда смотрим в чужие глаза, мы пытаемся высмотреть, не *кто* в них, а как *мы сами* отражаемся в этих глазах. По такому определению, кто из нас способен честно отказаться от своей доли нарциссизма?

1 Но мы таких людей, конечно, не знаем...

ВЛЮБЛЕННЫЕ

Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Хитклифф и Кэтрин, Сью Эллен и Дж. Р.[1] — все известные нам обреченные влюбленные очень многим обязаны предшествовавшей трагической греческой традиции.

ПИРАМ И ФИСБА

Слово «Вавилон» наводит нас на мысли о ближневосточной цивилизации, что славится распутностью и злоупотреблениями. Висячие сады были одним из Семи чудес света, а сам Вавилон — крупнейшим городом на Земле[2]. Вавилонская империя

1 Речь о героях американского телесериала «Даллас» (1978–1991). — *Примеч. перев.*
2 Развалины Вавилона размещаются под песками Ирака или торчат из-под них примерно в пятидесяти милях южнее Багдада.

подмяла под себя большую часть Малой Азии, и некоторые считали, что наша история на самом деле происходила в Киликии, царстве, которое основал Килик, до того, как присоединился к Кадму и другим сыновьям Агенора в поисках Европы. Овидий, однако, в этой версии запросто определяет место действия посреди Вавилона, и потому там же определил его и я.

Ну и вот, жили-были в Вавилоне два семейства, враждовавших не одно поколение подряд, никто не помнил, почему. Великие дворцы этих семейств располагались на главной улице города стенка в стенку, но детей из соответствующих дворов растили во вражде к соседским, им запрещали разговаривать друг с другом, переписываться или даже подавать друг другу знаки.

В одной семье был сын по имени ПИРАМ, а в другой — дочка ФИСБА, и они как-то ухитрились влюбиться друг в друга вопреки всем преградам на их пути. Они обнаружили маленькую брешь в общей стене между домами. Через это отверстие они шептались, обменивались взглядами на жизнь, поэзию и музыку, пока не поняли, что влюбились по уши. Дырка в стене была слишком маленькой, друг к другу не прикоснешься, зато это милосердное отверстие позволяло дышать жаром юной пылкой страсти друг другу в рот, а запретность чувств и волнующая недосягаемая близость эту страсть лишь подогревали.

Обмен горячим юношеским дыханием так воспламенил их, что однажды ночью, обезумевшие до невыносимости, они решили удрать каждый из своего дома и встре-

титься во тьме на могиле предка Пирама — ассирийского царя НИНА, основателя великого города Ниневии.

И вот на следующий вечер гибкая и сообразительная Фисба проскальзывает мимо стражников своей опочивальни и часовых у отцова дворца и вскоре оказывается за городскими стенами, возведенными много лет назад ее праматерью, царицей СЕМИРАМИДОЙ. Добравшись до условленного места, Фисба натыкается там не на возлюбленного Пирама, а на дикого льва, чьи челюсти истекают кровью недавней добычи — вола. Напуганная львиным ревом, Фисба сбегает с кладбища. В спешке и страхе побега роняет вуаль. Лев приближается к вуали, обнюхивает ее, хватает зубами и мотает туда-сюда, пачкая воловьей кровью, размазанной по морде, после чего бросает ткань на землю, взревывает напоследок и трусит в ночь.

Чуть погодя Пирам оказывается на том же месте и устраивается ждать возлюбленную под высокой шелковицей, усыпанной тяжким летним бременем белоснежных плодов. Столп лунного света пробивает крону дерева и озаряет лежащую на земле вуаль Фисбы, замаранную и пропитанную кровью. Пирам подбирает ее. Охваченный ужасом, видит он вышитый герб семьи Фисбы на окровавленном льне — более того, он узнает запах девушки, с которой столько раз обменивался необоримой горячностью любовного дыхания. Отпечатки лап на земле говорят о визите льва.

Кровь, отпечатки лап, семейный герб, неповторимый запах самой Фисбы — ясный трагический смысл всего это-

го ослепляет Пирама. С криком отчаяния он вынимает меч и закалывает себя в живот, ширит рану, торопится воссоединиться с погибшей возлюбленной. Кровь брызжет из него фонтаном, красит плоды белой шелковицы в красный.

— Вы отняли у меня мою возлюбленную Фисбу прежде, чем успели мы соединиться на недолгий срок нашей жизни! — кричит Пирам небесам. — Так пусть же мы будем вместе в бескрайней ночи вечной смерти! — С этими благородными словами он падает замертво[1].

Входит Фисба. В руках у мертвого Пирама она видит свою вуаль, замаранную кровью. Видит отпечатки львиных лап и совершенно отчетливо считывает, что тут произошло.

— О боги, как можно быть такими завистливыми к нашей любви, чтобы не дать нам даже и одного мгновения счастья? — вопиет она.

Видит меч Пирама. Он еще горяч и влажен от его крови. Она бросается на меч, погружает его в свою плоть с криком торжества и восторга — в самом фрейдистском самоубийстве в истории.

Когда оба семейства оказываются на месте трагедии, они, рыдая, вешаются друг другу на шеи и молят о вза-

1 В фарсовом спектакле «Сон в летнюю ночь» Пирам (в исполнении Основы), закалывая себя, кричит вот что:

И вот я мертв, ах, ах!
Мой дух уж в небесах!
На небо улетаю,
Лишь кости здесь слагаю.
Язык, свой свет сокрой!..
Луна, лети долой!
Несчастный, умирай!
Ай-ай-ай-ай-ай-ай!

[Пер. Т. Щепкиной-Куперник, акт V, сцена 1. — *Примеч. перев.*]

имном прощении. Вражда исчерпана. Тела влюбленных сжигают, а прах смешивают в одной урне.

Духи же их... ну, Пирама превратили в одноименную реку, на тысячи лет, а Фисбу — в ручей, чьи воды впадают в Пирам. Русло Пирама (ныне — Джейхан) перегородили дамбой и построили на ней гидроэлектростанцию, и страсть возлюбленных ныне питает электросети в турецких домах.

Более того, в честь любви и самопожертвования этой пары боги постановили, что плоды шелковицы отныне должны быть глубокого багряного цвета — цвета их страсти и крови.

ГАЛАТЕИ

АКИД И ГАЛАТЕЯ

Среди многочисленных дочерей океаниды Дориды и морского бога Нерея была нереида ГАЛАТЕЯ. Названная так за белоснежность кожи, она была предметом обожания циклопа ПОЛИФЕМА. Он не из первородных циклопов: Полифем был свирепым и безобразным отпрыском Посейдона и океаниды ФООСЫ.

Сама же Галатея любила АКИДА, сицилийского пастушка с незамысловатым обаянием и красой. Пусть и был он сыном речной нимфы СИМАФИДЫ и бога Пана, Акид — простой смертный. Однажды ревнивый Полифем застал Акида и Галатею в объятиях друг друга и швырнул в юношу валун; Акида придавило и убило. Галатея в своем горе смогла привлечь достаточные силы и возможности, а может, и друзей с Олимпа, и Акида удалось превратить в бессмертного

речного духа, с которым она и соединилась навек. Их история — тема пасторальной оперы Генделя «Акид и Галатея».

ГАЛАТЕЯ II

Раз уж мы заговорили о девицах с именем Галатея, имеет смысл познакомиться еще с двумя. У ПАНДИОНА Фестского, с Крита, был сын ЛАМПР, женившийся на некой Галатее. Лампр совершенно не стремился плодить девочек и сказал жене, что, если родит дочку, пусть убьет ее, а они продолжат пытаться, пока она не родит желанного Лампру сына. Их первенцем стала прелестная девочка. Галатее не хватило духу ее убить — да и какой же матери хватит? — и она сказала мужу, что родился здоровенький мальчик, а назвать она его хочет ЛЕВКИППОМ (белая лошадь).

Лампр поверил жене на слово и никакими анатомическими осмотрами утруждаться не стал, и вот так Левкипп, воспитанная мальчиком, выросла в пригожего, умного и всеми любимого юношу. Но подходил подростковый возраст, и Галатея все больше боялась, что роскошные природные формы ее дорогого чада и зримое отсутствие какого бы то ни было пушка на подбородке должны рано или поздно выдать все Лампру, а он был не из тех людей, кто готов легко закрыть глаза на обман.

От греха подальше Галатея взяла Левкипп и попросила убежища в храме Лето (титаниды — матери Аполлона и Артемиды), где молилась, чтобы ее дочь сменила пол.

Лето ответила на ее молитвы, и Левкипп в мгновение ока превратилась в мускулистого юношу. Как и положено мужчине, везде, где надо, поперли волосы, возникли положенные бугры, а неположенные исчезли. Лампру все оказалось невдомек, и они жили дальше долго и счастливо.

Многие поколения после этого случая город Фест отмечал праздник, называемый *экдисией*[1]. Согласно ритуалу все фестские юноши жили среди женщин и девушек, носили женское платье и обязаны были принести клятву гражданина, и лишь после этого их отпускали из *агелы*, или отрочества, и позволяли им мужское облачение и положение[2].

◎ ЛЕВКИПП II, ◎ ДАФНА И АПОЛЛОН

Что интересно, еще один миф рассказывает нам о другом Левкиппе, сменившем пол, — о сыне ЭНОМАЯ, влюбившемся в наяду ДАФНУ, которую при этом любил Аполлон, но пока не взялся за ней ухаживать или совращать ее.

Чтобы приблизиться к Дафне, этот Левкипп переоделся девушкой и прибился к ее ватаге нимф. Ревнивый Аполлон это увидел, заколдовал тростники, и те нашептали

1 Это слово одновременно означает линьку, разоблачение, сбрасывание и переоценку. Выход из чего-то одного и вхождение во что-то иное.

2 Подробнее об этом поразительном предмете: *David D. Leitao*, The Perils of Leukippos: Initiatory Transvestism and Male Gender Ideology in the Ekdusia at Phaistos, in Classical Antiquity, vol. 14, no. 1 (1995). [*Дэвид Д. Лейтао*. Опасности Левкиппа: Посвятительный трансвестизм и мужская гендерная идеология экдисии в Фесте // Классическая древность. Т. 14. №1 (1995). — *Примеч. перев.*]

Дафне, что ей и ее служанкам следует искупаться в реке. Те послушно сбросили одежды и принялись плескаться нагишом. Когда Левкипп по очевидным причинам отказался снимать девичий наряд, девушки шаловливо содрали с него все, обнаружили его неловкий и однозначный секрет и в гневе забили его копьями до смерти.

Но тут у самого Аполлона взыграла сладострастная кровь. Он принял человеческий облик и погнался за Дафной. Девушка в ужасе выскочила из реки и помчалась со всей доступной ей прытью, но Аполлон вскоре настиг ее. Почти дотянулся, но тут она вознесла молитву к матери своей Гее и отцу, речному богу ЛАДОНУ. Аполлон потянулся к ней, прикоснулся, и под самыми его пальцами ее плоть переменилась. На груди образовалась тонкая кора, волосы зашевелились и обернулись желтыми и зелеными листьями, руки превратились в ветви, стопы неспешно пустили корни в радушную землю Геи. Ошеломленный Аполлон осознал, что обнимает не наяду, а лавровое деревце.

В кои-то веки бога отшили. Лавр стал для него священным, а лавровый венок с тех пор украшает чело, как я уже говорил, победителей Пифийский игр в Дельфах. И поныне получатель любой большой награды именуется лауреатом[1].

1 Эту Дафну не следует путать с ДАФНИСОМ, сицилийским юношей великой красы, которого нашли младенцем в лавровых кустах, подаривших ему имя. И Гермес, и Пан влюбились в него, последний учил его играть на свирели. Дафнис так поднаторел в этом деле, что последующие поколения приписывали ему изобретение пасторальной поэзии. Во II в. Лонг, писатель с острова Лесбос, написал роман (как и «Золотой осел», претендующий на звание Первого в Мире Романа) под названием «Дафнис и Хлоя», в котором рассказывается о двух буколических влюбленных, переживших всевозможные испытания и приключения во имя своей любви. По мотивам этой истории Оффенбах сочинил оперетту. Еще известнее революционный балет 1912 г. на музыку Мориса Равеля, поставленный Фокиным, с Нижинским в главной роли.

ГАЛАТЕЯ III
И ПИГМАЛИОН В ПРИДАЧУ

НА ОСТРОВЕ КИПР, МЕСТЕ ВЫСАДКИ пенорожденной Афродиты, богиню любви и красоты чтили с особым пылом, отчего за киприотами закрепилась репутация любострастных либертинцев и либидинальных ловеласов. Континентальная Греция считала Кипр очагом разврата, Островом свободной любви.

В южном портовом городе Амафунте группа женщин-ПРОПЕТИД, или «дочерей Пропетия», так возмущалась половой распущенностью, царившей повсюду, что им хватило дерзости заявить: надо отменить Афродиту как покровительницу острова. В наказание за такое богохульное непочтение разгневанная Афродита внушила этим постным сестрам чувство неутолимой плотской страсти и одновременно лишила их всяких представлений о скромности и стыде. Про́клятые женщины утратили саму способность краснеть и принялись увлеченно и без разбору торговать своим телом по всему острову.

Восприимчивый и страшно привлекательный юный скульптор по имени Пигмалион увидел вопиюще бесстыжее поведение пропетид, и такое его обуяло отвращение, что он решил навеки отречься от любви и секса.

— Женщины! — бормотал он себе под нос, усаживаясь за работу однажды утром (ему заказали воплотить в мраморе лицо и фигуру одного военачальника из Амафунта). —

Уж я-то время на женщин тратить не буду. Ну нет. Искусства достаточно. Искусство — это всё. Любовь — ничто. Искусство — всё. Искусство... так, а вот это странно...

Пигмалион отступил и, оглядев свою работу, от удивления наморщил лоб. Его военачальник обретал страннейшие очертания. Пигмалион был готов поклясться, что у модели была борода. Более того, старый воин был, вероятно, слегка пухловат, но скульптор не сомневался, что налитых грудей у модели не было. Да и шея не такая стройная, не такая гладкая и неотразимо...

Пигмалион вышел в сад и сунул голову в журчавший фонтан с холодной водой. Вернувшись освеженным в мастерскую, он глянул на работу и смог лишь растерянно покачать головой. Военачальник, когда Пигмалиону позволили прийти к нему на виллу и рассмотреть черты великого человека, показался ему скроенным скорее на манер бородавочника, нежели человека, но в мраморе прорезывалась ни много ни мало утонченная чудотворная красота. И отчетливо *женская* притом.

Берясь за долото, Пигмалион пробежался взором художника по своей работе и понял, что несколькими безжалостными прицельными ударами он запросто вернется на нужный курс и не испортит впустую ценный кусок мрамора, на который потратил доходы целого месяца.

Щелк, щелк, щелк!

Вот, другое дело.

Тук, тук, тук!

Похоже, какой-то странный бессознательный порыв.

Скрип, скрип, скрип!

Или, может, несварение.

Ну-ка, отойдем и глянем еще разок...

Нет!!!

Вовсе не спас он работу, не вернул лицу скульптуры военачальника мужественный воинственный вид — он ухитрился лишь усилить мягкую женственность этих черт, изящество, чувственность и — так ее растак — обольстительность.

У него открылась горячка. Глубоко внутри он понимал, что военачальника он уже не спасает. Пигмалион взял на себя задачу довести охватившее его безумие до конца.

Безумие это было, само собой, проделкой Афродиты. Ей не нравилось, что один из красивейших и способных молодых людей у нее на острове решил отвернуться от любви. К тому же его прибрежная обитель располагалась как раз в том самом месте, где Афродита сошла на берег после рождения в волнах, — и, рассудила она, это место обязано источать любвеобильность с особой силой. Любовь и красота, как многие из нас обнаруживают в течение жизни, — безжалостны, бестрепетны и беспардонны.

Дни и ночи напролет трудился Пигмалион в приступе творчества, буквально *энтузиазма*. Поколения художников в любых жанрах знают этот мучительный, задышливый восторг вдохновения, охвативший Пигмалиона. Ни единой мысли о еде и питье — да и вообще ни единой осознанной мысли — не навестило его ум, он лишь тюкал, стучал и напевал себе под нос.

И вот наконец, когда розовый румянец Эос и перламутровая вспышка света на востоке возвестили о начале пятого дня непрерывной работы, Пигмалион отступил с чудесным знанием, какое доступно лишь истинным художникам: да, наконец-то работа неизъяснимо завершена.

Он едва осмеливался поднять взгляд. До сих пор он трудился вблизи от камня, работал над нюансами — очертания фигуры существовали в некоем темном недосягаемом углу его ума. Впервые мог он теперь осмотреть все целиком. Пигмалион глубоко вздохнул и глянул.

Потрясенно вскрикнув, выронил резец.

От утонченно выделанных пальцев на ногах до безупречно вырезанных цветов, венчавших локоны на голове, эта скульптура была непревзойденно лучшим из всех его творений. Более того, это совершенно точно было великолепнейшее произведение искусства в истории мироздания. Для Пигмалиона как для истинного художника это означало, что скульптура была красивее, чем любой *человек*, когда-либо живший на Земле, ибо Пигмалион знал, что искусство всегда превосходит лучшее, на что способна природа.

Однако видел он, что фигура, которую он вытесал в мраморе посредством своего зачарованного воображения, была больше, чем самая абсолютно прекрасная вещь на свете. Она была *настоящей*. Для Пигмалиона она была подлиннее, чем кровля у него над головой и пол под ногами.

Сердце у скульптора колотилось, зрачки расширились, дыхание участилось, а самая суть его существа встрепе-

нулась мощно и тревожно. Счастье и боль — одновременно. Любовь.

Выражение лица и поза девушки — которую следовало назвать Галатеей, понял он, поскольку ее мраморная неотразимость была белой, как молоко, — запечатлели утонченную нерешительность между пробуждением и изумлением.Она, казалось, слегка удивлялась, будто затаила дыхание. При виде чего? Красоты мира? Обаяния молодого художника, жадно пожиравшего ее глазами? Ее черты были пропорциональны и безупречны, но так бывает у многих девушек. Имелось в ней нечто большее, чем обыденная привлекательность. Внутренняя красота души струилась из глубины ее. Силуэт был стремительно, сражающе, сумасводяще сглаженным, смягченным, соблазнительным. Груди словно бы тихонько вздымались, а нагота добавляла обворожительности тому, как рука ее прикасалась к горлу — в жесте трогательной застенчивой тревоги.

Пигмалион обошел ее, чтобы осмотреть восхитительную щедрость изгибов ее ягодиц и великолепную полноту бедер. Осмелится ли он налагать руки на эту плоть? Потянулся — бережно, чтобы не поранить. Но пальцы столкнулись с холодным мрамором. Твердым, неподатливым мрамором. На глаз и до самой своей глубины Галатея казалась проворной, теплой и живой, но ласкавшим ее рукам Пигмалиона, его любящей щеке, прижатой к ее боку, она оставалась холодной, как смерть.

Он одновременно ощущал себя больным и заряженным жизнью до краев. Он скакал. Кричал в голос. Стонал.

Смеялся. Пел. Клял. Выказывал все буйство, безумие, ярость, восторг и отчаяние бурно и устрашающе влюбленного юноши.

Наконец он бросился к Галатее, обхватил ее руками и ногами, терся о нее носом, целовал, тискал и мял ее, пока все внутри у него не полыхнуло пожаром.

Безумие, поглотившее его душу, после первого припадка не успокоилось. Он посвятил себя Галатее со всем пылом и внимательной нежностью истинного влюбленного. Он придумывал ей нежные прозвища. Ходил на рынок и там покупал ей платья, венки и милые безделушки. Украшал ее руки браслетами и кольцами, шею ожерельями и подвесками из яшмы и жемчуга. Приобрел ложе и отделал его шелками тирского пурпура. Укладывал ее и пел ей баллады. Как почти из всех великих художников в визуальных искусствах, музыкант из него вышел неумелый, а поэт — жалкий.

Его любовь была страстной и щедрой, но — если не считать его горячечного воображения в самых оптимистических случаях, — совершенно безответной. Ухаживание получалось односторонним, и в глубине своего разрывавшегося сердца он это понимал.

Пришло время праздника Афродиты. Пигмалион на прощание поцеловал холодную, но прекрасную Галатею и вышел из дома. Весь Кипр и тысячи гостей с континента собрались в Амафунте на ежегодные торжества. Просторную площадь перед храмом заполонили паломники, пришедшие помолиться богине любви и красоты об успехах в сер-

дечных делах. В жертву принесли увешанных гирляндами телок, воздух густел от ладана, а все колонны в храме увили цветами. Молитвы возносились наперебой, скороговоркой, громко:

— Пошли мне жену.

— Пошли мне мужа.

— Пусть у меня лучше получается.

— Угомони меня.

— Забери у меня эти чувства.

— Пусть Менандр в меня влюбится.

— Пусть Ксантиппа перестанет мне изменять.

Просительные вопли и стоны гудели в воздухе.

Пигмалион слепо протолкался между продавцами и просителями. Добрался до ворот храма, подкупил охрану, улестил жриц и наконец оказался во внутреннем чертоге, где перед статуей Афродиты дозволялось молиться только богатейшим и влиятельнейшим гражданам. Пигмалион пал перед ней на колени.

— Великая богиня любви, — прошептал он. — Сказано, что в день твоих торжеств ты исполняешь желания пылких влюбленных. Исполни желание бедного художника, молящего тебя, если можно...

У алтарного придела важные мужчины и женщины лопотали свои молитвы Афродите, и хотя вероятность, что его подслушают, была невелика, из некой скромности или стыда Пигмалион свое истинное желание выговорить не смог.

— ...бедного художника, что молит тебя, если можно, предоставить ему настоящую живую девушку, но в точно-

сти такую же, как он изваял в мраморе. Позволь это, устрашающая богиня, и ты навеки завоюешь себе преданного раба, чьи жизнь и искусство будут посвящены служению и воспеванию любви.

Афродита слушала эту молитву и веселилась. Она прекрасно понимала, чего на самом деле хочет Пигмалион. Свечи на алтаре перед ним вспыхнули и девять раз вознеслись ввысь.

Пигмалион помчался домой. До самой своей смерти не мог он поведать ни о пути назад, ни о том, сколько времени этот путь занял. Несясь домой, он, возможно, сбил с ног человека — или сорок человек.

Безжизненная статуя лежит на своем роскошном ложе в точности так же, как он ее оставил. Никогда прежде эта вырезанная фигура не казалась менее досягаемой или более льдисто-далекой. И все же, обуянный верой и безумной яростью влюбленного, Пигмалион опускается на колени и целует холодный лоб. Раз, другой... двадцать раз. Целует шею, щеки... и... *погодите*! Огонь ли его поцелуев согрел мрамор или Пигмалион чувствует, как поднимается под его жадными губами тепло? У *него получается!* От касаний его рта неподатливый камень размягчается в плоть, в стремительную, теплую, упоительную плоть!

Еще и еще целует он, и как воск в пчелиных сотах плавится и тает на солнце, так же и холодная слоновая кость его возлюбленной размягчается от каждой нежной ласки рта и ладони.

Он изумлен. Он не может взять в толк. Он прижимает палец к ее запястью и ощущает ток и биение горячей человечьей крови! Встает. Правда ли это? Правда ли? Он баюкает Галатею на руках, ощущает, как раскрывается ее грудь с первым вздохом. Это правда! Она живая!

— Афродита, благословляю тебя! Афродита, величайшая из всех богов, благодарю тебя и клянусь служить тебе вечно!

Он склоняется поцеловать теплые губы, что охотно отвечают ему. И вот уж парочка обнимается, смеясь, плача, вздыхая, любя.

Девять раз сменится луна, и этот счастливый союз будет благословлен рождением чада, мальчика, которого они называют ПАФОСОМ, и имя его получит город, где Пигмалион и Галатея проживут до конца своей мирной жизни в любви.

Лишь раз или два в греческих мифах смертным любовникам даровано счастливое завершение их истории. Возможно, все дело в надежде, которая подталкивает нас верить, что наши поиски счастья не окажутся напрасными[1].

1 Определение «пафосский» стало относиться к Афродите и искусствам любви. Джордж Бернард Шоу решил назвать «Пигмалионом» свою пьесу о человеке, который пытается сделать из простушки-кокни Мейфэр-леди. [Название лондонского района Мейфэр (Mayfair), самого дорогого во всем Лондоне, по звучанию очень похоже на словосочетание «my fair»; американский кинофильм «Моя прекрасная леди» («My Fair Lady», 1964), снятый по мотивам пьесы Шоу, обыгрывает это созвучие. — *Примеч. перев.*]

ГЕРО И ЛЕАНДР

Греческое море, или Геллеспонт, в наши дни именуется Дарданеллами и лучше всего известен как сцена наиболее яростных боев за Галлипольский полуостров во время Первой мировой войны. Как часть естественной границы между Европой и Азией, эти проливы всегда были стратегически значимы и для войны, и для торговли. Вопреки размерам этого символического зазора между континентами, сильный пловец на самом деле способен его переплыть.

ЛЕАНДР[1] происходил из Абидоса, что на азиатской стороне Геллеспонта, но влюбился он в жрицу Афродиты по имени ГЕРО, жившую в башне в Сесте, на европейской стороне. Они познакомились на ежегодном празднестве, посвященном Афродите. Многие юноши потеряли голову из-за того, что тело ее сравнимо «с лугом роз ароматных»[2], лик ее чист, как у Селены[3], но лишь красавец Леандр смог пробудить в ней ответную страсть. В недолгое время, что они провели вместе на празднике, влюбленные придумали, как им видеться, когда они разъедутся по домам, разделенные проливом. Каждую ночь Геро будет ставить

1 О Леандре мало что известно. Поэма Кристофера Марлоу не сообщает нам почти ничего, кроме того, что он был юношей, познакомившимся с Геро и влюбившимся в нее. Ли Хант написал стихотворение, ненамного богаче сведениями. [Кристофер Марлоу (1564–1593) — английский поэт, переводчик и драматург-трагик елизаветинской эпохи, разведчик. Джеймз Генри Ли Хант (1784–1859) — английский публицист, поэт, драматург, литературный критик. — *Примеч. перев.*]

2 Цит. по: *Мусей*. Геро и Леандр [возм. VI в.)] / Пер. М. Дриневич. — *Примеч. перев.*

3 В поэме Марлоу она облачена в покровы, на которых цветы вышиты до того искусно, что Геро приходится отгонять пчел…

у себя в башне на подоконнике лампу, а Леандр, устремив взор на эту точку света во тьме, преодолеет течения Геллеспонта, взберется к Геро и будет с ней.

Жрица Геро дала обет целомудрия, однако Леандр уболтал ее, что физическое воплощение их любви — святое дело, посвящение, которое Афродита одобрит. Более того, сказал он, посвящать себя богине любви и при этом оставаться девицей — вот это уж точно оскорбление. Все равно что поклоняться Аресу и отказываться воевать. Этот блистательный довод сразил Геро, и каждую ночь загорался светильник, пролив переплывали, любовью занимались. Сложилась счастливейшая на всем белом свете пара.

Такое безмятежное положение сохранялось все лето, но оно слишком скоро превратилось в осень, и вот уж подули ветры равноденствия. Однажды ночью три ветра — Борей, Зефир и Нот, Северный, Западный и Южный — взвыли разом, вихрями и порывами, и один из них задул светильник Геро. Без путеводного огня над Геллеспонтом и при ветрах, поднявших волны до тяжких стен воды, Леандр потерялся, попал в беду и утонул.

Геро прождала возлюбленного всю ночь. Наутро, не успела Эос распахнуть врата восхода, едва стало хватать света, чтобы разглядеть, Геро глянула вниз и увидела разбитое тело Леандра, простертое на скалах под башней. В муке отчаяния она выпрыгнула из окна и разбилась на тех же скалах[1].

1 Имя Леандра сохранилось в названии почтенного и эксклюзивного лондонского гребного клуба, чьи конфетно-розовые носки, галстуки и лопасти весел представляют собой столь тревожное зрелище на регате «Хенли».

После Леандра Геллеспонт переплывали многие. Куда уж знаменитее — сам поэт Байрон проделал это 3 мая 1810 года, со второй попытки. У себя в дневнике он гордо записал время: один час и десять минут. «Удалось с малым усилием, — отмечает он. — Тешу себя этим достижением больше, чем мог бы какой угодно славой, политической, поэтической или ораторской».

Лорд Байрон плыл в компании некоего лейтенанта Уильяма Экенхеда, из морской пехоты Великобритании, обретшего свою долю бессмертия тем, что его ввели в строфу псевдоэпического шедевра Байрона «Дон Жуан». Воспевая мощь своего героя, переплывшего Гвадалквивир в Севилье, Байрон пишет о Дон Жуане[1]:

Он переплыл бы даже, несомненно,
И Геллеспонт, когда бы пожелал,
Что совершили, к вящей нашей гордости,
Лишь Экенхед, Леандр и я — по молодости[2].

1 Далее цит. по пер. Т. Гнедич, песнь 105.

2 Это достижение явно было дорого косолапому, но замечательно развитому физически поэту. Он написал об этом своему другу Хенри Друри: «Сегодня утром я переплыл из Сеста в Абидос. Расстояние по прямой не более мили, но из-за течения опасно; настолько опасно, что я сомневаюсь, не поутихло ли страстное влечение Леандра на этом пути в Рай». Через шесть дней после этого подвига Байрон даже сочинил псевдогероическое стихотворение на заданную тему — «Стихотворение, написанное после того, как автор проплыл из Сестоса в Абидос»:

Чрез Геллеспонт, поток огромный
(Всем девам дорог тот рассказ),
Во мгле декабрьской ночи темной
Леандр отважно плыл не раз.
Он все забыл — в мечтах лишь Геро;
Холодный вал в ночной тиши
Вокруг плескал... Клянусь Венерой,
Мне жаль влюбленных от души!
Я, жалкий выродок, в дни мая

Шекспир, похоже, питал особую нежность к истории этих древних влюбленных: дал героине в пьесе «Много шума из ничего» имя Геро и вложил чудесно циничные, антиромантичные слова в уста Розалинды из комедии «Как вам это понравится»:

> Леандр, — уйди Геро хоть в монастырь, — прожил бы еще много прекрасных лет, если бы не жаркая июльская ночь. Славный юноша захотел искупаться в Геллеспонте, но его схватила судорога, и он утонул. А глупые летописцы его времени все свалили на Геро из Сестоса. Это лживые басни. Люди время от времени умирают, и черви пожирают их, но не любовь тому причиной[1].

Рискнул на пробу слабых сил —
И, мокрый, члены разминая,
Уж мню, что подвиг совершил.
Коль верить мифу, точно были, —
Бог знает что в душе тая,
Он к милой плыл; мы оба плыли,
Он — для любви, для славы — я.
Но боги портят смертным славу:
Обоим вреден был порыв;
Он труд утратил, я — забаву,
Он утонул, а я — чуть жив.

[Пер. Н. Холодковского. — *Примеч. перев.*] Позднейшая работа Байрона, связанная с родиной Леандра, хоть и не с этим мифом, — «Абидосская невеста» (1813).

1 Действие IV, сцена 1, пер. В. Левика. — *Примеч. перев.*

АРИОН И ДЕЛЬФИН

В греческой культуре, как и во всех великих цивилизациях, высоко ценили музыку: ставили ее так высоко среди других искусств, что она получила имя в честь всех девяти дочерей Памяти разом. Музыкальные фестивали и музыкальные награды — столь обыденная примета культурной жизни в наши дни — были не менее значимы и в Древней Греции.

Мало кто заслужил более громкую прижизненную репутацию менестреля, барда, поэта и музыканта, чем АРИОН из Мефимны, что на острове Лесбос[1]. Он был сыном Посейдона и нимфы ОНЕИ, но вопреки происхождению решил посвятить свой музыкальный талант воспеванию и восхвалению бога Диониса. Любимый инструмент

1 Лишь Орфей, чья история относится к эпохе героев, превосходил Ариона в искусстве и славе.

Ариона — *кифара*, разновидность лиры[1]. Он повсеместно считается изобретателем поэтической формы под названием *дифирамб* — шумного хорового гимна, посвященного вину, маскараду, экстазу и упоению.

Мечтательные карие глаза, сладостный голос и завораживающая способность заставлять окружающих притопывать да покачивать бедрами — Арион вскоре сделался эдаким кумиром всего Средиземноморья. Его покровитель и увлеченнейший приверженец тиран Коринфа ПЕРИАНДР[2] однажды узнал, что в Таренте, процветающем портовом городе, расположенном на подметке итальянского сапога, устраивается громадный музыкальный фестиваль. Периандр выдал Ариону денег, чтобы тот перебрался за море и поучаствовал в состязательной части фестиваля, — при условии, что призовые деньги они потом поделят.

На фестиваль Арион добрался без приключений. Прибыл в Тарент, вступил в состязания и запросто выиграл первый приз в каждой номинации. Судьи и зрители никогда прежде не слышали такой восхитительной и неповторимой музыки. В награду Арион получил сундук, полный серебра, золота, слоновой кости, драгоценных камней и музыкальных инструментов изысканной выделки. В благодарность за столь щедрый приз Арион дал назавтра бесплатный концерт для всех горожан.

1 От слова «кифара» происходит слово «гитара».

2 «Тиран» — всего лишь греческое обозначение понятия «автократический правитель», иногда — «самоназванный царь». Периандр был исторической фигурой, Сократ упоминает о нем как об одном из так называемых «семи мудрецов Греции» — человеке, являющем все качества гномической мудрости, к каким должно стремиться все человечество.

Округа Тарента была знаменита пауками-волками, коих в сельской местности там жило навалом. Местные именовали их в честь своего города тарантулами. Арион слыхал, что яд тарантула способен вызвать истерическое безумие, и преподнес слушателям вариацию одного своего буйного дифирамба, назвав его *тарантеллой*. Горячечные ритмы этого народного танца[1] свели с ума восприимчивых тарентцев, однако ближе к концу он угомонил их с помощью попурри из нежнейших и самых романтических своих мелодий. К рассвету он вполне мог выбрать любую девушку или женщину, любого юношу или мужчину в Южной Италии и, говорят, как и всякий успешный музыкант, этой возможностью воспользовался.

Наутро провожать Ариона собралась громадная толпа, многие слали воздушные поцелуи, а некоторые плакали навзрыд. Он с багажом, включая сундук сокровищ, отплыл на лодке к рейду, где его ждал небольшой, но проворный бриг с капитаном и девятью матросами. Арион вскоре обустроился на борту. Матросы подняли паруса, и капитан направил судно к Коринфу.

◎ ЗА БОРТОМ ◎

Когда берег исчез из вида и корабль оказался в открытом море, Арион почуял неладное. Он привык, что на него пялятся — при его-то

1 Тарантелла до сих пор популярна по всей Европе.

возмутительной красоте, равной его таланту, — но взгляды членов экипажа, направленные на него, были другого рода. В этой насупленной и угрожающей атмосфере проходил день за днем, и Ариону делалось все неуютнее. Было что-то в глазах моряков, похожее на похоть, но с намеком на цели потемнее. Что такое? И вот однажды жарким вечером к нему обратился самый мерзкий и злобный с виду матрос:

— Что это за сундук, на котором ты сидишь, парнишка?

Ну конечно. Сердце у Ариона екнуло. Теперь все ясно. Моряки ухватили слух о его сокровище. Арион предположил, что они хотят себе часть, но демона с два он поделится своей честно заработанной наградой с кем бы то ни было, кроме Периандра. Он уже замыслил щедро отблагодарить команду в конце путешествия, но теперь его сердце ожесточилось.

— Мои музыкальные инструменты, — ответил он. — Я — *кифарод*.

— *Кто?*

Арион скорбно покачал головой и повторил медленно, как для ребенка:

— Я-иг-ра-ю-на-ки-фа-ре.

Большая ошибка.

— Ах-вон-что? Ну-так-сы-гра-ни-ка-нам-пес-ню.

— Я бы не стал, если вы не против.

— Что тут происходит? — Подошел капитан корабля.

— Эта цаца говорит, что он музыкант, а играть не хочет. Говорит, что у него кифара в том ящике.

— Что ж, ты же наверняка не откажешься нам ее показать, правда, юноша?

Вокруг собралась вся команда.

— Я... мне нездоровится, чтобы играть. Может, к вечеру буду в лучшей форме.

— Чего б тогда тебе не пойти вниз да не отдохнуть в теньке?

— Н-нет, предпочитаю свежий воздух.

— Хватай его, ребята!

Грубые руки вскинули Ариона с легкостью, будто он новорожденный щенок.

— Пустите! Оставьте. Это не ваше!

— Где ключ?

— Я... потерял.

— Ищите, ребята.

— Нет-нет! Прошу вас, умоляю...

Ключ быстро нашелся, его сорвали с шеи Ариона. Капитан отщелкнул замок и поднял крышку, послышались сиплый присвист и бормотание. Отсветы мерцавшего золота и отблески драгоценностей заплясали на жадных лицах матросни. Арион понял, что все пропало.

— Я вполне г-готов п-поделиться с вами моим сокровищем...

Матросы, похоже, сочли это чрезвычайно потешным и от души расхохотались.

— Кончайте с ним, — сказал капитан, вытягивая из сундука длинную нитку жемчуга и оглядывая ее на свету.

Тот самый безобразный матрос извлек нож и пошел на Ариона со злобной ухмылкой.

— Прошу вас, прошу... можно... можно я хотя бы спою одну песню напоследок? Тренодию по самому себе,

погребальный плач. Уж это-то вы мне позволите? Боги накажут вас, если посмеете сгубить меня хоть без какого-то катарсического воспевания...

— Я тебе устрою — такими словами кидаться, — прорычал безобразный матрос, надвигаясь все ближе.

— Нет, нет, — сказал капитан. — Он прав. Дадим нашему Кикну исполнить лебединую песнь. Тебе небось понадобится такая вот лира. — Он выудил из сундука кифару и вручил ее Ариону, тот настроил инструмент, закрыл глаза и принялся импровизировать. Песню он посвятил отцу своему Посейдону.

— Владыка океана, — пел он, — царь приливов, колебатель земли, возлюбленный отец. Часто пренебрегал я тобой в своих молитвах и жертвоприношениях, но ты, о великий, не бросишь своего сына. Владыка океана, царь приливов, колебатель земли, возлюбленный...

Без всякого предупреждения, крепко прижав к себе кифару, Арион сиганул за борт и пал в волны. Последнее, что он слышал, — смех команды и насупленный голос капитана:

— И вся недолга! А теперь — добыча.

Если бы кто-нибудь из них удосужился глянуть вниз, они бы увидели поразительное зрелище. Арион погрузился под воду и уже совсем собрался открыть рот и безропотно впустить в себя морскую воду. *Удушение* — ужасный, заполошный кошмар, а вот настоящее *утопление* — безмятежная и безболезненная воля. Ну или так ему рассказывали. Вопреки этому утешительному знанию Арион держал губы крепко сжатыми и, раздув щеки, забился в воде, обнимая кифару.

И тут, когда легкие у него уже готовы были лопнуть, произошло нечто замечательное. Он ощутил, что его толкают вверх. Уверенно и быстро. Он рассекал воду вверх. Пробился наружу! Можно дышать! Что происходит? Должно быть, греза. Бурление воды, пузыри и брызги, наклонный, качкий горизонт, грохот в ушах, плеск, рев и ослепление — все это не давало ему понять, что творится, пока он не отважился глянуть вниз и сквозь резь в глазах увидел, что... что... он на спине у дельфина! У *дельфина!* Он едет верхом на дельфине по волнам! Но шкура у него скользкая, и Арион начал сползать. Дельфин вскинулся и крутнулся, и Арион опять как-то устроился. Зверь сознательно заботился о его безопасности! Не будет ли он против, если Арион вытянет руку и возьмется за плавник — как наездники держатся за луку седла? Дельфин не возражал, даже немножко вздыбился, словно одобряя, и прибавил скорости. Арион осторожно потянул за ремень кифары и перебросил инструмент за спину, чтобы можно было с удовольствием ехать дальше, держась за плавник обеими руками.

Корабль скрылся из вида. Солнце сияло, дельфин и человек выпахивали в море борозду, разбрасывая радужные брызги. Куда они направляются? Знает ли дельфин, куда плыть?

— Эй, дельфин. Целься на Коринфский залив. Я тебя направлю, когда мы там окажемся.

Дельфин разразился писками и щелчками, вроде бы означавшими понимание, и Арион рассмеялся. Они плыли и плыли, устремляясь к вечно далекому горизонту.

Арион, уверенно обретший равновесие, вновь передвинул кифару к себе на грудь и запел песню об Арионе и дельфине. До нас она не дошла, но, говорят, песня получилась чудеснейшая на свете.

Долго ли, коротко ли, добрались они до залива. Дельфин пробрался по этой оживленной корабельной улице с изящной легкостью и прытью. Моряки на людных барках, баржах и лодочках глазели на это небывалое зрелище: юноша верхом на дельфине. Арион управлял животным, осторожно поворачивая плавник в ту или другую сторону, и дельфин без устали плыл, пока не достигли они царской пристани.

— Пошлите весть царю Периандру, — сказал Арион, сходя с дельфина на берег. — Его менестрель вернулся. И покормите моего дельфина.

◎ ИЗВАЯНИЕ ◎

ПЕРИАНДР НЕСКАЗАННО ОБРАДОВАЛСЯ возвращению любимого музыканта. История о его спасении облетела весь двор, все дивились и поражались. Праздновали всю ночь, до самого утра. Лишь к вечеру собрались они поглядеть, похвалить и приласкать героического дельфина. Но открылось им прискорбное зрелище. Чтобы накормить дельфина, дремучие работники на пристани выволокли его из воды. Животное страдало без воды всю ночь, утро и день, горячее солнце сушило и жгло ему шкуру, оно лежало на берегу, его окружала

любопытная детвора. Арион пал на колени и зашептал дельфину на ухо. Дельфин встрепенулся в любовном ответе, выдавил трепетный вздох и умер.

Арион люто корил себя, и даже указания Периандра о возведении высокой башни в память о дельфине и во славу его не смогли ободрить музыканта. Весь следующий месяц все его песни были печальны, а во дворце скорбели вместе с ним.

И тут пришла весть, что бриг с командой из девяти матросов и злодея-капитана штормом задуло к Коринфу. Периандр отправил гонца с приказом команде предстать перед царем, а Ариону велел не показываться, пока команду будут допрашивать.

— Вы должны были доставить из Тарента моего барда Ариона, — сказал он. — Где он?

— Увы, государь, — проговорил капитан. — Все очень печально. Несчастного юношу смыло за борт в шторм. Мы выловили его тело и устроили ему похороны в море, со всеми почестями. Великая жалость. Милейший парень, вся команда его любила.

— Ага. Конечно. Хороший парень. Ужасная утрата... — бормотали моряки.

— Как бы то ни было, — сказал Периандр, — до меня дошли вести, что он выиграл певческое состязание и прибыл на борт с сундуком сокровищ, половина их — моя собственность.

— Что до этого... — капитан развел руками. — Сундук пропал в ту же бурю. Открылся, когда соскользнул с палубы в море, нам удалось спасти лишь *часть* того-сего.

Серебряную лиру какую-то, авлос, две-три побрякушки. Жалею, что больше нету, владыка, очень жалею.

— Ясно... — Периандр нахмурился. — Явитесь завтра утром к новому изваянию на царской пристани. Не заблу́дитесь. Там на вершине вырезан дельфин. Приносите все сокровища, какие уцелели, и я, возможно, позволю вам оставить себе долю Ариона, коли несчастный мальчик погиб. Разойдись.

Наутро капитан и его девятеро людей прибыли спозаранку к изваянию. Они смеялись, было им легко и весело: вернуть-то надо всего малую долю Арионова сокровища, а еще наивный тиран выдаст им, глядишь, кусок этой доли.

Периандр прибыл с дворцовой охраной точно в назначенный час.

— Доброе утро, капитан. А, сокровище. Это все, что вам удалось спасти? Да, вижу, понятно, немного, а? Ну-ка напомните мне, какая участь постигла Ариона?

Капитан повторил вчерашнюю байку легко и непринужденно, каждое слово в точности совпало с тем, что он говорил накануне.

— Стало быть, он действительно мертв? Вы действительно выловили тело, приготовили его для погребения, после чего предали волнам?

— Именно так.

— И вот эти безделушки — все, что осталось от сокровища?

— Скорблю, но, повелитель, да.

— Как же, — продолжил Периандр, — вы объясните все вот *это*, найденное в полостях обшивки вашего судна?

По знаку царя стражи выступили вперед — с носилками, на которых высилась гора сокровищ.

— А. Да. Ну... — капитан расплылся в победной улыбке. — Глупо это с нашей стороны — обманывать тебя, государь. Юноша погиб, как я и сказал, но осталось его сокровище. Мы всего лишь бедные трудяги-моряки, владыка. Твоя проницательность и мудрость вывела нас на чистую воду.

— Как мило, — проговорил Периандр. — Но я по-прежнему растерян. Я заказал для Ариона кифару из серебра, золота и слоновой кости. Он с ней никогда и нигде не расставался. Почему ж ее нет среди этих вещей?

— Ну, — сказал капитан, — как я уже говорил тебе, мы любили юного Ариона. Все равно что младший брат нам, правда, ребятки?

— Так точно... — забормотали матросы.

— Мы знали, как дорога ему эта кифара. Мы положили ее в погребальный саван Ариона и затем предали тело волнам. Как же можно было иначе?

Периандр улыбнулся. Капитан улыбнулся. Но вдруг улыбка исчезла. Из пасти золотого дельфина на вершине монумента полилась мелодия кифары. Капитан и его люди изумленно вытаращились. Голос Ариона вплелся в песню кифары, и вот какие слова возникли из резной дельфиньей пасти:

— Кончаем с ним, ребята, — промолвил капитан. —
Кончаем с ним, берем его добро.
— Убьем его сейчас же, — вопили моряки. —
Швырнем его акулам на обед.

— Стойте, — менестрель сказал. — Позвольте я спою прощальную мелодию одну.

Кто-то из матросов вскрикнул от испуга. Другие, трепеща, пали на колени. И лишь капитан, побелев, стоял смирно.

В основании монумента открылась дверца, и наружу выбрался сам Арион, перебирая струны и напевая:

Но тут дельфин явился и музыканта спас.
Они поплыли по морским волнам.
Добрались эти двое до берега в Коринф,
Дельфин и им спасенный менестрель.

Моряки принялись рыдать и лепетать, просить пощады. Валили друг на дружку, а особенно — на капитана.

— Поздно, — сказал Периандр, собираясь удалиться. — Казнить их всех. Пойдем, Арион, споешь мне о любви и вине.

В конце долгой и успешной жизни музыканта Аполлон, для которого дельфины и музыка священны, поместил Ариона и его спасителя среди звезд — между Стрельцом и Водолеем, в созвездии Дельфин.

Из своего положения на небесах Арион и его спаситель помогают навигаторам на морях и напоминают всем нам о странном и чудесном братстве, что существует между людьми и дельфинами.

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

ФИЛЕМОН И БАВКИДА, ИЛИ ВОЗНАГРАЖДЕННОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Среди холмов восточной Фригии в Малой Азии растут бок о бок дуб и липа, ветви их соприкасаются. Пейзаж деревенский, простой, далекий от сияющих дворцов или рвущихся ввысь цитаделей. Крестьяне тут худо-бедно перебиваются: в вызревании урожаев и откорме свиней они целиком на милости у Деметры. Почвы небогаты, и для местных это вечный труд — наполнять амбары провизией, чтобы ее хватило на зимние месяцы, пока Деметра тоскует и оплакивает отлучку из верхнего мира своей умницы-дочки Персефоны. Те дуб и липа, пусть и неброские на вид, если сравнивать их с величественными тополиными рощами и изящными кипарисовыми аллеями, что выстроились вдоль дороги, соединяющей Афины с Фивами, однако это священнейшие деревья в Средиземноморье.

Мудрые и добродетельные совершают к ним паломничества и вешают дары на их ветви.

Много лет назад в долине среди тех холмов возникло селение. По размерам — среднее между деревней и городком. Прозывалось оно — с надеждой и отчаянием, какие вечно отмечают имена неудачливых поселений, — Эвмения, что означает «место добрых месяцев», в жалком уповании, что Деметра, глядишь, благословит бесплодные почвы и подарит богатые урожаи. Но такое случалось редко.

Посреди агоры, главной площади селения, стоял здоровенный храм Деметры, а напротив — почти столь же просторный храм, посвященный Гефесту (людям нужно было благословение для кузниц и мастерских). Близ селенья имелись и многочисленные храмы Гестии и Диониса. За чахлыми виноградниками, взбиравшимися по склонам, ухаживали так же тщательно, как за оливковыми рощами или полями кукурузы. Жизнь давалась тяжело, но мужчины и женщины находили немалое утешение в кислом вине своей области.

В конце петлявшей улочки, что вела прочь из села, в маленькой каменной хижине жили старенькие супруги ФИЛЕМОН и БАВКИДА. Женаты они были с самой ранней юности, но и теперь, в старости, любили друг друга так же глубоко, с негромким ровным пылом, удивлявшим соседей. Они были беднее многих прочих, поля у них — самые голые и бесплодные во всей Эвмении, но никаких жалоб от них никто не слышал. Каждый день Бавкида доила их единственную козу, мотыжила, штопала, стирала

и латала, а Филемон сеял, сажал, копал и скреб землю позади их лачуги. Вечерами они собирали лесные грибы, дрова или просто гуляли по холмам рука об руку, разговаривали о том о сем или же довольствовались безмолвием друг друга. Если еды хватало на ужин, они готовили, а нет — ложились в постель голодными и засыпали в объятиях друг друга. Их трое детей давно переехали и жили со своими семьями далеко оттуда. Родителей не навещали — а больше и некому было стучать к ним в дверь. Пока не наступил один судьбоносный вечер.

Филемон только-только вернулся с полей и присел, готовясь к ежемесячной стрижке волос. В те дни мало что венчало его лысоватую старую голову, но этот ежемесячный ритуал приносил им обоим радость. Из-за громкого «тук-тук-тук» в дверь Бавкида чуть не выронила бритву, которую точила. Старики переглянулись в великом изумлении — и не смогли припомнить, когда к ним в последний раз наведывались гости.

Двое чужаков стояли на пороге — бородач и его юный гладколицый спутник. Наверное, сын.

— Приветствую, — сказал Филемон. — Чем можем помочь?

Тот, что помоложе, улыбнулся и снял шляпу — странную округлую шапочку с узкими полями.

— Добрый вечер, сударь, — проговорил он. — Мы голодные путники, в этой части света впервые. Можно ли нам воспользоваться вашей доброй волей...

— Заходите, заходите! — сказала Бавкида, хлопоча у мужа за спиной. — В это время года на улице студено.

Мы выше остального села, тут у нас похолоднее. Филемон, раздуй-ка огонь, чтоб наши гости согрелись.

— Конечно, любовь моя, конечно. Где мое воспитание? — Филемон склонился и подул в очаг, разбудил угли.

— Позвольте ваши плащи, — предложила Бавкида. — Присаживайся, сударь, у огня. И ты, прошу.

— Ты очень добра, — сказал старший. — Меня звать Астрап, а это — мой сын Аргур.

Молодой, услышав свое имя, поклонился с неким шиком и устроился у огня.

— Пить хочется страшно, — сказал он, громко зевнув.

— Сейчас дадим вам попить, — сказала Бавкида. — Муж, тащи винный кувшин, а я принесу сушеных смокв и кедровых орехов. Надеюсь, вы, судари, согласитесь с нами поужинать. Богатой трапезы предложить не сможем, но всем, чем богаты, рады поделиться.

— Я не против, — сказал Аргур.

— Позволь твою шляпу и посох...

— Нет-нет. Пусть останутся при мне. — Молодой человек подтянул посох поближе к себе. Очень причудливый он у него был. Лоза его, что ли, обвивает, задумалась Бавкида. Юноша так ловко им крутил, что посох был будто живой.

— Боюсь, — сказал Филемон, поднося кувшин с вином, — наше местное покажется вам немножко жидким и чуточку... *резковатым*. Люди из соседних мест смеются над нами, но, уверяю вас, если привыкнуть ко вкусу, оно вполне пригодно для питья. Мы так считаем, по крайней мере.

— Неплохое, — проговорил Аргур, пригубив напиток. — Как вам удалось научить кота сидеть на кувшине?

— Не обращайте внимания, — сказал Астрап. — Ему кажется, что он остроумен.

— Ну, сознаюсь, это *и правда* довольно потешно, — сказала Бавкида, подавая фрукты и орехи на деревянной тарелке. — Страшусь думать, что вы скажете о том, как выглядят мои сушеные смоквы.

— На тебе сорочка, а мне не видно. А вот фрукты на этой тарелке с виду вполне съедобны.

— *Сударь!* — Бавкида игриво шлепнула его и разрумянилась. Вот же странный какой юноша.

Некоторая неловкость, сопровождающая стадию питья и закусок, быстро растаяла благодаря добродушному нахальству Аргура и смешливости хозяев. Астрап, казалось, был настроен угрюмее, и когда они все направились к столу, Филемон положил руку ему на плечо.

— Надеюсь, ты простишь любознательность глупого старика, — проговорил он, — однако, сдается мне, ты несколько задумчив. Можем ли мы помочь тебе?

— Ой, не обращайте на него внимания. Вечно он как в воду опущенный, — сказал Аргур. — Там же гардеробчик себе вылавливает, ха-ха! Но вообще-то ничего такого с ним не происходит, чего нельзя исправить хорошей кормежкой.

Бавкида и Филемон встретились мимолетными взглядами. Так мало чего осталось в кладовке. Кусок соленой свинины, который они припасли к празднику середины зимы, немножко сухофруктов и черного хлеба, полкочана

капусты. Они понимали, что, утоли они и вполовину аппетиты двух здоровых мужчин, останутся голодными на неделю. Но гостеприимство священно, а нужды гостей — всегда на первом месте.

— Еще стаканчик этого вина не помешает, — сказал Аргур.

— Ох ты, — проговорил Филемон, заглядывая в кувшин, — боюсь, больше не осталось.

— Чепуха, — проговорил Аргур, выхватывая кувшин, — залейся. — И наполнил и свою чашу, и чашу Астрапа.

— Как странно, — промолвил Филемон. — Готов поклясться, что кувшин и вначале был всего на четверть полон.

— Где ваши чашки? — спросил Аргур.

— Ох, прошу тебя, нам не надо...

— Чепуха. — Аргур откинулся на стуле, взял со столика у себя за спиной два деревянных кубка. — Так... Давайте тост.

Филемон с Бавкидой поразились — не только тому, что вина в кувшине оказалось достаточно, чтобы наполнить их кубки до краев, но и качество его оказалось куда лучше, чем оба могли припомнить. Какое там — если им все это не снится, чудеснее вина они отродясь не пробовали.

В некоем тумане Бавкида вытерла стол мятными листьями.

— Милая, — прошептал ей на ухо Филемон, — тот гусь, что мы собирались пожертвовать Гестии в следующем месяце. Гостей кормить гораздо важнее. Гестия поймет.

Бавкида согласилась:

— Пойду сверну ему шею. Попробуй развести огонь так, чтобы хорошенько пожарить.

Гусь, впрочем, ловиться не желал. Как бы осторожно Бавкида к нему ни подкрадывалась, он всякий раз вырывался, гогоча, у нее из рук. Она вернулась в дом распаленная и расстроенная.

— Сударь, простите великодушно, — сказала она, и в глазах у нее стояли слезы. — Боюсь, трапеза ваша будет грубой и невкусной.

— Что ты, тетенька, — сказал Аргур, наливая еще вина всем. — Я вкуснее трапезы не едал вовек.

— Сударь!

— Да правда. Скажи им, отец.

Астрап угрюмо улыбнулся.

— Нас прогнали из каждого дома Эвмении. Некоторые местные ругались на нас. Некоторые плевали нам вслед. Кто-то кидался камнями. Спускал на нас собак. Ваш дом — последний у нас на пути, и вы явили нам одну лишь доброту и дух *ксении*, который, я уж забоялся, исчез с белого света.

— Сударь, — произнесла Бавкида, ища под столом руку Филемона и сжимая ее. — Нам остается лишь извиняться за поведение наших соседей. Жизнь тяжела, и не все воспитаны в почитании законов гостеприимства, как то подобает.

— Незачем за них извиняться. Я зол, — сказал Астрап, и на этих его словах снаружи донесся рокот грома.

Бавкида заглянула в глаза Астрапа и увидела нечто, перепугавшее ее.

Аргур рассмеялся.

— Не тревожьтесь, — сказал он. — На вас мой отец не сердится. Вами он доволен.

— Выходите из дома, поднимайтесь на холм, — проговорил Астрап, вставая. — Не оглядывайтесь. Что бы ни случилось — не оглядывайтесь. Вы заслужили награду, а ваши соседи — кару.

Филемон и Бавкида встали, держась за руки. Они поняли, что их гости — не обычные странники.

— Кланяться не надо, — сказал Аргур.

Его отец указал на дверь.

— На вершину.

— Помните, — повторил им вслед Аргур, — не оборачивайтесь.

— Ты знаешь, кто этот молодой человек? — спросил Филемон.

— Гермес, — ответила Бавкида. — Когда он открыл нам дверь, я разглядела змей, что обвили его посох. Они были *живые*!

— Значит, человек, которого он назвал отцом...

— Зевс!

— Ох ты поди ж ты! — Филемон замер на склоне — перевести дух. — Слишком темно, любовь моя. Гроза надвигается. Интересно...

— Нет, милый, оборачиваться нельзя. Нельзя.

Возмущенный враждебностью и бесстыжим нарушением законов гостеприимства, какое выказали ему жители Эвмении, Зевс решил устроить этому селению то же, что он сделал с Девкалионом при Великом потопе. По его

велению тучи сгустились в единую тугую плоть, засверкали молнии, ухнул гром и хлынул дождь.

Когда пожилая пара добралась до вершины холма, вокруг бушевали потоки воды.

— Нельзя же тут стоять под дождем, спиной к деревне, — сказала Бавкида.

— Я гляну, если ты глянешь.

— Люблю тебя, Филемон, муж мой.

— Люблю тебя, Бавкида, жена моя.

Они обернулись и глянули. Как раз в тот миг великий потоп залил Эвмению, Филемон превратился в дуб, а Бавкида — в липу.

Сотни лет два дерева росли бок о бок — символ вечной любви и смиренной доброты, их переплетенные ветви — сплошь в подарках, оставленных восхищенными паломниками[1].

1 *Теоксения* — божественная проверка людского гостеприимства — примечательно похожа на ту, о которой рассказывается в главе XIX Книги Бытия. Ангелы навещают Содом и Гоморру, и лишь Лот с женой выказывают им почтение и доброту. Разгульные жители Содома, конечно, не собак на ангелов спускали, а пожелали «познать их» — в самом буквальном библейском смысле слова, дальше ехать некуда, и тем подарили нам слово «содомия». Лоту с женой, как Филемону и Бавкиде, велели убираться из города и не оборачиваться, пока Города Равнины постигает кара. Жена Лота оглянулась, и ее превратили — нет, не в липу, — в соляной столп.

ФРИГИЯ И ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Греки обожали мифологизировать основателей городов и мегаполисов. Дар Афины — оливковое дерево — жителям Афин и ее воспитание Эрехтея (дитя Гефеста и намоченной семенем тряпочки, как мы помним) как основателя города, похоже, укрепили афинян в чувстве собственной значимости. История Кадма и драконьих зубов наделила тем же фиванцев. Иногда, как и в случае с основанием города Гордиона, элементы сказания могут перебраться из мифа в легенду, а оттуда — в настоящую, задокументированную историю.

Жил-был в Македонии один бедный, но целеустремленный крестьянин по имени ГОРДИЙ. Однажды работал он на своих бесплодных каменистых полях, и тут на дышло

его воловьей упряжки сел орел и уставил на Гордия свирепый взгляд.

— Так и знал! — пробормотал Гордий. — Всегда знал, что рожден для славы. Орел это подтверждает. Вот она, моя судьба.

Он вынул плуг из почвы и погнал вола и повозку за много сотен миль к оракулу Зевса Сабазия[1]. Гордий тащился вперед, а орел цепко держался за дышло когтями и не встрепенулся ни разу, как бы жестоко ни трясло и ни мотало повозку на колдобинах и камнях.

По дороге Гордий встретил юную тельмесскую девушку, наделенную в равной мере и великим пророческим даром, и манящей красотой, растревожившей Гордию сердце. Она, казалось, ждала его и поторопила, сказав, что им нужно тотчас добраться до Тельмеса, где ему предстоит принести в жертву Зевсу Сабазию своего быка. Гордий, распаленный слиянием воедино всех его надежд, решил последовать совету — если только она согласится пойти за Гордия замуж. Девушка покорно склонила голову, и они вместе направились к городу.

Так случилось, что как раз тогда же помер в своей постели царь Фригии. Поскольку ни потомков, ни очевидного преемника он не оставил, столичные жители поспешили к храму Зевса Сабазия, выяснить, что делать. Оракул велел им помазать и короновать первого же мужчину, который въедет в город на повозке. И поэтому горожане взволнованно столпились у ворот в тот самый час, когда

1 Сабазий — воплощение Зевса в виде конника, ему поклонялись фракийцы и фригийцы.

явились Гордий с пророчицей. Они перешагнули городскую границу, и орел с великим криком слетел со своего шестка. Население побросало вверх шапки и приветствовало странников, пока не осипло.

Совсем недавно Гордий жил одиноко и добывал себе средства к существованию, скребя македонскую пыль, а вот уж он женат на красавице-провидице из Тельмеса и сидит на троне царя Фригии. Он затеял перестроить город (который нескромно переименовал в свою честь Гордионом) и взялся править Фригией и жить долго и счастливо. Так и вышло. Иногда и в греческой мифологии все складывается удачно.

Воловья повозка сделалась священным предметом, символом Гордиева богоданного права на власть. На агоре воздвигли резной шест из полированного кизилового дерева, а к нему приделали ярмо, привязанное веревкой с самым затейливым узлом из всех, какие только видел белый свет. Гордий решил, что повозку с городской площади ни за что не должны выкрасть. Сложилась легенда — таинственно и непостижимо, как это бывает с легендами: тот, кто сумеет развязать этот зверский узел, однажды станет владыкой всей Азии. Пытались многие — заправские мореходы, математики, изготовители игрушек, художники, ремесленники, жулики, философы и целеустремленные дети, — но никому не удалось даже слегка ослабить причудливо переплетенные зацепки, петли и жгуты.

Великий Гордиев узел не удавалось развязать более тысячи лет, пока в город со своей армией не заявился отчаянный гений — юный македонский завоеватель и царь

по имени Александр. Когда ему поведали эту легенду, он вскинул меч, рубанул им и рассек Гордиев узел, тем самым заработав восторженные хвалы и среди своего поколения, и в дальнейших[1].

Меж тем, возвращаясь к нашему повествованию: сын Гордия царевич МИДАС вырос дружелюбным и веселым молодым человеком, которого любили и обожали все, кто знал его.

1 Когда я впервые услышал эту историю, Александр в моих глазах не возвысился, а упал. «Это жульничество!» — сказал я. Все равно что возьму я кубик Рубика и «соберу» его, разломав отверткой на составляющие фрагменты и сложив обратно в нужном порядке. Кто меня за это воспоет? Но Александра восславляли на протяжении всей истории человечества — за «оригинальность мышления» — и назвали Великим. Для гениальных царей-воинов одни правила, для всех остальных — другие.

МИДАС

БЕЗОБРАЗНЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Гордий помер, когда пришел срок, и его сын Мидас унаследовал царский трон. Жизнь его была необременительна и изысканна, он вырос добродушным и радостным, его все любили и им восхищались; Фригия была не очень-то богатым царством, однако бóльшую часть времени и денег, которыми Мидас все же располагал, он вбухивал в роскошный розовый сад при дворце. Тот прославился как одно из чудес своей эпохи. Больше всего на свете Мидас любил бродить по этому райскому буйству цвета и аромата и ухаживать за растениями, а на каждом из них было по шестьдесят великолепных цветков.

Как-то раз поутру, когда гулял он по саду, примечая с привычным восторгом, до чего изысканно капли росы

сверкают на нежных лепестках его драгоценных роз, Мидас споткнулся о сонное тело уродливого пузатого старика, свернувшегося на земле калачиком и храпевшего как свинья.

— Ой, — произнес Мидас, — прости. Я тебя не заметил.

Срыгнув и икнув, старик встал на ноги и поклонился.

— Извиняй, — проговорил он. — Никуда не денешься — пошел вчера на сладкий дух твоих роз. Уснул.

— Ничего-ничего, — вежливо отозвался Мидас. Его воспитали всегда выказывать старшим уважение. — Но отчего бы тебе не зайти во дворец и не употребить что-нибудь на завтрак?

— Да я-то не против. Очень мило с твоей стороны.

Мидас понятия не имел, что этот безобразный пузатый старикан — Силен, закадычный друг винного бога Диониса.

— Может, желаешь принять ванну? — предложил Мидас, когда они зашли во дворец.

— Это еще зачем?

— Да так, пустяки. Просто подумалось.

Силен прожил во дворце десять дней и десять ночей, совершая серьезные набеги на небогатый винный погреб Мидаса, но воздавая царю непотребными песнями, плясками и байками.

На десятый вечер Силен объявил, что назавтра уйдет.

— Мой повелитель уже небось страдает без меня, — сказал он. — Твои-то, может, препроводят меня к нему, а?

— С удовольствием, — ответил Мидас.

Наутро Мидас и его свита подались с Силеном в долгий путь к южным виноградникам, которые Дионис лю-

бил посещать в это время года. Через много часов тяжкой дороги по жаре и путанице пыльных троп, крутых холмов и узких обходных закоулков они нашли бога вина и его спутников — те пировали на поле. Дионис при встрече со старым другом страшно обрадовался.

— Вино без тебя кисло на вкус, — сказал он. — Танцы наперекосяк, а музыка — скрежет. Где тебя носило?

— Я потерялся, — сказал Силен. — Этот добряк... — он подтолкнул Мидаса вперед, поближе к богу, — ...пригрел меня у себя во дворце и дал там пожить. Я выпил почти все его вино, съел почти всю его еду, сикал в его чаны для воды и тошнил на его шелковые подушки. И ни единой жалобы. Напрочь добрая душа. — Силен хлопнул Мидаса по спине. Мидас улыбнулся изо всех сил. Про чаны для воды и про подушки он не догадывался.

Дионис, как и многие выпивохи, легко впадал в бурные эмоции и восторги. Он благодарно сгреб Мидаса в охапку.

— Видишь? — обратился он к миру в целом. — *Видишь?* Стоит только утратить веру в человечество, как оно доказывает, что кой-чего стоит. Вот что мой отец называет *ксением*. Сердце прямо-таки рвется из груди. Назови.

— Что, прости? — Мидасу не терпелось убраться. Десять дней и ночей Силена — достаточно. Мидас алкал остаться в одиночестве со своими цветами. Пьяный Дионис с полным сопровождением менад и сатиров — перебор даже для такого терпения, как у Мидаса.

— Назови, чего желаешь в награду. Что угодно. Чего б ты — ик! — ни пожелал, я чую даром. Иными словами, —

с достоинством поправил себя Дионис, — дарую чудом. Вот! — добавил он воинственно, вдруг резко оборачиваясь, неизвестно зачем.

— В смысле, владыка, я могу просить о чем угодно?

Кто из нас не баловался приятными фантазиями о джиннах и феях, исполняющих наши желания? Вынужден сказать, что у Мидаса от Дионисова предложения кровь все же несколько взыграла.

Я уже говорил, что Фригия была царством не очень богатым, и если друзья Мидаса не считали его ни скупым, ни алчным, он все же хотел, как любой правитель, тратить побольше денег на армию, дворец, подданных и всякие муниципальные нужды. Расходы царского двора подрастали, а Мидас всегда был слишком добросердечным, чтобы обременять свой народ непосильными налогами. И потому он обнаружил желание, совершенно выходящее из ряда вон, и оно из его горячечных мыслей добралось до уст.

— Тогда попрошу вот что, — сказал он. — Пусть все, к чему я прикасаюсь, превращается в золото.

Дионис расплылся в довольно-таки демонической улыбке.

— Правда? Ты этого хочешь?

— Этого я и хочу.

— Отправляйся домой, — сказал бог. — Выкупайся в вине и ложись в постель. Когда проснешься поутру, желание исполнится.

ЗЛАТОПЕРСТ

Возможно, Мидас не поверил, что из этого разговора выйдет какой-нибудь толк. Боги славились тем, что увертывались, выкручивались и ускользали от своих обязательств.

Тем не менее — на всякий случай, в конце концов, беды же никакой? В смысле, кто знает... — тем вечером Мидас вылил в царскую ванну бочонок-другой из своих тощих запасов вина. Винные пары обеспечили ему глубокий безмятежный сон.

Мидас проснулся сверкающим утром, и оно избавило его ум от всяких неуемных желаний и пьяных богов. Думая исключительно о своих цветах, он спрыгнул с ложа и поспешил в любимый сад.

Никогда прежде не выглядели его розы столь прелестно. Мидас склонился и понюхал юный розовый гибрид, вошедший в безупречную стадию цветения между тугим бутоном и полностью раскрывшимся цветком. Изысканный аромат вскружил ему голову радостью. Мидас любовно прикоснулся к лепесткам, чтобы развернуть их. В тот же миг стебель и цветок превратились в золото. Настоящее золото.

Мидас, не веря глазам своим, вытаращился.

Коснулся другой розы, затем третьей. В миг, когда его пальцы притрагивались к ним, те превращались в золото. Мидас заметался по саду в полном безумии, скользя ладонями по кустам, пока они, все до единого, не застыли

сверкающим драгоценным, бесценным, великолепным, золотым золотом.

Скача и вопя от счастья, Мидас оглядел то, что раньше было садом редких роз, а теперь стало величайшим сокровищем на свете. Он богат! Он безумно, колоссально богат! Ни один человек на свете никогда не был богаче Мидаса.

Эти крики ликования привлекли супругу царя — она вышла из дворцовых дверей и огляделась, держа на руках новорожденную дочку.

— Милый, чего ты кричишь?

Мидас подбежал к ней и заключил мать и дитя в тугие объятия пылкой радости.

— Это невероятно! — сказал он. — Все, к чему я прикасаюсь, превращается в золото! Смотри! Всего-то и надо... *ой!*

Он отступил назад и увидел, что его жена и малютка-дочь слились в цельную статую, сверкавшую в утреннем солнце, — в застывшую композицию «мать и дитя», какой гордился бы любой скульптор.

— С этим я разберусь позже, — сказал Мидас сам себе. — Должен быть способ вернуть их... Дионис не мог быть таким... а пока... *Зим! Зам! Зу!*

Часовой, здоровенная откатная дверь дворца и любимый трон царя сделались полностью золотыми.

— *Вим! Вам! Ву!*

Закусочный столик, царский кубок, столовые приборы — чистое золото!

А это еще что? *Крак!* Чуть зубы себе не обломал о литой золотой персик. *Пым!* Губы соприкоснулись с металличе-

ским вином. *Хрясь!* Тяжелый золотой слиток, что прежде был льняной салфеткой, прищемил и поранил ему губы.

Мидас осознал всю полноту последствий этого дара, и беспредельный восторг царя начал увядать.

Дальнейшее можно себе представить. Внезапно ликование и радость от обладания золотом превратились в ужас и страх. Все, к чему Мидас прикасался, превращалось в золото, но царское сердце сделалось свинцовым. Никакие слова, никакие громкие проклятия небесам не могли вернуть его холодных, слившихся воедино жену и дочь к подвижной теплой жизни. От вида его любимых роз, ронявших тяжкие головки, он сам повесил горемычную голову. Все вокруг него сверкало и сияло, светилось и сыпало искрами умопомрачительного металла мечты, но сердце Мидаса оставалось безрадостным и бурым, как базальт.

А голод! А жажда! Через три дня превращения еды и питья в несъедобное золото ровно в тот миг, когда Мидас к ним прикасался, царь приготовился к смерти.

Лег на золотую постель — твердые тяжелые простыни не давали ни тепла, ни уюта — и забылся лихорадочным сном. Привиделось ему, как его цветы вновь расцветают мягкой, хрупкой жизнью — да, его розы, но из всех цветов более всего значили для него, как он теперь понял, его жена и ребенок. В сладостной грезе он увидел, как их щеки вновь наливаются нежными оттенками, как вновь сияет в их глазах свет. Эти манящие образы плясали у него в мыслях, а поверх гремел голос Диониса:

— Глупец! Повезло тебе, что Силен так тебя обожает. Только ради него смилуюсь. Когда проснешься поутру,

отправляйся к реке Пактол. Опусти руки в воду, и заклятие снимется. Все, что омоешь ты в тех водах, вернется тебе в былом виде.

Наутро Мидас сделал, как велел голос в сновидении. Как и было обещано, соприкосновение с водой освободило его от золотого колдовства. Без ума от радости, он целую неделю сновал туда-сюда — омывал в реке жену, дочь, стражников, слуг, розы и все свои пожитки и всякий раз хлопал в ладоши, когда они возвращались к своему недрагоценному — но бесценному — состоянию.

После этого воды Пактола, что вьется у подножия горы Тмол, стали крупнейшим на всем Эгейском побережье источником электрума, природного сплава золота с серебром.

УШИ ЦАРЯ МИДАСА

Вам может показаться, что Мидас усвоил урок. Урок, что повторяется вновь и вновь в истории человечества. Не имейте дел с богами. Не доверяйте богам. Не злите богов. Не торгуйтесь с богами. Не тягайтесь с богами. Оставьте богов в покое. Относитесь ко всем благословениям как к проклятиям, а ко всем обещаниям — как к ловушкам. А главное — никогда не оскорбляйте бога. Ни в коем случае.

В одном отношении Мидас уж точно изменился. Он теперь чурался не только золота, но и вообще любых богатств и собственности. Вскоре после того, как Дионис

снял заклятие, Мидас стал приверженным поклонником Пана, бога с козлиными ногами, повелителя природы, фавнов, лугов и всего неприрученного на свете.

С цветами в волосах, в сандалиях, облаченный в намек на одежду, лишь бы прикрыть срам, Мидас оставил жену и дочь править Фригией, а сам посвятил себя счастливому бытию хиппи и простой буколической добродетели.

Все, может, и ничего, но его владыка Пан вознамерился бросить вызов Аполлону, чтобы в состязании выяснить, какой инструмент замечательнее — лира или флейта.

Как-то вечером на лугу, что раскинулся на склонах горы Тмол, перед собранием фавнов, сатиров, дриад, нимф, разношерстных полубогов и прочих мелких бессмертных Пан приложил флейту к губам. Зазвучала грубая, но милая мелодия в лидийском ладу. Словно перекликались лани, журчали реки, резвились кролики, ревели олени и мчали галопом кони. Незамысловатый пасторальный напев восхитил слушателей, особенно Мидаса, который не на шутку поклонялся Пану, игривому веселью и безумию, которые этот бог олицетворял.

Когда встал Аполлон и прозвучали первые ноты его лиры, все затихли. С его струн поплыли видения вселенской любви, гармонии и счастья, глубокой непреходящей радости жизни и музыки самих небес.

Он доиграл, и слушатели все как один вскочили аплодировать. Тмол, божество горы, выкрикнул:

— Лира великого владыки Аполлона победила. Согласны?

— Так! Так! — взревели сатиры и фавны.

— Аполлон! Аполлон! — завопили нимфы и дриады.

И лишь один голос возразил:

— Нет!

— Нет? — Десятки голов обернулись посмотреть, кто это осмелился не согласиться.

Поднялся Мидас:

— Я не согласен. Я скажу, что у флейты Пана звук лучше.

Даже Пан оторопел. Аполлон тихонько отложил лиру и направился к Мидасу:

— Повтори.

Справедливо заметить, что Мидасу, по крайней мере, хватило отваги настаивать на своих убеждениях. Он дважды сглотнул и заговорил:

— Я... я скажу, что у флейты Пана звук лучше. Музыка... интереснее. Самобытнее.

Аполлон, видимо, был в тот день в хорошем настроении, ибо не прикончил Мидаса не сходя с места. Не содрал с него шкуру, клоками, как произошло с Марсием, когда бедолага набрался дерзости бросить богу вызов. Не причинил Мидасу и малейшей боли, а лишь сказал негромко:

— Ты искренне считаешь, что Пан играл лучше, чем я?

— Да, считаю.

— Что ж, в таком случае, — произнес Аполлон со смешком, — у тебя должны быть уши осла.

Не успели эти слова слететь с божественных губ, как Мидас ощутил у себя на голове нечто странное, теплое и шершавое. Он принялся ощупывать себя пытливой рукой, а в собравшейся толпе зазвенели вопли, вой, визг, крики и насмешливый хохот. Свидетели происшествия видели то, чего не видел Мидас. Два здоровенных серых

ослиных уха пробились сквозь волосы и теперь трепетали и прядали на виду у всего белого света.

— Похоже, я прав, — сказал Аполлон. — У тебя и впрямь ослиные уши.

Пунцовый от стыда и унижения, Мидас развернулся и удрал с луга, а насмешки и улюлюканье толпы звучали в его громадных косматых ушах еще звонче.

Его деньки как последователя Пана завершились. Обвязав голову неким подобием тюрбана, он вернулся к жене и семье в Гордион и, решительно покончив с беспечным экспериментом сельского житья, опять обустроился по-царски.

Единственный человек, которому поневоле пришлось созерцать царевы ослиные уши, — слуга, ежемесячно подстригавший царю волосы. Больше никто во всей Фригии не ведал об этой ужасной тайне, и Мидас намеревался сделать все, чтобы положение дел таким же и оставалось.

— Значит, так, — сказал Мидас своему цирюльнику. — Я тебе положу зарплату больше, а пенсию щедрее, чем кому угодно другому из дворцовой челяди, а ты будешь помалкивать о том, что увидишь. Если же ты хоть слово хоть *кому-нибудь* молвишь, я казню твою семью у тебя на глазах, отрежу тебе язык и отправлю бродить по миру в немой нищете и изгнании. Понял?

Перепуганный цирюльник кивнул.

Три года оба выдерживали уговор. Семья цирюльника зажила припеваючи на дополнительные деньги, что поступали в дом, и никто не догадывался о царевых ослиных отростках. Тюрбаны в стиле Мидаса сделались модными по всей Фригии, Лидии, Фракии и за их пределами. Все шло хорошо.

Но хранение тайн — страшная штука. Особенно таких смачных, как та, что досталась царскому цирюльнику. Каждый день он просыпался и ощущал, как копошится и пухнет в нем это знание. Цирюльник любил свою жену и детей и, как ни крути, был верен своему монарху, чтобы никак не желать его унизить или опозорить. Но этот набрякавший, неуемный секрет надо было как-то стравить, пока он не рванул. Ни одна недоенная корова, ни одна мать с переношенными близнецами, ни один облопавшийся до отвала гурман, тужащийся в клозете, никогда не ощущали подобную отчаянную нужду в облегчении их мук, как тот несчастный цирюльник.

Наконец у него родился замысел, который наверняка позволит ему избыть бремя без опасности для семьи. Проснувшись после изнурительной ночи, насмотревшись снов о том, как он выдал тайну обалдевшей публике Гордиона с балкона на главной площади, цирюльник с первым же светом зари ушел далеко в глушь. В уединенном месте у ручья выкопал в земле глубокую яму. Оглядевшись хорошенько и убедившись, что он точно один и его никак не могут подслушать, встал на колени, сложил ладони рупором и крикнул в яму:

— У Мидаса ослиные уши!

Лихорадочно сгреб землю обратно в яму, прежде чем слова успеют оттуда удрать, но не обратил внимания, что на дно ямы упало крошечное семечко...

Зарыв яму, цирюльник изо всех сил потопал по земле, чтобы наглухо запечатать страшную тайну. Всю дорогу до Гордиона он преодолел вприпрыжку, направился

прямиком в любимую таверну и заказал бутыль лучшего тамошнего вина. Теперь можно было напиваться, не опасаясь, что вино развяжет ему язык. Словно был он Атлантом, и небо наконец сняли с его плеч.

Тем временем через несколько недель на том безлюдном поле у ручья крошечное семечко, согретое снизу тихим дыханием Геи, принялось прорастать. Вскоре хрупкий росточек протолкался сквозь почву и высунул нежную головку. Ветерок обнял росток, и тот тихонько прошептал:

— У Мидаса ослиные уши...

Шелест камыша и шорох осоки прошуршал по листьям трав и деревьев, и шум кипарисов и ракит шустро послал весть в полет.

— У Мидаса ослиные уши, — вздыхали ветви.

— У Мидаса ослиные уши, — пели птицы.

И наконец новость добралась до города:

— У *Мидаса ослиные уши!*

Царь Мидас внезапно проснулся. На улице у дворца смеялись и кричали. Он подобрался к окну, сел на корточки и прислушался.

Унижение оказалось невыносимым. Не тратя времени на месть цирюльнику и его семье, Мидас смешал ядовитое снадобье из воловьей крови, вскинул взгляд к небу, горестно рассмеялся, пожал плечами, выпил отраву и умер.

Бедолага Мидас. Его имя навсегда станет символом человека удачливого и богатого, но вообще-то он был невезучий и нищий. Лучше б розами занимался. Зеленые персты лучше златых.

◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎ ◎

ПРИЛОЖЕНИЯ

К СЛОВУ О БРАТЬЯХ

Напоследок об Эпиметее и Прометее, сыновьях океаниды Климены (или Азии) и титана Иапета, младших братьях Атланта, что держит небо, и Менойтия, сожженного молнией. Обычно считается, что Прометей означает «предусмотрительность», а Эпиметей — «соображение задним числом», из чего делают вывод, что Эпиметей влезал в передряги, не задумываясь о последствиях, тогда как его старший брат Прометей был дальновиднее. Можно убедительно доказать, что ничего особенно осторожного, предусмотрительного или проницательного в том, что Прометей принес людям огонь, нет. Порывистый, щедрый поступок... даже любовный, однако не очень-то мудрый. Эпиметей был добродушным, общительным малым,

и его промахи были попросту... собрался написать «человеческими», однако так вряд ли годится, раз Эпиметей был титаном. Его оплошности были, конечно же, титаническими — если судить по последствиям. Кажущуюся разницу между братьями философы и поныне применяют для описания некой глубинной черты во всех нас.

У Платона в диалоге «Протагор» титульный персонаж излагает миф о сотворении несколько не так, как традиционно принято.

Боги (так рассказывает Сократу Протагор) взялись населить природу новыми видами смертной жизни, поскольку до этого в мире обитали одни лишь бессмертные. Из земли, воды, божественного огня и божественного дыхания создали животных и человека. Прометею и Эпиметею поручили наделить этих существ всеми свойствами и особенностями, какие помогут им жить полноценной успешной жизнью. Эпиметей сказал, что займется распределением, а Прометей пусть придет потом и проверит, что получилось. На том и порешили.

Эпиметей принялся за дело бодро. Наделил некоторых животных доспехами — носорогов, панголинов и броненосцев, например. Другим, чуть ли не от фонаря, кажется, выдал густой водоотталкивающий мех, камуфляж, яд, перья, клыки, когти, чешую, жабры, крылья, усы и чего еще только не придумаешь. Предписал прыть и свирепость, распределил плавучесть и летучесть — всякое животное обрело свою хитро продуманную и дельную особенность, от навигационных навыков до опыта в рытье, гнездовании, плавании, прыжках и пении. Эпиметей уже

собрался поздравить себя с тем, что обеспечил летучим мышам и дельфинам эхолокационные умения, но тут понял, что это последний дар, какой у него остался. Со свойственным ему недостатком предусмотрительности он совершенно не учел того, чем наделит человека — бедного, голого, уязвимого, гладкокожего, двуногого человека.

Эпиметей покаянно пришел к брату и спросил, что им теперь делать, раз ничего на дне корзинки с дарами не осталось. Человеку нечем защищаться от жестокости, хитрости и коварства превосходно вооруженных теперь зверей. Эти самые силы, которыми столь щедро наделили всякую тварь, наверняка прикончат безоружного человека.

Решение Прометея оказалось вот каким: выкрасть у Афины искусства, а у Гефеста — пламя. Это позволит людям применять мудрость, смекалку и изобретательность и с их помощью защищаться от животных. Человек, может, и не сумеет плавать, как рыба, зато сообразит, как соорудить лодку, не сможет обогнать лошадь, но научится приручать ее, подковывать и ездить на ней верхом. Однажды он, вероятно, сотворит себе крылья и потягается с птицами.

То ли случайно, то ли по ошибке люди, единственные из всех смертных существ, получили олимпийские умения — не такие сильные, чтобы соперничать с богами, но их хватало, чтобы выживать рядом с более удачно экипированными животными.

Имя Прометея означает, как я уже говорил, «предусмотрительность». У предусмотрительности есть далеко идущие последствия. Бертран Расселл в «Истории Западной философии» (1945) писал так:

> Цивилизованный человек отличается от дикаря главным образом благоразумием, или, если применить немного более широкий термин, предусмотрительностью. Цивилизованный человек готов ради будущих удовольствий перенести страдания в настоящем, даже если эти удовольствия довольно отдалены... Истинная предусмотрительность возникает только тогда, когда человек делает что-либо не потому, что его толкает на это непосредственный импульс, а потому, что разум говорит ему, что в будущем он получит от своего труда пользу... личность, приобретя привычку рассматривать свою жизнь в ее целостности, все более жертвует своим настоящим ради будущего[1].

Таким образом, вероятно, можно предположить, что Прометей — отец нашей цивилизации в более тонком смысле, чем просто даритель огня, хоть настоящего, хоть символического. Прометей к тому же наделил нас способностью к предусмотрительности, умением действовать не под властью порыва. Прометеева ли предусмотрительность вырастила нас из охотников-собирателей в земледельцев, городских жителей и торговцев? Кабы не навык смотреть в будущее, не станешь горбатиться в поле и сеять, планировать и строить, запасать и обмениваться.

Чтобы мы не перегнули с поклонением потенциально христоподобной фигуре идеального Прометея (любимый греческий девиз, в конце концов, *меден аган* — «всего

1 Здесь и далее цит. по: *Бертран Рассел*. История Западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Изд. 3-е, испр. / Научн. ред. проф. В. Целищев. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2001. — *Примеч. перев.*

в меру»), Расселл напоминает нам, что греки, судя по всему, осознавали необходимость уравновешивать влияние Прометея страстями темнее, глубже, порывистее:

> Очевидно, этот процесс [действий из благоразумия и предусмотрительности] может зайти очень далеко, как это случается, например, со скрягами. Но и без этих крайностей благоразумие легко может повести к утрате многих самых лучших сторон жизни. Поклонник Вакха восстает против благоразумия. В физическом или духовном опьянении он вновь обретает уничтоженную благоразумием интенсивность чувства, мир предстает перед ним полным наслаждения и красоты, его воображение вдруг освобождается из тюрьмы повседневных забот. Культ Вакха породил так называемый энтузиазм, этимологически означающий вселение бога в поклоняющегося ему человека, который верит в свое единство с богом. Этот элемент опьянения, некоторый отход от благоразумия под влиянием страсти, имеет место во многих величайших достижениях человечества. Жизнь была бы неинтересной без вакхического элемента, но его присутствие делает ее и опасной. Благоразумие против страсти — это конфликт, проходящий через всю историю человечества. И это не такой конфликт, при котором мы должны становиться целиком на сторону лишь одной из партий.

Замечательна эта многогранность и неоднозначность Прометея. Он подарил нам огонь — творящий огонь, но он же наделил нас цивилизующей предусмотритель-

ностью, а та пригасила другой вид огня, неукротимее. Именно отказ рассматривать божества как безупречные, цельные и совершенные — хоть Зевса, хоть Мора или Прометея, — и делает греческое наследие таким сообразным. По крайней мере, для меня...

✣ НАДЕЖДА ✣

Элпида осталась в кувшине Пандоры — что это означало для греков и что это значит для нас ныне, было предметом любопытных дискуссий среди ученых и мыслителей со времен изобретения письменности, а может, и еще раньше.

Для некоторых это подчеркивает ужас Зевсова проклятия, наложенного на человечество. Все хвори мира посланы нам, чтобы не давать продыху, считают эти мыслители, даже в утешении надеждой нам отказано. Оставление надежды, если вдуматься, зачастую предшествует концу попыток бороться и стремиться. Оставить надежду повелевали врата Дантова ада — всем, кто входил в них. До чего же кошмарно в таком случае допускать, что надежда способна покинуть нас!

Другие же полагали, что Элпида означает больше, чем надежда, — это намек на ожидания, и даже не просто ожидания, а кое-что *похуже*. Дурное предчувствие, иными словами страх, ощущение неминуемого краха. Такое толкование мифа о Пандоре предлагает рассматривать последний дух, запертый в кувшине, как вообще-то самый ужасный из всех: без него человек по крайней мере

огражден от предвкушения жути собственной судьбы и бессмысленной жестокости бытия. Пока Элпида заперта, стало быть, мы, как Эпиметей, способны жить день за днем, беспечно не осведомленные о тени боли, смерти и неизбежного краха, что нависает над всеми нами, — или, во всяком случае, умеем ее не замечать. Такое толкование этого мифа пусть и сумрачно, но в некотором роде оптимистично.

Ницше относился к мифу о Пандоре по-своему, чуть иначе. По его мнению, надежда — самая зловредная из всех тварей в том кувшине, поскольку продляет муки человеческого бытия. Зевс добавил ее в тот кувшин, потому что хотел, чтобы она удрала и ежедневно терзала человечество ложными обещаниями, что впереди — хорошее. Пандора, заточив ее, совершила победоносный поступок, спасший нас от Зевсовой жестокости. Питая надежду, считал Ницше, мы набираемся глупости и верим, что есть в бытии смысл, цель и перспектива. Без нее мы, по крайней мере, можем попытаться жить свободно от бредовых порывов.

Тут мы в силах — есть ли надежда или нет ее — определяться самостоятельно.

✣ ГИГАНТСКИЕ СКАЧКИ ✣

Некоторые сюжеты древнегреческих мифов посвящены ГИГАНТОМАХИИ, «войне с гигантами». Сотня представителей этого воинского племени (которые, как я уже говорил, не были такими уж высокими или испо-

линскими в современном смысле слова) родилась из Геи и крови оскопленного Урана. Возможно, та война была последней попыткой Геи вернуть себе власть над мирозданием. В некоторых источниках встречается пересечение или слияние этой войны с титаномахией. Однозначно же вот что: некий воинственный бунт против богов все-таки произошел, и возглавил его царь гигантов ЭВРИМЕДОН.

Мы не располагаем именами всех участников, но судьбы некоторых, самых могучих, были, несомненно, запечатлены. Мощнейший ЭНКЕЛАД (шумный) погребен Афиной под горой Этной, и из своего узилища он продолжает вулканически ворчать[1]. ПОЛИБОТА раздавили Нисиросом, частью острова Кос, которую Посейдон отломал и швырнул в гиганта[2]. ДАМИС (завоеватель) был убит в начале заварухи, но позднее обрел славу, когда его тело эксгумировал Хирон — разобрать на запчасти. Гефест опорожнил котел расплавленного железа на несчастного МИМАНТА (подражателя); КЛИТИЯ (знаменитого) поглотило пламя Гекатиного факела; СИКЕЯ преследовал по пятам Зевс, и от уничтожения его спасла Гея, превратив в тутовое дерево[3]. ГИППОЛИТ (попирающий коней) погиб от руки Гермеса — тот сжульничал, надев плащ-

1 Ученые сообщают, что луна Сатурна, названная в честь Энкелада, всего-то в 800 миллионах миль от Земли и, похоже, располагает всем необходимым для жизни. Может, Гея с самого начала замышляла распространение своих отпрысков в других мирах.

2 С именем Полибота мой греко-английский лексикон не справляется. Вроде бы это имя означает «всепитающий» или «всекормящий». *Плодородный*, может.

3 Разновидность фиги с тех пор носит имя Сикея. [Речь о сикоморе, родственном инжиру дереве, у них одинаковые семейство (тутовые) и род (фикусы), но различаются виды. — *Примеч. перев.*]

невидимку. Дионис убил ТИФЕЯ (испепелителя) своим священным *тирсом*.

Я читал об одном гиганте по имени АРИСТЕЙ (лучший)[1], избегшем войны, — его в обличье навозного жука спрятала мать Гея. Но как погибли ФООНТ (стремительный), ФОЙТИЙ (бесшабашный), МОЛИЙ, ЭМФИТ (укорененный) и невесть сколько еще сынов гигантова племени, насколько нам известно, не записано.

Как ни странно, один источник сообщает, как свирепый гигант ПОРФИРИОН (пурпурный) был убит Зевсом и Гераклом при попытке изнасиловать Геру, но тогда его смерть приходится на гораздо более поздний период на шкале времени, чем вся остальная гигантомахия. Как будто столь последовательный и основательный инструмент, как шкала времени, вообще применим к многогранному, калейдоскопичному и беспорядочному устройству греческого мифа.

✣ СТОПЫ И ПЯДИ ✣

Как и мы, при измерении длин греки применяли стопы. Один *пус* (множественное число — *подес*) равнялся примерно пятнадцати или шестнадцати пальцам (*дактила*) и приблизительно совпадал с британским или американским футом. В одном *плетре* (ширина беговой дорожки) содержалось сто *подес*, шесть таких единиц составляли один *стадий* (длина беговой дорожки; из этого слова полу-

1 Не следует путать с малым божеством пчеловодства с таким же именем.

чается наше «стадион»), в миле восемь *стадиев*, и называлась эта мера *милион*. Всякая возня со ступнями — ортопеды, цефалоподы (головоногие), триподы и прочие — показывает, как увлекательно странствует буква «п», все чаще при движении на запад, как ни странно, превращаясь в «ф»: *пус* превратился в *Fuss* в немецком и в *foot* в английском. *Pfennig*, *Pfeife* и *Pfeffer* так и остались в современном немецком, а в английском превратились в *penny*, *pipe* и *pepper* (хотя *fife* у нас тоже есть)[1]. В начале XIX в. филолог Фридрих фон Шлегель первым заметил Великий фрикативный сдвиг, который позднее стал частью закона Гримма, названного в честь братьев Гримм, которые приложили нешуточные усилия и показали, как происхождение большинства языков Европы и Ближнего Востока можно отследить до Индии и единого воображаемого протоиндоевропейского предка.

1 Пфенниг, труба, перец *(нем.)*. Пенни, труба, перец *(англ.)*. Дудка *(англ.)*. — *Примеч. перев.*

✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ниже я собрал кое-какие соображения о природе мифа и вкратце обрисовал некоторые источники, к которым прибегал, пока писал эту книгу.

Готов повторить не раз и не два, что никогда не ставил себе цель толковать или объяснять мифы — только пересказывать их. Чтобы добиться связного повествования, мне, конечно, пришлось немного поколдовать над временно́й шкалой. Моя версия «эпохи людей», например, отличается от хорошо известной Гесиодовой: так удалось отчетливее развести эпохи правления Кроноса и сотворения людей. Уж такой случился в Греции почти три тысячи лет назад всплеск историй, что наверняка одновременно происходили всевозможные события. Если кто-то поставит мне на вид, что я пересказал эти истории «неправильно», меня, думаю, оправдает то, что они, в конце

концов, вымышленные. Играя с деталями, я делаю то же самое, что люди делали с мифами от начала времен. В этом смысле, мне кажется, я в меру сил помогаю сохранить их живыми.

✣ МИФ — ЛЕГЕНДА — РЕЛИГИЯ ✣

Во многом так же, как жемчужина вырастает вокруг песчинки, легенда выстраивается вокруг зерна истины. Легенда о Робине Гуде, например, судя по всему, восходит к подлинной исторической фигуре[1]. Вещество повествования, накапливающееся по мере того, как рассказ передают из поколения в поколение, приукрашенный и преувеличенный по ходу дела, на некоем этапе обретает свойства легенды. Ее часто записывают, поскольку само слово «легенда» восходит к герундию от латинского глагола *legere*, что означает «положенный к чтению»[2].

Мифы же, напротив, плоды воображения, символизма. Никто не считает, что Гефест действительно существовал. Он воплощает собой искусство работы с металлом, рукоделие и ремесленничество. То, что все это олицетворяет чернявый, некрасивый хромой, провоцирует нас на всевозможные толкования. Вероятно, мы замечали, что настоящие кузнецы, пусть и сильные, зачастую темноволосы, в шрамах и до того мускулисты, что аж

1 Робин из Локсли и лорд Фицут, граф Хантингтон, — ключевые кандидатуры.

2 Что интересно, абсолютный источник глагола *legere* и его вялой разновидности *lectum* имеет значение «собирать» — как в словах «колледж» и «коллекция». А потому, возможно, легенды в равной мере соотносятся и с историями, которые собраны, и с историями, которые записаны и читаются.

свернуты в тугой узел, и смотреть на них тревожно. Вероятно, во многих культурах предполагалось, что здоровые, высокие и крепко сбитые юноши всегда оказываются в рядах воинов, и потому недоразвитых, увечных и низкорослых мальчишек учили на кузнецов и ремесленников, а не натаскивали в боевых искусствах. Следовательно, любой бог кузнецов, какого воображала себе коллективная культура, скорее всего воплощал уже известный людям человеческий архетип. Боги такого рода создаются по нашему образу и подобию, а не наоборот.

Пусть мифы и мифические фигуры и символичны, а не историчны по происхождению, они пережили те же художественную переработку и украшение, что и более укорененные в фактах легенды. Мифы тоже записывали, особенно греческие; благодаря Гомеру, Гесиоду и тем, кто жил позднее, они были подробно изложены так, что нам достались шкалы времени, генеалогии и истории персонажей, дающие возможность сказительства, которое я попытался запечатлеть в этой книге.

Мифы, попросту и впрямую говоря, касаются богов и чудовищ, которых нельзя наблюдать и на которых не покажешь пальцем. Возможно, представители древнегреческого общества *верили* в кентавров и водяных драконов, богов моря и богинь очага, но им бы пришлось попотеть, доказывая их существование и убеждая в нем остальных. Большинство тех, кто рассказывал и пересказывал мифы, понимали, мне кажется, хотя бы на некотором уровне сознания, что они излагают выдуманные истории. Вероятно, они считали, что мир был когда-то населен нимфами

и чудищами, но могли, в общем, не сомневаться, что больше их не существует.

Молитва, ритуал и жертвоприношение — налоги, выплачиваемые незримым силам природы, — другое дело. В определенной точке времени миф становится культом, культ — религией. Он перерастает из байки, рассказанной у камелька, в систему верований, которой полагается подчиняться. Возникают жреческие касты, предписывающие людям правила поведения. Как миф кодифицируется в писания, литургии и теологии — тема другой книги и совершенно за пределами моей. Однако мы можем сказать, что у древних греков не было богооткровенных текстов, подобных Библии или Корану. Бытовали всевозможные «мистерии» и посвящения, связанные в том числе и с экстатическими состояниями, вероятно, похожие на шаманские, какие можно наблюдать в других частях света; существовали и многочисленные храмы и алтари. Правда и то, что даже в великую афинскую эпоху разума и философии людей, подобных Сократу, казнили по причинам религиозного толка[1].

✣ ГРЕКИ ✣

Было бы ошибкой считать греков высшими человеческими существами, неповторимо наделенными просвещенной мудростью и рациональной доброй волей. Многое в Древней Греции покажется нам чуждым и неприят-

1 Его обвинили в противоречащем религии отказе признать богов Афинского государства.

ным. Женщины не могли играть никакой заметной роли в делах за пределами дома, рабство бытовало повсеместно, наказания бывали жестоки, а жизнь — сурова. Дионис и Арес были богами в той же мере, в какой Аполлон и Афина. А также Пан, Приап и Посейдон. Привлекает же нас в греках то, что они, судя по всему, столь тонко, проницательно и живо осознавали разнообразные стороны таких натур. На пронаосе храма Аполлона в Дельфах высечено: «Познай самого себя». Как народ — если смотреть на них сквозь призму мифов, как и через все другие их тексты, — греки очень старались соответствовать этой древней максиме.

И потому, пусть и были они далеки от совершенства, древние греки, похоже, развили искусство видеть жизнь, мир и себя самих с большей честностью и незамутненной ясностью, чем это удавалось большинству цивилизаций, включая, быть может, и нашу с вами.

✣ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, ✣ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ

Греция. Что это? Где это? Во времена мифов она не была единой нацией. Существует политически определимая суверенная территория и россыпь островов, которые мы ныне можем посещать, но греческий мир «Мифа» включает и бóльшую часть Малой Азии, объединяющей Турцию, частично Сирию, Ирак и Ливан, а также некоторые области Северной Африки, Египта, Балкан, Албании, Хорватии и Македонии. История «Арион и дельфин» ведет нас

в Южную Италию, другие мифы посвящены людям, которые в ту пору могли считать себя эллинами, ионийцами, аргосцами, аттийцами, фракийцами, эолийцами, спартанцами, дорийцами, афинянами, киприотами, коринфянами, фиванцами, фригийцами, сицилийцами, критянами, троянцами, беотийцами, лидийцами... и много кем еще. Отчетливо понимаю, до чего это путает и, вероятно, раздражает любого, если он не специалист или не гражданин Греции. В этой книге для ориентировки есть карта, но я все же от души надеюсь, что у вас не закипят мозги, пока вы будете во всем этом разбираться. У меня-то уж точно они закипали не раз и не два, и вам я этой растерянности и хлопот не желаю.

✣ ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ ✣

Пересказывать греческие мифические истории означает идти по следам исполинов. В предисловии к этой книге я поделился наблюдением Идит Хэмилтон, что греческий миф есть «творение великих поэтов». Глубочайшие корни его простираются в доисторические времена и незаписанный фольклор, но при подготовке этой книги я смог, как это доступно любому из нас, приникнуть к самым первым поэтам западной традиции, которые, уж так совпало, были греками и чей предмет — еще одно совпадение — миф.

Существует уникальная сокровищница сохранившихся источников, запечатлевших хронологию древнегреческого мифа от сотворения Вселенной и рождения

богов и вплоть до конца их вмешательства в дела людей и взаимодействия с человечеством. Все начинается с ГОМЕРА, который то ли был, то ли не был неким одним (слепым) ионийским бардом, но чье имя связано с двумя великими эпическими поэмами — «Илиадой» и «Одиссеей», а их собрали воедино, судя по всему, в VIII в. до н. э. Их действие — осада Трои и ее последствия, но Гомер включил в текст бесчисленное множество полезных отсылок к более ранним мифам. Его приблизительный современник, поэт ГЕСИОД (несомненно, отдельная личность), произвел основную работу в том, что можно было бы назвать линией времени греческой мифологии. Его «Теогония» («Рождение богов») излагает историю творения, возвышения титанов, происхождения богов и их водворения на Олимп. Его «Труды и дни» рассказывают о великом сотворении людей, о Прометее и Пандоре, а также об устроении Пяти веков человечества — золотого, серебряного, бронзового, героического и железного.

Другие древнегреческие и позднейшие древнеримские поэты, писатели и путешественники заполнили бреши, развили, украсили, сплавили, спутали и попросту выдумали греческие мифические истории, в основном восходящие к Гесиодову генеалогическому плану. Из таких источников следует выделить как наиболее ценный «Мифологическую библиотеку» — грандиозный словарь мифов. Исходно предполагалось, что это труд ученого АПОЛЛОДОРА АФИНСКОГО, жившего во II в. до н. э., но теперь в этом есть сомнения: ныне эту работу

приписывают неизвестному человеку, который значится под пренебрежительным прозвищем ПСЕВДО-АПОЛЛОДОР и относится по времени к I или II в. н. э. Другие убедительные и/или достоверные источники — все они, похоже, II в. и далее — включают в себя работы греческого путешественника и автора путеводителей ПАВСАНИЯ, «романиста» ЛОНГА (писавшего по-гречески) и АПУЛЕЯ (писавшего на латыни), а также латинского прозаика ГИГИНА.

Над ними всеми высится древнеримский поэт ОВИДИЙ (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.), чьи «Метаморфозы» рассказывают нам о смертных, нимфах и прочих, кого боги в наказание или из жалости превратили в животных, растения, реки или даже в камни. Его другие работы, особенно Ars Amatoria («Искусство любви») и Heroides («Героини»[1]), также содержат переосмысления греческого мифа, и там у богов везде латинские имена: Зевс именуется Юпитером, Артемида — Дианой, Эрот — Купидоном или Амуром и так далее. В своей энергичности и неугомонном переключении точек зрения Овидий плодовит, изобилен, непочтителен, игрив и кинематографичен. По богатству отсылок в пьесах и стихах Шекспира ясно, что на барда, среди многих прочих писателей и художников, Овидий повлиял мощно. Он с удовольствием добавлял, сокращал и изобретал, что повлияло на меня и придало мне дерзости подключать, скажем так, *воображение* и в своих пересказах.

1 Также «Героиды» или «Письма героинь»

✣ СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ✣

Многие дети по обе стороны Атлантического океана выросли, как и я, на классических сборниках древнегреческих мифов, составленных четырьмя известными американцами. Двое из них — писатели XIX века: Нэтэниэл Хоторн[1], подаривший нам «Книгу чудес» (1851) и ее продолжение, «Тэнглвудские истории» (1833), и Томас Булфинч, чья книга «Век сказаний» (1855), позднее включенная в антологию «Мифология Булфинча» (1881), пережила за 160 лет десятки переизданий. В XX веке царила непревзойденная Идит Хэмилтон и ее «Мифология: нетленные истории о богах и героях» (1942), эту книгу, к счастью, до сих пор допечатывают, а также Бернард Эвслин с его неустаревающим трудом «Герои, боги и чудовища древнегреческих мифов» (1967). Британские аналоги — «Приключения Улисса» (1808) Чарлза Лэма и «Любимые греческие мифы» (1905) Л. С. Хайда. Как раз последняя книга была любимицей моего детства.

Пусть и достопочтенны все перечисленные — и прежде, и ныне, — они склонны стыдливо обходить или выхолащивать эротические и жестокие эпизоды, из которых складывается ключевая часть греческого мифического мира. Поэт и романист Роберт Грейвз подобных предубеждений не имел, но его двухтомник «Греческие мифы» (1955) с причудливым устройством и манерой изложения выбирает, скорее, литературный и мифографический курс — зачастую из желания подчеркнуть одержимость Грейвза

1 В руссском переводе обычно Натаниэль Готорн. — *Примеч. перев.*

культами «белой богини». Подходы Джеймза Фрейзера и тех, кто писал позднее, в том числе и Джозефа Кэмбла[1], ценны сами по себе, но выказывают увлечение авторов другими, менее греческими делами, более исследовательскими, психологическими, сравнительно-аналитическими и антропологическими. В наше время навалом интернет-сайтов, желающих помочь юношеству «открыть» греческие мифы, хотя иногда, наглядевшись, как Кадма называют «няшей», Гермеса — «крутанским», а Аида — «пацаном со своими тараканами», хочется прилечь.

Один веб-сайт я бы от души рекомендовал: это theoi.com — просто великолепный источник, полностью посвященный греческому мифу. Это нидерландско-новозеландский проект, содержащий более полутора тысяч страниц текста и галерею на тысячу двести изображений, в том числе вазопись, скульптуру, мозаику и фрески на греческие мифологические темы. На сайте есть подробные указатели, генеалогии и подзаголовки по темам. Библиография превосходна и способна повести по лабиринтам дальнейшего поиска, с прыжками от источника к источнику, как увлеченного коллекционера бабочек.

✣ НАПИСАНИЕ ИМЕН ✣

Поскольку многие греческие мифы и персонажи дошли до нас через латинских авторов, а также потому, что наш алфавит скорее римский, нежели греческий, написа-

1 В русском переводе обычно Джозеф Кэмпбелл. — *Примеч. перев.*

ние имен собственных может быть довольно приблизительным. Я мог бы предложить в тексте исключительно греческие варианты написания — *Kerberos*, *Iason* и *Kadmos* вместо *Cerberus*, *Jason* и *Cadmus*. Следовало ли писать *Cronus* вместо *Kronos*? Возможно, надо было взять *Aktaion*, а не *Actaeon*? «Наркисс» смотрится выпендрежно, когда мы все так привыкли к Нарциссу. В итоге я был непоследователен, но очень последовательно.

✣ ПРОИЗНОШЕНИЕ ИМЕН ✣

Советую произносить их про себя так, как вам удобнее всего. Греческая буква «каппа» соответствует твердому «к», а буква «хи» — придыхательный и гортанный фрикатив, как в словах loch и Bach, хотя вполне можно произносить все «хи» как обычное «к». Буква «эта», долгое «и», произносилась как «и-и», когда меня учили древнегреческому в школе, и потому сама эта буква произносилась как eater. В наши дни эту букву учат произносить как «эйта», в рифму с waiter. Что-то мне подсказывает, что это современное произношение вошло в американский английский легче, нежели в британский. Американцы склонны произносить «бейта» вместо «бета», которое в британском английском произносится как слово beater[1].

Словом, современные греки произносят имена собственные одним способом, английские и американские

1 Британцы произносят «бита». — *Примеч. перев.*

ученые — по-своему, а обиходное употребление — уж какое есть — складывается на свой лад. Любого, кто скажет вам, что есть отчетливые «правильно» и «неправильно», можно, по моему мнению, оспорить.

✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣

❖ БЛАГОДАРНОСТИ ❖

В первую очередь моему возлюбленному супругу Эллиотту — за достаточное терпение и выдержку, когда я подолгу пропадал в мифических краях Древней Греции. Моей возлюбленной настойчивой сестре и помощнице, Джо Крокер, — за то, что она придала моей жизни форму, подарившую мне часы, которые удалось посвятить писательству.

Как всегда, благодарю своего агента Энтони Гоффа, а также Луиз Мор и всех в «Майкл Джозеф», дружелюбной редакции издательства «Пенгуин Рэндом Хаус», милостиво публикующей мои работы. Особенная благодарность — моему прилежному, сводящему с ума, обаятельному, вдумчивому и упрямо проницательному редактору Джиллиан Тейлор.

❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖ ❖

❖ ИЛЛЮСТРАЦИИ ❖

1. Гея, богиня-мать. Греческий рельеф. Коллекция древнего искусства архитектуры / Alamy.
2. Аттическая роспись краснофигурного килика. Фонд прусского культурного наследия / Коллекция антиквариата, Берлин.
3. Иоганн Вильгельм Тишбейн. Полифем. 1802. Государственный музей, Ольденбург.
4. Голова Гипноса. Бронза. Ок. 275 до н. э. Британский музей / Alamy.
5. Джорджо Вазари. Оскопление Урана Кроносом. Ок. 1560. Палаццо Веккьо, Зал стихий.
6. Сандро Боттичелли. Рождение Венеры. Ок. 1485. Галерея Уффици, Флоренция / Bridgeman.
7. Франсиско Гойя. Сатурн, пожирающий своего сына. Ок. 1823. Музей Прадо, Мадрид / Alamy.
8. Приписывается художнику Навсикаи. Аттическая краснофигурная вазопись. Ок. 475–425 до н. э. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

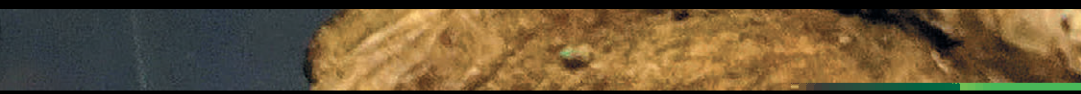
9. Никола Пуссен. Кормление млладенца Юпитера. Ок. 1640. Национальная галерея искусств, Вашингтон, округ Колумбия / Bridgeman.
10. Битва гигантов — гигантомахия. Мраморный рельеф. Getty Images / De Agostini Picture Library.
11. Аттическая чернофигурная гидрия. Ок. 540–530 до н. э. Коллекция антиквариата Саатчи, Мюнхен.
12. Жозеф Паелинк. Танец муз. 1832. Из частной коллекции / Alamy.
13. Три мойры. Рельеф. Старая Национальная галерея, Берлин.
14. Иоахим Эйтевал. Битва богов и гигантов. Ок. 1608. Художественный институт Чикаго / Bridgeman.
15. Боги Олимпа. Ок. 1528. Паллаццо дель Те, Зал гигантов / Bridgeman.
16 Неизвестный художник. Иерогамия. I в. н. э. Национальный археологический музей, Неаполь / Bridgeman.
17. Питер Пауль Рубенс. Вулкан кует молнии Юпитеру. 1636–1638. Музей Прадо, Мадрид / Bridgeman.
18. Голова Ареса. Римская копия с греческого оригинала Алкамена. 420 до н. э. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург / Alamy.
19. Сандро Боттичелли. Венера и Марс. Ок. 1485. Национальная галерея, Лондон / Alamy.
20. Чернофигурная амфора. VI в. до н. э. Лувр, Париж / Bridgeman.
21. Густав Климт. Минерва, или Афина Паллада. 1898. Венский музей Карлсплац, Вена / Bridgeman.
22. Краснофигурный килик. V в. до н. э. Лувр, Париж / Bridgeman.
23. Аполлон. Итальянская школа. XVII в. Музей Масси, Тарб, Франция / Bridgeman.
24. Пол Меншип. Диана. 1925. Национальная галерея искусств, Вашингтон, округ Колумбия / Alamy.

25. Якоб Йорданс. Прометей прикованный. Ок. 1640. Музей Вальраф-Рихарц, Кёльн, Германия / Alamy.
26. Иоахим Патинир. Переправа в Преисподнюю. 1515–1524. Прадо, Мадрид / Bridgeman.
27. Джон Уильям Уотерхаус. Пандора. 1896. Из частной коллекции / Alamy.
28. Фредерик Лейтон. Возвращение Персефоны. Ок. 1891. Музей и галереи Лидса (Художественная галерея Лидса), Великобритания / Bridgeman.
29. Франсуа Эдуар Пико. Амур и Психея. 1817. Лувр, Париж / Bridgeman.
30. Питер Пауль Рубенс. Падение Фаэтона. Ок. 1604–1608. Национальная галерея искусств, Вашингтон, округ Колумбия / Bridgeman.
31. Питер Пауль Рубенс (мастерская). Пьяный Силен. Ок. 1620. Национальная галерея, Лондон / Bridgeman.
32. Микеланджело Ансельми. Аполлон и Марсий. Ок. 1540. Национальная галерея искусств, Вашингтон, округ Колумбия / Bridgeman.
33. Диего Родригес де Сильва-и-Веласкес. Пряхи. 1657. Прадо, Мадрид.

✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣ ✣

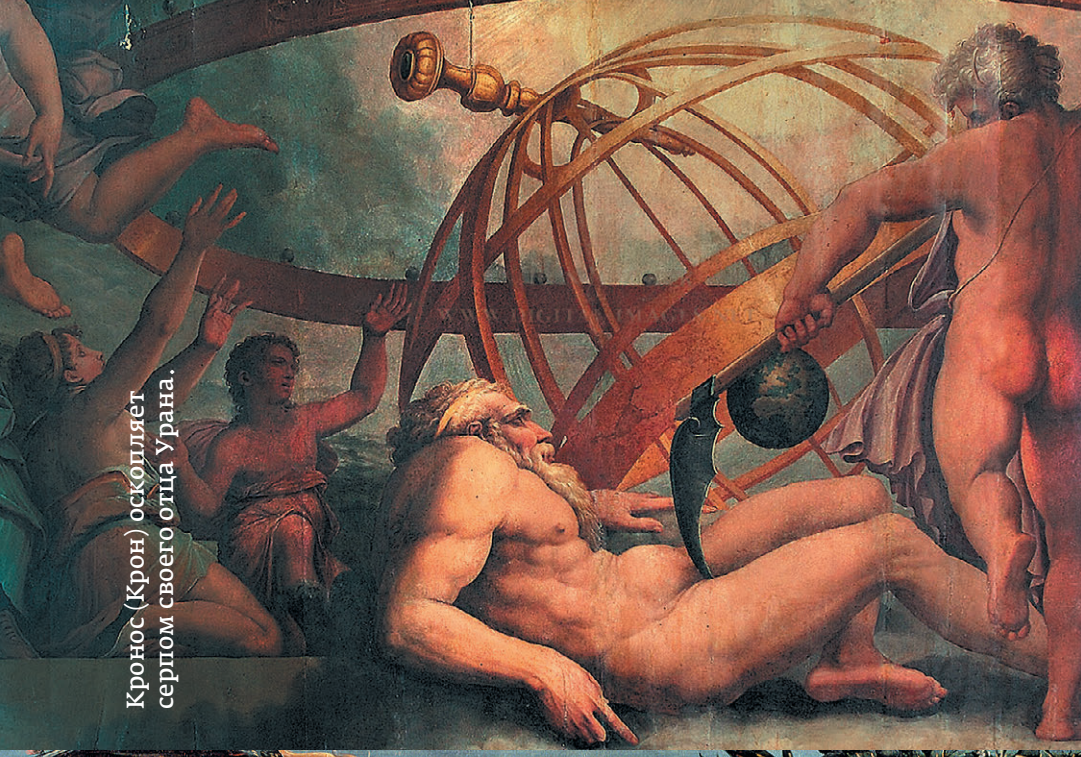
Гея, первобытная богиня и олицетворение Земли, воплотилась на заре творения.

Фемида, титанида, ставшая воплощением закона, справедливости и порядка. Здесь она изображена сидящей на дельфийском треножнике, в одной руке у нее чаша, а в другой — лавровая веточка.



Гипнос, олицетворение сна. Он породит Морфея, творившего грезы и придававшего им очертания.

У циклопов был один сферический глаз посередине лба.



Кронос (Крон) оскопляет серпом своего отца Урана.

На картине “Рождение Венеры” Боттичелли изображено прибытие богини на Кипр.

Кронос пожирает одного
из своих сыновей.

Кронос получает
от Реи камень Омфал.

Нимфы и коза Амальтея вскармливают
младенца Зевса на Крите.

Музы: девять сестер, каждая представляет свой жанр в искусстве и покровительствует ему.

Три мойры (или фаты). Клото прядет нить — жизнь, Лахесис отмеряет ее длину, а Атропос решает, когда жизнь оборвать.

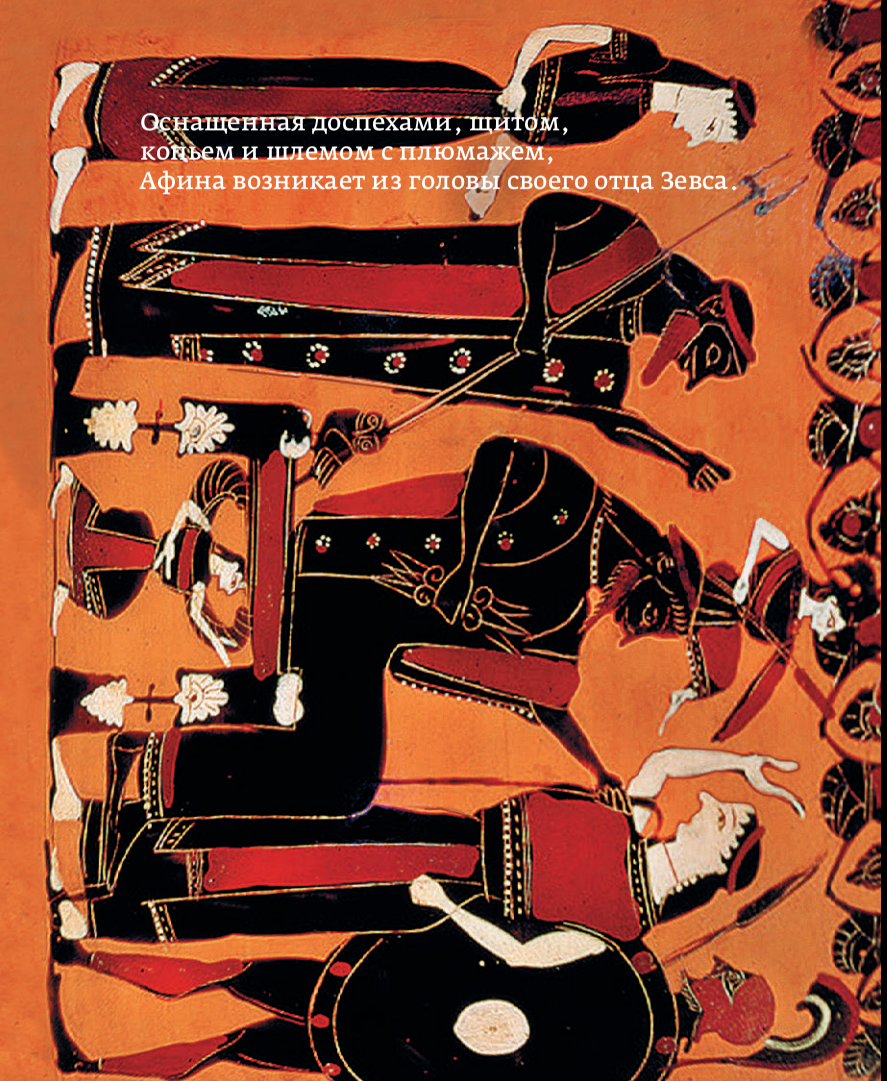
Двое гигантов сражаются с богами
в ходе гигантомахии.

Зевс прицеливается молнией
в крылатое змееногое чудище — Тифона.

Боги сражаются с титанами в десятилетнем конфликте — титаномахии.

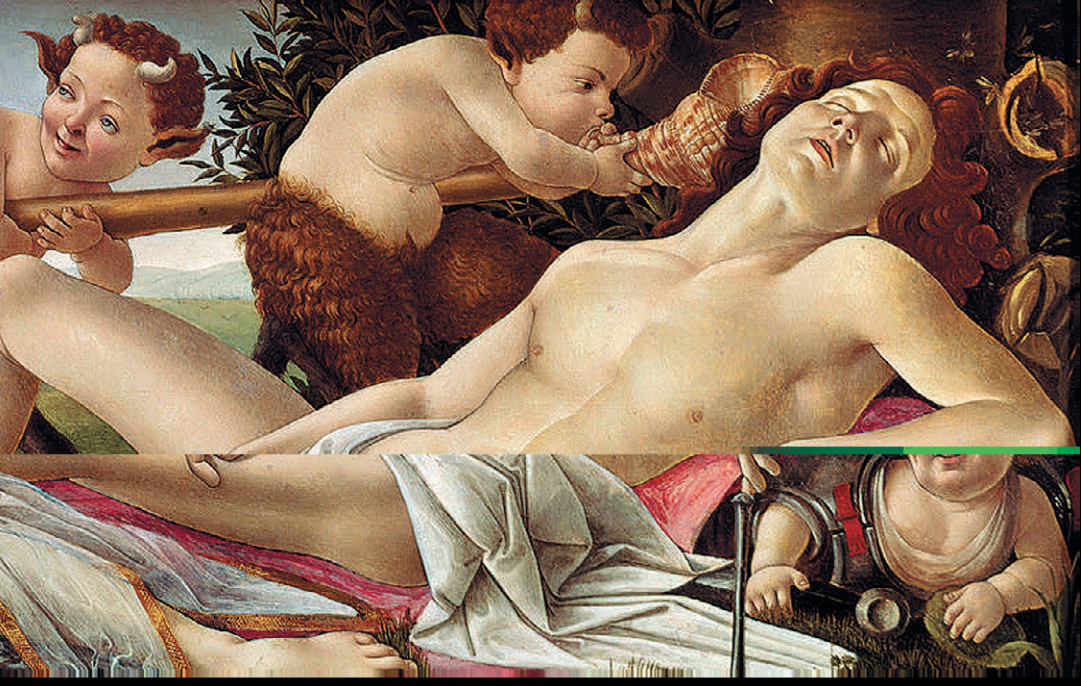
Торжествующие
боги Олимпа.

Гефест — бог огня, кузнецов, ремесленников, скульпторов и металлургов — за работой у себя в кузне.

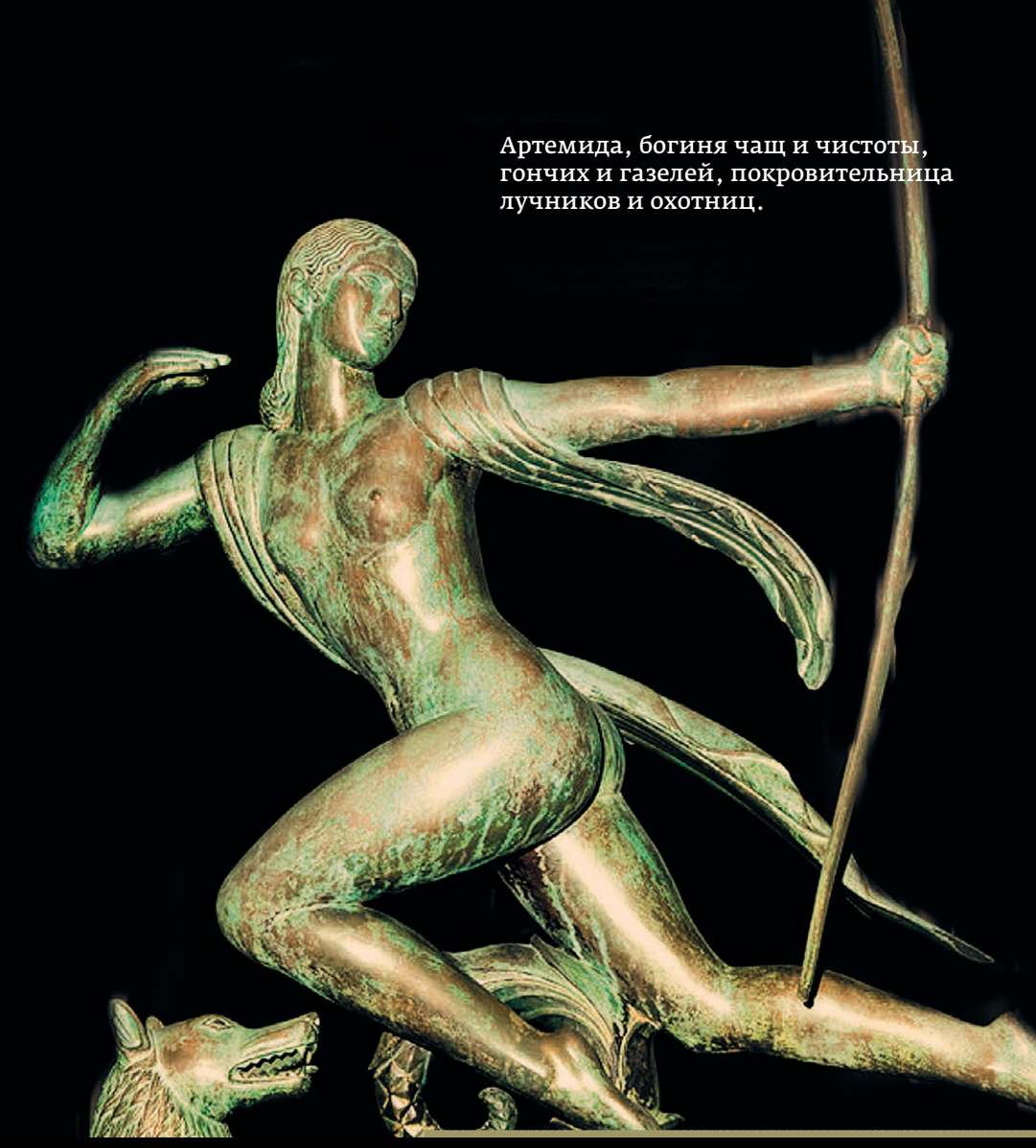


Оснащенная доспехами, щитом,
копьем и шлемом с плюмажем,
Афина возникает из головы своего отца Зевса.

Арес мирно спит, а Афродита бодрствует,
чуткая и бдительная.



Афина Паллада,
богиня войны.

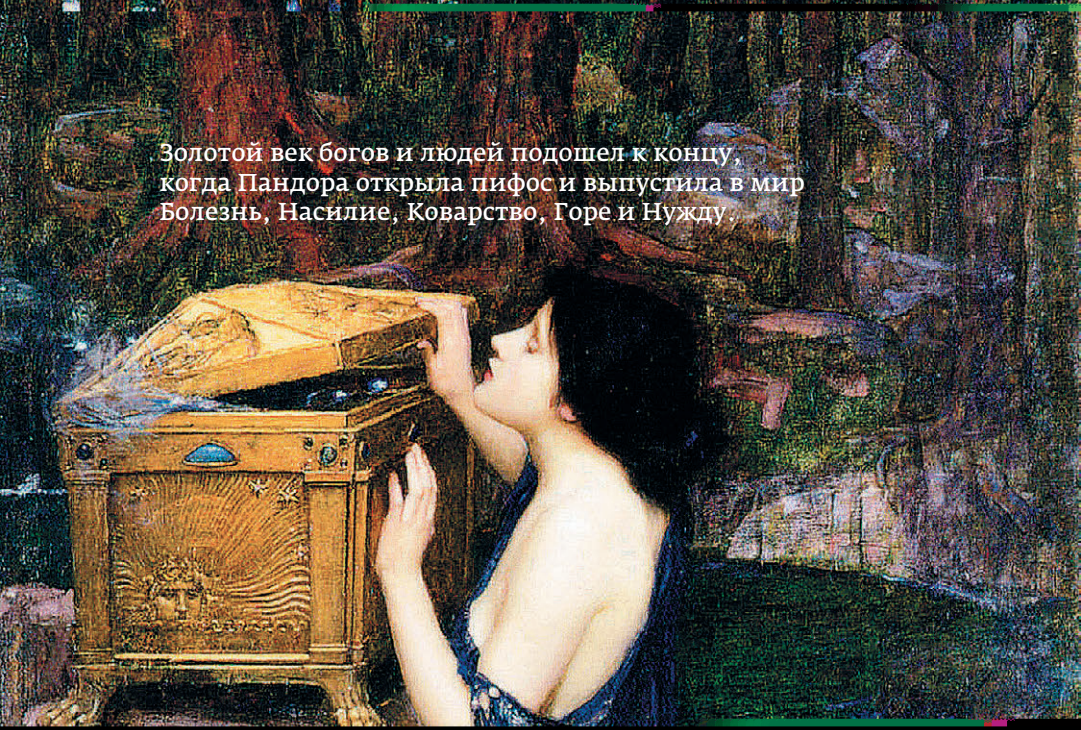


Артемида, богиня чащ и чистоты, гончих и газелей, покровительница лучников и охотниц.

Зевс воззвал к Прометею: “Ты вечно пребудешь прикованным к этой скале. Каждый день эти орлы будут прилетать и рвать тебе печень — как ты рвал мне сердце. Поскольку ты бессмертен, за ночь исцелишься. Эта пытка никогда не закончится”.

Эрот и Психея…
Купидон и Анима…
Любовь и Душа.

В тот миг, когда дух человека покидал тело, Гермес или Танатос вели его к подземной пещере, где река Стикс (Ненависть) сливалась с рекой Ахерон (Скорбь). Там сумрачный молчаливый Харон протягивал руку, чтобы получить плату за перевоз души через Стикс.



Золотой век богов и людей подошел к концу, когда Пандора открыла пифос и выпустила в мир Болезнь, Насилие, Коварство, Горе и Нужду.

Полгода Персефона была царицей преисподней. На остальные полгода она возвращалась к своей матери Деметре смешливой Корой — богиней плодородия, пыльцы и проказливости.

Фаэтон вымолил у своего отца разрешение вести по небу колесницу Солнца.

Силен, пузатый наставник Диониса, в сопровождении силенов — похожих на сатиров существ, всегда олицетворявших дух пасничанья, пирушек и проделок.

Чтобы наказать Марсия за его гибрис — за то, что он бросил вызов олимпийцу, Аполлон спустил с живого сатира шкуру.

Арахна, возгордившись своим мастерством пряхи, вызвала олимпийское божество на состязание.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 9
Мир греческого мифа 14
Родословное древо олимпийцев 16

НАЧАЛО ✵ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Из Хаоса 21
Первое поколение 25
Второе поколение 27
Месть Геи 29
Серп 37
Ночь и день, свет и тьма 39
Уран оскопленный 43
Эринии, гиганты и мелии 45
Из пены 48
Рея 49
Дети Реи 51
Подмена 53
Критское дитя 55
Клятва верности 56
Критский мóлодец 57
Океанида и зелье 59
Перерождение пяти 62

НАЧАЛО ▣ ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Битва титанов 69
Приумножение 72
Музы 73
Тройняшки 78

Духи воздуха, земли и воды 82
Верховный владыка и судия всей Земли 84
Третье поколение 89
Гестия 90
Лотерея 92
Аид 93
Посейдон 96
Деметра 98
Гера 99
Новый дом 101
Недомерок 102
Это война 103
Заколдованный трон 104
Калека 105
Рука Афродиты 107
Свадебный пир 110
Пища богов 116
Гадкий Зевс 117
Мать всех мигреней 120
Афина 123
Внутренняя Метида 126
В поиске убежища 127
Двойняшки! 130
Артемида 131
Аполлон 134
Гнев Геры 136
Майя, Майя 140
Чудо-чадо 141
Аполлон читает знаки 144
Сводные братья 145
Двенадцатый бог 150
Олимпийцы 153

ИГРУШКИ ЗЕВСА ❀ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Прометей 159
Замесить и обжечь 164
Сокращенный набор 166
Имя подобрано 169
Золотой век 172
Стебель фенхеля 174
Дар огня 176
Кары 179
Дар 179
Братья 182
Раскрыл — много крыл 183
Сундук, воды и Геины кости 187
Смерть 192
Прометей прикованный 196
Персефона и колесница 201
Гранатовые зернышки 205
Гермафродит и Силен 207
Купидон и Психея 211
Эроты 211
Любовь, любовь, любовь 213
Психея 215
Пророчество и оставленность 217
Зачарованный замок 220
Голоса, грезы и гость 222
Сестры 227
Капля масла 233
Одна 239
Задания Афродиты 242
Единение любви и души 246

ИГРУШКИ ЗЕВСА ◎ ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Смертные 251
Ио 251
Пропитанный семенем шарф 257
Фаэтон 259
Сын Солнца 259
Отец и Солнце 264
Заря 270
Поездка 271
Падение 273
Кадм 277
Белый бык 277
Поход за Европой 280
Оракул вещает 282
Фокидские игры 284
Водяной дракон 287
Зубы дракона 291
Свадьба Кадма и Гармонии 294
Поверженные в прах 298
Рожденный дважды 301
Орел приземляется 301
Жена орла 304
Явление 308
Новенький бог 311
Тринадцать за столом 315
Прекрасные и проклятые 319
Сердитые богини 319
Актеон 319
Эрисихтон 321
Врач и ворона 327
Рождение медицины 327

Преступление и наказание 335
Иксион 336
Последствия 339
Тантал 341
Сизиф 345
Братская любовь 345
Сизифовы труды 349
Орел 352
Обманщик Смерти 354
Жизнь без смерти 357
Погребальный ритуал 360
Перекати-камень 364
Гибрис 367
Сплошные слезы 367
Аполлон и Марсий: надутые щеки 371
Состязание 373
Суд 376
Арахна 379
Пряха 379
Поединок прях 382
Награда 387
Другие метаморфозы 389
Нис и Скилла 390
Каллисто 391
Прокна и Филомела 392
Ганимед и орел 394
Любовники зари 398
Лелап и Алопекс теумесиос 403
Эндимион 407
Эос и Тифон 409
Любовь с первого взгляда 410
Милость 411

Осторожнее с желаниями 414
Кузнечик 415
Цветение юности 419
Гиацинт 419
Крокус и Смилакс 420
Афродита и Адонис 421
Эхо и Нарцисс 427
Тиресий 427
Нарцисс 429
Эхо 431
Эхолалия 434
Эхо и Нарцисс 436
Юноша в воде 441
Жалость богов 443
Влюбленные 445
Пирам и Фисба 445
Галатеи 451
Акид и Галатея 451
Галатея II 452
Левкипп II, Дафна и Аполлон 453
Галатея III и Пигмалион впридачу 455
Геро и Леандр 464
Арион и дельфин 469
За бортом 471
Изваяние 476
Филемон и Бавкида,
или Вознагражденное гостеприимство 481
Фригия и Гордиев узел 491
Мидас 495
Безобразный незнакомец 495
Златоперст 499
Уши царя Мидаса 502

ПРИЛОЖЕНИЯ

К слову о братьях 509
Надежда 514
Гигантские скачки 515
Стопы и пяди 517

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Миф — легенда — религия 520
Греки 522
Местоположение, местоположение 523
Древние источники 524
Современные источники 527
Написание имен 528
Произношение имен 529

Благодарности 531
Иллюстрации 533

СТИВЕН ФРАЙ

МИФ

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ
В ПЕРЕСКАЗЕ

Перевод Шаши Мартынова
Редактор Максим Немцов
Художник Андрей Бондаренко
Корректоры Ирина Белякова, Елена Кочугова
Верстка Марат Зинуллин
Главный редактор Игорь Алюков
Директор издательства Алла Штейнман

Подписано в печать 23.04.2018. Формат 60 × 90/16
Печать офсетная. Усл. изд. л. 34. Заказ № 3528/18
Тираж 10 000 экз. Бумага офсетная пухлая *Classic*

Издательство "Фантом Пресс":
Лицензия на издательскую деятельность код 221
серия ИД № 00378 от 01.11.99 г.

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700
Тел. (495) 787-34-63
Электронная почта: phantom@phantom-press.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии в ООО "ИПК Парето-Принт",
170546, Тверь, Промышленная зона Боровлёво-1,
комплекс № 3 "А"
www.pareto-print.ru

По вопросам реализации книг издательства
обращаться по тел./факсу (495) 787-36-41.

ISBN 978-5-86471-787-5